DETECTED

ДЕВУШКА С ТАТУИРОВКОЙ ДРАКОНА

Продолжение культовой трилогии

Annotation

Очень хорошо. Очень хорошо, что последний недописанный роман Стига Ларссона стал доступен читателям. Еще в 2011 году гражданская жена Стига заявила, что готова закончить роман мужа. Однако понадобилось 4 года, чтобы продолжение трилогии наконец вышло в свет. Честь завершить труд Ларссона выпала известному шведскому писателю и журналисту Давиду Лагеркранцу.

Новые времена настали в жизни Лисбет Саландер и Микаэля Блумквиста. Каждый из героев занят своими проблемами. Лисбет объявила войну криминальной империи своего отца, стремясь изничтожить даже самые малые ее остатки. У Микаэля трудный период – критики и коллеги устроили ему травлю, упрекая в утрате профессионализма, а его журналу «Миллениум» грозит «недружественное поглощение» крупным медиаконцерном.

И все же хакерше и журналисту суждено встретиться снова. Блумквист ввязался в новое крупное расследование – убит знаменитый шведский ученый в области искусственного интеллекта. А Саландер вычислила, что за этим преступлением стоит ее самый злейший враг после Залы. И этот враг уже сплел свою смертельную паутину…

Давид Лагеркранц
Девушка, которая застряла в паутине

David Lagercrantz
Det som inte dödar oss

Пролог

Год назад, на рассвете

Эта история начинается со сна, причем не слишком примечательного. Всего лишь рука, которая ритмично и истово бьет по матрасу в старой комнате на улице Лундагатан.

Тем не менее сон вынуждает Лисбет Саландер встать с постели при первых проблесках рассвета. Она садится за компьютер и начинает охоту.

Часть I
Бдительное око

1–21 НОЯБРЯ

АНБ, Агентство национальной безопасности, является федеральной организацией, подчиняющейся Министерству обороны США. Ее штаб-квартира располагается в Форт-Миде, штат Мэриленд, вдоль шоссе Патаксент.

С момента основания в 1952 году АНБ занимается радиоэлектронной разведкой – на сегодняшний день, прежде всего, в области Интернета и телефонного трафика. Организация раз за разом получала все большие полномочия и в настоящее время ежедневно контролирует более двадцати миллиардов разговоров и писем.

Глава 1

Начало ноября

Франс Бальдер всегда считал себя плохим отцом.

Несмотря на то, что Августу уже исполнилось восемь, он еще даже толком не пробовал брать на себя роль отца, да и сейчас трудно было утверждать, что эта задача ему особенно по душе. Но он считал это своим долгом. Мальчику явно плохо приходилось у его бывшей жены и ее проклятого мужа, Лассе Вестмана.

Поэтому Франс Бальдер, уволившись с работы в Силиконовой долине, прилетел домой и теперь в состоянии, близком к шоковому, стоял в аэропорту Арланда, ожидая такси. Погода была адская. Шквалистый ветер хлестал его по лицу дождем, и Бальдер в сотый раз задумался над тем, правильно ли поступил.

Такой эгоцентричный псих, как он, собрался стать полноценным отцом – ну не безумие ли? С таким же успехом Франс мог бы взяться за работу в зоопарке. Он ничего не знал о детях и почти ничего не знал о жизни вообще. И, что самое удивительное, его никто об этом не просил. Ему не звонили ни мама, ни бабушка, его не умоляли и не призывали взять ответственность на себя.

Решение он принял сам и теперь намеревался, вопреки старому постановлению суда об опеке, без всякого предупреждения просто прийти к бывшей жене и забрать сына к себе. Наверняка разразится скандал. Ему наверняка достанется по первое число от проклятого Лассе Вестмана. Однако теперь уже ничего не поделаешь, и он вскочил в такси. Женщина-водитель истово жевала резинку и всячески пыталась завязать с ним беседу. У нее ничего бы не получилось даже в один из его лучших дней. Болтать Франс Бальдер не любил.

Он просто сидел на заднем сиденье в мыслях о сыне и обо всем произошедшем за последнее время. Август был не единственной или даже не главной причиной того, что он уволился из «Солифона». Вся его жизнь находилась на стадии перелома, и на мгновение он задумался над тем, хватит ли у него сил. По пути в район Васастан он вдруг почувствовал себя совершенно обескровленным, но подавил порыв на все наплевать. Отступать было нельзя.

На улице Торсгатан Франс Бальдер расплатился, вынул из такси багаж

и оставил его в подъезде, а с собой наверх взял только пустую дорожную сумку с красочной картой мира, которую купил в международном аэропорту Сан-Франциско. Перед дверью в квартиру остановился, тяжело дыша, закрыл глаза и стал представлять себе все возможные сцены скандалов и безумия. «Да и кто, собственно, сможет их осудить?» – подумал он. Нормальный человек не должен ни с того ни с сего являться и выдергивать ребенка из привычной среды, а уж тем более отец, все участие которого раньше сводилось лишь к переводу денег на банковский счет. Но ситуация представлялась ему экстраординарной, поэтому, как бы ему ни хотелось сбежать, Франс расправил грудь и позвонил.

Поначалу никто не ответил. Затем дверь распахнулась, и на пороге предстал Лассе Вестман. У него были выразительные голубые глаза, мощная грудь и огромные ручищи, словно созданные для того, чтобы наносить людям увечья, благодаря чему его часто приглашали играть в кино гнусных типов, хотя ни одна из его ролей – в этом Франс Бальдер был убежден – не отличалась такой гнусностью, как та, которую он играл в жизни.

– О, Господи, – произнес Лассе. – Ничего себе. К нам пожаловал гений собственной персоной.

– Я здесь, чтобы забрать Августа, – сказал Бальдер.

– Что?

– Ларс, я намерен забрать его с собой.

– Ты, наверное, шутишь.

– Я никогда еще не был так серьезен.

Тут из расположенной слева комнаты появилась его бывшая жена Ханна, правда, уже не такая красивая, как раньше. Она пережила слишком много несчастий и к тому же, вероятно, злоупотребляла сигаретами и алкоголем. Тем не менее у него сжалось сердце от неожиданно нахлынувшей нежности, особенно когда он заметил у нее на шее синяк и почувствовал, что она все-таки хочет сказать ему что-то приветливое. Но Ханна даже не успела открыть рот.

– С чего это ты вдруг решил проявить заботу? – спросил Вестман.

– Потому что уже хватит. Августу необходим надежный дом.

– И ты сможешь ему его предоставить, гениальный изобретатель? Ведь ты же никогда ничего не делал, только пялился в компьютер.

– Я изменился, – ответил он, почувствовав себя жалким, причем не только из-за сомнений в том, что хоть сколько-нибудь изменился.

К тому же Франс задрожал, когда к нему приблизилась мощная фигура Лассе Вестмана, с трудом сдерживавшего злость. Стало убийственно ясно,

что ему будет нечего противопоставить, если этот псих набросится на него, и что вся идея, от начала до конца, была чистым безумием. Но, как ни странно, вместо вспышки ярости или какой-нибудь сцены последовали лишь мрачная усмешка и слова:

– Так это же здорово!

– Что ты имеешь в виду?

– Что самое время, правда, Ханна? Наконец-то господин Занят собрался проявить немного чувства ответственности. Браво, браво! – продолжил Лассе, театрально хлопая в ладоши.

Задним числом Бальдера больше всего напугало именно это – то, с какой легкостью они отпустили мальчика. Позволили забрать его, не протестуя, разве что чисто символически. Возможно, они рассматривали Августа исключительно как бремя. Откуда Франсу было знать? Ханна периодически бросала на него непонятные взгляды, руки у нее дрожали, зубы были стиснуты. Но она задала слишком мало вопросов. Ей следовало устроить перекрестный допрос, высказать тысячу требований и наставлений, волноваться из-за того, что у мальчика нарушится привычная жизнь…

– Ты уверен? Ты справишься? – лишь спросила она.

– Я уверен, – ответил он, после чего они пошли в комнату Августа, где Франс увидел его впервые за год с лишним и устыдился.

Как он мог бросить такого мальчика? Такого удивительно красивого, с пышными кудрявыми волосами, худенького, с серьезными голубыми глазами, полностью погруженными в огромный пазл с изображением парусника… Весь облик сына, казалось, кричал: «Не мешайте мне!», и Франс просто медленно подошел к нему, словно приблизился к незнакомому и непредсказуемому существу.

Однако ему удалось отвлечь мальчика, убедить дать руку и вывести его в коридор. Этого Франсу не забыть никогда. Что Август подумал? На что рассчитывал? Он не взглянул ни на него, ни на мать и, естественно, проигнорировал прощальные слова и взмахи рук. Просто удалился с Франсом в лифте. Только и всего.

Август был аутистом. Вероятно, у него также имелись серьезные отклонения в умственном развитии, хотя однозначного подтверждения они не получили, и, глядя на него со стороны, можно было заподозрить обратное. Благодаря изысканному сосредоточенному личику мальчик излучал королевское величие или, по крайней мере, ауру, говорившую о том, что он не видит смысла в общении с окружающим миром. Однако при

ближайшем рассмотрении становилось заметно, что взгляд у него словно бы с пеленой, и к тому же он пока еще не произнес ни единого слова.

Тем самым он не оправдал прогнозов, полученных в двухлетнем возрасте. В то время врачи считали, что Август, скорее всего, принадлежит к меньшинству детей-аутистов, обладающих нормальными способностями, и при проведении интенсивной поведенческой терапии у него все-таки имеются довольно хорошие предпосылки. Однако их надежды совершенно не оправдались, и, по правде говоря, Франс не знал, что произошло со всеми деньгами, предназначенными для помощи и поддержки, или даже с обучением мальчика в школе. Бальдер жил в собственном мире, сбежал в США и угодил в конфликтные отношения со всеми сразу.

Он поступил, как идиот. Но теперь ему предстояло вернуть долг и позаботиться о сыне, и он с жаром принялся за дело. Заказал медицинские карты, обзвонил специалистов и педагогов – и быстро понял, что деньги, которые он посылал, тратились не на Августа, а разошлись на что-то другое; наверняка на загулы и карточные долги Лассе Вестмана. Мальчика, похоже, в основном оставляли плыть по течению, позволяя ему закоснеть в навязчивых привычках, и, вероятно, подвергали намного худшим вещам, что стало одной из причин возвращения Франса домой.

Ему позвонил один из психологов, чтобы выразить беспокойство по поводу таинственных синяков на теле мальчика, и Франс тоже обратил на них внимание. Они присутствовали у Августа повсюду – на руках и ногах, на груди и на плечах. По словам Ханны, синяки появились в результате собственных припадков мальчика, когда тот метался то туда, то сюда, и Бальдеру действительно довелось наблюдать один из таких припадков уже на второй день, что напугало его до безумия. Однако, по его мнению, синяки имели какое-то иное происхождение.

Заподозрив насилие, он обратился за помощью к терапевту и бывшему полицейскому, которых знал лично, и хотя те не смогли с полной уверенностью подтвердить его подозрения, Бальдер еще больше заволновался и написал ряд официальных писем и заявлений. О мальчике он чуть ли не позабыл. Забыть о нем было на редкость легко. Август в основном сидел на полу в комнате с выходящими на море окнами, которую обустроил для него Франс на вилле в Сальтшёбадене[1], и складывал пазлы, безнадежно трудные пазлы, состоящие из сотен кусочков, которые он виртуозно составлял вместе только для того, чтобы сразу опять разбросать их и начать все заново.

Поначалу Франс смотрел на него с восхищением. Это было все равно, что наблюдать за работой великого художника, и иногда у него возникала

иллюзия, что мальчик в любой момент поднимет глаза и скажет ему что-нибудь совершенно взрослое. Но Август не произносил ни слова, а если поднимал голову от пазла, то смотрел мимо него в сторону окна и отражавшегося в воде солнечного света, и в конце концов Франс оставил его в покое. Август получил возможность сидеть в одиночестве, и, честно говоря, Франс редко выводил его на улицу, даже в сад.

Чисто формально Бальдер не имел права заботиться о мальчике и не хотел чем-либо рисковать, прежде чем наведет порядок в юридической стороне вопроса, поэтому все покупки, приготовление еды и уборку он препоручил домоправительнице Лотти Раск. По этой части Франс силен не был. Он хорошо разбирался в компьютерах и алгоритмах, но больше почти ни в чем, и чем дальше, тем больше занимался ими и перепиской с адвокатами, а по ночам спал так же плохо, как в США.

Вскоре ему предстояли вызовы в суд и разные бури, и по вечерам он выпивал бутылку красного вина, обычно «Амароне», но помогало это лишь на короткое время. Чувствовал он себя все хуже и мечтал о том, чтобы раствориться в воздухе или скрыться в каком-нибудь гостеприимном месте у черта на куличках. Но вот в одну ноябрьскую субботу кое-что произошло. Вечер выдался ветреный и холодный, они с Августом шли по улице Рингвэген в районе Сёдер[2] и мерзли.

Перед этим они ужинали у Фарах Шариф, на Цинкенс-вэг, и Августу давно пора было спать. Но ужин затянулся, и Бальдер излишне разговорился. Фарах Шариф обладала способностью вызывать людей на откровенность. Они с Франсом знали друг друга еще по лондонскому Империал-колледжу, где вместе изучали компьютерные науки, а на сегодняшний день Фарах была одной из немногих в стране, кто соответствовал уровню Франса или, по крайней мере, мог достаточно хорошо следить за ходом его мыслей, и для него было невероятным освобождением встретиться с понимающим человеком.

Впрочем, она ему еще и нравилась, однако, несмотря на неоднократные попытки, ему так и не удалось ее соблазнить. Соблазнять женщин Бальдер умел плохо. Но на этот раз ему на прощание досталось объятие, почти поцелуй, и Франс расценил это как большой успех, о чем он и думал, когда они с Августом проходили мимо стадиона «Цинкенсдамм». Франс решил, что в следующий раз наймет няню и тогда, возможно… Как знать?

Неподалеку лаяла собака. Позади него кричала женщина – то ли от возмущения, то ли от радости, сразу не разберешь, – но он смотрел в сторону улицы Хурнсгатан и перекрестка, где намеревался поймать такси

или сесть на метро, чтобы доехать до Шлюза[3]. В воздухе запахло дождем, светофор у перехода переключился на красный, на другой стороне улицы остановился потрепанный мужчина лет сорока, показавшийся Франсу смутно знакомым.

В этот момент Бальдер взял Августа за руку. Ему хотелось убедиться в том, что сын не сошел с тротуара, и тут он почувствовал: рука была напряжена так, будто мальчик на что-то сильно среагировал. Кроме того, его глаза стали пронзительными и ясными, словно с них, как от взмаха волшебной палочки, спала пелена, и вместо того, чтобы неотрывно смотреть внутрь, в собственные завихрения, Август видел в переходе и перекрестке нечто более глубокое и важное, чем остальные, поэтому Франс решил не обращать внимания на загоревшийся зеленый свет.

Он дал сыну постоять и понаблюдать за развитием событий, и непонятно почему его вдруг охватило сильное душевное волнение, что показалось ему странным. Всего лишь взгляд и только, причем не слишком светлый или радостный. Тем не менее он напомнил Франсу о чем-то далеком, забытом, дремавшем в его памяти, и впервые за долгое время собственные мысли показались ему по-настоящему обнадеживающими.

Глава 2

20 ноября

Микаэль Блумквист поспал всего пару часов, но лишь потому, что слишком зачитался детективом Элизабет Джордж. Конечно, это было не особенно разумно. В первой половине дня журнальный гуру Уве Левин из медиахолдинга «Сернер Медиа» собирался представлять «Миллениуму» свою программу, и Микаэлю следовало быть отдохнувшим и готовым к бою.

Однако проявлять разумность ему совершенно не хотелось. Он чувствовал, что ему все надоело. Блумквист нехотя встал и приготовил необычно крепкий капучино в «Jura Impressa X7» – кофеварке, доставленной ему однажды домой с запиской: «Ты скажешь: я все равно не смогу ею пользоваться», но стоявшей теперь у него на кухне, подобно памятнику лучшим временам. С приславшим кофеварку человеком у него на сегодняшний день не было никаких контактов, да и работа не слишком стимулировала их.

В прошедшие выходные он даже раздумывал, не заняться ли ему чем-нибудь другим – довольно глобальная идея для такого человека, как Микаэль Блумквист. «Миллениум» был его жизнью и страстью, и многие из лучших и наиболее драматических событий его жизни были непосредственным образом связаны с этим журналом. Однако ничто не вечно, возможно, даже любовь к «Миллениуму»; кроме того, сейчас было не самое благоприятное время для владельцев журналов, занимающихся журналистскими расследованиями.

Все публикации, ставившие перед собою крупные и амбициозные задачи, урезáлись, и он не мог отделаться от мысли, что его собственное видение «Миллениума», возможно, прекрасное и правильное в какой-то высшей перспективе, совсем не обязательно способствовало выживанию журнала.

Микаэль зашел в гостиную, потягивая кофе, и взглянул на залив Риддарфьерден. Там довольно сильно штормило. Бабье лето, озарявшее город солнцем еще добрую половину октября и позволявшее уличным кафе работать дольше обычного, резко сменилось просто адским климатом с регулярными порывистыми ветрами и ливнями, и люди в основном бегали по городу, согнувшись в три погибели. Все выходные Блумквист просидел

дома, собственно, не только из-за погоды. Он вынашивал грандиозные планы реванша, но все ушло в песок – ни то, ни другое было на него не похоже.

Микаэль отнюдь не являлся лузером, которому вечно требовалось отбиваться, и, в отличие от многих других тяжеловесов шведских СМИ, не страдал раздутым самомнением, нуждавшимся в регулярном подтверждении и подпитке. С другой стороны, у него выдалось несколько неблагоприятных лет, и всего с месяц назад репортер-экономист Уильям Борг опубликовал в принадлежащем холдингу «Сернер» журнале «Деловая жизнь» обзор под заглавием: «Время Микаэля Блумквиста прошло».

Сама по себе публикация, да еще с таким громким названием, была, конечно, всего лишь признаком того, что позиции Блумквиста по-прежнему сильны, и никто не утверждал, что статья отличалась особенно удачными формулировками или оригинальностью. Пожалуй, от нее можно было бы с легкостью отмахнуться как от нападок завистливого коллеги. Но по какой-то причине – задним числом уже не понять, по какой именно, – все это разрослось в нечто большее, что поначалу могло, вероятно, истолковываться как дискуссия о профессии репортера – надо ли, «как Блумквист, все время искать в экономике страны ошибки и держаться за устаревшую журналистику семидесятых годов», или надо, как сам Уильям Борг, «отбросив всяческую зависть, видеть величие выдающихся предпринимателей, ускоривших развитие Швеции».

Однако шаг за шагом дискуссия вышла за эти рамки, и уже начали злобно утверждать, что Блумквист не случайно оказался в последние годы в хвосте, «поскольку он, похоже, исходит из того, что все крупные предприятия жульничают», и поэтому ведет «свои расследования слишком жестко и слепо». Говорилось, что подобное в конечном счете непременно ждет кара. Впридачу ко всему даже о старом архибандите Хансе-Эрике Веннерстрёме, которого Блумквист, как утверждалось, довел до смерти, писали с некоторой симпатией, и хотя серьезные СМИ оставались в стороне, в социальных СМИ оскорбления выплескивались оптом и в розницу, причем нападки исходили не только от экономических репортеров и представителей деловых кругов, у которых имелись причины наброситься на врага, раз он в данный момент вроде бы ослаб.

Ряд молодых журналистов тоже не упустили шанса заявить о себе, они указывали, что Микаэль Блумквист даже мыслит не современно, не пользуется ни «Твиттером», ни «Фейсбуком», и его прямо-таки следует рассматривать как реликвию из минувших времен, когда имелись деньги на то, чтобы копаться в любых старых кипах бумаг. Или же народ просто

пользовался случаем прицепиться и создавать забавные хэштеги типа «*#какбовременаблумквиста*» и тому подобные. В целом все это было кучей разных глупостей, и уж его-то подобная ерунда волновала меньше всех – по крайней мере, так он себе внушал.

С другой стороны, нельзя сказать, чтобы ситуацию улучшало то, что со времен дела Залаченко хорошего материала у него не было и что «Миллениум» действительно пребывал в кризисе. Тираж по-прежнему находился на приличном уровне – двадцать одна тысяча подписчиков. Но доходы от объявлений и рекламы катастрофически сокращались, а дополнительных средств от книг-бестселлеров больше не поступало, и поскольку совладелица, Харриет Вангер, не имела возможности вкладывать дополнительный капитал, правление против воли Микаэля позволило норвежской журнальной империи «Сернер» купить тридцать процентов акций. Это было не столь странным, как казалось или, по крайней мере, как казалось поначалу. Медиахолдинг «Сернер» издавал еженедельники и вечерние газеты, владел большим сайтом знакомств, двумя платными телевизионными каналами и футбольной командой из высшего дивизиона Норвегии, и, казалось бы, не имел никакого отношения к такому журналу, как «Миллениум».

Однако представители «Сернер» – прежде всего шеф отдела публицистики Уве Левин – заверили, что нуждаются в престижном издании и что «все» руководство восхищается «Миллениумом» и больше всего хочет, чтобы журнал оставался прежним. «Мы здесь не для того, чтобы зарабатывать деньги, – как выразился Левин. – Мы хотим делать нечто важное». И он сразу позаботился о существенной добавке в кассу журнала.

Поначалу «Сернер» не вмешивался в редакционную работу. Деятельность шла своим чередом – правда, с чуть лучшим бюджетом, – и по редакции распространилось новое ощущение надежды; иногда оно возникало даже у Микаэля Блумквиста, почувствовавшего, что он, в виде исключения, может посвятить время журналистике, а не волнениям из-за финансовой ситуации. Но приблизительно одновременно с началом гонений на него журналиста не покидали подозрения, что холдинг воспользовался ситуацией – тон изменился, и появились первые случаи давления.

Разумеется, Левин сказал, что журнал будет продолжать докапываться до глубины, сохранит литературную форму изложения, социальный пафос и тому подобное. Но ведь необязательно посвящать все статьи нарушениям в области экономики, несправедливостям и политическим скандалам. Он заявил, что о гламурной жизни – о знаменитостях и премьерах – тоже

можно делать прекрасные репортажи, и принялся вдохновенно говорить о журналах «Вэнити фэйр» и «Эсквайр» в США, о Гее Телизе и его классическом портрете Синатры – «Frank Sinatra has a Cold»[4], а также о Нормане Мейлере, Трумене Капоте, Томе Вулфе[5] и еще бог знает о чем.

По существу, Блумквист ничего не мог возразить – тогда. Он сам всего полгода назад написал длинный репортаж об индустрии папарацци, и если б нашел хороший и серьезный угол зрения, то сумел бы описать любую незначительную персону. Микаэль обычно говорил, что качество журналистики определяется не темой, а подходом. Нет, воспротивился он тому, что почувствовал между строк: это прелюдия к более существенному вмешательству, а «Миллениум» начинал становиться для холдинга таким же, как любой другой журнал, то есть изданием, которое можно менять как угодно, пока оно не станет прибыльным – и выхолощенным.

Поэтому, услыхав о том, что Уве Левин нанял консультанта и велел тому провести целый ряд обследований рынка, о результатах которых намерен доложить в понедельник, Микаэль просто-напросто отправился в пятницу после обеда домой и долго, сидя за письменным столом или лежа в постели, формулировал разные пламенные речи о том, почему «Миллениум» обязан держаться за собственную концепцию. В пригородах происходят беспорядки. В риксдаге сидит партия с откровенно неприязненным отношением к иностранцам. Растет нетерпимость. Фашизм укрепил свои позиции, повсюду есть бездомные и нищие. Швеция стала во многих отношениях постыдной страной. Блумквист сформулировал множество прекрасных, возвышенных фраз и в мечтах пережил целый ряд фантастических триумфов, произнеся так много метких и убедительных слов, что вся редакция и даже весь холдинг «Сернер» очнулись от своих ошибочных представлений и дружно решили следовать за ним.

Однако по здравому размышлению Микаэль осознал, насколько легковесны подобные слова, если никто не верит в них чисто экономически. *Money talks, bullshit walks*[6] и все такое! Прежде всего, журнал должен окупаться. А уже потом можно изменять мир. Только так, а не иначе, и вместо планирования сердитых речей он задумался, нельзя ли подыскать хороший материал. Надежда на мощное разоблачение, возможно, смогла бы пробудить у редакции уверенность в себе и заставить их всех наплевать на исследования и прогнозы Левина в отношении замшелости «Миллениума», или что там Уве задумал им выложить.

Со времени своей сенсационной публикации Блумквист стал чем-то вроде новостного центра. Ежедневно он получал наводки на

правонарушения и темные дела. В большинстве своем, по правде говоря, это была чистейшая ерунда. Разные правдоискатели, заговорщики-теоретики, вруны и выскочки поставляли ему истории самого бессмысленного свойства, не выдерживавшие даже поверхностной проверки, или, по крайней мере, недостаточно интересные, чтобы вылиться в статью. С другой стороны, за чем-то совершенно банальным или будничным иногда крылся великолепный материал. Простое дело, связанное со страховкой, или тривиальное заявление об исчезновении человека могло вмещать в себя большую историю общечеловеческого уровня. Никогда точно не знаешь. Надо все методично изучать на свежую голову, и поэтому в субботу утром Микаэль уселся с ноутбуком и блокнотами и стал штудировать все, что у него имелось.

Он просидел до пяти часов и, в общем-то, обнаружил кое-что, увлекшее бы его лет десять назад, но теперь не вызвавшее особого энтузиазма – классическая проблема, уж кому-кому, а ему хорошо известная. После нескольких десятилетий в профессии большинство тем кажется знакомыми, и хотя ты умом понимаешь, что какой-то материал хорош, он все равно тебя не увлекает. Когда вдобавок на крышу обрушился холодный проливной дождь, Микаэль прервал работу и переключился на Элизабет Джордж.

Это не только эскапизм, убеждал он себя. Иногда самым лучшим идеям надо вылежаться, говорил его опыт. Если заняться чем-то другим, фрагменты мозаики могут внезапно встать на свои места. Однако никакой другой конструктивной мысли, кроме того, что следует почаще лежать, читая хорошие романы, ему в голову не пришло, и к утру понедельника, снова принесшему отвратительную погоду, Блумквист успел проглотить полтора детектива Джордж плюс три старых номера журнала «Нью-Йоркер», давно пылившихся у него на ночном столике.

И вот теперь Микаэль сидел на диване в гостиной с чашкой капучино в руках и смотрел на непогоду за окном. Чувствовал он себя усталым и безразличным ко всему вплоть до того момента, как резким рывком – словно внезапно решив, что вновь обрел дееспособность, – поднялся, натянул ботинки и зимнее пальто и вышел из дома. На улице было на редкость противно.

Леденящие порывы ветра с дождем пронизывали до мозга костей, и Микаэль быстрым шагом двинулся в сторону улицы Хурнсгатан, казавшейся необычайно серой. Весь район Сёдер словно бы лишился своих красок. Даже ни единого сверкающего осеннего листочка не кружило в

воздухе. Опустив голову и скрестив руки на груди, Блумквист продолжил путь мимо церкви Марии Магдалины к Шлюзу, а затем свернул направо, на холм Гётгатсбаккен и, как обычно, зашел в здание между магазином одежды «Монки» и пабом «Индиго». Поднявшись в редакцию, находившуюся на четвертом этаже, прямо над помещениями Гринпис, он уже при входе услышал шум голосов.

Внутри оказалось необычно много народу. Тут была редакция в полном сборе, плюс главные внештатные сотрудники, а также три представителя «Сернер» – два консультанта и Уве Левин, который по случаю такого дня оделся даже чуть более демократично. Он уже не походил на директора и явно подцепил несколько новых выражений, в частности, простонародное «здоро́во».

– Здоро́во, Микке, как дела?

– Это зависит от тебя, – ответил Блумквист, в принципе ничего худого не имея в виду.

Однако он заметил, что это было воспринято как объявление войны, и, сдержанно кивнув, прошел дальше и сел на один из стульев, расставленных в редакции, как в небольшой аудитории.

Уве Левин откашлялся и нервно взглянул в сторону Микаэля Блумквиста. Знаменитый репортер, казавшийся в дверях настроенным воинственно, теперь выглядел вежливо заинтересованным и не проявлял никаких признаков стремления ссориться или аргументировать. Впрочем, Уве это ничуть не успокоило. Когда-то они с Блумквистом вместе замещали штатных репортеров в газете «Экспрессен». Писали они в то время в основном новости короткой строкой и кое-какую чушь. Зато потом, в кафе, мечтали о солидных репортажах и разоблачениях, часами рассуждая о том, что никогда не станут довольствоваться чем-то традиционным или сглаженным, а всегда будут докапываться до глубины. Молодым и амбициозным, им хотелось всего сразу. Порой Уве скучал по тому времени – не по зарплате, разумеется, или по работе, или даже по вольной жизни с барами и девушками, – а по мечтам: ему не хватало в них мощи. Он временами тосковал по клокочущему желанию изменить общество и журналистику и писать так, чтобы мир замирал, а власти пригибались, и, конечно, даже такой большой человек, как он, неизбежно иногда задавался вопросом: «Что со всем этим стало? Куда подевались мечты?»

А Микке Блумквист воплотил в жизнь каждую из них – и не только потому, что являлся автором нескольких наиболее громких за последнее время разоблачений. Он к тому же писал именно с теми силой и пафосом, о

которых они некогда мечтали, и никогда не сгибался под нажимом властей и не шел на компромисс со своими идеалами, в то время как сам Уве… Да, но ведь отличную карьеру-то сделал он? На сегодняшний день Левин зарабатывал наверняка в десять раз больше Блумквиста, что его безумно радовало. Какую пользу принесли Микке его сенсации, если он не мог даже купить себе более крутую дачу, чем малюсенький домик в Сандхамне? Господи, что такое эта хибара по сравнению с новым домом Уве в Каннах? Ничто!.. Нет, правильный путь избрал он, а не другие.

Вместо того чтобы корпеть в разных ежедневных газетах, Уве нанялся в «Сернер» медийным аналитиком и сумел завязать личные отношения с самим Хоконом Сернером, что изменило его жизнь и сделало богатым. Сегодня в его ведении находилась публицистика целого ряда крупных журнальных издательских домов и каналов, и ему это очень нравилось. Он обожал власть, деньги и все, что отсюда вытекало. Но тем не менее… он был достаточно великодушен, чтобы признаваться, что иногда мечтает и о другом, разумеется, в ограниченных дозах, но все-таки. Ему хотелось еще считаться отличным публицистом – таким, как Блумквист, и наверняка именно поэтому он так жестко настаивал на покупке концерном акций «Миллениума». Маленькая птичка принесла ему на хвосте, что журнал пребывает в экономическом кризисе и что главный редактор Эрика Бергер, в которую Уве всегда был тайно влюблен, хочет сохранить двоих сотрудников из последнего набора – Софи Мелкер и Эмиля Грандена, – а без новых капиталовложений в журнал ей это едва ли удастся.

Короче говоря, Уве увидел, что открылась неожиданная возможность стать совладельцем одного из крупных и престижных изданий Швеции. Правда, нельзя сказать, что руководство «Сернер» проявило особый энтузиазм. Напротив, там стали поговаривать, что «Миллениум» старомоден, отличается левой ориентацией и имеет тенденцию конфликтовать с важными рекламодателями и партнерами, и не аргументируй Уве столь пылко, дело наверняка бы ушло в песок. Но он упорствовал. Инвестиция в «Миллениум» является в общем контексте пустяковой суммой, говорил он, незначительным вложением, которое, скорее всего, не принесет сверхприбыли, но зато поможет создать нечто куда более важное – доверие, а на данном этапе, после всех сокращений и кровавых бань, о «Сернер» можно было сказать что угодно, но уровень доверия не являлся главным достоинством холдинга, и поэтому вложение в «Миллениум» могло бы стать показателем того, что он все-таки проявляет интерес к журналистике и свободе слова. Правление «Сернер», разумеется, не отличалось излишней любовью к свободе слова или журналистским

расследованиям а-ля «Миллениум». Но, с другой стороны, чуть больше доверия им бы не повредило. Это все-таки понимали все, поэтому Уве удалось добиться покупки, и долгое время она казалась удачей для обеих сторон.

«Сернер» приобрел хорошее паблисити, а «Миллениум» смог сохранить персонал и сделать ставку на то, в чем журнал был силен, – глубоко копающие, хорошо написанные репортажи. Сам же Уве сиял, точно солнце, и даже принял участие в дебатах в Клубе журналистов, где со всей скромностью заявил:

– Я верю в это замечательное предприятие. Я всегда боролся за журналистские расследования.

Но потом… об этом ему думать не хотелось. Началась травля Блумквиста, и Уве это особенно не расстроило – во всяком случае, поначалу. С тех самых пор, как Микаэль стал большой звездой на небосклоне журналистики, Левин не мог втайне не радоваться, когда Блумквиста высмеивали в СМИ. Впрочем, на этот раз удовлетворение продолжалось недолго. Юный сын Сернера – Торвальд – заметил шумиху в социальных СМИ и раздул из нее целое дело – разумеется, не потому, что его волновала суть. Торвальд был не из тех парней, кого интересуют взгляды журналистов. Он любил власть, обожал интриговать и усмотрел здесь шанс заработать несколько очков или просто утереть нос старшему поколению правления, и за короткое время сумел заставить исполнительного директора Стига Шмидта – который совсем недавно не имел для подобных мелочей времени – заявить, что никаких привилегий «Миллениуму» они предоставлять не будут, и журналу придется приспосабливаться к новому времени наравне с остальными изданиями холдинга.

Уве, как раз успевший заверить Эрику Бергер в том, что не станет вмешиваться в работу редакции, разве только как «друг и советчик», почувствовал, что у него связаны руки, и был вынужден вести сложную закулисную игру. Он всеми возможными способами пытался увлечь Эрику, Малин и Кристера идеей журнала с новой целью, так четко и не сформулированной – поспешно придуманное в панике ведь редко обретает конкретные формы, – но каким-то образом направленной на омоложение и коммерциализацию «Миллениума».

Естественно, Уве раз за разом подчеркивал, что речь не идет о компромиссе в главном – об отступлении от духа журнала и его дерзкой позиции, хотя, по правде говоря, сам не был до конца уверен в том, что имеет в виду. Он знал только, что ему надо ввести в журнал больше

гламура, чтобы порадовать правление, и что длинных расследований в области экономики должно стать меньше, поскольку они могут раздражать рекламодателей и создавать правлению врагов – хотя этого он, разумеется, Эрике не говорил.

Лишних конфликтов ему не хотелось, и на встречу с редакцией Левин на всякий случай пришел одетым более демократично, чем обычно. Он не хотел провоцировать коллектив блестящими костюмами и галстуками, ставшими невероятно модными в головном офисе. Вместо этого Уве надел джинсы, простую белую рубашку и темно-синий джемпер с V-образным вырезом, даже не из кашемира, а длинные вьющиеся волосы – всегда бывшие его маленькой бунтарской уловкой – собрал в хвост, в точности как самые крутые журналисты на телевидении. Но главное, свою речь он начал исключительно смиренно, как его учили на разных курсах менеджмента:

– Всем здравствуйте! Какая кошмарная погода! Я уже несколько раз говорил, но с удовольствием повторю: мы в «Сернер» невероятно гордимся сопричастностью к вашей деятельности, а лично для меня это означает даже больше. Участие в создании таких журналов, как «Миллениум», придает моей работе весомости и заставляет меня вспомнить о том, зачем я когда-то пошел в эту профессию. Помнишь, Микке, как мы сидели в баре при Оперном театре и мечтали о том, что будем создавать вместе? Трезвее мы от этого, правда, не становились, хе-хе!

Микаэль Блумквист, похоже, ничего не припоминал. Но Уве Левин не дал себя смутить.

– Нет, нет, я не собираюсь предаваться ностальгии, – продолжал он, – да, собственно, для этого и нет повода. В то время денег в нашей отрасли было сколько угодно. Если в местечке Крокемола случалось какое-нибудь паршивое убийство, мы нанимали вертолет, бронировали целый этаж в лучшей гостинице и заказывали шампанское для вечеринки. Знаете, собираясь в первую зарубежную поездку, я спросил журналиста-международника Ульфа Нильсона, каков курс немецкой марки. Он ответил, что не имеет понятия, потому что сам устанавливает курсы валют. Хе-хе! И мы вволю раздували командировочные счета, помнишь, Микке? Пожалуй, именно тогда мы были наиболее креативными. От нас требовалось только побыстрее строчить статейки, но тем не менее мы распродавали любые тиражи. Однако с тех пор многое изменилось – мы все это знаем. Конкуренция теперь убийственная, и зарабатывать деньги на журналистике нелегко, даже являясь, как вы, лучшей редакцией Швеции, и сегодня мне бы хотелось немного поговорить о вызовах будущего. Я отнюдь не воображаю, что могу вас чему-то научить. Просто хочу дать вам немного

материала для дискуссии. Мы в «Сернер» заказали ряд исследований, касающихся круга ваших читателей и того, как общественность смотрит на «Миллениум». Не исключено, что некоторые результаты могут вас немного напугать. Но вместо того, чтобы расстраиваться, вы должны рассматривать это как вызов и подумать о том, что вокруг происходят просто сумасшедшие перемены.

Уве сделал маленькую паузу и задумался о том, не было ли выражение «сумасшедшие перемены» ошибкой, преувеличенной попыткой казаться расслабленным и моложавым, и вообще не получилось ли начало излишне панибратским и шутливым. «Всегда надо помнить об отсутствии у моралистов с плохой зарплатой чувства юмора», – говорил обычно Хокон Сернер. Но нет, решил Уве, я справлюсь.

Я перетащу их на свою сторону.

Микаэль Блумквист бросил слушать примерно, когда Левин стал объяснять, что они все должны задуматься над своей «дигитальной зрелостью», и поэтому пропустил мимо ушей сообщение о том, что молодое поколение не знает ни «Миллениума», ни Микаэля Блумквиста. К несчастью, именно в этот момент он почувствовал, что с него хватит, и пошел выпить кофе, а потому не имел ни малейшего представления о том, что норвежский консультант Арон Ульман, не стесняясь, заявил:

– Плачевно. Неужели он так боится оказаться забытым?

На самом же деле в данную минуту это волновало Микаэля меньше всего. Его разозлило то, что Уве Левин, похоже, полагал, будто их могут спасти анализы общественного мнения. Журнал создали не какие-то проклятые исследования рынка, а пафос и пыл. «Миллениум» достиг своей позиции потому, что они делали ставку на то, что казалось им правильным и важным, а не тыкали пальцем в небо. Микаэль долго просто стоял на кухне, прикидывая, сколько пройдет времени, прежде чем к нему выйдет Эрика.

Ответом стало примерно две минуты. По звуку ее каблуков Блумквист пытался определить, насколько она сердита. Но, оказавшись перед ним, Бергер лишь подавленно улыбнулась ему.

– Как ты? – спросила она.

– Просто не было сил слушать.

– Ты сознаешь, что людям чертовски неловко, когда ты себя так ведешь?

– Сознаю.

– И думаю, ты также понимаешь, что «Сернер» ничего не сможет

сделать без нашего разрешения. Мы по-прежнему контролируем ситуацию.

– Ни черта мы не контролируем. Мы их заложники, Рикки! Неужели тебе это не ясно? Если мы им не подчинимся, они лишат нас поддержки, и тогда мы окажемся в заднице, – сказал он чуть слишком громко и сердито, и когда Эрика, шикнув на него, покачала головой, добавил потише: – Извини. Я веду себя, как ребенок. Но сейчас я пойду обратно домой. Мне надо подумать.

– Ты стал очень сокращать себе рабочие дни.

– Думаю, у меня не отгуляны еще кое-какие давние переработки, и их можно зачесть.

– Можно. Зайти к тебе вечером?

– Даже не знаю. Правда не знаю, Эрика, – сказал он, после чего покинул редакцию и вышел на Гётгатан.

Ветер и дождь били ему в лицо, Микаэль мерз и чертыхался. На мгновение он задумался, не забежать ли ему в книжный магазин и не купить ли еще один английский детектив – чтобы отвлечься. Но вместо этого Блумквист свернул на Сант-Паульсгатан, и как раз возле суши-ресторана у него зазвонил мобильный. Микаэль был уверен, что это Эрика. Но в телефоне оказалась Пернилла, его дочь, выбравшая, пожалуй, самый неподходящий момент для общения с отцом, который уже изначально терзался угрызениями совести из-за того, что слишком мало для нее делает.

– Привет, дорогая, – отозвался он.

– Что это шумит?

– Думаю, буря.

– О’кей, о’кей, я быстренько. Я поступила на курсы для писателей и журналистов в Бископс Арнё[7].

– Значит, теперь тебе захотелось писать, – произнес Микаэль излишне сурово, почти с сарказмом, что было, разумеется, несправедливо во всех отношениях.

Ему следовало просто поздравить ее и пожелать удачи. Но Пернилла так много лет металась между странными христианскими сектами и изучала то одно, то другое, не доводя ничего до конца, что, когда она объявила о новом роде занятий, он ощутил в основном усталость.

– Это не слишком похоже на радостный возглас.

– Сорри, Пернилла. Я сегодня не в себе.

– А когда ты бываешь в себе?

– Мне просто хочется, чтобы ты нашла себе что-нибудь действительно подходящее. Я не уверен, что учиться писать – это особенно удачный

выбор, принимая во внимание то, как сейчас выглядит наша отрасль.

– Я не собираюсь заниматься какой-нибудь скучной журналистикой, как ты.

– А что же ты собираешься делать?

– Писать по-настоящему.

– О’кей, – согласился Микаэль, не спрашивая, что она под этим подразумевает. – У тебя достаточно денег?

– Я подрабатываю в «Wayne’s Coffee»[8].

– Не хочешь прийти сегодня поужинать? Мы могли бы все обсудить.

– Не успею, папа. Я только хотела сообщить, – сказала она и повесила трубку.

Несмотря на попытки увидеть положительную сторону в ее энтузиазме, Микаэль лишь пришел в еще худшее настроение и, поспешно миновав площадь Мариаторгет и улицу Хурнсгатан, добрался до своей мансарды на Бельмансгатан.

Казалось, он буквально только что отсюда вышел. У него возникло странное ощущение, будто никакой работы у него больше нет и он пребывает на пути к новой форме существования, где не надо будет вкалывать из последних сил, зато образуется масса времени, и Блумквист ненадолго задумался, не прибрать ли в квартире. Повсюду валялись газеты, книги и одежда. Однако вместо этого он достал из холодильника две бутылки пива «Пилзнер Урквел», уселся на диване в гостиной и стал все обдумывать более трезво – или, во всяком случае, настолько трезво, как смотрит на жизнь человек, принявший немного пива. Что же ему делать?

Микаэль не имел об этом никакого представления, и, пожалуй, больше всего его тревожила утрата желания бороться. Напротив, он ощущал странное смирение, как будто «Миллениум» ускользал из сферы его интересов. Он вновь подумал: «Не пришло ли время заняться чем-нибудь новым?» Конечно, это стало бы страшным предательством по отношению к Эрике и остальным. Но способен ли он на самом деле руководить журналом, существующим за счет рекламы и подписки? Возможно, он подошел бы лучше в каком-то другом месте?

Сейчас туго приходится даже таким монстрам, как большие утренние газеты, и единственное место, где есть ресурсы и деньги для журналистских расследований, это в общественно-правовом вещании, либо в «Экот»[9], либо на Шведском телевидении… ну, почему бы и нет? Микаэль подумал о Кайсе Окерстам, человеке довольно симпатичном, с которым они время от времени выпивали по паре бокалов вина. Кайса

являлась руководителем телевизионной программы, посвященной журналистским расследованиям, и год за годом пыталась переманить его к себе. Но для него это никогда не было актуальным.

Все равно, что бы она ему ни предлагала и как свято ни обещала поддержку и полную свободу, домом и сердцем для него был «Миллениум». Но теперь… он, возможно, и согласился бы, если предложение по-прежнему осталось в силе после всей той грязи, которую на него вылили. В своей профессии Блумквист делал многое, но не на телевидении – там он лишь участвовал в сотнях дискуссионных программ и утренних ток-шоу. Работа в программе, посвященной журналистским расследованиям, возможно, зажгла бы в нем новый огонь…

Зазвонил мобильный телефон, и Микаэль на мгновение обрадовался. Независимо от того, Эрика это или Пернилла, он чувствовал готовность быть приветливым и действительно слушать их. Но нет, номер не высветился, и Микаэль ответил уклончиво.

– Это Микаэль Блумквист? – спросил молодой голос.

– Да.

– У тебя найдется время поговорить?

– Если ты представишься, возможно, найдется.

– Меня зовут Линус Брандель.

– О’кей, Линус, что тебе надо?

– У меня есть для тебя материал.

– Выкладывай!

– Расскажу, если дойдешь до паба «Бишопс Армс» на противоположной стороне улицы и встретишься со мной.

Микаэль рассердился – мало того, что говорит командным тоном, так еще заявился в его собственный квартал.

– Думаю, сойдет и по телефону.

– Такое не следует обсуждать по открытой линии.

– Линус, почему разговор с тобой нагоняет на меня тоску?

– Возможно, у тебя был плохой день.

– День действительно был плохой, так что тебе очко.

– Вот видишь… Спускайся в паб, я угощу тебя пивом и расскажу нечто очень увлекательное.

Больше всего Микаэлю хотелось прошипеть: «Прекрати указывать мне, что делать!» Тем не менее, сам не понимая почему или, возможно, просто из-за отсутствия более разумного занятия, чем размышления над будущим, он сказал:

– За свое пиво я плачу сам… Ладно, приду.

– Мудро.

– Но, Линус…

– Да?

– Если начнешь грузить меня множеством диких теорий заговоров о том, что Элвис жив и что тебе известно, кто застрелил Улофа Пальме, а не перейдешь прямо к делу, я сразу уйду домой.

– Fair enough[10], – ответил Линус Брандель.

Глава 3

20 ноября

Ханна Бальдер стояла на кухне, в квартире на Торсгатан, и курила сигарету «Кэмел» без фильтра. На ней был голубой халат и стоптанные серые тапки, и, невзирая на прекрасные густые волосы и еще сохранившуюся красоту, выглядела она измученной. Губа у нее опухла, а обильный слой тона вокруг глаз имел не только эстетическую цель. Ханне Бальдер опять крепко досталось.

Доставалось ей часто. Было бы, конечно, неправдой сказать, что она с этим свыклась. К побоям такого рода не привыкают. Но они стали частью ее жизни, и она уже почти не помнила того, каким веселым человеком была когда-то. Страх сделался теперь неотъемлемой частью ее личности, и с некоторых пор Ханна курила по шестьдесят сигарет в день и принимала успокоительные таблетки.

В гостиной выкрикивал ругательства Лассе Вестман, что не слишком удивляло Ханну. Она уже давно поняла, что он пожалел о щедром жесте по отношению к Франсу. Собственно говоря, это было для нее загадкой изначально. Ведь Лассе зависел от денег, которые Франс присылал им на Августа. Временами он подолгу на них жил, по большому счету, и Ханне иногда приходилось сочинять лживые мейлы о непредвиденных расходах на какого-нибудь педагога или особый тренинг, которых, разумеется, не было и в помине, поэтому ей казалось таким странным: почему он отказался от всего этого и позволил Франсу забрать мальчика?

В глубине души ответ Ханна все-таки знала. Вызванная алкоголем самонадеянность. Обещание роли в новом полицейском сериале на четвертом канале, еще прибавившее ему спеси. Но прежде всего – Август. Лассе считал мальчика гадким и подозрительным, и это было самым непостижимым из всего. Как кто-то мог испытывать к Августу отвращение? Он ведь просто сидел на полу со своими пазлами и никому не мешал. Тем не менее Лассе его, казалось, ненавидел, и связано это, вероятно, было со взглядом, с тем самым странным взглядом, устремленным скорее внутрь, чем наружу, который обычно вызывал у других людей улыбку и наводил их на мысль, что у мальчика, наверное, богатая внутренняя жизнь, но почему-то действовал Лассе на нервы.

– Черт, Ханна! Он прямо пронзает меня взглядом! – иногда

выкрикивал он.

– Ты же говоришь, что он идиот.

– Он действительно идиот, но в нем все равно есть что-то подозрительное. У меня такое чувство, будто он что-то против меня замышляет.

Это был чистой воды нонсенс, Август даже не смотрел на Лассе, да и ни на кого другого тоже, и он никому не хотел зла. Внешний мир ему лишь мешал, больше всего мальчику нравилось замыкаться в себе. Однако Лассе, пребывая в белой горячке, полагал, будто мальчик планирует какую-то форму мести, и наверняка поэтому позволил Августу и деньгам исчезнуть из их жизни. Какая глупость! По крайней мере, так истолковала это Ханна. Но сейчас, когда она, стоя возле раковины, так напряженно и нервно курила, что табак попадал ей на язык, ей подумалось, что, может, что-то в этом все-таки было. Возможно, Август питал к Лассе ответную ненависть. Возможно, ему действительно хотелось наказать его за все полученные удары, а возможно… Ханна закрыла глаза и прикусила губу… мальчик плохо относился и к ней тоже.

Подобные самоуничижительные мысли появились у нее с тех пор, как по вечерам ее начала охватывать почти нестерпимая тоска, и она стала задаваться вопросом, не навредили ли они с Лассе Августу. «Я плохой человек», – пробормотала Ханна, и тут как раз Лассе ей что-то крикнул. Женщина не расслышала.

– Что? – переспросила она.

– Где, черт побери, постановление суда об опеке?

– Зачем оно тебе?

– Я докажу, что он не имеет права держать его у себя.

– Ты же только что так радовался, что избавился от него.

– Тогда я был пьян и глуп.

– А сейчас ты вдруг протрезвел и поумнел?

– Чертовски поумнел, – подходя к ней, прошипел он, озлобленный и вместе с тем полный решимости.

Ханна снова закрыла глаза и в тысячный раз задумалась над тем, почему все пошло наперекосяк.

Франс Бальдер больше не походил на того элегантного служащего, который приходил к бывшей жене. Теперь волосы у него стояли дыбом, над верхней губой сверкали капельки пота, и он уже по меньшей мере три дня не брился и не принимал душ. Невзирая на намерение полностью посвятить себя отцовству и на яркое мгновение надежды и душевного

волнения на Хурнсгатан, он вновь сидел, погрузившись в глубокую концентрацию, которую можно было ошибочно принять за злость.

Бальдер даже скрипел зубами, и вот уже несколько часов, как мир и буря за окнами перестали для него существовать, поэтому он не замечал происходящего возле его ног – мелких, неловких движений, словно между ног проскользнул кот или какой-то зверек. Лишь через несколько минут он осознал, что к нему под стол заполз Август. Франс посмотрел на него мутным взглядом, как будто поток кодов программирования по-прежнему пеленой застилал ему глаза.

– Что ты хочешь?

Август поднял на него умоляющие, ясные глаза.

– Что? – продолжал Франс. – Что?

И тут что-то произошло. Мальчик взял с пола лист, полный квантовых алгоритмов, и принялся лихорадочно водить по нему рукой, взад и вперед. На мгновение Франсу подумалось, что у мальчика сейчас случится новый припадок. Но нет, Август скорее притворялся, будто суетливо что-то пишет, и тогда Франс напрягся всем телом, вновь вспомнив о чем-то важном и далеком, в точности как на перекрестке на Хурнсгатан. Только на этот раз он понял, что это.

Ему вспомнилось собственное детство, когда цифры и уравнения были для него важнее самой жизни, и поэтому он, просияв, воскликнул:

– Тебе хочется считать! Ведь правда, тебе хочется считать?

В следующее мгновение он бросился за ручками и линованными листами формата А4 и положил их перед Августом. Затем написал простейшую серию чисел, пришедшую ему в голову, – последовательность Фибоначчи, где каждая цифра равнялась сумме двух предыдущих: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, – и оставил место для следующей суммы, равнявшейся 34. Но тут он подумал, что это, вероятно, слишком просто, и поэтому написал еще геометрическую серию: 2, 6, 18, 54…, где каждая цифра умножалась на три, и таким образом, недостающим оказывалось число 162 – для решения этой задачи, по его мнению, талантливому ребенку никаких особых подготовительных знаний не требовалось. Иными словами, у Франса было достаточно своеобразное представление о простом в математике, и ему сразу стало казаться, что мальчик вовсе не отстает в развитии, а скорее является улучшенной копией его самого – ведь он тоже запаздывал с речью и социальной интерактивностью, но зато понимал математические связи задолго до того, как произнес первое слово.

Бальдер долго сидел рядом с мальчиком, выжидая. Но, разумеется, ничего не происходило. Август просто фиксировал цифры своим

стеклянным взглядом, будто надеясь, что ответы поднимутся с бумаги сами собой, и под конец Франс оставил его в одиночестве, пошел на второй этаж, выпил газированной воды и продолжил работать за кухонным столом с ручкой и бумагой. Однако концентрацию словно ветром сдуло. В конце концов он стал немного рассеянно листать новый номер журнала «Нью сайентист» и провел за этим занятием, вероятно, полчаса или около того. Потом встал и снова спустился к Августу.

На первый взгляд казалось, что ничего не произошло; Август сидел на корточках в том же неподвижном положении, в каком его оставили. Затем Франс обнаружил кое-что, вызвавшее у него поначалу лишь небольшое любопытство.

В следующее мгновение ему подумалось, что перед ним нечто совершенно необъяснимое.

Посетителей в «Бишопс Армс» было не слишком много. Еще только начиналась вторая половина дня, да и погода не располагала к прогулкам, даже до ближайшего паба. Тем не менее Микаэля встретили криками и смехом, а какой-то хриплый голос завопил:

– Калле Блумквист!

Голос принадлежал мужчине с красным одутловатым лицом, пышной шевелюрой и закрученными маленькими усиками, которого Микаэль много раз видел в своем квартале и подозревал, что его зовут Арне. Обычно он с точностью минутной стрелки каждый день прибывал в паб ровно в два часа, но сегодня, вероятно, появился здесь раньше и вместе с тремя собутыльниками уселся за столик слева от бара.

– Микаэль, – с улыбкой поправил его Микаэль.

Арне, или как его там зовут, и его друзья захохотали, словно правильное имя Микаэля было самым забавным из того, что им доводилось слышать.

– Готовишь какую-нибудь сенсацию? – не унимался Арне.

– Подумываю над разоблачением всех сомнительных делишек в «Бишопс Армс».

– Считаешь, Швеция уже созрела для такого материала?

– Вероятно, нет.

Вообще-то Микаэлю эта компания нравилась. Не потому, что его разговор с ними когда-либо выходил за рамки таких незатейливых фраз и приветственных возгласов. Но эти мужики тем не менее были частью его будней, благодаря которым он так хорошо чувствовал себя в этом квартале, и Блумквист ничуть не обиделся, когда один из них изрек:

– Говорят, твои дела идут под гору?

Напротив, его слова, казалось, низвели всю травлю на тот низкий, почти комичный уровень, где ей было самое место.

– Друг бутылка, под гору мой путь! Милое не вечно – вот в чем суть, – ответил Микаэль, цитируя Фрёдинга[11] и озираясь в поисках кого-нибудь достаточно надменного вида, чтобы выставлять из кабака усталых журналистов, но, кроме Арне с компанией, вообще никого не увидел и поэтому подошел к стоящему за барной стойкой Амиру.

Амир – толстый, добродушный и работающий, не покладая рук, отец четверых детей – открыл этот паб несколько лет назад. Они с Микаэлем успели неплохо подружиться. Назвать Блумквиста завсегдатаем заведения можно было лишь с натяжкой, но они помогали друг другу в делах иного рода; пару раз, когда Микаэль, ожидая в гости даму, не успевал сходить в винный магазин, Амир снабжал его несколькими бутылками красного вина, а тот, в свою очередь, помог не имевшему документов приятелю Амира составить ходатайства властям.

– Чему обязаны такой честью? – спросил Амир.

– Мне надо кое с кем встретиться.

– Что-нибудь интересное?

– Не думаю. Как дела у Сары?

Жена Амира Сара только что перенесла операцию на бедре.

– Ноет и ест болеутоляющие таблетки.

– Звучит не слишком весело. Передавай ей привет.

– Обязательно, – пообещал Амир, и они продолжили болтать о том о сем.

Однако Линус Брандель не появлялся, и Микаэль подумал, что его просто разыграли. С другой стороны, бывают шутки и похуже, чем выманить человека в ближайший паб, и, еще пятнадцать минут пообсуждав разные заботы, связанные с финансами и здоровьем, он развернулся и направился к дверям. Тут-то парень и прибыл.

Дело было не в том, что Август дополнил серии чисел правильными ответами. Этим произвести впечатление на такого человека, как Франс Бальдер, довольно трудно. Его внимание привлекло то, что лежало возле цифр и на первый взгляд казалось фотографией или картиной, но на самом деле представляло собою рисунок – точное изображение светофора на углу Хурнсгатан, мимо которого они проходили вечером несколько дней назад. Он был не просто потрясающе пойман – до мельчайших деталей и с какой-то математической строгостью. Светофор буквально светился. Хотя никто

не учил Августа каким-либо правилам трехмерного изображения или тому, как художники работают со светом и тенью, сын, казалось, владел техникой в совершенстве. Красный глаз светофора сверкал им навстречу, и вокруг, тоже будто пылая, сгущалась осенняя темнота, а посреди улицы виднелся мужчина, показавшийся Франсу смутно знакомым. Лицо мужчины было схвачено только по брови. Он выглядел испуганным или, по крайней мере, неприятно удивленным, словно Август выбил его из равновесия и он шел чуть нетвердой походкой… Как, черт возьми, мальчик сумел это отобразить?

– Господи, – произнес Франс. – Неужели это сделал ты?

Август не кивнул, не помотал головой, а просто смотрел мимо него, в сторону окна, и у Бальдера возникло странное ощущение, что с этой секунды его жизнь изменится.

Микаэль даже толком не знал, чего ожидал: вероятно, представителя золотой молодежи, какого-нибудь юного щеголя… Но перед ним возник неотесанный невысокий парень в рваных джинсах, с длинными немытыми волосами и чуть сонным, насупленным взглядом. На вид ему было лет двадцать пять или меньше, кожа плохая, челка нависала на глаза, а губу рассекал довольно некрасивый шрам. Линус Брандель не выглядел парнем, обладавшим интересным материалом.

– Линус Брандель, полагаю?

– Точно. Извини, что опоздал. Наткнулся на знакомую девушку. Мы вместе учились в девятом классе, и она…

– Будем считать, что с этим уже разобрались, – прервал его Микаэль и повел к столику подальше от входа.

Когда к ним, тихонько улыбаясь, подошел Амир, они заказали два бокала пива «Гиннесс» и несколько секунд просидели молча. Микаэль не мог понять, почему он так злится. На него это не похоже – вероятно, дело все-таки в драме с «Сернер». Он улыбнулся Арне с компанией, внимательно их изучавшей.

– Я перейду прямо к делу, – сказал Линус.

– Отлично.

– Ты знаешь Super Craft?

Блумквист мало знал о компьютерных играх. Но о Super Craft слышал даже он.

– Только название.

– И всё?

– Да.

– Тогда тебе неизвестно, что эту игру отличает или делает такой специфической наличие особой AI-функции[12], благодаря которой ты можешь общаться с комбатантом на тему военной стратегии, не зная наверняка – по крайней мере, поначалу, – разговариваешь ты с реальным человеком или дигитальным созданием.

– Надо же, – произнес Микаэль. Ничто не интересовало его меньше, чем тонкости какой-то проклятой игры.

– Это маленькая революция в отрасли, и я, между прочим, участвовал в ее создании, – продолжал Линус Брандель.

– Поздравляю. Значит, ты, наверное, основательно подзаработал.

– Вот к этому я и подвожу.

– Что ты хочешь сказать?

– У нас сперли технологию, и теперь TrueGames зарабатывает миллиарды, а мы не получаем ни эре.

Эту песню Микаэлю слышать уже доводилось. Он даже разговаривал с пожилой дамой, утверждавшей, будто на самом деле книги о Гарри Поттере написала она, а Роулинг все украла путем телепатии.

– Как же это произошло? – спросил он.

– Нас хакнули.

– Откуда вы это знаете?

– Это установили эксперты Радиотехнического центра Министерства обороны; если хочешь, я могу дать тебе там одно имя, и вот, в…

Линус осекся.

– Да?

– Ничего. Замешано было даже СЭПО[13], можешь поговорить там с Габриэллой Гране, их аналитиком; думаю, она все подтвердит. Она даже упоминает это в официальном отчете за прошлый год. У меня здесь есть номер дела…

– Значит, это старая новость.

– В общем-то, да.

– Зачем же мне тогда слушать тебя, Линус?

– Потому что Франс вернулся домой из Сан-Франциско и, похоже, понял, что произошло. Думаю, он просто сидит на пороховой бочке. Он стал маньяком безопасности. Пользуется только жутко зашифрованными телефоном и мейлом и на днях установил новую сигнализацию с камерами, сенсорами и прочим дерьмом. Я считаю, тебе следует поговорить с ним, поэтому и позвонил. Парень вроде тебя может заставить его открыться. Меня он не слушает.

– Значит, ты вызвал меня сюда, потому что некто по имени Франс, возможно, сидит на пороховой бочке?

– Не некто по имени Франс, Блумквист, а сам Франс Бальдер, разве я не сказал? Я был одним из его ассистентов.

Микаэль покопался в памяти; фамилия Бальдер связывалась у него в голове только с Ханной, актрисой, – что-то с ней теперь стало?

– Кто это? – спросил он.

Его одарили взглядом, полным такого презрения, что он был поражен.

– Ты, что, живешь на Марсе? Франс Бальдер – это легенда. Понятие.

– Правда?

– Господи, да! – продолжал Линус. – «Погугли» его, и сам увидишь. Он стал профессором компьютерных наук всего в двадцать семь лет и уже два десятилетия является ведущим мировым авторитетом в области исследования искусственного интеллекта. Едва ли кто-нибудь, кроме него, так далеко продвинулся в развитии квантовых компьютеров и нейронных сетей. Он непрерывно находит безумные, неортодоксальные решения. Обладает великолепным, повернутым задом наперед мозгом. Мыслит совершенно иначе, новаторски, и, как можешь легко догадаться, компьютерная индустрия годами его доила. Но Бальдер отказался продолжать работать на кого-то, захотел действовать в одиночку. Правда, что считать «одиночкой» – ведь у него всегда были ассистенты, из которых он выжимал все соки. Франс требует результатов, остальное его не волнует, и он идет напролом: «Ничего невозможного нет, наша работа – раздвигать границы», и так далее и тому подобное. Но народ его слушается. Для него все готовы на что угодно. Ради него можно почти что умереть. Для нас, фанатов, он просто бог.

– Это чувствуется.

– Только не подумай, что я какой-нибудь слепой поклонник. Отнюдь. Все имеет свою цену, уж мне ли не знать этого. Вместе с ним ты делаешь грандиозные вещи. Но можно и сломаться. Самому Франсу даже не доверяют сына. Он каким-то непростительным образом оскандалился, да есть и еще подобные истории… Ассистенты, которые дорабатывались до ручки и ломали себе жизни и бог знает, что еще. Но, хоть Бальдер всегда был одержимым и безнадежным, так он себя не вел еще никогда. Не был так безумно зациклен на безопасности, поэтому-то я, в частности, здесь и сижу. Мне хочется, чтобы ты с ним поговорил. Я просто уверен, что он нащупал нечто великое.

– Ты просто уверен?

– Пойми же, обычно он паранойей вовсе не страдал. Напротив,

страдал ею даже слишком мало, принимая во внимание уровень того, чем занимался. А сейчас он заперся у себя в доме и почти не выходит оттуда. Похоже, боится, хотя вообще-то он далеко не из пугливых. Он, скорее, всегда был упертым типом, вечно шедшим напролом.

– И он занимался компьютерными играми? – уточнил Микаэль, не скрывая скепсиса.

– Значит, так… Франс знал, что мы все фанаты игр, и посчитал, что нам лучше работать с чем-то, что нам нравится. А его AI-программы подходили и для этой отрасли тоже. Получилась идеальная экспериментальная мастерская, и мы добились потрясающих результатов. Мы вспахали целину. Вот только…

– Ближе к делу, Линус.

– Дело в том, что Бальдер и его юристы – специалисты по патентам – написали заявление для получения патента на самые инновационные части технологии, и тут мы получили первый шок. Какой-то русский инженер из TrueGames чуть раньше состряпал заявление, заблокировавшее наш патент, и это едва ли произошло случайно. Но это не имело значения. Ведь патент в общем контексте был лишь «бумажным тигром». Нас интересовало, каким, черт возьми, образом они пронюхали о наших наработках, а поскольку мы все безоговорочно доверяли Франсу, оставалось думать только одно: несмотря на все меры предосторожности, нас, очевидно, хакнули.

– И тогда вы связались с СЭПО и Радиотехническим центром?

– Не сразу. Франс плохо переносит людей, надевающих галстуки и просиживающих на работе с девяти до пяти. Он предпочитает одержимых идиотов, торчащих за компьютером целыми ночами, и поэтому разыскал какую-то чокнутую хакершу, с которой где-то познакомился, и та сразу сказала, что имело место вторжение. Особого доверия эта девица не вызывала. К себе на фирму я бы ее не взял, если понимаешь, что я имею в виду. Возможно, она просто трепалась. Но главное, что ее выводы потом подтвердили люди из Радиотехнического центра.

– Но кто вас хакнул, осталось неизвестным?

– Нет, часто отследить хакерское вторжение невозможно. Ясно только, что это наверняка дело рук профи. Мы ведь много трудились над своей IT-безопасностью.

– А теперь ты думаешь, что Франс Бальдер узнал какие-то подробности?

– Определенно. Иначе бы он так не темнил. Я уверен, что он что-то пронюхал в «Солифоне».

– Так он там работал?

– Как ни странно, да. Раньше Франс, как я говорил, отказывался связываться с компьютерными гигантами. Он больше всех в мире разглагольствовал об отчужденности, о важности сохранять свободу и не становиться рабом коммерческих сил, и всякое такое. И вот ни с того ни с сего, когда у нас украли технологию и мы оказались в дураках, Бальдер вдруг клюнул на предложение не какой-нибудь там компании, а «Солифона», и никто ничего не понял. О’кей, они предложили гигантскую зарплату, полную свободу и все прочее дерьмо, типа «делай, что тебе заблагорассудится, но работай на нас», и возможно, это звучало круто. Безусловно круто – для кого угодно, только не для Франса Бальдера. Ведь подобные предложения он оптом и в розницу получал от «Гугл», «Эппл» и всех прочих. Почему вдруг это его так заинтересовало? Он нам не объяснил. Просто собрал свои шмотки и рванул, и, насколько я слышал, поначалу все шло прекрасно. Франс развил нашу технологию дальше, и думаю, владелец «Солифона», Николас Грант, уже начал мечтать о новых миллиардных доходах. Царило большое возбуждение. Но потом что-то произошло.

– Что-то, о чем тебе известно не слишком много…

– Да, мы утратили контакт. Франс, по большому счету, утратил контакт со всем миром. Но я не сомневаюсь, что произошло нечто серьезное. Франс всегда проповедовал открытость, говорил много теплых слов о Wisdom of Crowds[14] и тому подобном; о важности использования знаний многих, ну, по типу идеи создания операционных систем «Линукс». Однако в «Солифоне» он явно держал в тайне каждую запятую, даже от самых близких, а потом – бум, трах – уволился, поехал домой и теперь сидит в своем доме в Сальтшёбадене, даже в сад не выходит, и абсолютно не заботится о том, как выглядит.

– Значит, все, что у тебя есть, Линус, это история о профессоре, которого, похоже, здорово прижали, и он не заботится о своем внешнем виде. Как, кстати, соседи могут это видеть, если он не выходит из дома?

– Да, но я думаю…

– Линус, я тоже думаю, что эта история может быть интересной. Но, к сожалению, мне она не подходит. Я ведь не IT-репортер, а, как на днях кто-то мудро написал, человек каменного века. Я бы посоветовал тебе связаться с Раулем Сигвардссоном из газеты «Свенска моргонпостен». Он знает об этом мире все.

– Нет-нет, Сигвардссон обладает слишком малым весом. Это не его уровень.

– Думаю, ты его недооцениваешь.

– Да ладно, не увиливай! Это может стать твоим громким возвращением, Блумквист.

Микаэль устало махнул рукой Амиру, вытиравшему столик неподалеку от них.

– Можно я дам тебе совет? – произнес он.

– Что… да… конечно.

– Когда в следующий раз соберешься продавать материал, постарайся не объяснять репортеру, что он может для него означать. Знаешь, сколько раз мне уже доводилось слышать эту песню? «Это будет самым крупным делом в твоей жизни. Это крупнее Уотергейта!» Ты добьешься большего с помощью чуть более делового подхода, Линус.

– Я только хотел…

– Чего ты, собственно, хотел?

– Чтобы ты с ним поговорил. Думаю, ты бы ему понравился. Вы с ним оба одинаково бескомпромиссны.

Линус, казалось, мгновенно утратил уверенность в себе, и Микаэль задумался, не проявил ли он излишней жесткости. Обычно Блумквист, практически из принципа, беседовал со своими наводчиками любезно и сочувственно, какие бы дикости те ни говорили, не только потому, что даже в представлявшемся на первый взгляд безумном мог обнаружиться хороший материал, но и поскольку знал, что часто является для них последней соломинкой. Многие обращались к нему, когда все остальные переставали их слушать. Блумквист нередко бывал для людей последней надеждой, а это отнюдь не повод для насмешек.

– Послушай, – сказал он. – У меня был чудовищный день, и я вовсе не собирался проявлять сарказм.

– Все нормально.

– Вообще-то ты прав, – продолжил Микаэль. – Кое-что в этой истории меня действительно интересует. Ты упомянул, что вас посещала какая-то хакерша…

– Да, но это, по сути, никакого отношения к делу не имеет. Она скорее была каким-то социальным проектом Бальдера.

– Но она, похоже, разбиралась в своем деле.

– Или оказалась права случайно… Она несла всякую чушь.

– Значит, ты с нею встречался?

– Да, сразу после того, как Бальдер свалил в Силиконовую долину.

– Как давно это было?

– Одиннадцать месяцев назад. Я перевез наши компьютеры к себе в

квартиру на Брантингсгатан. Мою жизнь едва ли можно было назвать классной. Одиночка, без гроша, да еще с бодуна, дома бардак… Я как раз поговорил по телефону с Франсом, который наставлял меня, как усталый старый папаша. Я выслушал много всего: «Не суди о ней по внешнему виду и тому подобное, внешность бывает обманчива и бу-бу-бу», – и, блин, это он говорил мне! Я ведь сам далеко не мечта тещи. В жизни не носил пиджака и галстука, и уж кому, как не мне, знать, как обычно выглядит народ в хакерских кругах. Как бы то ни было, я сидел и ждал эту девицу. Думал, она хотя бы постучится. А она просто открыла дверь и вошла.

– Как она выглядела?

– Чудовищно… или, вернее, она, пожалуй, была и сексапильной тоже, каким-то противоестественным образом… Но чудовищной!

– Линус, я не просил тебя оценивать ее внешность. Мне просто хочется знать, как она была одета и не назвала ли случайно свое имя.

– Понятия не имею, кто она такая, – ответил Линус. – Правда, откуда-то я ее знал; мне подумалось, что с нею было связано нечто плохое. Татуировки, пирсинг и прочее дерьмо; по виду то ли из готик-рок-группы, то ли гот, то ли панк, и к тому же тощая, как палка.

Микаэль почти неосознанно подал Амиру знак принести ему еще пива.

– Что же произошло? – спросил он.

– Ну, как бы это сказать… Мне подумалось, что незачем сразу приступать к делу, поэтому я уселся на кровать – больше сидеть было почти не на чем – и предложил сперва чего-нибудь выпить. И знаешь, что она сделала? Попросила меня убраться. Велела мне покинуть мой собственный дом так, будто ничего естественнее и быть не могло, и я, разумеется, отказался. Выдавил что-то, типа: «Вообще-то я здесь живу». Но она сказала только: «Вали, исчезни», и я не видел другого выхода, как удалиться, и отсутствовал довольно долго. Когда я вернулся, она лежала на моей кровати и курила – рехнуться можно! – и читала книгу о теории струн или чем-то таком, и я, возможно, уставился на нее как-то подозрительно, не знаю. Она заявила, что не собирается со мною трахаться, даже на пробу. «Даже на пробу», – так и сказала и, по-моему, ни разу не посмотрела мне в глаза. Она изрекла, что в наших компьютерах побывал «троян», RAT[15], и что рисунок вторжения ей знаком, прямо «порог оригинальности» в программировании. «Вас надули», – заключила она и ушла.

– Не попрощавшись?

– Ни черта не сказав.

– Господи, – вырвалось у Микаэля.

– Хотя, честно говоря, думаю, она больше фасонила. Парень из

Радиотехнического центра, проводивший то же исследование чуть позже и, конечно, лучше разбиравшийся в атаках такого типа, твердо сказал, что подобные выводы сделать нельзя, и как он ни копался в компьютере, никакого старого вируса-шпиона не обнаружил. Тем не менее и он – его, кстати, зовут Мольде, Стефан Мольде – склонялся к тому, что мы подверглись вторжению.

– А та девица, она, что, вообще никак не представилась?

– Я к ней с этим приставал, но она лишь сказала, и то очень кисло, что я могу называть ее Пиппи[16], но мне было совершенно ясно, что это отнюдь не настоящее имя, хотя…

– Что?

– Мне показалось, что оно ей, в каком-то смысле, подходит.

– Послушай, – сказал Микаэль. – Минуту назад я был готов уйти домой.

– Я заметил.

– Но сейчас ситуация в корне изменилась. Ты ведь говорил, что Франс Бальдер знает эту девицу?

– Ну да.

– Тогда я хочу связаться с Франсом Бальдером как можно скорее.

– Из-за девицы?

– Что-то вроде того.

– О’кей, ладно, – задумчиво произнес Линус. – Правда, найти какие-нибудь его контактные данные тебе, вероятно, не удастся – он, как я говорил, чертовски засекретился… Ты пользуешься айфоном?

– Да.

– Можешь о нем забыть. Франс считает, что компания «Эппл» более или менее продалась АНБ. Чтобы разговаривать с ним, вам придется купить «Блэкфон» или хотя бы одолжить штуку с «Андроид» и скачать специальную зашифрованную программу. Но я попробую заставить его позвонить тебе, чтобы вы с ним смогли назначить встречу в каком-нибудь надежном месте.

– Супер, Линус, спасибо.

После ухода Бранделя Микаэль еще немного посидел, допивая пиво и глядя на непогоду на улице. У него за спиной над чем-то смеялись Арне с компанией. Но Блумквист был настолько глубоко погружен в мысли, что ничего не слышал и даже почти не обратил внимания на то, что Амир присел возле него и начал излагать последний прогноз.

Погода явно ожидалась просто безумная. Температура опустится до

минус десяти. Выпадет первый в году снег, причем не мягко и приятно. Метель будет налетать порывами, в горизонтальном направлении, и выльется в самую жуткую бурю за все последнее время.

– Вероятны ураганные ветры, – сказал Амир.

– Как хорошо, – кратко ответил по-прежнему не слушавший его Микаэль.

– Хорошо?

– Да… что… во всяком случае, лучше такая погода, чем никакой.

– Действительно. Но что с тобой? У тебя совершенно потрясенный вид. Встреча получилась неудачной?

– Да нет, вполне нормальной.

– Но ты все-таки услышал нечто, что тебя взбудоражило?

– Даже не знаю. Просто сейчас у меня все несколько сумбурно… Я подумываю, не уйти ли из «Миллениума».

– Я думал, ты с этим журналом – единое целое…

– Я тоже так думал. Но подозреваю, что всему свое время.

– Пожалуй, так, – согласился Амир. – Мой старый отец обычно говорил, что даже у вечного есть свое время.

– И что он под этим подразумевал?

– Думаю, вечную любовь. Вскоре после этого он оставил мою мать.

Микаэль фыркнул.

– Ну что ж. У меня у самого не слишком получалось с вечной любовью. Зато…

– Да, Микаэль?

– Есть женщина, которую я когда-то знал, но она уже довольно давно исчезла из моей жизни.

– Тяжело.

– Да, это особый случай. Но сейчас она вдруг дала о себе знать – по крайней мере, я так думаю, – и, возможно, поэтому у меня такой странный вид.

– Понимаю.

– Ну ладно, подозреваю, что мне пора домой. Сколько я должен?

– Разберемся позже.

– Отлично, береги себя, Амир, – сказал Блумквист, прошел мимо завсегдатаев, отпустив несколько новых спонтанных комментариев, и шагнул навстречу буре.

Ощущение было почти убийственным. Порывы ветра пронизывали все тело, но, невзирая на непогоду, Микаэль немного постоял на месте, поглощенный старыми воспоминаниями, а потом медленно побрел домой и

почему-то никак не мог отпереть дверь. Пришлось изрядно повозиться с ключом. Дома он скинул ботинки, уселся за компьютер и принялся искать информацию о профессоре Франсе Бальдере.

Но сосредоточиться никак не удавалось, и вместо этого он уже далеко не в первый раз задался вопросом: куда подевалась Лисбет? Помимо сведений, полученных от ее бывшего работодателя Драгана Арманского, Микаэль не слышал о ней ни слова. Она словно сквозь землю провалилась, и хотя они жили, по большому счету, в одном квартале, он даже мельком ее не видел, и, вероятно, поэтому на него так подействовали слова Линуса.

В принципе у Бранделя в тот день мог возникнуть кто-то другой. Возможно, но маловероятно. Кто, кроме Лисбет Саландер, вваливается к людям, даже не глядя им в глаза, выставляет их из дому, проникает в самые глубинные тайны их компьютеров и выпаливает вещи вроде: «Я не собираюсь с тобой трахаться, даже на пробу»? Наверняка это Лисбет. И Пиппи – разве это для нее не типично?

На дверях ее квартиры на Фискарсгатан значилось: «В-кулла»[17], и Блумквист прекрасно понимал, почему она не пользуется своим настоящим именем: оно вызывало слишком большой интерес и ассоциировалось с большими драмами и дикостями. Где же она теперь? Вообще-то, эта девушка уже не впервые растворяется в воздухе. С того самого дня, когда он пришел к ней в квартиру на Лундагатан и выругал ее за то, что она написала слишком подробный отчет о его личных обстоятельствах, они никогда не расставались так надолго, и это казалось ему несколько странным. Ведь Лисбет все-таки его… да кто, черт возьми?

Едва ли друг. С друзьями он встречается. Друзья просто так не исчезают. Друзья не дают о себе знать только тем, что вламываются в ваши компьютеры. Однако Микаэль был неразрывно связан с Лисбет и, прежде всего – этого нельзя отрицать, – волновался за нее. Правда, ее бывший опекун Хольгер Пальмгрен обычно говорил, что Лисбет умеет справляться с любой ситуацией. Несмотря на ее кошмарное детство – или, возможно, благодаря ему, – она обладает дьявольской способностью к выживанию, и в этом наверняка что-то есть.

Но в отношении девушки с ее прошлым и ее умением наживать себе врагов уверенным ни в чем быть нельзя. Возможно, она действительно сбилась с пути, как намекал Драган Арманский, когда они с Микаэлем вместе обедали в «Гондоле» года полтора назад. Дело было весной, в субботу, и Драган настоял на том, чтобы самому заплатить за пиво, шнапс и все прочее. У Блумквиста возникло ощущение, что Арманскому требуется выговориться, и хотя официально они просто встречались, как старые

друзья, не было никакого сомнения в том, что на самом деле Драгану хотелось поговорить о Лисбет и с помощью нескольких бокалов предаться некоторой сентиментальности.

Арманский рассказал, в частности, что его фирма «Милтон секьюрити» поставила аппаратуру для тревожной предупредительной сигнализации в дом престарелых в Хёгдалене – хорошую аппаратуру, как он сказал. Но она не помогает, если нарушается энергоснабжение, и никто не заботится о том, чтобы принять меры, а вышло именно так. Поздно вечером в доме отключилось электричество, и ночью пожилая дама по имени Рут Окерман упала и сломала шейку бедра, после чего час за часом, лежа, нажимала на тревожную кнопку без всякого толку. Утром состояние Рут было близким к критическому, и поскольку газеты как раз в то время сосредоточились на целом ряде проблем и халатности в сфере ухода за престарелыми, происшествие получило широкую огласку.

К счастью, Рут выжила. Но по неудачному стечению обстоятельств она оказалась матерью одного из влиятельных лиц в партии «Шведские демократы»[18], и когда на сайте партии Avpixlat – «Без пикселей» – появилась информация о том, что Арманский араб – что отнюдь не соответствовало действительности, хотя его и вправду иногда называли Арабом, – отведенные для комментариев места буквально взорвались. Сотни анонимных авторов писали, что так происходит, «когда технику нам поставляют иммигранты», и Арманский очень расстроился, особенно потому, что грубые оскорбления сыпались и в адрес его старой матери.

Но вдруг все эти авторы, словно по взмаху волшебной палочки, перестали быть анонимными. У каждого появилось точное имя, адрес, место работы и указание, сколько ему лет. Выглядело очень красиво – будто они дружно заполнили некий формуляр. Можно сказать, что весь сайт оказался без пикселей, и выяснилось, разумеется, что среди авторов были не только асоциальные поборники справедливости, но и многие весьма благополучные граждане, а также несколько конкурентов Арманского из отрасли обеспечения безопасности. Ответственные за сайт долго были совершенно бессильны и ничего не понимали. Они только рвали на себе волосы, пока, наконец, не сумели ликвидировать эту страницу, и поклялись отомстить виновным. На том все, конечно, и закончилось; никто не знал, кто стоит за хакерской атакой, – никто, кроме самого Драгана Арманского.

– Это ведь была классическая выходка Лисбет, – сказал он, – а я, ясное дело, был заинтересованной стороной. Мне не хватило великодушия, чтобы пожалеть всех выставленных напоказ, сколько бы я, по роду профессии, ни пекся об IT-безопасности. Знаешь, я ведь целую вечность от нее ничего не

слышал и ничуть не сомневался в том, что ей на меня просто наплевать; впрочем, ей плевать и на всех остальных. Но вот произошел этот случай, и мне было очень приятно. Она прямо возникла у меня перед глазами. Я отправил по электронной почте слова безграничной благодарности – и, к своему удивлению, получил ответ. Знаешь, что она написала?

– Нет.

– Только одно предложение: «Как, черт возьми, вы можете защищать эту сволочь Сандваля из Эстермальмской клиники?»

– Кто такой Сандваль?

– Пластический хирург, которому мы предоставили личную охрану, поскольку ему стали угрожать, когда вскрылось, что он лапал молодую эстонку, делавшую у него операцию на груди. Эстонка оказалась девушкой криминального авторитета.

– Ничего себе…

– Именно, не слишком-то умно, и поэтому я ответил Лисбет, что тоже не отношу Сандваля к лучшим чадам божьим. Я даже знал, что он не таков. Но попытался подчеркнуть, что мы не можем оценивать клиентов с такой точки зрения и защищать исключительно безупречных в моральном отношении. Даже безобразно относящиеся к женскому полу мужчины имеют право на определенную безопасность, а поскольку Сандвалю серьезно угрожали и он обратился к нам за помощью, мы ему ее оказали – правда, по двойной таксе. Только и всего.

– Но Лисбет такое рассуждение не устроило?

– Во всяком случае, она не ответила – по крайней мере, по электронной почте. Но, можно сказать, подала реплику иным образом.

– И как это выглядело?

– Она решительно подошла к нашим охранникам в клинике и велела им не беспокоиться. Думаю, она даже передала им привет от меня. Затем, минуя пациентов, сестер и докторов, направилась прямо в кабинет Сандваля, сломала ему три пальца и пригрозила еще более страшным.

– О, Господи!

– Это самое меньшее, что можно сказать. Полный идиотизм. Я имею в виду, поступить так в присутствии многих свидетелей, да еще в кабинете врача…

– Да, не слишком умно.

– Разумеется, потом поднялся страшный шум, и начали кричать о привлечении к суду, обвинениях и всякой чертовщине. Сам посуди: сломать пальцы хирургу, обязавшемуся сделать множество дорогостоящих подтяжек, разрезов и прочего дерьма… От такого лучшим адвокатам

начнут повсюду мерещиться долларовые купюры.

– И что же произошло?

– Ничего. Вообще ничего, и это, пожалуй, самое странное. Дело ушло в песок – вероятно, потому, что хирург сам не захотел давать ему ход. Но тем не менее, Микаэль, это было чистейшее безумие. Ни один человек в здравом уме не заходит среди бела дня в медицинский кабинет и не ломает пальцы врачу. Даже Лисбет Саландер в нормальном состоянии так не поступает.

Блумквиста подобный анализ, вообще-то, до конца не убедил. Ему это показалось скорее довольно логичным, в духе логики Лисбет, а уж в данном вопросе он был более или менее экспертом. Микаэль лучше всех знал, насколько рационально мыслит эта женщина – рационально не в общем понимании, а исходя из установленных ею основных предпосылок, – и он ни на секунду не усомнился в том, что этот врач совершил нечто куда худшее, чем посягательство на девушку не того человека. Тем не менее Микаэль не мог не задуматься над тем, не изменила ли Лисбет выдержка, хотя бы в анализе риска.

Ему даже приходила в голову мысль, что ей *хочется* опять попасть в передрягу – возможно, из некоего представления, что это сможет снова вернуть ее к жизни. Впрочем, это было наверняка несправедливым. Что ему известно о ее побудительных мотивах? Он ведь абсолютно ничего не знал о ее теперешней жизни; и пока за окнами бушевала буря, Блумквист, занимаясь поисками информации о Франсе Бальдере, пытался видеть светлую сторону в том, что они хотя бы тут косвенно соприкоснулись. Все-таки лучше, чем ничего, и он решил, что следует радоваться тому, что Лисбет верна себе. Она, похоже, ничуть не изменилась и, как знать, возможно, снабдила его материалом. Линус его почему-то с первого мгновения раздражал, и Микаэль, вероятно, наплевал бы на это дело, хоть тот и подбросил ему нечто полусенсационное. Но когда в рассказе Линуса возникла Лисбет, Блумквист начал смотреть на все другими глазами.

С интеллектом у нее все в порядке, и если она сочла нужным потратить на эту историю время, то, пожалуй, и у него есть причины в нее углубиться. Он может, по крайней мере, немного покопаться в этом деле и, если чуть-чуть повезет, вдобавок узнать что-нибудь о Лисбет, поскольку тут уже в изначальном раскладе присутствует вопрос на миллион.

Почему она вообще стала вмешиваться?

Лисбет ведь отнюдь не консультант из компьютерной «скорой помощи», но ее, правда, могут выводить из себя творящиеся несправедливости. Она способна кинуться вершить собственный суд.

Однако чтобы женщину, которая может беззастенчиво вломиться в любой компьютер, возмутило хакерское вторжение, это все же несколько удивительно. Сломать пальцы хирургу – ну, еще ладно; но включиться в борьбу с незаконными действиями хакеров – это все равно что рубить сук, на котором сидишь. С другой стороны, ему ничего не известно.

Вероятно, тут имеется предыстория. Возможно, они с Бальдером друзья или заядлые спорщики… Решив, что это не исключено, Микаэль попробовал «погуглить» их имена вместе, но без сколько-нибудь существенного результата, и стал просто смотреть на метель, думая о татуировке дракона на худенькой бледной спине, о резком похолодании в Хедестаде и разрытой могиле в Госсеберге.

Затем Блумквист продолжил искать на Франса Бальдера, и тут уже недостатка в материале для чтения не было. На имя профессора выскочило два миллиона ответов, однако составить представление о его биографии оказалось нелегко. Тут в основном присутствовали научные статьи и комментарии, а вот интервью Франс Бальдер, похоже, не давал вообще. Поэтому все факты его жизни носили какой-то мифологический отпечаток – словно бы раздутые и романтизированные восхищенными студентами.

Там значилось, что в детстве Франса считали более или менее умственно отсталым до тех пор, пока он не пришел к директору своей школы на Экерё[19] и не указал на ошибку в учебниках математики для девятого класса, касающуюся так называемых мнимых чисел. Впоследствии исправление внесли в новые издания, а Франс следующей весной выиграл национальную олимпиаду по математике. Утверждалось, что он способен говорить задом наперед, создавая собственные длинные палиндромы. В одном из ранних школьных сочинений, которое опубликовали в Интернете, Бальдер выступил с критикой романа Герберта Уэллса «Война миров», поскольку не понимал, как превосходящие нас во всем существа не разбирались в таких основополагающих вещах, как различия между Марсом и Землей в бактериальной флоре.

После гимназии Франс изучал компьютерные науки в Империал-колледже, в Лондоне, и защитил диссертацию об алгоритмах в нейронной сети, которую признали эпохальной. Затем стал рекордно молодым профессором Стокгольмского технологического института и членом Королевской академии инженерных наук. На сегодняшний день Бальдер считался ведущим мировым авторитетом в области гипотетического понятия «технологическая сингулярность», состояния, когда интеллект компьютеров превзойдет наш собственный.

Внешней привлекательностью или шармом Франс не отличался. На

всех фотографиях он походил на неухоженного тролля с маленькими глазками и торчащими во все стороны волосами. Тем не менее ученый женился на очаровательной актрисе Ханне Линд, позднее Бальдер. У пары родился сын, который, согласно репортажу в вечерней газете, озаглавленному «Великое горе Ханны», страдал тяжелыми умственными расстройствами, хотя мальчик – по крайней мере, на фотографии в статье – отнюдь не выглядел умственно отсталым.

Брак распался, и перед судом, рассматривавшим бурную тяжбу об опеке, в драму вмешался анфан террибль театра, Лассе Вестман, агрессивно заявивший, что Бальдеру вообще нельзя доверять ребенка, поскольку его больше волнуют «интеллектуальные способности компьютеров, а не детей». Однако дальше углубляться в проблематику развода Микаэль не стал, а попытался разобраться в исследованиях Бальдера и судебных процессах, в которых тот участвовал, и еще долго сидел, погрузившись в витиеватое рассуждение о квантовых процессорах в компьютерах.

Потом Блумквист зашел в свои документы и открыл файл, созданный около года назад. Файл назывался «ящик Лисбет». Микаэль понятия не имел, залезала ли она по-прежнему к нему в компьютер и продолжала ли интересоваться его журналистской деятельностью. В глубине души он на это надеялся и сейчас задумался, не стоит ли все-таки послать ей привет. Правда, возникала проблема: что писать?

Длинные письма личного характера не для нее – они бы ее только смутили. Скорее надо попробовать сочинить что-то краткое и чуть загадочное. Он остановился на вопросе:

> Что нам думать об искусственном интеллекте Франса Бальдера?

Затем встал и снова посмотрел на снежную бурю за окном.

Глава 4

20 ноября

Эдвин Нидхэм, или Эд-Кастет, как его иногда называли, не являлся самым высокооплачиваемым в США специалистом по обеспечению безопасности. Зато, возможно, был лучшим и самым гордым. Его отец Сэмми был негодяем милостью Божией, пьющим сорвиголовой, иногда подрабатывавшим в порту, но частенько отправлявшимся в безрассудные загулы, которые нередко заканчивались в следственном изоляторе или в травмпункте, что, разумеется, никого не радовало.

Тем не менее пьяные загулы Сэмми бывали для семьи лучшим временем. Когда он где-нибудь напивался, у них иногда образовывалась передышка, в которую мать Рита могла прижать обоих детей к себе и сказать, что все у них будет хорошо. А вообще-то, дела у них дома обстояли из рук вон плохо. Семья жила в районе Дорчестер, в Бостоне, и когда отец изволил присутствовать дома, то нередко сильно избивал Риту, и той приходилось часами, а иногда и целыми днями сидеть, запершись в туалете, и рыдать.

В худшие периоды ее рвало кровью, и никто особенно не удивился, когда она умерла всего в сорок шесть лет от внутренних кровотечений или когда старшая сестра Эда подсела на кокаин, и еще меньше, когда отец с детьми потом оказался на грани бездомного существования.

Детство Эда располагало к разным заморочкам в дальнейшей жизни, и в подростковые годы он входил в компанию, именовавшую себя «The F…kers»[20], державшую весь Дорчестер в страхе и занимавшуюся разборками с другими бандами и грабежами продуктовых магазинов. Лучшего друга Эда, парня по имени Даниэль Готфрид, убили, повесив на крюк для мяса и зарубив мачете. В подростковые годы Эд стоял на краю пропасти.

Его внешность рано приобрела налет туповатости и брутальности, что лишь усугублялось отсутствием двух верхних зубов и тем, что он никогда не улыбался. Эд был крепкого телосложения, высоким и бесстрашным, и на его лице, как правило, имелись следы драк – либо от схваток с отцом, либо от разборок между группировками. В школе большинство учителей боялись Эда до смерти. Все были уверены, что он кончит тюрьмой или простреленной головой. Однако нашлись взрослые, которые взялись за него – вероятно, обнаружив, что в его горящих голубых глазах присутствуют не

только агрессия и насилие.

Эд обладал неукротимой жаждой открытий, энергией, благодаря которой он набрасывался на книги с такой же мощью, с какой крушил салоны автобусов. Днем он часто не торопился уходить домой, а предпочитал задержаться в школе, в так называемом техническом кабинете, где стояли несколько персональных компьютеров, за которыми он просиживал час за часом. Учитель физики с звучащей на шведский манер фамилией Ларсон заметил у Эда способности к работе с оборудованием, и после обследования, проведенного с участием социальных служб, тому дали стипендию и возможность перейти в школу с более мотивированными учащимися.

Эд начал блистать в учебе, получал все новые стипендии и награды и в конце концов, что было небольшим чудом, принимая во внимание его исходные обстоятельства, поступил учиться в МИТ – Массачусетский институт технологий, на специальность «Электротехника и компьютерные науки». Он написал докторскую диссертацию о некоторых специфических опасениях в отношении таких новых асимметрических криптосистем, как RSA[21], далее занимал высокие должности в «Майкрософт» и «Циско», а под конец его взяли на работу в Агентство национальной безопасности, АНБ, в Форт-Миде, штат Мэриленд.

Резюме Эда, вообще-то, не отличалось полной безупречностью, причем не только из-за криминальных действий в подростковые годы. В колледже он покуривал травку и проявлял склонность к социалистическим или даже анархистским идеалам, и во взрослом возрасте тоже два раза попадал в изолятор за избиения – дрался он в основном в кабаках, ничего особенного. Характер у него оставался агрессивным, и все, кто его знал, предпочитали с ним не ссориться. Однако в АНБ видели другие его качества, да и дело было осенью 2001 года. Американские разведывательные службы настолько остро нуждались в компьютерщиках, что принимали на работу, по большому счету, кого угодно, и в последующие годы никто не ставил под сомнение лояльность или патриотизм Эда, а если кто-то все же пытался, то его плюсы всегда перевешивали.

Эд обладал не только ярким талантом. Присущие его характеру одержимость, маниакальная аккуратность и невероятная эффективность как нельзя лучше подходили для человека, которого посадили защищать IT-безопасность в самом секретном из американских ведомств. Не допустить, чтобы какой-нибудь гад взломал его системы, стало для Эда вопросом чести, и он быстро сделался в Форт-Миде незаменимым, к нему постоянно

стояли в очередь за консультациями. Многие продолжали до смерти его бояться, а он частенько крепко ругал сотрудников, не думая о последствиях. Даже самого руководителя АНБ, легендарного адмирала Чарльза О'Коннора он как-то попросил убираться к черту.

– Употреби свою проклятую занятую башку на то, в чем разбираешься! – рявкнул Эд, когда адмирал попытался высказать свои соображения по поводу его работы.

Но Чарльз О'Коннор и все остальные смотрели на это сквозь пальцы. Они знали, что Эд кричит и ругается по веской причине – потому что люди пренебрегают правилами безопасности или рассуждают о вещах, в которых ничего не понимают. Зато в остальную деятельность шпионской организации Нидхэм никогда не вмешивался, хотя в силу своих полномочий имел доступ почти ко всему, и невзирая на то, что в последние годы ведомство находилось в центре бурных дискуссий, в которых представители как правых, так и левых рассматривали АНБ как дьявола собственной персоной, как инкарнацию Старшего Брата Оруэлла. Но Эд считал, что организация может заниматься, чем ей заблагорассудится, лишь бы его системы безопасности оставались надежны и неприкосновенны, и поскольку семьей он еще не обзавелся, то жил более или менее в офисе.

Нидхэм был силой, на которую полагались, и хотя, конечно, он сам неоднократно подвергался проверке личности, против него никогда ничего не находилось, за исключением нескольких крупных пьянок, при которых он в последнее время становился настораживающе сентиментальным и начинал говорить о том, через что ему довелось пройти. Правда, даже тогда не наблюдалось никаких признаков того, чтобы он рассказывал посторонним, с чем работает. Находясь в другом мире, Эд молчал, как мидия, и если кто-то вдруг начинал на него давить, он всегда придерживался заученной лжи, которую подтверждали Интернет и компьютерные базы данных.

По служебной лестнице он поднялся не по воле случая, не в результате интриг или закулисных игр, и, став шефом службы безопасности Штаб-квартиры, перевернул все вверх дном, «чтобы никакие новые правдоискатели не смогли опять высунуться и надавать нам по морде». Эд и его команда усилили все аспекты системы внутреннего наблюдения и за бесконечные бессонные ночи создали то, что он попеременно именовал «непробиваемой стеной» и «маленькой разъяренной ищейкой».

– Ни один гад сюда не проникнет, и ни один гад не сможет тут копаться без разрешения, – говорил он с невероятной гордостью.

Гордиться Нидхэм продолжал вплоть до того проклятого ноябрьского

утра. День выдался хороший, безоблачный. В Мэриленде не ощущалось никаких признаков накрывшей Европу адской непогоды. Народ вокруг ходил в рубашках и тонких ветровках, а Эд, у которого с годами изрядно округлился живот, характерной раскачивающейся походкой возвращался от кофейного автомата.

В силу своего положения на дресс-коды он внимания не обращал – носил джинсы и красную клетчатую рубашку навыпуск, не слишком обтягивающую в талии. Усаживаясь за компьютер, Эд вздохнул. Самочувствие у него было не из лучших. Болели спина и правое колено, и он проклинал коллегу – бывшего копа ФБР, откровенную и весьма очаровательную лесбиянку Алону Касалес, которой удалось два дня назад выманить его на пробежку, вероятно, из чистого садизма.

К счастью, ничем особенно срочным ему заниматься не требовалось. Надо было только отправить ответственным за COST – программу сотрудничества с крупными IT-концернами – памятку для внутреннего пользования с чуть измененными инструкциями. Однако особенно продвинуться ему не удалось. Он успел лишь написать в привычном резковатом стиле: «*Чтобы ни у кого не возникало соблазна снова превратиться в идиотов и все оставались добропорядочными чокнутыми киберагентами, я хочу подчеркнуть…*», когда его прервал один из алертов, сигналов тревоги.

Эд не слишком заволновался. Его предупредительные системы были настолько чувствительными, что реагировали на малейшее отклонение в информационном потоке. Наверняка просто маленькая аномалия, возможно, знак того, что кто-то пытается превысить свои полномочия, или что-нибудь в этом роде, какая-то помеха.

Но ничего проверить он не успел. В следующее мгновение произошло нечто настолько ужасное, что в течение нескольких секунд Эд отказывался в это верить. Он просто сидел, уставившись в экран. Тем не менее Нидхэм точно знал, что случилось. Во всяком случае, знал той частью мозга, которая еще сохраняла способность трезво мыслить. В их внутренней сети, NSANet, появился RAT. Будь он в любом другом месте, Эд подумал бы: «Мерзавцы, я их уничтожу». Но здесь, в самой закрытой и контролируемой сети, которую он со своей командой только за последний год тщательнейшим образом изучал семь тысяч одиннадцать раз, чтобы отследить малейшую уязвимость, здесь – нет-нет, это невозможно, просто исключено.

Сам того не сознавая, Нидхэм закрыл глаза, точно в надежде, что стоит их подольше не открывать, как все исчезнет. Но когда он вновь посмотрел

на экран, его начатое предложение оказалось законченным. Его «*…я хочу подчеркнуть…*» теперь само по себе продолжилось словами: «*…что вы должны прекратить заниматься беззаконием, а это ведь, на самом деле, очень просто. Тот, кто наблюдает за народом, в конце концов сам оказывается под наблюдением народа. В этом есть фундаментальная демократическая логика*».

– Проклятье, проклятье, – пробормотал он, проявляя тем самым признак того, что потихоньку приходит в себя.

Но текст продолжился: «*Не возмущайся, Эд. Давай-ка лучше прогуляемся. У меня Root*»[22], – и тут Нидхэм громко закричал. Слово *Root* нанесло сокрушительный удар по всему его существу, и в течение какой-то минуты, пока компьютер молниеносно проносился по самым секретным частям системы, Эд всерьез думал, что его хватит инфаркт. Он лишь заметил, словно в тумане, что вокруг него начал собираться народ.

Ханне Бальдер следовало сходить в магазин. В холодильнике не было ни пива, ни сколько-нибудь нормальной еды. Кроме того, Лассе мог вернуться домой в любой момент, а он едва ли обрадуется, если не получит даже пива. Но погода казалась совершенно удручающей, и, оттягивая выход, Ханна сидела на кухне, курила – хотя это было вредно для ее кожи, и вообще вредно – и пересматривала содержимое своего телефона.

Дважды или трижды она прошлась по телефонной книжке в надежде, что там всплывет какое-нибудь новое имя. Но, естественно, ничего не обнаружила. Там присутствовали только все те же, уже уставшие от нее люди, и, вопреки здравому смыслу, она позвонила Мийе. Мийа была ее агентом, и когда-то они были лучшими подругами, мечтавшими о совместном завоевании мира. Теперь же Ханна стала для Мийи в основном муками совести, и она даже не знала, сколько извинений и ни к чему не обязывающих слов ей за последнее время довелось от нее выслушать. «Женщине-актрисе очень нелегко стареть, ля-ля-ля…» Это было невыносимо. Почему прямо не сказать: «У тебя потрепанный вид, Ханна, публика тебя больше не любит»?

Мийа, разумеется, не ответила – ну и хорошо, ни одной из них разговор все равно удовольствия бы не доставил. Ханна не удержалась и заглянула в комнату Августа, только чтобы ощутить прилив тоски, заставлявшей ее прочувствовать, что она лишилась важнейшего дела жизни – материнства, и, как ни парадоксально, это придало ей немного сил. Каким-то извращенным образом жалость к себе приносила ей утешение, и она уже было задумалась, не сходить ли все-таки за пивом, как зазвонил

телефон.

Увидев на дисплее имя Франса, женщина еще чуть больше скривилась. Она весь день собиралась – но не решилась – позвонить ему и сказать, что хочет вернуть Августа. Не просто потому, что тоскует без сына, и – тем более – не из-за того, что думает, будто для него будет лучше жить у них. А чтобы избежать катастрофы, только и всего.

Лассе хочет забрать парня домой, чтобы снова получать алименты, и бог знает, думала Ханна, что может случиться, если он явится в Сальтшёбаден и начнет отстаивать свое право. Возможно, силой вытащит Августа из дома, напугав его до безумия, и изобьет Франса. Ей надо заставить бывшего понять это. Но когда она ответила на звонок и попыталась изложить свое дело, разговаривать с Франсом оказалось вообще невозможно. Он кинулся взахлеб рассказывать какую-то странную историю, явно представлявшуюся ему «просто потрясающей и совершенно уникальной» и тому подобное.

– Франс, извини, я не понимаю. О чем ты говоришь? – спросила она.

– Август – савант. Он гений.

– Ты сошел с ума?

– Напротив, дорогая, я наконец поумнел. Ты должна приехать сюда, да, и немедленно! Думаю, это единственный способ. Иначе ты не поймешь. Такси я оплачу. Обещаю, ты упадешь в обморок. Представляешь, у него, вероятно, фотографическая память, и он каким-то непостижимым образом самостоятельно освоил все тайны изображения перспективы. Это так красиво, Ханна, так точно! Он светится, словно сияние из другого мира.

– Что светится?

– Огонь его светофора. Ты, что, не слушала? Светофора, мимо которого мы проходили накануне вечером и который Августу сейчас удалось несколько раз идеально изобразить, даже больше, чем идеально…

– Больше, чем…

– Ну, как бы это сказать? Он не просто скопировал, Ханна, не просто точно поймал светофор, а привнес некое художественное измерение. В его работе присутствует такое удивительное сияние и, как ни парадоксально, еще нечто математическое, словно он разбирается даже в аксонометрии.

– Аксо…

– Пустяки, Ханна! Ты должна приехать и посмотреть, – настаивал он, и она постепенно начала понимать.

Август внезапно и без предупреждения начал рисовать, как виртуоз – по крайней мере, по утверждению Франса, – и было бы, разумеется, здорово, окажись это правдой. Но Ханна, как это ни печально, не

обрадовалась и поначалу не поняла, почему. Потом догадалась. Потому что это случилось у Франса. Здесь, у них с Лассе, мальчик жил годами, и вообще ничего не происходило. Здесь он просто сидел со своими пазлами и кубиками, не произнося ни слова, и только страдал отвратительными припадками да кричал душераздирающим голосом и метался в разные стороны – и вот, пожалуйста, несколько недель у отца, и его уже называют гением…

Это просто чересчур. Не то чтобы Ханна не радовалась за мальчика, но ее это все равно огорчало. И самое ужасное: она не так уж сильно удивилась. Не качала головой, бормоча: «Невероятно, невероятно»… Напротив, она, казалось, предчувствовала – не именно то, что сын станет идеально изображать светофоры, но что за внешними проявлениями у него скрывается нечто большее.

Ханна читала это в его глазах, во взгляде, который иногда в минуты сильного волнения, казалось, регистрировал мельчайшие детали вокруг. Она угадывала это по тому, как мальчик слушал школьных учителей, как нервно перелистывал купленные ею учебники математики, и прежде всего: по его цифрам. Ничего более странного, чем его цифры, ей видеть не доводилось. Он мог час за часом записывать бесконечные серии непостижимо больших чисел, и Ханна действительно пыталась их понять или, по крайней мере, уловить в них какой-то смысл. Но, как она ни старалась, разобраться ей так и не удалось, и сейчас она догадывалась, что упустила в этих числах нечто важное. Наверное, она была слишком несчастна и слишком занята собой для того, чтобы понимать, что творится в мыслях сына?

– Я не знаю, – произнесла Ханна.

– Не знаешь что? – раздраженно уточнил Франс.

– Не знаю, смогу ли я приехать, – продолжила она и в тот же миг услышала возню у входной двери.

Лассе прибыл вместе со своим старым собутыльником Рогером Винтером, что заставило Ханну испуганно попятиться, пробормотать Франсу слова извинения и в тысячный раз подумать, что она плохая мать.

Франс выругался, стоя с телефоном в руках посреди спальни, на полу в шахматную клетку. Выложить пол таким образом он велел, потому что этот рисунок отвечал его чувству математического порядка, а также поскольку шахматные клетки размножались до бесконечности в зеркалах платяных шкафов, стоявших по обе стороны кровати. Бывали дни, когда он рассматривал удвоение клеток в зеркалах как расползающуюся загадку, как

нечто почти живое, возникающее из схематичности и регулярности, подобно тому как из нейронов мозга рождаются мысли и мечты или из бинарных кодов компьютерные программы. Но в данную минуту его полностью занимали мысли иного рода.

– Солнышко, что случилось с твоей мамой? – проговорил он.

Август, который сидел на полу рядом с ним и ел бутерброд с сыром и соленым огурцом, посмотрел на отца сосредоточенным взглядом, и у того возникло странное предчувствие, что сын вот-вот скажет нечто взрослое и разумное. Но это, конечно, была глупость. Август говорил не больше, чем всегда, и ничего не знал об опустившихся и потухших женщинах, и то, что Франсу вообще могло взбрести в голову нечто подобное, естественно, объяснялось рисунками.

Рисунки – к этому времени их стало уже три – временами представлялись ему доказательством не только художественного и математического таланта, но и какой-то особой мудрости. Они казались настолько зрелыми и сложными по геометрической точности, что никак не сочетались у Франса с образом Августа как умственно отсталого ребенка. Или, вернее, так: ему не хотелось, чтобы сочетались, поскольку он, естественно, уже давно догадался, в чем дело, и не только потому, что в свое время смотрел «Человека дождя»[23].

Будучи отцом мальчика-аутиста, Бальдер, конечно, рано столкнулся с понятием «савант», описывающим людей с тяжелыми когнитивными недостатками, но тем не менее обладающих блестящими способностями в ограниченных областях, талантами, которые тем или иным образом включают потрясающую память и умение видеть мельчайшие детали. Франс изначально догадывался, что при таком диагнозе многие родители надеются на это как на утешительный приз. Но обстоятельства часто оказываются против них.

Согласно приблизительным оценкам, только один из десяти детей-аутистов наделен синдромом саванта, причем чаще всего он проявляется не в таких феноменальных талантах, как у Человека дождя из фильма. Существуют, например, аутисты, способные сказать, на какой день недели приходилась определенная дата во временном промежутке в несколько сотен лет – ну, в исключительных случаях в рамках сорока тысяч лет. Другие обладают энциклопедическими знаниями в узкой сфере, типа расписаний автобусов или телефонных номеров. Некоторые могут складывать в уме большие числа или точно помнят, какая погода была в каждый день их жизни, или способны с точностью до секунды определить время, не глядя на часы. Существует целый ряд более или менее странных

талантов, и, насколько понимал Франс, людей, обладающих подобными качествами, называют талантливыми савантами, людьми, которые наделены чем-то уникальным, принимая во внимание их отклонения в развитии.

Далее имелась другая группа, гораздо более редкая, и Франсу хотелось верить, что Август принадлежит именно к ней. К так называемым гениальным савантам – личностям, чьи таланты, при всех условиях, сенсационны. Взять, например, недавно умершего от инфаркта Кима Пика. Ким не мог самостоятельно одеться и страдал тяжелыми умственными нарушениями. Тем не менее он хранил в памяти содержание двенадцати тысяч книг и мог молниеносно ответить на любой фактический вопрос. Он был словно живая компьютерная база данных. Его называли Кимпьютер.

Еще были музыканты, например, Лесли Лемке – слепой, умственно отсталый человек, который в шестнадцать лет однажды встал посреди ночи и, не учась и не упражняясь, блестяще сыграл Первый фортепианный концерт Чайковского после того, как лишь раз услышал его по телевизору. Но прежде всего, существовали такие парни, как Стивен Уилтшир – английский мальчик-аутист, который в детстве отличался крайней формой отсталости и произнес первое слово только в шесть лет, причем им оказалось слово «бумага».

Лет в восемь-десять Стивен мог, лишь бегло взглянув на большой архитектурный комплекс, идеально начертить его в мельчайших деталях. Однажды он летел над Лондоном на вертолете, глядя вниз на дома и улицы. Оказавшись на земле, мальчик нарисовал потрясающую, пеструю панораму всего города. При этом он отнюдь не просто копировал. В его работах рано проявилось удивительное своеобразие, и сейчас его считают во всех отношениях большим художником.

Да, есть такие, как он, – и именно мальчики! На шесть савантов встречается только одна девочка, что, вероятно, связано с одной из основных причин аутизма – циркуляцией слишком больших количеств тестостерона в матке; прежде всего, естественно, при вынашивании мальчиков. Тестостерон может повредить мозговую ткань эмбриона, и почти всегда страдает левое полушарие, поскольку оно развивается медленнее и более уязвимо. Синдром саванта является компенсацией правого полушария головного мозга за повреждения в левом.

Однако из-за того, что полушария отличаются друг от друга – левое полушарие отвечает за абстрактное мышление и способность видеть более широкий контекст, – результат оказывается все-таки своеобразным. Возникает некая новая перспектива, особый тип фиксации деталей, и если

Франс все понял правильно, то они с Августом видели тот светофор совершенно по-разному. Не только потому, что мальчик был явно гораздо больше сконцентрирован, но и поскольку мозг Франса молниеносно отбросил все неважное и сосредоточился на главном – на безопасности и самом посыле светофора: иди или стой. Весьма вероятно, что его взгляд еще затуманивало многое другое, прежде всего Фарах Шариф. Для последнего переход слился с потоком воспоминаний о ней и надежд, а для Августа он, наверное, представал в точности таким, как был.

Мальчик смог в мельчайших деталях зафиксировать и сам переход, и переходившего улицу смутно знакомого мужчину. Потом он держал этот образ в голове, точно прекрасную гравюру, и только через две недели ощутил потребность выпустить его наружу. И самое удивительное: он не просто передал светофор и мужчину, а наделил их каким-то тревожным светом. Франс никак не мог отделаться от мысли, что Август хочет сказать ему нечто большее, чем: «Смотри, что я умею!» Он в сотый раз пристально всматривался в рисунки, и тут ему словно бы вонзилась в сердце игла.

Бальдер испугался. До конца он не понимал, но это явно имело какое-то отношение к мужчине на рисунке. У того были блестящие и жестокие глаза; челюсти напряжены, а губы на удивление узкие, едва заметные, хотя последняя деталь едва ли могла говорить против него. Тем не менее чем дольше Франс его разглядывал, тем более пугающим он казался, и внезапно Бальдера охватил леденящий страх, как будто он столкнулся с неким предзнаменованием.

– Я люблю тебя, сынок, – пробормотал он, едва сознавая, что говорит, и, вероятно, повторил фразу несколько раз, поскольку эти слова стали казаться ему все более чужеродными.

Франс с какой-то новой болью сообразил, что никогда прежде не произносил их, а когда пришел в себя от первого шока, его осенило, что в этом есть нечто глубоко постыдное. Неужели для того, чтобы он полюбил собственного ребенка, потребовался исключительный талант? В таком случае это чересчур типично. Ведь он всю жизнь был так судорожно нацелен на результат.

Не являвшееся новаторским или в высшей степени талантливым его не волновало, и, покидая Швецию ради Силиконовой долины, Франс едва ли даже вспоминал об Августе. Сын был, по большому счету, лишь источником раздражения, мешавшим эпохальным открытиям, которыми занимался Бельдер.

Но теперь все изменится, пообещал он себе. Он забудет научную работу и все то, что терзало и мучило его в последние месяцы, – и

полностью посвятит себя сыну.

Он станет новым человеком, несмотря ни на что.

Глава 5

20 ноября

Как Габриэлла Гране попала в СЭПО, не понимал никто, и меньше всех она сама. Она принадлежала к типу девушек, которым все предрекали блестящее будущее. То, что ей уже исполнилось тридцать три, а она не стала известной или состоятельной и даже не вышла замуж – за богатого или вообще, – очень тревожило ее старых подруг из Юшхольма[24].

– Что с тобой произошло, Габриэлла? Неужели ты собираешься всю жизнь быть полицейским?

Чаще всего у нее не хватало сил отругиваться или объяснять, что она вовсе не полицейский, а отобрана как лучший аналитик и пишет теперь гораздо более квалифицированные тексты, чем когда служила в МИДе или подрабатывала летом в качестве автора передовиц в газете «Свенска дагбладет». Кроме того, она все равно почти ни о чем не имела права рассказывать. Тогда уж лучше молчать, не обращая внимания на нелепую зацикленность подруг на престиже, и просто смириться с тем, что работа в Службе безопасности рассматривается как полное фиаско – и друзьями из высшего общества, и приятелями-интеллектуалами.

В их глазах СЭПО представляло собой сборище недотеп с правым уклоном, которые, по негласным расистским соображениям, гоняются за курдами и арабами и не гнушаются тяжких преступлений и правонарушений, чтобы защищать бывших советских шпионов высшего ранга, – и временами она, конечно, бывала с ними согласна. В организации действительно имели место некомпетентность и сомнительные оценки, и большим позорным пятном оставалось дело Залаченко. Но ведь этим все не исчерпывалось. Интересная и важная работа здесь тоже шла, особенно теперь, после проведенных чисток, и Габриэлле иногда казалось, что именно в Службе безопасности высказываются интересные мысли – или, во всяком случае, здесь, а не в университетских аудиториях или из передовиц лучше понимаешь произошедший в мире переворот. Правда, она часто задавалась вопросом: «Как я сюда попала и почему не ухожу?»

Определенную роль, вероятно, сыграло то, что ей польстили. С нею связался не кто-нибудь, а новый руководитель СЭПО Хелена Крафт, сказавшая, что после всех катастроф и уничижительных статей Служба безопасности должна начать набирать людей по-новому. Нам надо брать

пример с британцев, сказала она, и «привлекать настоящие таланты из университетов, и, честно говоря, Габриэлла, лучше тебя нам не найти», – а большего и не требовалось.

Габриэллу приняли на работу аналитиком в отдел контрразведки, а затем перевели в отдел промышленной безопасности, и хотя она не слишком подходила для своей должности в том плане, что была молодой, да еще и женщиной, причем красивой, с аристократическим налетом, но во всех остальных отношениях она им подходила. Ее называли «папенькиной дочкой» и «гламурной девицей», что создавало кое-какие ненужные помехи. Но в целом ее считали отличным приобретением – сотрудником быстрым, восприимчивым, способным мыслить нешаблонно. Кроме того, она знала русский язык.

Его Габриэлла выучила параллельно с занятиями в Стокгольмском институте менеджмента, где, разумеется, была образцовой студенткой, правда, не особенно заинтересованной. Она мечтала о чем-то большем, чем жизнь в мире бизнеса, и по окончании школы попыталась поступить в МИД, куда ее, естественно, приняли. Однако работа там ее тоже не больно вдохновляла. Дипломаты казались ей слишком скучными и благовоспитанными. Но тут ей как раз позвонила Хелена Крафт – и сейчас она уже проработала в СЭПО пять лет, и ее талант постепенно оценили, хотя временами ей, конечно, приходилось нелегко.

Сегодня день тоже выдался нелегкий, не только из-за проклятой погоды. В кабинете Габриэллы возник начальник управления Рагнар Улофссон и с недовольным и серьезным видом указал ей на то, что, находясь на задании, нельзя, черт возьми, флиртовать.

– Флиртовать? – переспросила она.

– Сюда доставили цветы.

– Разве я в этом виновата?

– Да, думаю, ответственность лежит на тебе. При выполнении задания мы должны вести себя корректно и сдержанно. Мы представляем один из центральных органов власти.

– Отлично, дорогой Рагнар! У тебя всегда можно чему-нибудь научиться. Теперь я, наконец, понимаю, что виновата в том, что начальник научного отдела компании «Эрикссон» не умеет отличать обычное вежливое обхождение от флирта. Теперь мне ясно, что я несу ответственность за то, что некоторые мужчины настолько принимают желаемое за действительное, что видят в простой улыбке сексуальный подтекст.

– Не мели чепухи, – отрезал Рагнар и ушел.

Задним числом Габриэлла пожалела о своих словах. Подобные высказывания, как правило, ни к чему не ведут. С другой стороны, она слишком долго терпела всякую мерзость.

Настала пора постоять за себя, и она быстро расчистила письменный стол и достала представленный британским Центром правительственной связи анализ русского промышленного шпионажа против европейских компаний, занимающихся программным обеспечением, который еще не успела прочесть. Тут позвонил телефон. Это оказалась Хелена Крафт, и Габриэлла обрадовалась. Хелена еще ни разу не звонила, чтобы пожаловаться или обвинить, – напротив.

– Я перейду прямо к делу, – сказала Хелена. – Мне звонят из США – и, похоже, по довольно срочному вопросу. Ты можешь принять информацию по своему «Циско»-телефону? Мы организовали надежную линию.

– Естественно.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты перевела мне информацию и оценила степень ее важности. Звучит серьезно, но сообщающая сведения женщина ведет себя как-то странно. Кстати, она говорит, что знает тебя.

– Переключайте.

Звонила Алона Касалес из АНБ, из Мэриленда; правда, Габриэлла на мгновение засомневалась, действительно ли это она. Когда они в последний раз встречались на конференции в Вашингтоне, Алона, уверенная в себе и харизматичная, выступала с докладом о том, что она, прибегнув к некоторому эвфемизму, называла активной сигнальной разведкой, – то есть о работе хакеров, – а потом они с Габриэллой немного постояли вместе, потягивая напитки. Габриэлла, сама того не желая, подпала под ее очарование. Алона курила сигариллы и низким чувственным голосом отпускала крепкие остроты, часто с сексуальным подтекстом. Но сейчас, по телефону, она казалась совершенно растерянной и временами каким-то непостижимым образом теряла нить.

Алона никогда особенно не нервничала и обычно без проблем концентрировалась на нужной теме. Ей было сорок восемь лет, она была высокорослой, откровенной в своих высказываниях, с пышным бюстом и маленькими умными глазами, способными любого лишить уверенности. Она, казалось, часто видела людей насквозь и уж точно не отличалась особым почтением к начальству. Ей ничего не стоило выругать кого угодно – даже если к ним заезжал министр юстиции, – и это тоже служило одной из причин того, что Эд-Кастет отлично с нею ладил. Никто из них особенно не пекся о карьере. Их интересовал исключительно талант, и поэтому

начальник службы безопасности в такой маленькой стране, как Швеция, был для Алоны лишь мелкой сошкой.

Тем не менее за время обычных проверок ее звонка она совершенно сбилась с мысли. Но это не имело никакого отношения к Хелене Крафт. Всему виной была разыгрывавшаяся у них в офисе драма. К вспышкам ярости Эда все уже, конечно, привыкли. Он мог орать, рычать и колотить кулаком по столу почти на ровном месте. Однако сейчас что-то сразу подсказало ей: здесь ситуация другого уровня.

Эд казался полностью парализованным, и пока Алона выпаливала в телефон несколько растерянных слов, вокруг шефа собрался народ – кое-кто доставал свои телефоны, и вид у всех без исключения был взволнованный и испуганный. Однако Алона, от собственного идиотизма или просто от сильного шока, трубку не положила и не попросила разрешения перезвонить позже. Она лишь согласилась на переключение разговора и попала, как и хотела, к Габриэлле Гране – очаровательной молодой сотруднице-аналитику, с которой познакомилась в Вашингтоне и сразу попыталась закадрить; и хотя из этого ничего не вышло, Алона рассталась с нею с чувством глубокой приязни.

– Привет, подруга, – сказала она. – Как поживаешь?

– Спасибо, хорошо, – ответила Габриэлла. – У нас кошмарная погода, а в остальном все о’кей.

– Мило мы в прошлый раз посидели, правда?

– Безусловно, было очень приятно. Похмелье ощущалось весь следующий день. Но полагаю, ты звонишь не для того, чтобы куда-нибудь меня пригласить?

– К сожалению, нет, как это ни печально. Я звоню потому, что мы перехватили серьезную угрозу в адрес шведского ученого.

– Кого именно?

– Мы долго не могли разобраться в информации или даже понять, о какой стране идет речь. Там использовались только неясные коды; бóльшая часть сообщения была зашифрована, и ее никак не удавалось раскусить, но все-таки, как часто бывает, с помощью маленьких кусочков мозаики… о, черт…

– Извини?

– Подожди немного…

Компьютер Алоны замигал. Затем погас, и насколько она поняла, то же самое произошло по всему офису. Она на мгновение задумалась, что же ей делать, но решила продолжить разговор, по крайней мере, пока; возможно, это все-таки просто отключение электроэнергии, хотя остальное освещение

работало.

– Я жду, – сказала Габриэлла.

– Спасибо, очень любезно с твоей стороны. Извини, пожалуйста. Тут у нас полная неразбериха. Так на чем я остановилась?

– Ты говорила о кусочках мозаики.

– Точно, точно, мы сложили кое-что вместе… ведь кто-нибудь всегда проявляет неосторожность, какими бы профессионалами им ни хотелось казаться, или…

– Да?

– …разговаривает, упоминает какой-нибудь адрес или еще что-то, в данном случае скорее…

Алона снова умолкла. В офис вошел не кто-нибудь, а сам коммандер Джонни Ингрэм – один из настоящих тяжеловесов организации, с контактами в верхушке Белого дома. Конечно, Джонни Ингрэм старался держаться невозмутимо и надменно – как обычно. Он даже выдал какую-то шутку стоявшей поодаль компании. Но никого не обманул. За ухоженной, загорелой внешностью – еще со времен руководства шифровальным центром АНБ на острове Оаху он ходил загорелым круглый год – у него угадывалась нервозность во взгляде, и ему, похоже, хотелось привлечь всеобщее внимание.

– Алло, ты меня слышишь? – заволновалась Габриэлла.

– Я, к сожалению, должна закончить разговор. Я перезвоню, – сказала Алона и положила трубку, уже всерьез разволновавшись.

В самом воздухе чувствовалось, что случилось нечто ужасное – возможно, новое покушение террористов. Однако Джонни Ингрэм продолжал изображать спокойствие, и хотя он потирал руки и над верхней губой и на лбу у него выступил пот, он раз за разом подчеркивал, что ничего серьезного не произошло. Скорее всего, говорил Ингрэм, речь идет о каком-то вирусе, проникшем во внутреннюю сеть, невзирая на все меры предосторожности.

– Мы на всякий случай отключили наши серверы, – объявил он, на какое-то мгновение действительно сумев разрядить обстановку.

– Черт побери, вирус – это все-таки не так уж и опасно, – казалось, заговорили вокруг.

Но затем Джонни Ингрэм стал многословен и уклончив, и тут Алона, не выдержав, выкрикнула:

– Не темни!

– Мы пока почти ничего не знаем, ведь это произошло только что. Но, возможно, в наши компьютеры вторглись. Как только будем знать больше,

мы сразу вам сообщим, – ответил Джонни Ингрэм, снова заметно разволновавшись.

По офису пробежал шум.

– Это опять иранцы? – поинтересовался кто-то.

– Мы думаем… – продолжил Ингрэм.

Закончить фразу он не успел. Его резко прервал тот, кому, естественно, полагалось бы давать объяснения с самого начала и кто только сейчас предстал перед собравшимися во всю свою медвежью мощь, – и вид у него в этот момент был, безусловно, впечатляющий. Эд Нидхэм, еще секунду назад раздавленный и пребывавший в шоковом состоянии, теперь излучал невероятную решимость.

– Нет, – прошипел он. – Это точно хакер, какой-то долбаный суперхакер, которому я отрежу яйца…

Габриэлла только надела пальто, чтобы идти домой, как снова позвонила Алона Касалес, и поначалу Гране рассердилась, не только из-за неразберихи в прошлый раз. Ей хотелось уйти, пока непогода не разбушевалась окончательно. Согласно новостям по радио, ожидался ветер до тридцати метров в секунду и понижение температуры до минус десяти, а она была слишком легко одета.

– Извини за задержку, – сказала Алона. – У нас выдалось просто безумное утро. Полный хаос.

– Здесь тоже, – вежливо ответила Габриэлла, поглядывая на часы.

– Но у меня, как я говорила, важное дело – по крайней мере, я так думаю. Оценить не очень-то легко. Я как раз начала вычислять группировку русских, я тебе сказала?

– Нет.

– Ну, вероятно, там есть еще немцы и американцы, а возможно, и кое-кто из шведов.

– О какой группировке мы говорим?

– О преступниках, я бы сказала, об изощренных преступниках, которые больше не занимаются ограблением банков или торговлей наркотиками, а воруют секреты предприятий и конфиденциальную бизнес-информацию.

– Черные хакеры?

– Это не просто хакеры. Они еще шантажируют и подкупают людей. Возможно, занимаются даже таким старомодным делом, как убийства. Но, по правде говоря, у меня пока на них собрано не слишком много – в основном кое-какие кодовые слова и неподтвержденные связи плюс пара

настоящих имен нескольких молодых компьютерщиков нижнего звена. Группировка занимается квалифицированным промышленным шпионажем, поэтому, в частности, дело и попало ко мне на стол. Мы опасаемся того, что новейшие американские технологии попали в руки к русским.

– Понятно.

– Но добраться до них нелегко. Они хорошо шифруются, и как я ни старалась подобраться к руководящей прослойке, мне удалось установить только, что их лидера называют Таносом.

– Таносом?

– Да, это производное от Танатоса, бога смерти в греческой мифологии, который приходится сыном Нюкте, ночи, и братом-близнецом Гипнозу, сну.

– Как драматично.

– Скорее по-детски. Танос является злым разрушителем в комиксах компании «Марвел» – ну, где еще есть такие герои, как Халк, Железный человек и Капитан Америка, – и, во-первых, все это не слишком русское, а главное… как бы это сказать…

– Несерьезное и высокомерное?

– Да, будто они – сборище самоуверенных студентов колледжа, которое над нами издевается. И это меня раздражает. Честно говоря, в данной истории меня беспокоит многое, поэтому я, конечно, очень заинтересовалась, когда мы, благодаря радиотехнической разведке, узнали, что, судя по всему, из этой компании кто-то улизнул. Нам подумалось, что через него мы, пожалуй, могли бы кое-что разузнать, если только сумеем заполучить этого парня, прежде чем они доберутся до него сами. Однако, разобравшись в ситуации получше, мы поняли, что дело обстоит совсем не так, как мы предполагали.

– В каком смысле?

– Их бросил не какой-нибудь криминальный тип, а напротив, человек порядочный. Он уволился с фирмы, где у этой организации имеются осведомители, и, похоже, случайно узнал нечто для них крайне важное.

– Ясно.

– По нашим оценкам, этот человек сегодня находится под серьезной угрозой. Ему необходима защита. Но до самого последнего времени мы не представляли, где его искать. Не знали даже, на какой фирме он работал. А сейчас мы полагаем, что вычислили его, – продолжала Алона. – Понимаешь, на днях один из этих персонажей случайно обмолвился о беглеце и сказал, что «с ним улетучились все чертовы Тэ».

– Чертовы Тэ?

– Да, это прозвучало загадочно и странно, но имело то преимущество, что было очень специфично и крайне легко поддавалось поиску. Правда, именно сочетание «чертовы Тэ» ничего не давало, а Тэ вообще, слова на Тэ, связанные с фирмами, предположительно с высокотехнологичными компаниями, все время приводили к одному и тому же – к Николасу Гранту и его максиме: Толерантность, Талант и Теснота.

– Имеется в виду «Солифон»? – уточнила Габриэлла.

– Мы считаем, что да. По крайней мере, нам показалось, будто все встало на свои места, и поэтому мы начали проверять, кто в последнее время покинул «Солифон», и поначалу ничего не добились – ведь там большая текучка. Думаю даже, что так и было задумано. Таланты должны сменять друг друга. И тогда мы стали размышлять над этими Тэ. Знаешь, что Грант имеет в виду?

– Не совсем.

– Это его рецепт креативности. Под толерантностью он подразумевает, что нужна терпимость по отношению к необычным идеям и необычным людям. Чем больше ты открыт для людей с отклонениями или вообще для меньшинств, тем больше к тебе стекается новаторских мыслей. Немного напоминает Ричарда Флориду с его гей-индексом. Там, где толерантно относятся к таким, как я, присутствует также бóльшая открытость и креативность.

– Слишком гомогенные и осуждающие организации ничего не создают.

– Именно. А таланты, по его словам, не только выдают хорошие результаты – они еще притягивают другие таланты. Создают среду, где людям приятно находиться. И с самого начала Грант пытался скорее заманивать к себе гениев в своей отрасли, нежели заполучать идеально подходящих специалистов. Пусть направление определяют таланты, а не наоборот, считал он.

– А теснота?

– От талантов должно быть тесно, то есть пусть работают сплошные таланты. Незачем разводить бюрократию для организации встреч. Не нужно заранее оговаривать время встречи и беседовать с секретарями. Просто вваливайся и обсуждай. Надо иметь возможность перебрасываться идеями беспрепятственно. И, как ты наверняка знаешь, «Солифон» добился сказочного успеха. Они поставили новаторские технологии в целый ряд мест, даже сюда, в АНБ, между нами говоря. Но затем появился новый маленький гений, твой соотечественник, и с ним…

– …улетучились все чертовы Тэ.

– Точно.

– И это был Бальдер.

– Совершенно верно. И я не думаю, чтобы у него в нормальной ситуации имелись проблемы с толерантностью, да и с теснотой. Однако он с самого начала распространял вокруг себя какой-то яд и отказывался хоть чем-то делиться. Ему с ходу удалось испортить хорошую атмосферу среди элитарных ученых компании, особенно когда Бальдер начал обвинять народ в воровстве и эпигонстве. Кроме того, он крупно поругался с владельцем, Николасом Грантом. Но тот отказывается рассказывать, в чем было дело; говорит только, что оно носило личный характер. Вскоре после этого Бальдер уволился.

– Я знаю.

– Да, и большинство только обрадовалось его уходу. В компании стало легче дышать, и люди снова начали доверять друг другу, хотя бы в какой-то степени. Но Николас Грант не обрадовался, и, прежде всего, не порадовались его адвокаты. Бальдер забрал с собою свои наработки, а все подозревали – возможно, потому что никто о его исследованиях ничего толком не знал, и слухи сменяли друг друга, – что он додумался до чего-то сенсационного, способного произвести революционные преобразования в квантовом компьютере, над которым работал «Солифон».

– А чисто юридически его достижения принадлежали компании, а не лично ему.

– Именно. Соответственно, хотя Бальдер громко кричал о воровстве, в конечном счете вором оказался он сам, и скоро, вероятно, грянет суд, если только Бальдер не сможет запугать ведущих адвокатов тем, что ему известно. Он передал им, что информация является для него страховкой жизни, и возможно, так и есть. Но в худшем случае она станет также…

– Его смертью.

– Меня, по крайней мере, это беспокоит, – продолжала Алона. – У нас появляются все более явные признаки того, что затевается нечто серьезное, а по словам твоего шефа я поняла, что ты можешь помочь нам с кое-какими фрагментами мозаики.

Бросив взгляд на бурю за окном, Габриэлла испытала сильное желание бросить все и рвануть домой. Тем не менее она сняла пальто и с отвратительным настроением уселась обратно за стол.

– В чем вам нужна помощь?

– Как ты думаешь, что он разузнал?

– Должна ли я понимать это так, что вам не удалось ни наладить его прослушку, ни проникнуть к нему в компьютер?

– На это, душенька, я тебе не отвечу. Но как тебе кажется?

Габриэлла вспомнила, как Франс недавно, стоя в дверях ее кабинета, бормотал о том, что мечтает о «новой жизни»… Что он под этим подразумевал?

– Предполагаю, тебе известно, – сказала она, – что Бальдер считал, будто у него в Швеции украли результаты исследования. Радиотехнический центр Министерства обороны провел довольно обширное обследование и в какой-то мере признал справедливость его слов, хотя дальше разбираться не стал. Тогда же я впервые встретилась с Бальдером, и он мне не слишком понравился. Заговорил меня до смерти и закрывал глаза на все, не касавшееся его самого и его исследований. Помню, мне подумалось, что никакой успех на свете не стоит подобной однобокости. Если для мирового признания требуется такая жизненная позиция, мне оно не нужно, даже в мечтах. Впрочем, возможно, на мое отношение к нему повлияло постановление суда.

– Об опеке?

– Да, его тогда только что лишили права заниматься сыном-аутистом, поскольку он не уделял тому никакого внимания и даже не заметил, когда мальчику свалился на голову чуть ли не целый стеллаж его книг, и, услышав, что он восстановил против себя буквально весь «Солифон», я прекрасно поняла, почему. Мне подумалось: так ему и надо.

– А дальше?

– Дальше он вернулся домой, и у нас заговорили о том, что ему бы надо предоставить какую-то форму защиты; тогда я снова с ним встретилась. Всего несколько недель назад. Просто невероятно, но он совершенно изменился. Не только потому, что сбрил бороду, привел в порядок прическу и похудел. Он сделался более тихим и даже немного неуверенным. От его одержимости не осталось и следа, и я помню, что спросила его, не волнуется ли он по поводу предстоящих процессов. И знаешь, что он ответил?

– Нет.

– Он с невероятным сарказмом заявил, что не волнуется, поскольку перед законом все равны.

– И что же он имел в виду?

– Что мы все равны, если одинаково расплачиваемся. В его мире, сказал он, закон – не что иное, как меч, которым пронзают таких, как он. То есть он, конечно, волновался. Волновался и потому, что знает вещи, которые не так-то легко носить в себе, даже при том, что они могут его спасти.

– А он не сказал, что это?

– Он сказал, что не хочет лишиться своей единственной козырной карты. Хочет подождать и посмотреть, насколько далеко готов пойти противник. Но я заметила по нему, что он выбит из колеи. В какой-то момент он выпалил, что есть люди, желающие причинить ему вред.

– Каким образом?

– Не чисто физически, по его мнению. Они главным образом хотят отобрать у него его исследования и доброе имя. Но я не уверена, что он действительно считает, будто на этом все закончится, поэтому предложила ему завести сторожевую собаку. Мне вообще кажется, что собака была бы отличной компанией человеку, живущему в пригороде, причем в слишком большом доме. Однако он отказался. Резко заявил, что сейчас держать собаку не может.

– Как ты думаешь, почему?

– Не знаю. Но у меня возникло ощущение, что его что-то тяготит, и Бальдер не стал особенно громко протестовать, когда я организовала установку у него в доме новейшей системы сигнализации. Ее только что установили.

– Кто?

– Охранное предприятие, с которым мы обычно сотрудничаем, – «Милтон секьюрити».

– Хорошо, очень хорошо. Но я бы все-таки предложила вам перевезти его в какое-нибудь надежное место.

– Дело обстоит так плохо?

– Риск, во всяком случае, существует, и этого достаточно, ты согласна?

– О, да, – ответила Габриэлла. – Ты можешь прислать сюда какие-нибудь документы, чтобы я сразу же могла поговорить с начальством?

– Посмотрим, но я даже не знаю, что могу в данный момент предпринять. У нас тут… довольно серьезные компьютерные проблемы.

– Неужели ваше ведомство может себе такое позволить?

– Нет, ты права, полностью права. Я тебе перезвоню, душенька, – сказала она и положила трубку, а Габриэлла несколько секунд не двигалась с места, глядя на метель, все более злобно хлеставшую по окну. Затем достала свой «Блэкфон» и позвонила Франсу Бальдеру. Она звонила снова и снова – не только чтобы предупредить его и проследить за тем, чтобы он немедленно переехал в какое-нибудь безопасное место; ей вдруг захотелось поговорить с ним, узнать, что он имел в виду, говоря: «В последние дни я мечтаю о новой жизни».

Однако никто не знал, а если бы узнал, то не поверил бы, что Франс

Бальдер был полностью поглощен попытками заставить сына нарисовать еще один рисунок, сияющий странным светом, будто из другого мира.

Глава 6

20 ноября

На компьютере замигали слова:

Mission Accomplished![25]

Чума громко закричал хриплым, почти безумным голосом, что было, пожалуй, немного неосмотрительно. Впрочем, соседи, если и услышали его случайно, едва ли могли догадаться, в чем дело.

Дом Чумы не слишком напоминал место для совершения переворотов в сфере политики национальной безопасности на высшем международном уровне. Он больше походил на пристанище асоциального элемента. Жил Чума на Хёгклинтавэген в Сундбюберге – крайне непрестижном районе Стокгольма с унылыми четырехэтажными домами из блеклого кирпича, а о самой квартире вообще ничего хорошего сказать было нельзя. Там не только пахло чем-то кислым и затхлым. На письменном столе Чумы, среди всевозможного хлама, валялись остатки еды из «Макдоналдса» и банки из-под кока-колы, скомканные листки с записями, крошки от печенья, немытые кофейные чашки и пустые пакетики от конфет, а если часть всего этого и попадала в корзину для бумаг, то последняя не опорожнялась неделями, и по комнате нельзя было пройти ни метра, не наступив на хлебные крошки и гравий. Впрочем, никого из его знакомых это не удивляло.

К тому же Чума обычно не принимал душ и без особой необходимости не менял одежду. Жил он целиком и полностью перед компьютером и даже в не самые напряженные периоды работы выглядел удручающе: разжиревший и неухоженный, хоть и с намеком на стильную бороду-эспаньолку. Правда, борода у него давно превратилась в бесформенный куст. Чума был огромный, как великан, кособокий и при каждом движении любил попыхтеть. Но у него имелись другие достоинства.

Прежде всего, он был виртуозным компьютерщиком, хакером, который беспрепятственно перемещался по киберпространству и имел в этой области одного-единственного достойного соперника – или в данном конкретном случае, пожалуй, следует сказать соперницу, – и сам вид его пальцев, танцующих по клавиатуре, радовал глаз. Чума был столь же легок

и гибок в Сети, сколь тяжел и неуклюж в другом, более зримом мире, и пока сосед откуда-то сверху – вероятно, господин Янссон – стучал в пол, он отвечал на полученное сообщение:

Оса, проклятущий гений… Тебе надо поставить памятник!

Потом он с блаженной улыбкой откинулся на спинку кресла и попытался суммировать весь ход событий – или, на самом деле, просто немного понаслаждаться триумфом, – прежде чем выведать у Осы мельчайшие детали и, возможно, заодно убедиться в том, что она опять замела все следы. Никому не удастся их отследить, никому!

Над могущественными организациями они издевались и раньше. Но тут речь шла о новом уровне, и многие в эксклюзивной компании, к которой они принадлежали, в так называемой «Республике хакеров», воспротивились этой идее, и прежде всего – сама Оса. Если требовалось, она могла бороться с любыми ведомствами или людьми. Но драться просто из любви к искусству она не любила.

Подобная детская хакерская возня ей не нравилась. Она не из тех, кто вламывается в суперкомпьютеры, только чтобы выпендриться. Осе всегда хотелось иметь четкую цель, и она вечно проводила свои чертовы анализы последствий. Сопоставляла долгосрочные риски с краткосрочным удовлетворением потребностей, и в этом отношении едва ли кто-нибудь взялся бы утверждать, что вламываться в компьютеры АНБ особенно разумно. Тем не менее она дала себя убедить, и никто толком не понял, почему.

Возможно, ей требовался стимул. Скажем, ей все наскучило и захотелось создать небольшой хаос, чтобы не умереть от тоски. Или же, как утверждал кое-кто из их группы, Оса уже пребывала в состоянии конфликта с АНБ, и поэтому вторжение было просто ее личной местью. Впрочем, другие члены группы ставили это под сомнение, настаивая на том, что она ищет информацию, будто за чем-то охотится с тех самых пор, как ее отца Александра Залаченко убили в Гётеборге, в Сальгренской больнице.

Однако наверняка никто не знал. У Осы всегда водились тайны, и мотив, вообще-то, никакой роли не играет – так они, во всяком случае, пытались себя убеждать. Если она готова помочь, надо просто с благодарностью принять помощь, не вникая в то, что изначально она не проявляла особого энтузиазма, да и вообще почти никаких эмоций. По крайней мере, она больше не упиралась, и этого достаточно.

С подключением Осы проект сразу приобрел более обнадеживающий вид, а они все лучше большинства людей знали, что АНБ в последние годы грубейшим образом превышало свои полномочия. На сегодняшний день агентство прослушивало не только террористов и лиц, представлявших потенциальную угрозу безопасности, или даже не исключительно важных потентатов, типа глав иностранных государств или власть имущих, а всех, почти всех. Отслеживались миллионы, миллиарды, биллионы разговоров, переписок и действий в Сети, и с каждым днем АНБ расширяло свои позиции, глубже и глубже внедрялось в нашу частную жизнь, превращаясь в одно большое недремлющее злое око.

По правде говоря, никто из членов «Республики хакеров» не вел себя в этом отношении особенно примерно. Все они, без исключения, забирались в такие места цифрового пространства, где им было нечего делать. Это, так сказать, входило в правила игры. Хакер – это нарушитель границ со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами; человек, который исключительно в силу своей деятельности пренебрегает правилами и расширяет границы собственного знания, не всегда считаясь с разницей между частным и публичным.

Однако моральные принципы у них существовали, и главное, они знали – тоже по собственному опыту, – что такое коррупция во власти, особенно власти без надзора, и никому из них не нравилась мысль о том, что злостные и беззастенчивые хакерские атаки теперь осуществляются не отдельными бунтарями и изгоями, а государственными гигантами, стремящимися контролировать свое население. Поэтому Чума, Троица, Боб Собака, Клешня, Дурак, Кот и вся компания из «Республики хакеров» решили нанести ответный удар, взломав компьютеры АНБ и так или иначе навредив.

Задача была не из легких. Она немного походила на кражу золота с военной базы Форт-Нокс, а будучи самонадеянными идиотами, они хотели не просто забраться в систему – им хотелось еще завладеть ею. Они хотели создать себе статус суперпользователя, или Root, если говорить на языке «Линукса», а для того, чтобы это получилось, им требовалось найти неизвестные уязвимости в системе безопасности, так называемые Zero days[26] – сперва на серверной платформе АНБ, а затем во внутренней сети бюро, откуда ведется радиотехническая разведка по всему миру.

Начали они, как обычно, с небольшого социального инжиниринга. Им требовалось найти имена системных администраторов и аналитиков инфраструктуры, владевших сложными паролями для входа во внутреннюю сеть, а еще не повредило бы обнаружить какого-нибудь

раздолбая, который может пренебрегать рутинными мерами безопасности. И действительно, по собственным каналам они получили четыре, пять, шесть имен, в частности парня, звавшегося Ричард Фуллер.

Он работал в группе информационной системы АНБ по реагированию на чрезвычайные ситуации, которая контролировала внутреннюю сеть организации и постоянно охотилась за утечками информации и незаконно вторгшимися лицами. Фуллер был «правильным» парнем – Гарвардский диплом юриста, республиканец, куотербек[27], патриотическая мечта, если верить его резюме. Однако Бобу Собаке удалось узнать через бывшую любовницу этого парня, что он втихаря страдает биполярным расстройством и, возможно, балуется кокаином.

В минуты возбуждения Фуллер совершает самые разные глупости – например, даже скачивает файлы и документы, не поместив их предварительно в «песочницу»[28]. Кроме того, он обладал красивой внешностью, пожалуй, чуть слащавой, и больше походил на финансиста типа Гордона Гекко[29], чем на тайного агента, и кто-то – вероятно, сам Боб Собака – подбросил идею, что Оса могла бы поехать к нему в Балтимор, переспать с ним и устроить ему «медовую ловушку».

Оса послала их всех к черту.

Затем она отвергла другую их идею – написать в головной офис в Форт-Миде документ с якобы взрывными сведениями как раз о незаконных вторжениях и утечках, зараженный новейшим «трояном», шпионской программой с высоким порогом оригинальности, которую разработают Чума с Осой. Мысль заключалась в том, чтобы потом выложить в Сети наводки, которые смогли бы привлечь к файлу внимание Фуллера и в случае удачи настолько его взволновать, что он пренебрежет безопасностью. План был вовсе не плох – прежде всего, он мог бы ввести их в компьютерную систему АНБ без применения активного вторжения, которое, возможно, сумели бы отследить.

Но Оса не собиралась, как она выразилась, сидеть и ждать, пока кретин Фуллер опростоволосится. Она не хотела зависеть от промахов других и вообще сопротивлялась и упрямилась, поэтому никого не удивило, когда девчонка вдруг решила взять всю операцию на себя, и хотя это вызвало кое-какие споры и протесты, под конец все согласились – правда, выдав ей ряд инструкций. Она действительно аккуратно записала добытые ими имена и сведения о системных администраторах, а еще попросила помощи с так называемой операцией дактилоскопии – исследованием серверных платформ и оперативных систем. А потом

отгородилась от «Республики хакеров» и от всего мира, и Чуме казалось, что она не слишком прислушивается к его советам – например, что ей нельзя использовать свой ник, свой псевдоним, и не следует работать дома, а скорее, в какой-нибудь удаленной гостинице, под вымышленным именем, на случай если ищейкам АНБ удастся отследить ее через запутанные лабиринты программы Tor. Но она, естественно, делала все по собственному усмотрению, и Чуме оставалось только сидеть за письменным столом в Сундбюберге и ждать с вконец измотанными нервами; поэтому он по-прежнему не имел представления о том, как она действовала.

Наверняка Чума знал лишь одно: совершенное ею грандиозно и легендарно, и пока за окном завывала буря, он немного расчистил хлам на письменном столе, склонился над компьютером и написал:

Расскажи! Какое у тебя ощущение?
Опустошенность, – ответила она.
ОПУСТОШЕННОСТЬ.

Именно такое ощущение у нее и было. Целую неделю Лисбет Саландер почти не спала и, вероятно, пила и ела тоже слишком мало, – и теперь у нее болела голова, глаза налились кровью, руки тряслись, и больше всего ей хотелось скинуть все свое оборудование на пол. Впрочем, где-то в глубине души она испытывала удовлетворение, хотя едва ли по той причине, по какой думал Чума или кто-нибудь другой из «Республики хакеров». Лисбет была довольна тем, что узнала кое-что новое о криминальной группировке, которую исследовала, и тем, что смогла констатировать связь, о наличии которой раньше только предполагала или догадывалась. Но это она держала при себе, и ее удивляло, что остальные могли подумать, будто она хакнула систему из любви к искусству.

Она не подросток с играющими гормонами и не ищущий кайфа идиот, желающий показать класс. Если уж Лисбет бралась за такое рискованное предприятие, то хотела чего-то очень конкретного, хотя когда-то хакерство и вправду было для нее больше, чем просто орудием. В худшие моменты детства оно являлось для нее способом бегства от действительности, возможностью почувствовать себя в этой жизни чуть менее изолированной. С помощью компьютеров она могла сокрушать стены и барьеры, обычно возводившиеся перед нею, и ощущать мгновения свободы, – и в известной степени это наверняка по-прежнему присутствовало.

Но главным образом она занималась охотой, причем с тех самых пор,

как однажды на рассвете проснулась от сна о кулаке, ритмично и истово бьющем по матрасу в квартире на Лундагатан. И никто бы не взялся утверждать, что охота эта была простой. Противники скрывались за дымовыми завесами, и поэтому, в частности, Лисбет Саландер в последнее время казалась необычно трудной и резкой в общении. Она словно бы испускала какой-то новый мрак; за исключением здоровенного громогласного тренера по боксу по имени Обинце и двух-трех любовников и любовниц, больше почти ни с кем не общалась и больше, чем когда-либо, выглядела, как ходячий сгусток проблем – волосы взъерошены, взгляд мрачен… И даже если она иногда пыталась произносить любезности, они удавались ей немногим лучше, чем прежде. Говорила Лисбет правду – или ничего.

А ее квартира здесь, на Фискаргатан… ну, это отдельная история. По размеру она могла вместить семейство с семью детьми и, невзирая на прошедшие годы, сколько-нибудь обставленной или уютной не была. Лишь кое-где стояла наобум расставленная мебель из ИКЕА, отсутствовал даже музыкальный центр – возможно, отчасти потому, что в музыке Лисбет не разбиралась. Она видела больше музыки в дифференциальном уравнении, чем в произведении Бетховена. При этом Саландер была богата, как тролль. Украденные ею когда-то у негодяя Ханса-Эрика Веннерстрёма деньги выросли в сумму, чуть превышавшую пять миллиардов крон. Однако состояние – что было вполне типично для нее – никак не отразилось на ее личности, разве что сознание собственного богатства сделало ее еще более бесстрашной. По крайней мере, в последнее время Лисбет приходили в голову все более радикальные меры, типа: сломать пальцы насильнику и поползать по внутренней сети АНБ.

Тут она явно перешла границы, но рассматривала это как необходимость и на протяжении многих дней и ночей была полностью поглощена, забыв обо всем остальном. Теперь, по завершении дела, Саландер, сощурив усталые глаза, оглядывала два своих рабочих стола, составленные под углом в форме буквы L. На столах располагалось ее оборудование – собственный обычный компьютер и специально купленный тестовый, куда она установила копию сервера и операционной системы АНБ.

Тестовый компьютер она затем атаковала специально написанной фаззинговой программой, искавшей в платформе ошибки и уязвимости. Потом добавила отладочную и тестовую атаки, а также атаку в режиме «черного ящика». Полученные результаты Лисбет положила в основу своего вируса-шпиона, собственного RAT, и поэтому не могла допустить

небрежности ни в одном пункте. Разумеется, только тщательно исследовав систему сверху донизу, она инсталлировала копию сервера у себя дома. Набросься Саландер напрямую на реальный сервер, инженеры АНБ сразу бы это заметили и почуяли неладное, и тогда веселью быстро настал бы конец.

Теперь она могла беспрепятственно работать, день за днем, почти без сна и еды, и если вдруг все же покидала компьютер, то лишь чтобы чуть-чуть вздремнуть на диване или разогреть в микроволновке какую-нибудь пиццу. В общем, Лисбет работала изо всех сил, пока глаза не наливались кровью, в особенности со своим «эксплойтом нулевого дня» – софтом, который выискивал неизвестные АНБ уязвимости и должен был, после проникновения внутрь, обновлять ее статус. И, честно говоря, это было чистым безумием.

Лисбет написала программу, дававшую ей не только контроль над системой, но и возможность дистанционного управления всем, чем угодно, во внутренней сети, о которой она обладала лишь отрывочными знаниями, что на самом деле являлось наиболее абсурдным из всего.

Ей предстояло не просто проникнуть внутрь, а войти в сеть АНБ, представлявшую собой самостоятельную собственную вселенную, едва ли вообще связанную с обычным Интернетом. Внешне Лисбет, возможно, напоминала подростка, получившего неуд по всем предметам. Но в области исходных кодов компьютерных программ и общих логических связей ее мозг делал только: «щелк, щелк», и в итоге она создала совершенно новую улучшенную шпионскую программу, новейший вирус, обладавший собственной самостоятельной жизнью. И когда Лисбет, наконец, почувствовала, что удовлетворена, в ее работе наступила следующая фаза. Теперь ей предстояло перестать играть в собственной «лаборатории» и перейти к настоящей атаке.

Поэтому она достала купленную в Берлине сим-карту оператора «Ти-Мобайл» и, вставив ее в свой телефон, подсоединилась к Интернету. Пожалуй, ей действительно было бы лучше сидеть где-нибудь в другом месте, в какой-нибудь удаленной части света, возможно, «переодетой» в свой второй облик, под именем Ирене Нессер.

Теперь же парни из службы охраны АНБ, если они достаточно усердны и умны, может быть, сумеют проследить ее до базовой станции «Теленор»[30] в этом квартале. До самого конца им, правда, не добраться – во всяком случае, техническим путем. Но все-таки они смогут подойти достаточно близко, что было бы неудачно со всех точек зрения. Тем не менее Саландер сочла, что преимущества работы из дома перевешивают, и

приняла все известные ей меры предосторожности. Как многие другие хакеры, она пользовалась tor-сетью, позволявшей ее трафику затеряться среди тысяч и тысяч пользователей. Однако Лисбет знала, что в данном случае это недостаточно надежно – для деанонимизации пользователей системы АНБ использовало технику EgotisticalGiraffe, – поэтому долго трудилась над улучшением личной безопасности и только потом перешла к атаке.

Она вскрыла сервер, как консервную банку. Но никаких причин для самонадеянности это не давало. Теперь надо было быстро-быстро найти тех системных администраторов, имена которых ей дали, внедрить свою шпионскую программу в какой-нибудь из их файлов и создать мостик между серверной и внутренней сетями, что представляло собой отнюдь не сложную операцию. Нельзя было допустить никаких оповещений со стороны антивирусных программ, и, выбрав под конец человека по имени Том Брекинридж, она под его именем вошла в сеть АНБ, и тут… каждый мускул ее тела напрягся. Перед ее измученными от работы и недосыпа глазами стала происходить магия.

Шпионская программа уводила ее все дальше и дальше в самое тайное из тайного, и она, конечно, точно знала, куда направляется. Ей надо было в Active Directory – Службу Каталогов, или ее аналог, чтобы поднять свой статус. Из скромного нежелательного визитера ей предстояло превратиться в суперпользователя этой густонаселенной вселенной, и, достигнув цели, она попыталась получить некое представление о системе, что оказалось нелегко. Вернее, совершенно невозможно; а временем она не располагала.

Надо было спешить, спешить, и Саландер изо всех сил боролась, чтобы разобраться в поисковой системе, уловить все кодовые слова, выражения и гиперссылки, всю эту галиматью, и уже собиралась все бросить, когда в конце концов обнаружила документ, помеченный Top Secret, NOFORN – No foreign distribution[31]. Сам по себе документ ничего особенного не представлял, но в сочетании с парой линков между Зигмундом Экервальдом из «Солифона» и киберагентами из отдела «Охраны стратегических технологий» АНБ все же образовывалась взрывчатая смесь, и Лисбет с улыбкой запомнила каждую мельчайшую деталь, хотя в следующее мгновение она громко выругалась, увидев еще один документ, который, похоже, имел отношение к делу. Он был зашифрован, поэтому она не видела иного выхода, как скачать его, но тут же догадалась, что в Форт-Миде появится какое-нибудь предостережение.

Лисбет чувствовала, что ситуация становится критической. Кроме того, ей нужно было приниматься за официальное задание, если считать

«официальное» подходящим в данном контексте словом. Но она торжественно пообещала Чуме и остальным членам «Республики хакеров» опозорить АНБ и сбить с организации немного спеси, поэтому попыталась узнать, с кем ей следует связаться. Кому стоит послать сообщение?

Саландер выбрала Эдвина Нидхэма, Эда-Кастета. Его имя все время всплывало в контексте IT-безопасности, а быстро разузнав о нем кое-что во внутренней сети, она невольно прониклась к нему уважением. Эд-Кастет был звездой. Но она его все-таки перехитрила.

На мгновение Лисбет заволновалась, что ее обнаружат. Ее вторжение вызовет суматоху. Но ведь именно суматоха ей и требовалась, поэтому она пошла в наступление. Она не имела ни малейшего представления о том, который теперь час. Это могли быть день или ночь, осень или весна, она лишь смутно, в самой глубине сознания, чувствовала, что буря на улице еще усилилась, точно погода синхронизировалась с ее атакой, а в далеком Мэриленде – вблизи от знаменитого перекрестка Балтимор-паркуэй и Мэриленд-рут 32 – Эд-Кастет начал писать мейл.

Далеко продвинуться он не успел, поскольку секундой позже она перехватила инициативу и продолжила его предложение: «*Тот, кто наблюдает за народом, в конце концов сам оказывается под наблюдением народа. В этом есть фундаментальная демократическая логика*», – и чуть позже фразы показались попавшими прямо в точку, гениальной идеей. Вкусив сладость реванша, Лисбет повлекла Эда-Кастета в путешествие по системе. Они вдвоем пронеслись в танце мимо целого мерцающего мира данных, которые требовалось любой ценой держать в тайне.

Ощущение было, несомненно, ошеломляющим, но тем не менее, как уже говорилось, тем не менее… Когда она отсоединилась и все логи ее работы автоматически стерлись, пришло похмелье. Появилось такое чувство, как после оргазма с неправильным партнером, и фразы, казавшиеся только что такими меткими, звучали все больше по-детски, как болтовня хакеров. Внезапно ей захотелось напиться в стельку, не меньше. Усталыми, шаркающими шагами Саландер добралась до кухни, принесла бутылку виски «Талламор Дью» и несколько бутылок пива, чтобы сполоснуть рот, и уселась пить возле компьютеров. Не чтобы отпраздновать, отнюдь. Никаких победных ощущений в теле не осталось. Скорее… что же? Пожалуй, упрямство.

Она все пила и пила, а за окном бушевала буря, и из «Республики хакеров» потоком лились приветственные возгласы. Но ее больше ничего не трогало. Едва держась в вертикальном положении, Лисбет быстро взмахнула рукой над столом, равнодушно наблюдая за тем, как летят на пол

бутылки и пепельницы. Потом она подумала о Микаэле Блумквисте.

Наверняка все дело в алкоголе. Блумквист обычно всплывал у нее в мыслях, когда она напивалась, как спьяну могут вспоминаться бывшие любовники, и она почти бессознательно влезла в его компьютер – это вам не АНБ. Туда Лисбет со старых времен знала кратчайший путь, и поначалу ее даже заинтересовало, что она там, собственно, забыла.

Ей ведь на него плевать, или нет? Он ушел в историю; привлекательный идиот, в которого ее когда-то угораздило влюбиться, и повторять эту ошибку она не намеревалась. Нет, на самом деле ей следовало бы просто отключиться от Сети и несколько недель даже не смотреть на компьютер. Но она все-таки осталась на его сервере – и в следующее мгновение просияла. Чертов Калле Блумквист создал файл под названием «Ящик Лисбет», и в этом документе имелся вопрос:

> Что нам думать об искусственном интеллекте Франса Бальдера?

Она все же слегка улыбнулась, отчасти, пожалуй, из-за Франса Бальдера.

Он был в ее вкусе: фанат компьютеров, зацикленный на исходных кодах, квантовых процессах и возможностях логики. Но прежде всего улыбку вызвал у нее сам факт, что Микаэль наткнулся на ту же область, что и она. И хотя Лисбет уже давно подумывала все выключить и пойти спать, она написала ответ:

> Интеллект Бальдера вовсе не искусственный. А как в настоящее время обстоит дело с твоим собственным?
>
> И что произойдет, Блумквист, если мы создадим машину, которая будет слегка шустрее нас самих?

Потом пошла в одну из своих спален и прямо в одежде рухнула на кровать.

Глава 7

20 ноября

В редакции журнала произошло что-то еще, что-то нехорошее. Но обсуждать детали по телефону Эрика не хотела. Она настаивала на приезде к нему домой.

– Ты отморозишь свою красивую попку! – пробовал отговорить ее Микаэль.

Эрика его не слушала, и, если бы не ее тон, Блумквиста даже обрадовало бы ее упорство. Ему все равно с самого ухода из редакции хотелось поговорить с нею, а возможно, еще затащить в спальню и сорвать с нее одежду. Но что-то подсказывало ему, что сейчас об этом не могло быть и речи. Эрика звучала раздраженно и пробормотала: «прости», что разволновало его еще больше.

– Я беру такси прямо сейчас, – сказала она.

Но Бергер все-таки задержалась, и за неимением других занятий Микаэль зашел в ванную и стал разглядывать себя в зеркале. Он знавал и лучшие дни. Волосы взъерошены, неподстрижены, под глазами круги и мешки. Всему виной Элизабет Джордж… Выругавшись, он вышел из ванной и принялся прибирать в квартире.

По крайней мере, на это Эрика пожаловаться не сможет. Как бы долго они друг друга ни знали и как бы тесно ни были переплетены их жизни, у него по-прежнему развивался небольшой комплекс порядка. Он – холостяк из рабочей семьи, она – замужняя дама из высшего общества с прекрасным домом в Сальтшёбадене, и при любых обстоятельствах приличный вид его квартире не повредит. Загрузив посудомоечную машину и вымыв раковину, Микаэль побежал выносить мусор. Он даже успел пропылесосить гостиную, полить цветы на окне и навести относительный порядок на книжном стеллаже и полке с газетами, прежде чем, наконец, раздался звонок. В дверь не только звонили, но и стучали – явно пришел кто-то нетерпеливый.

Открыв, Блумквист по-настоящему растрогался. Перед ним стояла совершенно окоченевшая Эрика. Она дрожала, как осиновый лист, причем не только из-за погоды. Ее одежда тоже внесла в общий вид свою лепту. У нее даже шапки на голове не было. От утренней идеальной прически не осталось и следа, а на правой щеке появилось нечто новое, похожее на

царапину.

– Рикки, что с тобой? – спросил он.

– Отморозила свою красивую попку. Не удалось поймать такси.

– А что у тебя на щеке?

– Поскользнулась. Думаю, раза три.

Блумквист посмотрел на ее бордовые итальянские сапоги на высоких каблуках.

– Да у тебя же идеальные башмаки для глубокого снега!

– Совершенно идеальные. Не говоря уже о том, что я утром решила не надевать кальсоны… Гениально!

– Заходи, я тебя согрею.

Эрика упала к нему в объятия, задрожав еще сильнее, и он крепко прижал ее к себе.

– Прости, – снова сказала она.

– За что?

– За все. За «Сернер». Я была идиоткой.

– Не преувеличивай, Рикки.

Он смахнул снежинки с ее волос и лба и осторожно рассмотрел рану на щеке.

– Нет, нет, я должна рассказать, – проговорила Эрика.

– Только сперва я сниму с тебя одежду и усажу тебя в горячую ванну. Хочешь, еще дам бокал красного?

Она захотела – и потом долго сидела в ванне с бокалом, в который Микаэль дважды или трижды доливал. Блумквист сидел рядом с нею на унитазе, слушая ее рассказ, и, невзирая на отнюдь не добрые новости, их разговор носил примирительный характер, словно они прорвались сквозь стену, которую в последнее время между собой воздвигли.

– Я знаю, ты с самого начала считал, что я поступаю как идиотка, – говорила Эрика. – Нет, не протестуй, я тебя слишком хорошо знаю. Но ты должен понять, что мы с Кристером и Малин не видели другого выхода. Мы взяли к себе Эмиля и Софи, чуть ли не самых популярных репортеров, и так этим гордились… Для нас это было невероятно престижно. Это показывало, что мы набираем силу. И о нас действительно снова пошла хорошая молва, появились положительные статьи в «Резюме» и «Дагенс медиа»[32]. Прямо как в старые времена. Честно говоря, лично для меня большое значение имело то, что я пообещала и Софи, и Эмилю, что в нашем журнале они смогут чувствовать себя уверенно. Сказала, что у нас стабильное финансовое положение. У нас за спиною Харриет Вангер. У нас будут деньги на глубокие, потрясающие репортажи. Да, как ты понимаешь,

я сама в это действительно верила. А потом…

– А потом небо слегка рухнуло.

– Именно, и дело ведь было не только в газетно-журнальном кризисе и крахе рекламного рынка. Еще целый клубок противоречий в Вангер-концерне. Не знаю, до конца ли ты понимал, какая каша там заварилась. Временами я рассматриваю это почти как государственный переворот. Все старые темные силы семьи – и мужчины, и женщины, ты ведь их знаешь, как никто, – все старые расисты и ретрограды объединились и вонзили Харриет в спину нож. Мне никогда не забыть ее звонок. Я раздавлена, сказала она. Уничтожена. Прежде всего, их, конечно, разозлили ее попытки обновить и модернизировать концерн, ну и, естественно, ее решение избрать в правление Давида Гольдмана, сына раввина Виктора Гольдмана. Мы тоже сыграли свою роль, как ты знаешь, – Андрей как раз написал статью о стокгольмских нищих, которая казалась нам его лучшей работой и повсюду цитировалась, даже за границей. Но люди из концерна…

– Сочли ее левацкой ерундой.

– Хуже того, Микаэль, – пропагандированием «ленивых мерзавцев, которые не в силах даже взяться за работу».

– Неужели они так сказали?

– Что-то в этом роде. Но, думаю, на самом деле статья никакого значения не имела. Она просто стала для них предлогом еще больше подорвать позиции Харриет в концерне. Им хотелось отказаться от всех изначальных идей Хенрика и Харриет.

– Идиоты.

– Господи, конечно, но нам от этого было не легче. Я помню те дни. Казалось, будто почва уходила у меня из-под ног, и, разумеется, я знаю, знаю, что мне следовало больше привлекать тебя. Но я полагала, что мы все выиграем от того, что ты сможешь концентрироваться на своих материалах.

– А я ничего путного не поставлял…

– Ты старался, Микаэль, действительно старался. Но я это говорю к тому, что Уве Левин позвонил именно тогда, когда казалось, что все пропало.

– Вероятно, ему кто-то нашептал про случившееся.

– Наверняка. И тебе, вероятно, не надо говорить, что поначалу я была настроена скептически. «Сернер» казался мне бульварной ерундой. Но Уве продолжал уговаривать, пустив в ход все свое красноречие, и пригласил меня к себе, в большой новый дом в Каннах…

– Что?

– Да, прости, об этом я тебе тоже не рассказывала. Думаю, мне было

стыдно. Но я все равно собиралась на кинофестиваль, чтобы написать о той иранке, кинорежиссере. Ну, знаешь, о той, что преследовали за документальный фильм о девятнадцатилетней Саре, которую забросали камнями, и мне подумалось, что ничего страшного, если «Сернер» поможет нам с оплатой дороги. Как бы то ни было, мы с Уве проговорили целую ночь, и у меня по-прежнему сохранялось довольно скептическое отношение. Он так нелепо хвастался, пускал в ход разные коммерческие уловки… Но под конец я все-таки стала к нему прислушиваться, и знаешь, почему?

– Он оказался потрясающим в постели?

– Ха, нет; из-за его отношения к тебе.

– Ему хотелось переспать со мной?

– Он тобой безмерно восхищается.

– Ерунда.

– Нет, Микаэль, тут ты ошибаешься. Он любит власть, деньги и свой дом в Каннах. Но еще больше его гложет то, что его не считают таким же крутым, как тебя. Если говорить об авторитете, Микаэль, то Уве беден, а ты безумно богат. В глубине души он хочет быть таким, как ты, я это сразу почувствовала, и мне следовало бы сообразить, что подобная зависть может быть и опасна. Ведь ты же понимаешь, что в основе кампании против тебя лежало именно это. Твоя бескомпромиссность заставляет людей чувствовать себя жалкими. Ты просто фактом своего существования напоминаешь им о том, насколько они продажны, и чем больше тебя прославляют, тем более ничтожными предстают они сами. А в таких обстоятельствах есть только один способ защиты: окунуть тебя в грязь. Если ты упадешь, они почувствуют себя чуть лучше. Наговоры придают им немножко достоинства – по крайней мере, они себе это внушают.

– Спасибо, Эрика, но мне действительно плевать на травлю.

– Да, я знаю… во всяком случае, надеюсь, что так оно и есть. Но я поняла, что Уве действительно хочет присоединиться, почувствовать себя одним из нас. Ему хотелось приобрести немного нашего реноме, и мне подумалось, что это может послужить хорошим стимулом. Если он мечтает быть таким же крутым, как ты, превращение «Миллениума» в обычное коммерческое издание «Сернер» стало бы для него крушением надежд. Если он прославится как парень, уничтоживший один из самых овеянных мифами журналов Швеции, то сможет навсегда распрощаться с остатками своего авторитета. Поэтому я поверила ему, когда он сказал, что и он сам, и холдинг нуждаются в престижном журнале, в алиби, если угодно, и что он будет лишь помогать нам заниматься той журналистикой, в которую мы

верим. Ему, правда, хотелось принимать участие в журнале, но я восприняла это просто как проявление тщеславия. Подумала, он хочет слегка повыпендриваться, иметь возможность говорить своим дружкам-яппи, что является у нас пиарщиком или кем-то в этом роде… Я даже не представляла, что он осмелится покуситься на душу журнала.

– Тем не менее сейчас он осмелился.

– К сожалению, да.

– А как же твоя прекрасная психологическая теория?

– Я недооценила власть оппортунизма. Как ты заметил, до начала кампании против тебя Уве и «Сернер» вели себя образцово, но потом…

– Он этим воспользовался.

– Нет-нет, этим воспользовался кто-то другой. Кто-то, кто хотел ему навредить. Я только задним числом осознала, что Уве нелегко далось согласие остальных на покупку наших акций. Как ты понимаешь, не все в «Сернер» страдают комплексом журналистской неполноценности. Большинство из них являются просто обычными бизнесменами и презирают всякие разговоры об ответственности за что-то важное и тому подобное. Их раздражал «фальшивый идеализм» Уве, как они выразились, и в кампании против тебя они усмотрели шанс прищемить ему хвост.

– Ну надо же…

– Если бы ты только знал. Поначалу все выглядело вполне удобоваримо. От нас потребовали лишь немного подстроиться к рыночной ситуации, и, как ты знаешь, многое из этого мне понравилось. Ведь я тоже много думала над тем, как привлечь молодого читателя. Мне казалось, что в этом вопросе мы с Уве хорошо друг друга понимаем, и поэтому я не слишком волновалась по поводу его сегодняшней презентации.

– Да, я заметил.

– Но тогда переполох еще не начался.

– О каком переполохе мы говорим?

– О том, который разразился, когда ты саботировал выступление Уве.

– Эрика, я ничего не саботировал. Я просто ушел.

Эрика, лежа в ванне, отпила глоток вина и с некоторой грустью улыбнулась.

– Когда до тебя наконец дойдет, что ты являешься Микаэлем Блумквистом? – спросила она.

– Я думал, что уже потихоньку начинает доходить.

– Не похоже, иначе ты бы понимал, что когда Микаэль Блумквист уходит посреди доклада о перспективах его собственного журнала, получается громкий скандал, хочет он того или нет.

– Тогда прошу прощения за саботаж.

– Нет-нет, я тебя не осуждаю… больше не осуждаю. Как ты мог заметить, теперь прощения прошу я. Это я поставила нас в такое положение. Наверняка все равно получилось бы черт знает что, независимо от того, ушел бы ты или нет. Они только ждали повода, чтобы на нас наброситься.

– Что же случилось?

– После твоего исчезновения мы все утратили энтузиазм, и Уве, получив еще один удар по чувству собственного достоинства, решил плюнуть на презентацию. Сказал, что не видит в ней смысла. Затем он отправился звонить в головной офис, чтобы обо всем рассказать, и меня не удивило бы, если он основательно сгустил краски. Та зависть, на которую я возлагала надежды, вероятно, превратилась в нечто по-настоящему мелочное и злобное. Примерно через час он вернулся и сообщил, что холдинг готов основательно вложиться в «Миллениум» и использовать все свои каналы для продвижения журнала на рынке.

– И, очевидно, оказалось, что это плохо.

– Да, и я знала это еще до того, как он произнес первое слово. Поняла по выражению его лица. Оно словно излучало смесь страха и триумфа, и поначалу Уве никак не мог подобрать нужные слова. Он нес в основном какую-то чепуху – сказал, что холдинг хочет иметь большее влияние на нашу деятельность, омолодить содержание и привлечь больше знаменитостей. Но потом…

Эрика закрыла глаза, провела рукой по мокрым волосам и допила остатки вина.

– Да, Эрика?

– Сказал, что они хотят удалить тебя из редакции.

– Что?

– Естественно, ни он, ни холдинг не могли себе позволить высказать это прямо, и тем более получить заголовки типа «“Сернер” изгоняет Блумквиста», поэтому Уве сформулировал это очень красиво, заявив, что хочет предоставить тебе бóльшую свободу и возможность сконцентрироваться на том, в чем ты наиболее силен: на написании статей. Он предложил стратегическое местонахождение в Лондоне и щедрый договор внештатного корреспондента.

– В Лондоне?

– Он сказал, что Швеция слишком мала для парня твоего калибра, но ты же понимаешь, в чем тут дело.

– Они думают, что не смогут провести свои преобразования, если я

останусь в редакции?

– Примерно так. Вместе с тем, думаю, никого из них не удивило, когда мы с Кристером и Малин сказали однозначное: «Нет, даже не подлежит обсуждению», не говоря уже о реакции Андрея.

– Что же он сделал?

– Я почти стесняюсь рассказывать. Андрей встал и заявил, что ничего более позорного в жизни не слышал. Сказал, что ты принадлежишь к лучшему, что есть в нашей стране, что ты – гордость демократии и журналистики и что холдингу «Сернер» следует накрыться с головой и стыдиться. А еще назвал тебя великим человеком.

– Он явно переусердствовал.

– Но он хороший мальчик.

– Это точно. А что же сделали люди из «Сернер»?

– Уве, конечно, был к этому готов. Вы, разумеется, можете выкупить у нас наши акции, сказал он. Дело только в том…

– Что цена возросла, – дополнил Микаэль.

– Именно. По его словам, согласно любой форме фундаментального анализа, доля «Сернер» должна, по крайней мере, удвоиться с момента вхождения холдинга в журнал, учитывая добавочную стоимость и репутацию, которые они нам создали.

– Репутацию?! Они, что, с ума сошли?

– Абсолютно, но они хваткие и хотят загнать нас в угол. Меня интересует, не хотят ли они убить двух зайцев: сорвать куш и, добив нас финансово, отделаться от конкурента.

– Что же нам, черт возьми, делать?

– То, что мы умеем лучше всего, Микаэль: бороться. Я возьму из своих денег, мы выкупим их долю и будем биться за то, чтобы делать лучший журнал Северной Европы.

– Конечно, круто, Эрика, а дальше? Мы попадем в жуткое финансовое положение, с которым даже ты ничего не сможешь поделать.

– Знаю, но у нас получится. Нам уже доводилось выбираться из трудных ситуаций. Мы с тобою можем на какое-то время снизить себе зарплаты до нуля. Мы ведь обойдемся?

– Всему приходит конец, Эрика.

– Не говори так! Никогда!

– Даже если это правда?

– Особенно в этом случае.

– О’кей.

– Нет ли у тебя в работе какого-нибудь материала? – продолжила

Бергер. – Любого, такого, чем бы мы смогли дать по голове медийной Швеции?

Микаэль закрыл лицо руками и почему-то подумал о Пернилле, дочке, сказавшей, что она, в отличие от него, собирается писать «по-настоящему», хотя что она считала не «настоящим» в его текстах, осталось непонятным.

– Пожалуй, нет, – произнес он.

Эрика ударила рукой по воде так, что забрызгала ему носки.

– Черт, что-нибудь у тебя должно быть! Ведь никто в этой стране не получает столько наводок, сколько ты!

– Большинство из них – просто ерунда, – сказал Блумквист. – Впрочем, возможно… я только что проверял одну штуку…

Эрика села в ванне.

– Что именно?

– Нет, ничего, – поправился он. – Просто размечтался.

– В создавшейся ситуации нам надо мечтать.

– Да, но это ничто – просто масса тумана, и все недоказуемо.

– И все же какая-то доля уверенности у тебя есть?

– Возможно, но она связана с одной мелочью, не имеющей отношения к самой истории.

– С какой же?

– Кое-кто из моих бывших соратников тоже присматривался к этому материалу.

– Соратница с большой буквы?

– Она.

– Разве это все-таки не звучит многообещающе? – произнесла Эрика, вылезая из ванны, голая и красивая.

Глава 8

Вечер 20 ноября

Август, сидя на шахматном полу спальни, рассматривал составленный для него отцом натюрморт: свеча на синем блюде, два зеленых яблока и апельсин. Но ничего не происходило. Мальчик лишь устремил пустой взгляд на непогоду за окном, и Франс задумался, не глупость ли это – давать ему сюжет?

Стоило сыну просто покоситься на что-то, как оно явно намертво запечатлевалось в его мыслях; тогда зачем же отцу выбирать за него, что ему следует рисовать? У Августа в голове, вероятно, есть тысяча собственных образов, и, возможно, блюдо с несколькими фруктами кажется ему совершенно неподходящим и нелепым. Может, его интересуют совсем другие вещи… Франс снова спросил себя: «Не хотел ли мальчик своим светофором сказать нечто конкретное?» Рисунок представлял собой отнюдь не милое маленькое наблюдение. Красный свет, напротив, светился подобно вытаращенному злому глазу, и, возможно – откуда Франсу было знать? – Август чувствовал угрозу со стороны того мужчины на переходе…

Бальдер посмотрел на сына, в сто одиннадцатый раз за день. Ну разве не позор? Раньше он воспринимал мальчика только как странного и непостижимого. Теперь же он опять задался мыслью: а может, они с сыном на самом деле довольно похожи? Во времена Франса врачи не слишком заботились о диагнозах. От людей более легко отмахивались, называя их странными, с отклонениями. Сам он определенно был необычным – слишком серьезным, с неподвижной мимикой, и на школьном дворе его не считали особенно приятным. С другой стороны, компания других детей его тоже не привлекала – он сбегал к своим цифрам и уравнениям и не произносил понапрасну лишних слов.

Его, пожалуй, едва ли признали бы аутистом – таким, как Августа. Но сегодня на него наверняка навесили бы ярлык больного синдромом Аспергера, и хорошо бы это было или плохо, не так уж важно. Главное, что они с Ханной полагали, что раннее диагностирование у Августа им поможет. Тем не менее почти ничего не произошло, и только теперь, когда сыну уже исполнилось восемь лет, Франс впервые осознал, что тот обладает особым талантом, связанным с ощущением трехмерности пространства и математикой. Почему же Ханна и Лассе ничего такого не

заподозрили?

Ласce, конечно, засранец, но бывшая в основе своей человек хороший и восприимчивый. Франсу никогда не забыть их первой встречи. Она произошла на вечере Королевской академии инженерных наук в Ратуше. Он тогда получил какую-то премию, совершенно его не волновавшую, и весь ужин нудил, мечтая поскорее попасть домой к своему компьютеру. Но вдруг к нему подошла смутно знакомая красивая женщина – Франс обладал крайне ограниченными познаниями в области знаменитостей – и заговорила с ним. В глубине души Бальдер по-прежнему считал себя фанатом-компьютерщиком, на которого одноклассницы смотрели с презрением.

Он не мог понять, что в нем нашла такая женщина, как Ханна, в то время находившаяся – как он вскоре узнал – на вершине своей карьеры. Но она соблазнила его – и в ту ночь занималась с ним любовью так, как ни одна женщина до нее. Далее последовало, вероятно, самое счастливое время в жизни Франса, и тем не менее… бинарные коды взяли верх над любовью.

Он погубил их брак работой, и все покатилось под гору. Его место занял Лассе Вестман, Ханна поникла, и Август, вероятно, тоже, и Франсу следовало бы прийти от этого в ярость. Но он знал, что всему виной сам. Откупился, получив свободу, и наплевал на сына – и, возможно, на суде, рассматривавшем дело об опеке, правильно сказали, что он предпочел собственному ребенку мечту об искусственной жизни. Каким же кретином он был!

Бальдер достал ноутбук и принялся искать в «Гугле» более подробную информацию об одаренности савантов. Он уже заказал ряд книг, в частности, важнейшую публикацию по данной теме – книгу профессора Даролда Трефферта «Острова гениальности». Собрался по привычке изучить все, что доступно. Ни один проклятый психолог или педагог не сможет лучше его разобраться в том, что сейчас требуется Августу, и давать ему советы – он будет знать намного больше любого из них.

Продолжив поиски, Франс на этот раз заинтересовался рассказом о девочке-аутистке Надии. Ее судьба описывалась в книге Лорны Селфе «Надия. Необыкновенные способности к рисованию у ребенка-аутиста» и у Оливера Сакса в книге «Человек, который принял жену за шляпу», и Бальдер принялся с восхищением читать. Надия, в точности как Август, казалась при рождении совершенно здоровой, но потом родители стали постепенно понимать, что что-то не так.

Девочка никак не начинала говорить. Не смотрела людям в глаза. Не

любила телесного контакта и не реагировала на улыбки и предложения матери. В основном вела себя тихо и необщительно и навязчиво разреза́ла бумагу на невероятно узкие полоски. В шесть лет она по-прежнему еще не произносила ни слова.

Тем не менее Надия рисовала, как Леонардо да Винчи. Уже в три года она без всякого предупреждения стала рисовать лошадей и, в отличие от других детей, начинала не с формы, не с целого, а с какой-нибудь маленькой детали – с копыта, сапога всадника или с хвоста – и, самое удивительное из всего, рисовала она быстро. С невероятной скоростью соединяла части – одну отсюда, другую оттуда – в идеальное целое, в галопирующую или идущую шагом лошадь. По собственным попыткам в подростковые годы Франс знал, что нет ничего сложнее, чем нарисовать животное в движении. Как ни старайся, получается неестественно и скованно. Чтобы добиться легкости в изображении прыжка, требуется мастер.

Надия была мастером уже в три года. Лошади получались у нее, как идеальные фотографии, сделанные легкой рукой, что явно не являлось следствием долгой тренировки. Ее виртуозность, прорвавшаяся словно сквозь лопнувшую плотину, восхищала современников. Как ей удается? Как она может всего несколькими быстрыми движениями руки перескакивать через столетия в развитии истории искусства? Австралийские исследователи Аллан Снайдер и Джон Митчелл, изучив ее рисунки, в 1999 году предложили теорию – постепенно получившую всеобщее признание, – согласно которой, мы все обладаем врожденной способностью к такого рода виртуозности, но у большинства из нас она блокирована.

Если мы видим футбольный мяч или что угодно другое, то не сразу понимаем, что перед нами трехмерный объект. Напротив, мозг молниеносно выхватывает ряд деталей, падающие тени и разницу в глубине и нюансах и, исходя из них, делает выводы о форме. Мы этого не осознаем. Однако нам требуется некий анализ для понимания такой простой вещи, что перед нами мяч, а не круг.

Мозг сам создает окончательную форму, после чего мы уже не видим всех деталей, которые уловили поначалу. Лес, так сказать, заслоняет нам деревья. Но Митчелл и Снайдер додумались до того, что если бы нам удалось вызвать из мозга первоначальный образ, мы рассматривали бы мир совершенно по-новому и, возможно, смогли бы легче его воссоздавать, в точности как это делала Надия, – без малейшего напряжения.

Иными словами, идея заключалась в том, что девочка эта как раз имела

доступ к исходному образу, к изначальному материалу мозга. Она видела множество деталей и теней до того, как те подвергались обработке, и поэтому, в частности, всегда начинала с отдельных частей – с копыта или морды, – а не с целого, поскольку целое, в нашем понимании, еще не было создано. Хоть Франс Бальдер и видел в этой теории кое-какие проблемы или, по крайней мере, задался, как всегда, рядом критических вопросов, сама мысль ему понравилась.

В своей научной работе он во многих отношениях всегда искал именно такой исходный способ рассмотрения – подход, не принимавший вещи, как данные, а ведущий дальше лежащего на поверхности, к мелким деталям. Тема все больше захватывала Франса, и он читал с нараставшим восхищением, пока не содрогнулся. Он даже громко выругался – и с некоторой тревогой посмотрел на сына. Впрочем, вздрогнуть Франса заставило не что-либо из этих научных открытий, а описания первого года Надии в школе.

Ее поместили в класс для детей-аутистов, где обучение в основном заключалось в попытках заставить ее начать говорить, и девочка делала успехи. Слова появлялись одно за другим. Но цена оказалась высокой. В результате того, что она заговорила, исчезла ее гениальность в работе с мелками, и, по словам писательницы Лорны Селфе, один язык, вероятно, заменился другим. Из гениального художника Надия превратилась в обычную девочку-аутиста с сильным отставанием в развитии. Конечно, она немного говорила, но полностью утратила то, что изумляло мир. Стоило ли это того? Ради возможности выговаривать несколько слов?

«Нет!» – хотелось выкрикнуть Франсу – вероятно, еще и потому, что он сам всегда был готов заплатить любую цену, чтобы только стать гением в своей области. Лучше быть человеком, не способным поддержать ни единого разумного диалога во время беседы за ужином, чем посредственностью. Что угодно, только не заурядность! Такой ориентир он ставил себе всю жизнь, но тем не менее… Бальдер был не настолько глуп, чтобы не понимать: его собственные элитарные принципы необязательно являлись здесь хорошим руководством к действию. Может, несколько потрясающих рисунков – ничто по сравнению с возможностью самому попросить стакан молока или перекинуться несколькими словами с приятелем или отцом, откуда ему знать?

И все же он отказывался стоять перед таким выбором. Ему была невыносима мысль, что придется исключить самое потрясающее из того, что произошло в жизни Августа. Нет, нет… подобный вопрос не имеет права на существование. Нельзя требовать от родителя, чтобы тот выбирал

между гением и не гением. Ведь никому не дано заранее знать, что будет лучше для ребенка.

Чем дольше Франс думал об этом, тем более нелепым оно ему представлялось, и его осенило, что он в это не верит – или, скорее, не *хочет* верить. Ведь Надия – просто прецедент, а прецедент не является научным обоснованием.

Бальдер чувствовал, что необходимо узнать больше, и поэтому продолжил поиски в Интернете. Тут у него зазвонил телефон. В последние часы звонки раздавались неоднократно. Звонили с какого-то неопределяющегося номера, и еще досаждал Линус – его бывший ассистент, которого Франс переносил все хуже и которому, пожалуй, даже не доверял, а уж говорить с ним точно не имел сейчас никакого желания. Ему хотелось только одного: дальше изучать судьбу Надии.

Однако он ответил – возможно, просто от нервозности. В телефоне оказалась Габриэлла Гране, очаровательный аналитик из СЭПО, и Франс, невзирая ни на что, даже улыбнулся. Если больше всего ему хотелось быть с Фарах Шариф, то Габриэлла занимала твердое второе место. У нее были сверкающие красивые глаза, и она быстро соображала. А он питал слабость к женщинам, схватывающим все на лету.

– Габриэлла, – сказал Бальдер. – Я бы с огромным удовольствием поговорил с вами, но у меня нет времени. Я занят важным делом.

– Для этого время у вас точно есть, – с необычной строгостью ответила она. – Вы находитесь в опасности.

– Ерунда, Габриэлла! Я вам уже говорил. Они, возможно, попытаются затаскать меня по судам и обобрать до нитки. И на этом всё.

– Франс, я боюсь, что у нас появились новые сведения, причем из самого верного источника… Похоже, угроза действительно существует.

– Что вы имеете в виду? – не слишком вникая, спросил Бальдер.

Зажав телефон между плечом и ухом, он продолжал поиски информации об утраченном таланте Надии.

– Мне, правда, трудно оценить эти сведения, но они меня беспокоят, Франс. Думаю, их стоит принять всерьез.

– Тогда я тоже приму. Обещаю проявлять дополнительную осторожность. Я, как обычно, не буду выходить из дома. Но сейчас я немного занят, как уже говорил, и, кроме того, я уверен, что вы ошибаетесь. В «Солифоне»…

– Конечно, я могу ошибаться, – перебила она. – Такое вполне возможно. А если я права… подумайте, если существует минимальный риск того, что я права?

– Разумеется, но…

– Никаких «но», Франс, вообще никаких «но». Лучше послушайте меня. Я полагаю, что ваш анализ верен. Никто в «Солифоне» не хочет причинить вам чисто физического вреда. Это все-таки цивилизованная компания. Но похоже, что кто-то из концерна имеет контакты с криминальной организацией, с крайне опасной группировкой с филиалами в России и Швеции, и опасность исходит именно оттуда.

Франс впервые оторвал взгляд от экрана компьютера. Он знал, что Зигмунд Экервальд из «Солифона» сотрудничает с криминальной группировкой. Ему даже удалось перехватить несколько кодовых слов о ее лидере, но он не мог представить, зачем группировке нападать на него – или все-таки мог?

– Криминальная организация? – пробормотал он.

– Именно, – продолжала Габриэлла. – Разве это не логично, в каком-то смысле? Вам, наверное, и самому приходили в голову подобные мысли? Раз люди начали воровать чужие идеи и зарабатывать на них деньги, значит, они уже перешли границу, и тогда все начинает катиться по наклонной.

– Думаю, я скорее говорил, что им хватит кучки адвокатов. С кучкой ловких юристов можно спокойно воровать что угодно. Адвокаты являются киллерами нашего времени.

– О’кей, возможно. Но, послушайте, я пока не получила постановления о личной охране. Поэтому я хочу поместить вас в потайное место. Я собираюсь забрать вас прямо сейчас.

– Что?

– Думаю, мы должны действовать без промедления.

– Ни за что, – сказал Бальдер. – Я и…

Он засомневался.

– У вас в доме есть кто-то еще? – спросила она.

– Нет-нет, но в данный момент я никуда не могу ехать.

– Вы не слышите, что я говорю?

– Очень хорошо слышу. Но при всем уважении мне кажется, что вы в основном высказываете предположения.

– Предположения являются неотъемлемой частью угрозы как таковой, Франс. Но мне звонил… ну, вообще-то, мне не следует этого говорить… агент из АНБ, занимающийся этой организацией.

– АНБ, – усмехнулся Франс.

– Я знаю, что вы скептически настроены по отношению к ним.

– Скептически – это еще мягко сказано.

– Ладно, ладно. Но в этот раз они на вашей стороне – во всяком случае, агент, который мне звонил. Она хороший человек. В результате прослушки ей удалось перехватить нечто, весьма напоминающее план убийства.

– Моего?

– Многое указывает на это.

– *Напоминает, многое указывает…* это звучит очень неопределенно.

Прямо перед ним Август потянулся за фломастерами, и Франсу каким-то образом удалось полностью сконцентрироваться на нем.

– Я остаюсь, – продолжил он.

– Вы шутите?

– Нет-нет. Я с удовольствием перееду, если к вам поступит больше сведений, но не сейчас. Кроме того, фирма «Милтон секьюрити» установила прекрасную охранную систему. У меня повсюду камеры и сенсоры.

– Вы это серьезно?

– Да, и вам известно, что я чертовски упрям.

– У вас есть оружие?

– Что на вас нашло, Габриэлла? Я – и оружие! Самое опасное, что у меня имеется, это, пожалуй, новая сырорезка.

– Послушайте-ка… – задумчиво произнесла она.

– Да?

– Я организую за вами наблюдение, хотите вы того или нет. Беспокоиться по этому поводу не стоит. Думаю, вы даже ничего не заметите. Но раз уж вы так чертовски упрямы, я дам вам другой совет.

– Какой же?

– Go public[33], это может оказаться своего рода страховкой жизни. Расскажите СМИ, что вам известно; тогда, при удачном раскладе, вас станет бессмысленно убирать с пути.

– Я подумаю.

Франс услышал по голосу, что Габриэллу внезапно что-то отвлекло.

– Да? – произнес он.

– Подождите минутку, – ответила она. – Мне звонят по другому телефону. Я должна…

Она исчезла, а Франса, которому, естественно, следовало бы подумать о другом, терзала в этот момент лишь одна мысль: «Утратит ли Август способность рисовать, если я научу его разговаривать?»

– Вы слушаете? – вскоре уточнила Габриэлла.

– Разумеется.

– Я, к сожалению, вынуждена закончить разговор. Но клянусь, что

прослежу за тем, чтобы за вами в кратчайшие сроки организовали какое-нибудь наблюдение. Я вам позвоню. Берегите себя!

Положив трубку, Бальдер вздохнул. Вновь подумал о Ханне, Августе, об отражавшемся в платяном шкафу полу в шахматную клетку и о всякой всячине, не столь важной в данном контексте, и рассеянно пробормотал:

– Они за мной охотятся.

В глубине души Франс сознавал, что ничего невероятного в этом нет, отнюдь, хотя все время отказывался верить в то, что дело может дойти до насилия. Но что ему, собственно, известно? Ничего. Кроме того, сейчас у него не было сил браться за это. Он продолжил поиски информации о судьбе Надии и о том, что она может означать для его сына, хотя на самом деле это было безумием. Франс притворялся, будто ничего не случилось. Невзирая на угрозу, он просто ползал по Сети и вскоре наткнулся на профессора неврологии, ведущего специалиста по синдрому саванта, по имени Чарльз Эдельман, и вместо того, чтобы, как обычно, прочитать о нем побольше – Бальдер всегда предпочитал людям литературу, – позвонил на коммутатор Каролинского института[34].

Потом он сообразил, что час уже довольно поздний. Эдельман едва ли еще на работе, а его личный номер держится в тайне. Но погодите-ка… Эдельман также заведует чем-то под названием «Эклиден» – учреждением для детей-аутистов с особыми талантами, – и Франс попробовал позвонить туда. После нескольких гудков ему ответила дама, представившаяся сестрой Линдрус.

– Извините, что беспокою в такой поздний час, – сказал Бальдер. – Я ищу профессора Эдельмана. Не задержался ли он случайно на работе?

– Да, он здесь. В такую непогоду никому домой не добраться. Как вас представить?

– Франс Бальдер, – ответил он и добавил в надежде, что это поможет: – Профессор Франс Бальдер.

– Подождите минутку, – попросила сестра Линдрус. – Я посмотрю, не занят ли он.

Франс устремил взгляд на Августа, который вновь взялся за фломастер и явно сомневался, что несколько разволновало Франса, словно это был недобрый знак.

– Криминальная группировка, – снова пробормотал он.

– Чарльз Эдельман слушает, – произнес голос в телефоне. – Я действительно говорю с профессором Бальдером?

– Именно с ним. У меня к вам маленький…

– Вы не представляете, какая это для меня честь, – продолжил

Эдельман. – Я только что вернулся домой с конференции в Стэнфорде, и там мы как раз говорили о ваших исследованиях в области нейронных сетей, да… мы даже подняли вопрос о том, не можем ли мы, неврологи, через исследования искусственного интеллекта узнать кое-что о мозге окольным путем. Мы поинтересовались…

– Я очень польщен, – перебил его Франс. – Но дело в том, что у меня есть маленький вопрос.

– О, правда? Вам нужна какая-то помощь в ваших исследованиях?

– Нет-нет, но мой сын – аутист. Ему восемь лет, а он по-прежнему не говорит ни слова. Но на днях мы проходили мимо светофора на Хурнсгатан, и потом…

– Да?

– Он сел и нарисовал его с невероятной скоростью – и совершенно идеально. Просто поразительно!

– И теперь вы хотите, чтобы я приехал и посмотрел на его работу?

– Мне было бы очень приятно. Но я звоню не поэтому. Я волнуюсь. Я прочел, что рисунки, возможно, являются его языком общения с внешним миром и что если он научится говорить, то может утратить свой талант. Один способ выражать себя может замениться другим.

– Вы, конечно, прочли о Надии.

– Откуда вы знаете?

– О ней всегда говорят в таких случаях. Но успокойтесь… могу я называть вас Франсом?

– Разумеется.

– Отлично. Франс, я безумно рад, что вы позвонили, и могу сразу сказать, что вам не о чем волноваться, – напротив. Надия является лишь исключением, подтверждающим правило, только и всего. Все исследования показывают, что языковое развитие скорее углубляет талант саванта. Возьмите хотя бы Стивена Уилтшира – вы ведь наверняка о нем читали?

– Это тот, что нарисовал практически весь Лондон?

– Именно. Он развился во всех отношениях: и в творческом, и в интеллектуальном, и в языковом. Сегодня его считают большим художником. Так что чувствуйте себя спокойно, Франс. Случается, конечно, что дети утрачивают талант саванта, но это чаще всего связано с чем-то другим. Им надоедает, или с ними что-нибудь случается… Вы ведь читали, что Надия одновременно лишилась матери?

– Да.

– Возможно, это и явилось настоящей причиной. Ну, правда, наверняка ни я, ни кто-нибудь другой не знает. Но едва ли дело в том, что она

научилась говорить. Других документально подтвержденных примеров аналогичного развития почти нет, и я говорю это не просто так – или потому, что как раз в этом заключается моя собственная научная гипотеза. Сегодня большинство ученых сходится на том, что саванты только выигрывают от развития своих интеллектуальных способностей во всех областях.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно.

– Он еще хорошо разбирается в цифрах.

– Неужели? – удивился Чарльз Эдельман.

– Почему вы так говорите?

– Потому что у савантов художественная одаренность крайне редко сочетается с математическим талантом. Здесь речь идет о двух разных видах способностей, они вовсе не родственны и даже иногда, похоже, блокируют друг друга.

– Но это правда. В его рисунках присутствует некая геометрическая точность, как будто он сумел рассчитать пропорции.

– Крайне интересно… Когда я могу встретиться с ним?

– Даже не знаю… Я хочу, прежде всего, попросить совета.

– Тогда совет несомненен: вкладывайтесь в мальчика. Стимулируйте его. Пусть развивает свои таланты всеми способами.

– Я…

Франс почувствовал, что ему странным образом сдавило грудь и ему стало трудно произносить слова.

– Я хочу поблагодарить, – продолжил он. – Я вам действительно очень признателен. А теперь мне надо…

– Для меня такая честь говорить с вами, и я бы с удовольствием встретился с вашим сыном. Если позволите немного похвастаться, то я скажу, что разработал довольно сложный тест для савантов. Вместе мы смогли бы лучше узнать мальчика.

– Да, конечно, это было бы замечательно. Но сейчас мне надо… – пробормотал Франс, сам толком не зная, что хочет сказать. – До свидания и спасибо.

– Ну, что ж, разумеется. Надеюсь, вы скоро опять со мною свяжетесь.

Франс положил трубку и несколько секунд сидел неподвижно, скрестив руки на груди и глядя на Августа, который по-прежнему с сомнением держался за желтый фломастер и посматривал на горящую свечу. Потом плечи Франса вздрогнули, и у него внезапно потекли слезы, а о профессоре Бальдере можно было сказать многое, но понапрасну он

никогда не плакал.

Франс не мог вспомнить, когда такое случалось с ним в последний раз. Когда умерла мать, он не плакал, и точно не плакал, когда видел или читал что-нибудь захватывающее – сам он считал себя каменным истуканом. А сейчас, перед сыном и его рядами фломастеров и мелков профессор плакал, как дитя, и даже не пытался остановить слезы… Конечно, все дело в словах Чарльза Эдельмана.

Теперь Август сможет научиться говорить и продолжать рисовать – это потрясающе. Но плакал Франс, естественно, не только поэтому. Сюда примешивались еще драма в «Солифоне», угроза убийства, тяготившие его тайны и тоска по Ханне или Фарах, или по кому угодно, способному заполнить пустоту у него в груди.

– Мой малыш! – произнес Бальдер.

Он был настолько растроган и вне себя, что не заметил, как у него включился ноутбук и начал показывать изображения с одной из камер наружного наблюдения у него на участке.

По саду, невзирая на бушующий ураган, шел долговязый мужчина в утепленной кожаной куртке и серой бейсболке, надвинутой так, что она тщательно скрывала его лицо. Кто бы он ни был, но мужчина знал, что его снимают, и хотя он казался худощавым и немощным, что-то в его раскачивающейся, слегка театральной походке напоминало боксера-тяжеловеса, направляющегося на ринг.

Габриэлла Гране по-прежнему сидела у себя в кабинете, занимаясь поисками в Интернете и регистре СЭПО. Ясности не прибавлялось; это было, конечно, связано с тем, что она толком не знала, что ищет. Но что-то новое и тревожное ее мучило, что-то смутное, неотчетливое…

Их разговор с Бальдером прервали. Ей снова позвонила Хелена Крафт, руководитель СЭПО, причем по тому же поводу, что в прошлый раз. С нею хотела поговорить Алона Касалес из АНБ, и теперь Алона звучала гораздо спокойнее и даже пыталась слегка флиртовать.

– Вам удалось разобраться со своими компьютерами? – спросила Габриэлла.

– Ха… да, кое-какой цирк тут был, но, думаю, ничего страшного. Прошу прощения, что в прошлый раз немного темнила. Вероятно, мне и сейчас надо отчасти продолжать в том же духе… Но я хочу сообщить тебе побольше – и снова подчеркнуть, что считаю угрозу профессору Бальдеру основательной и серьезной, хотя мы ничего не знаем наверняка. Вы успели взяться за это дело?

– Я с ним поговорила. Он отказывается покидать дом. Сказал, что чем-то очень занят. Я организую наблюдение.

– Отлично. Как ты, возможно, догадываешься, ты мне не просто приглянулась. Я под большим впечатлением, фрёкен Гране. Разве таким, как ты, не следует работать в «Голдман Сакс»[35] и получать миллионы?

– Не в моем вкусе.

– И не в моем тоже. От денег я не отказалась бы, но это плохо оплачиваемое вынюхивание подходит мне больше… Итак, душенька, дело обстоит следующим образом. По нашей части ничего особенно важного тут нет, что я, кстати, считаю ошибочным выводом. Не только потому, будто уверена, что эта группировка представляет угрозу национальным экономическим интересам. Я думаю, здесь имеются еще политические привязки. Русский компьютерщик, о котором я упоминала, по имени Анатолий Хабаров, имеет отношение к печально известному члену русской Думы Ивану Грибанову, крупному акционеру «Газпрома».

– Понятно.

– Но это пока в основном отдельные ниточки, и я потратила много времени, пытаясь раскрыть личность их лидера.

– Того, кого называют Танос?

– Или ту.

– Ту?

– Да, хотя я, вероятно, ошибаюсь. Криминальные группировки такого типа ведь обычно используют женщин, но не выдвигают на руководящие позиции, да и этот персонаж чаще всего упоминается как *он*.

– Что же тебя заставляет думать, что это все-таки может быть женщина?

– Можно сказать, какое-то почтение. Об этом человеке говорят так, как мужчины во все времена говорили о женщинах, которыми они восхищаются и которых желают.

– Значит, присутствует красота…

– Похоже на то. Но, возможно, я просто почуяла легкую гомосексуальную эротику, а уж кто бы порадовался больше меня, если бы русские гангстеры или вообще русские руководители уделяли этой дисциплине побольше внимания…

– Ха, точно!

– Но на самом деле я упоминаю об этом только для того, чтобы у тебя был шире обзор, если эта неразбериха попадет к тебе в руки. Понимаешь, там замешаны кое-какие адвокаты. Ведь они всегда присутствуют. С помощью хакеров можно воровать, а с помощью адвокатов – легализовать

кражу… Как там сказал Бальдер?

– Мы равны перед законом, если одинаково расплачиваемся.

– Именно, сейчас тот, кто имеет средства на хорошую защиту, может присваивать все, что угодно. Тебе, конечно, известны юридические противники Бальдера, вашингтонское бюро «Дакстоун & Партнер».

– О, да.

– Тогда ты знаешь, что к ним обычно обращаются технологические фирмы, которые хотят засудить изобретателей и рационализаторов, надеющихся получить небольшое вознаграждение за свои творения.

– Конечно, знаю – еще с тех пор, как мы разбирались с процессами изобретателя Хокана Ланса.

– Тоже жуткая история. Но самое интересное, что бюро «Дакстоун & Партнер» встречается в тех немногих переговорах этой криминальной группировки, которые нам удалось отследить и прочесть; правда, оно там именуется Д.П. или даже просто Д.

– Значит, «Солифон» и эти негодяи используют тех же юристов?

– Похоже, что да. Мало того, сейчас «Дакстоун & Партнер» открывают офис в Стокгольме, и знаешь, как мы об этом узнали?

– Нет, – ответила Габриэлла, чувствуя нарастающий стресс.

Ей хотелось поскорее закончить разговор и заняться организацией полицейской охраны для Бальдера.

– В результате наблюдения за группировкой, – продолжала Алона. – Об этом случайно обмолвился Хабаров, что указывает на их тесную связь с бюро. Группировка знала об открытии офиса еще до официальной информации.

– Неужели?

– Да, и в Стокгольме «Дакстоун & Партнер» объединятся со шведским адвокатом по имени Кенни Брудин, который раньше специализировался на уголовных делах и известен тем, что слишком сближался со своими клиентами.

– Помимо всего прочего, существует классическая фотография, просочившаяся в вечернюю прессу, где Кенни Брудин развлекается со своими бандитами и лапает какую-то девочку по вызову, – сказала Габриэлла.

– Я ее видела, и думаю, что если вам тоже захочется познакомиться с этой историей, то лучше всего начать с мистера Брудина. Как знать, может, он является связующим звеном между финансовыми магнатами и этой группировкой…

– Я погляжу, – ответила Габриэлла. – Но сейчас мне надо заняться кое-

чем другим. Мы наверняка еще созвонимся.

Потом она позвонила дежурному Отдела личной охраны. В этот вечер им оказался не кто иной, как Стиг Иттергрен, что не облегчало дело. Шестидесятилетний Иттергрен был человеком корпулентным, в меру пьющим и больше всего любил играть в карты и раскладывать пасьянс в Интернете. Его иногда называли «Господин Ничего Невозможно», поэтому Габриэлла объяснила ситуацию максимально солидным голосом и потребовала, чтобы профессору Франсу Бальдеру из Сальтшёбадена как можно скорее предоставили телохранителей. Стиг Иттергрен привычно ответил, что это будет очень трудно и, скорее всего, невозможно, а когда она парировала, сказав, что это приказ руководителя СЭПО, он пробормотал нечто вроде «злобная сучка».

– Этого я не слышала, – сказала она. – Но смотрите, чтобы никаких задержек.

Без задержек, разумеется, не получилось, и в ожидании Габриэлла, нервно постукивая пальцами по столу, искала информацию о «Дакстоун & Партнер» и обо всем, что рассказала ей Алона. Тут-то у нее и возникло ощущение чего-то тревожно знакомого.

Но ничего толком не прояснялось, и прежде чем она успела до чего-нибудь додуматься, ей действительно перезвонил Стиг Иттергрен, и, естественно, оказалось, что никто из Отдела личной охраны не доступен. Он сказал, что в этот вечер у них необычно много хлопот с королевской семьей – там какой-то цирк вместе с норвежским кронпринцем и его супругой, да еще председателю партии «Шведские демократы» запустили в волосы мягким мороженым, а охранники не успели вмешаться, и поэтому пришлось усилить охрану на его следующем выступлении в Сёдертелье[36].

Вместо своих сотрудников Иттергрен откомандировал «двоих потрясающих парней из полиции», которых зовут Петер Блум и Дан Флинк, и Габриэлле пришлось удовольствоваться этим, хотя имена Блум и Флинк вызвали у нее ассоциацию с Клингом и Клангом из «Пеппи Длинныйчулок», и на мгновение ее охватили дурные предчувствия. Затем она разозлилась на себя. Как типично для ее снобистского воспитания судить людей по их именам! Ей скорее следовало бы больше волноваться, зови их Юллентофс или как-нибудь в этом роде. Тогда они наверняка оказались бы мягкотелыми выродками. «Все будет хорошо», – подумала Габриэлла, отбросив опасения.

Она продолжила работу. Ночь ей предстояла длинная.

Глава 9

Ночь на 21 ноября

Лисбет проснулась, лежа наискосок в большой двуспальной постели, и поняла, что ей сейчас снился отец. Ее, словно плащом, накрыло ощущение чего-то угрожающего. Но тут она вспомнила вечер накануне и сообразила, что с таким же успехом это может быть химическая реакция в организме. Чувствуя тяжелое похмелье, Саландер встала и на подкашивающихся ногах пошла в огромную ванную комнату, с джакузи, мрамором и прочим кретинским люксом, уверенная в том, что ее вырвет. Однако ничего такого не произошло, и она, тяжело дыша, опустилась на пол.

Через некоторое время Лисбет встала и посмотрела в зеркало – зрелище было не слишком вдохновляющим. Глаза налиты кровью. С другой стороны, шел только первый час ночи – значит, она проспала не более нескольких часов. Саландер достала из шкафчика в ванной стакан и наполнила его водой. Но в тот же миг на нее нахлынули воспоминания из сна, и она, стиснув стакан, раздавила его и поранила руку. Кровь закапала на пол, Лисбет выругалась и поняла, что едва ли сможет снова уснуть.

Не попробовать ли ей взломать скачанный накануне шифрованный файл? Нет, бесполезно, по крайней мере, сейчас. Вместо этого она, обмотав руку полотенцем, подошла к стеллажу, достала новое исследование физика из Принстонского университета, Джулии Таммет, описывающее коллапс крупной звезды и ее превращение в черную дыру, и улеглась с книгой на красном диване возле окна с видом на Шлюз и залив Риддарфьерден.

Начав читать, Лисбет почувствовала себя немного лучше. Правда, с обеих сторон полотенца капала кровь, а голова не переставала болеть. Однако молодая женщина все глубже погружалась в книгу, делая временами пометки на полях. Собственно говоря, ничего нового для нее тут не было. Она лучше большинства людей знала, что жизнь звезды поддерживают две противоборствующие силы: ядерные взрывы у нее внутри, позволяющие ей расширяться, и гравитация, сжимающая ее. Лисбет рассматривала это как эквилибристику, затяжную борьбу, долгое время равную, но в конце концов, когда ядерное топливо истощается и взрывы ослабевают, неизбежно обретающую победителя.

Когда сила притяжения берет верх, небесное тело сжимается, подобно выпустившему воздух шару, и становится все меньше и меньше. Карл

Шварцшильд еще во время Первой мировой войны с невероятной элегантностью, сформулированной в формуле:

2GM

$rsch = c^9$,

где G – гравитационная константа, описал стадию, когда звезда настолько сжимается, что ее не может покинуть даже луч света, а при таком положении обратного пути уже нет. В подобной ситуации небесное тело обречено на коллапс. Все его атомы тянутся внутрь, к сингулярной точке, где заканчиваются время и пространство, а возможно, происходят еще более странные вещи – вкрапления чистой иррациональности прямо посреди подчиняющейся законам Вселенной.

Эта сингулярность, которая, пожалуй, является скорее не точкой, а неким событием, конечной станцией для всех известных физических законов, окружается «горизонтом событий» и вместе с ним образует так называемую черную дыру. Черные дыры Лисбет нравились. Она чувствовала с ними родство.

Тем не менее ее, как и Джулию Таммет, в первую очередь интересовали не сами черные дыры, а создающий их процесс, и главным образом – тот факт, что коллапс звезд начинается в широченной части Вселенной, которую мы обычно объясняем с помощью теории относительности Эйнштейна, а завершается в исчезающем маленьком мире, подчиняющемся принципам квантовой механики.

Лисбет продолжала пребывать в убеждении, что если ей только удастся описать этот процесс, она сможет объединить два несовместимых языка Вселенной: квантовую физику и теорию относительности. Но это наверняка было ей не по силам, как и этот проклятый шифр, и под конец ее мысли вновь обратились к отцу.

Когда она была маленькой, этот гад раз за разом насиловал ее мать. Насилие продолжалось до тех пор, пока мать не получила непоправимые увечья, а сама Лисбет в двенадцать лет не дала ему сдачи со страшной силой. В то время она понятия не имела о том, что отец являлся крупным беглым шпионом из советского военного разведывательного управления, ГРУ, и уж тем более о том, что его любой ценой защищает особый отдел СЭПО, так называемая Секция. Впрочем, она уже тогда понимала, что вокруг отца существует загадка, некая темнота, к которой никто не имел права приближаться или даже указывать на ее существование. Это касалось даже такой простой вещи, как его имя.

На всех письмах и бумагах значилось: Карл Аксель Будин, и ожидалось, что все посторонние тоже будут звать его Карлом. Но семья на Лундагатан знала, что это фальсификация и что его настоящее имя – Зала, или, точнее, Александр Залаченко. Он был человеком, способным с легкостью запугивать людей до смерти и, главное, прикрытым мантией неуязвимости – по крайней мере, Лисбет воспринимала это так.

Еще не зная тогда его тайн, она все же понимала, что отцу все сходит с рук. Это являлось одной из причин того, что Залаченко всем своим поведением излучал мерзость и надменность. Он был личностью, до которой обычным путем не доберешься, и хорошо это сознавал. На других отцов можно было заявить в социальные службы и в полицию. А за спиной Залаченко стояли силы, занимавшие гораздо более высокое положение, и в сегодняшнем сне Лисбет вспомнился день, когда она нашла мать лежавшей на полу в бессознательном состоянии и решила обезвредить отца в одиночку.

Ее истинной черной дырой было это – и еще кое-что.

В 01.18 сработала сигнализация, и Бальдер резко проснулся. Неужели кто-то забрался в дом? Почувствовав необъяснимый страх, Франс вытянул в постели руку. Август лежал рядом с ним. Вероятно, мальчик, как обычно, потихоньку залез к нему и теперь беспокойно поскуливал, словно бы вой сирены проник в его сны. «Мой малыш», – подумал Франс. Затем он застыл. Неужели шаги?

Нет, ему наверняка просто почудилось. Кроме сигнализации, во всяком случае, ничего слышно не было, и он с беспокойством бросил взгляд на непогоду за окном. Ветер, похоже, разбушевался хуже, чем когда-либо. Волны в заливе бились в пристань и выплескивались на берег. Оконные стекла дрожали и прогибались от ураганного ветра. А не могли ли порывы ветра сами запустить сигнализацию? Может, все объясняется так просто?

Тем не менее, конечно, надо все проверить и при необходимости позвонить, чтобы вызвать подмогу, а также посмотреть, прибыли ли наконец организованные Габриэллой Гране охранники. Двое полицейских добирались к нему в течение нескольких часов… Просто смешно! Их все время задерживали непогода и ряд других приказаний: «Приезжайте и помогите то тут, то там!» Возникало то одно, то другое, и он был согласен с Габриэллой, что все это выглядело безнадежно непрофессионально.

Впрочем, с этим можно разобраться позднее. Сейчас необходимо позвонить. Проблема только в том, что Август проснулся или начал просыпаться, а значит, действовать надо быстро. Последнее, в чем Франс

сейчас нуждался, это чтобы у Августа случилась истерика и тот бился всем телом об изголовье кровати. «Беруши, – вдруг осенило его. – Старые зеленые беруши, купленные в аэропорту Франкфурта…»

Франс взял беруши с ночного столика и осторожно вдавил их в уши сыну. Потом укутал его одеялом, поцеловал в щеку и провел рукой по копне вьющихся волос. Проверил правильность расположения воротничка пижамы и то, удобно ли голова лежит на подушке. Непостижимо! Франс боялся и, вероятно, спешил – или, по крайней мере, должен был бы торопиться. Тем не менее, ухаживая за сыном, он действовал неторопливыми движениями. Возможно, в критический момент в нем проявилась сентиментальность. Или ему просто хотелось оттянуть встречу с тем, что его ждало снаружи… На мгновение он даже пожалел о том, что у него нет оружия – правда, как им пользоваться, он все равно не знал.

Просто он, проклятый программист, на склоне лет обрел родительские чувства, только и всего. Ему не следовало ввязываться в эту кашу. Черт бы побрал «Солифон», и АНБ, и все криминальные группировки! Но теперь ему требовалось стиснуть зубы. Крадущимися, нетвердыми шагами Бальдер вышел в холл и первым делом, даже не бросив взгляда на дорогу на улице, отключил сигнализацию. Этот шум полностью вывел из равновесия его нервную систему, и во внезапно наступившей тишине он неподвижно стоял посреди холла, неспособный к каким-либо действиям. Тут у него зазвонил мобильный телефон, и хотя Франс подскочил от испуга, он был все же благодарен своей рассеянности.

– Да, – ответил он.

– Алло, это Юнас Андерберг, дежурный из «Милтон секьюрити». У вас всё в порядке?

– Что… да, думаю, в порядке. У меня сработала сигнализация.

– Я знаю. Согласно нашим инструкциям, вы должны в таких случаях спускаться в специальную комнату в подвале и запирать дверь. Вы в подвале?

– Да, – солгал Франс.

– Хорошо, очень хорошо. Вы знаете, что произошло?

– Отнюдь. Меня разбудила сигнализация. Я представления не имею, что заставило ее сработать. Не может ли это быть ураган?

– Едва ли… подождите минутку!

В голосе Юнаса Андерберга послышалась некоторая растерянность.

– В чем дело? – нервно спросил Франс.

– Похоже…

– Договаривайте, черт возьми! Мне страшно.

– Извините, успокойтесь, успокойтесь… я просматриваю записи с ваших камер, и, похоже, дело обстоит так…

– Как обстоит?

– Что к вам заходил визитер. Мужчина… да вы можете потом посмотреть сами – довольно высокий мужчина в темных очках и бейсболке обследовал ваши владения. Насколько я понимаю, он делал два захода, хотя, как я сказал… я обнаружил это только что. Чтобы сказать побольше, мне надо подробнее изучить записи.

– Что это за тип?

– Ну, послушайте, мне не так-то легко разобраться…

Юнас Андерберг, похоже, снова принялся изучать записи.

– Но возможно… не знаю… нет, мне не следует строить предположения на такой ранней стадии, – продолжил он.

– О, пожалуйста, скажите! Мне нужно что-то конкретное. Просто в качестве терапии.

– Ладно, тогда, по крайней мере, об одном обстоятельстве можно говорить с уверенностью.

– О каком?

– О его походке. Мужчина идет, как наркоман, как парень, только что принявший изрядную дозу наркоты. В том, как он двигается, присутствует нечто преувеличенно напыщенное и неестественное; это может указывать на то, что он обычный наркоман и мелкий воришка. С другой стороны…

– Да?

– Немного настораживает то, как хорошо он скрывает лицо. И потом…

Юнас опять умолк.

– Продолжайте!

– Подождите секунду.

– Вы понимаете, что я из-за вас нервничаю?

– Я не нарочно. Но погодите-ка…

Бальдер оцепенел. С подъездной дороги к его гаражу донесся звук мотора.

– …к вам гости.

– Что же мне делать?

– Оставайтесь там, где находитесь.

– О’кей, – сказал Франс и остался стоять, в более или менее парализованном состоянии, совсем не в том месте, где полагал Юнас Андерберг.

Когда в 01.58 зазвонил телефон, Микаэль Блумквист по-прежнему не

спал. Но поскольку мобильный остался в лежащих на полу джинсах, ответить вовремя он все-таки не успел. К тому же номер не определился, поэтому Микаэль выругался, залез обратно в постель и закрыл глаза.

Нельзя допустить еще одну бессонную ночь. С тех пор, как Эрика около полуночи заснула, он лежал, вертелся и думал о своей жизни, в которой его почти все не удовлетворяло, даже отношения с Эрикой. Он любил ее на протяжении десятилетий, и она, судя по всему, испытывала к нему те же чувства. Однако теперь дело обстояло уже не так просто – возможно, Микаэль начал испытывать симпатию к Грегеру. Художника Грегера Бекмана, мужа Эрики, нельзя было назвать завистливым или мелочным. Напротив, заподозрив, что Эрике никогда не удастся забыть Микаэля или даже удерживаться от того, чтобы срывать с него одежду, Грегер не взвился до потолка или не пригрозил, что увезет жену жить в Китай. Он заключил с нею соглашение. «Ты можешь проводить с ним время при условии, что всегда будешь возвращаться ко мне». Так и повелось.

Они создали ménage a trois[37], нетрадиционное объединение, при котором Эрика в основном ночевала дома, в Сальтшёбадене, с Грегером, но иногда оставалась у Микаэля, на Бельмансгатан, и на протяжении многих лет Блумквист считал такое решение потрясающим – таким, к какому следовало бы прийти многим парам, живущим под гнетом единобрачия. Каждый раз, когда Эрика говорила: «Я больше люблю мужа, когда могу побыть и с тобою тоже» или когда Грегер на какой-нибудь коктейльной вечеринке по-братски обнимал его, Микаэль благодарил свою счастливую звезду за их договоренность.

Однако в последнее время он начал сомневаться. Возможно, потому, что у него вообще появилось больше времени для размышлений над собственной жизнью, и ему пришло в голову, что не все, называемое соглашениями, обязательно таковым является. Напротив, одна из сторон может своевольно добиться чего-то под видом общего решения, а в конечном счете оказывается, что кто-то страдает, несмотря на заверения в обратном. И, честно говоря, звонок Эрики Грегеру накануне поздно вечером был воспринят без бурных аплодисментов. Как знать, возможно, Грегер сейчас тоже лежит без сна…

Микаэль постарался заставить себя подумать о чем-нибудь другом. Даже попробовал немного помечтать. Помогало не слишком хорошо, и под конец он встал, полный решимости сделать что-нибудь путное: почему бы, например, не почитать о промышленном шпионаже или, что еще лучше, набросать альтернативный план финансирования «Миллениума»? Он

оделся, уселся за компьютер и стал проверять почту.

Там в основном была, как обычно, разная чушь – правда, несколько писем придали ему немного сил. В них содержались слова поддержки в преддверии битвы с «Сернер» от Кристера, Малин, Андрея Зандера и Харриет Вангер, и он ответил на эти письма с большей жаждой борьбы, чем на самом деле испытывал. Затем Микаэль, без всякой надежды, проверил ящик Лисбет. И просиял: она ответила! Впервые за целую вечность подала признаки жизни:

> Интеллект Бальдера вовсе не искусственный. А как в настоящее время обстоит дело с твоим собственным?
>
> И что произойдет, Блумквист, если мы создадим машину, которая будет слегка шустрее нас самих?

Микаэль улыбнулся, вспоминая их последнюю встречу за чашкой кофе в кафе на Сант-Паульсгатан, и поэтому не сразу сообразил, что в ее привете содержится два вопроса, и в первом из них – маленькой научной подколке – присутствует, к сожалению, чуточка правды. В опубликованном им за последнее время в журнале действительно не хватало интеллекта и истинного фактора новизны. Как и многие другие журналисты, он просто работал, используя опробованные приемы и формулировки. Но тут уже ничего не поделаешь, поэтому ему больше захотелось поразмышлять над вторым вопросом Лисбет, над ее маленькой загадкой – и, прежде всего, не потому, что она его особенно заинтересовала, а поскольку ему захотелось написать в ответ что-нибудь остроумное.

«Если мы создадим машину, которая будет шустрее нас самих, – думал Блумквист, – что же произойдет?» Он пошел на кухню, открыл бутылку минеральной воды и сел за кухонный стол. Этажом ниже довольно сильно кашляла фру Гемер, а где-то вдали, посреди городской суеты и бури, завывала сирена «Скорой помощи». «Да, – ответил он сам себе, – тогда мы получим машину, способную делать те же умные штуки, что и мы, плюс еще немного, например…» Микаэль громко захохотал, уловив самую соль вопроса. Такая машина должна также уметь создавать нечто более умное, чем она сама, поскольку ее-то сумели создать мы, – и что же тогда произойдет? Конечно: новая машина сможет делать нечто более умное, то же произойдет со следующей машиной, и следующей, и следующей, и вскоре создатель всего этого – сам человек – станет для последнего компьютера не более интересным, чем маленькие белые мышки. Мы достигнем интеллектуального взрыва, не поддающегося контролю;

получится, как в фильмах «Матрица». Микаэль улыбнулся, вернулся к компьютеру и написал:

> Если мы создадим такую машину, то получим мир, где даже Лисбет Саландер не сможет быть такой самоуверенной.

Затем он немного посидел, глядя в окно на то, что можно было рассмотреть сквозь пургу, и периодически бросая взгляд через открытую дверь на Эрику, которая спала глубоким сном и ничего не знала о машинах, которые будут умнее людей, – или, во всяком случае, в данный момент не беспокоилась по этому поводу. Через некоторое время он взял телефон.

Ему показалось, будто телефон звякнул, – и действительно, ему пришло новое сообщение. Тут Микаэль немного заволновался, сам не зная почему. За исключением бывших любовниц, которые звонят спьяну, желая заняться сексом, по ночам обычно приходят только плохие новости, поэтому он сразу прослушал сообщение. Голос на автоответчике звучал взволнованно:

> Меня зовут Франс Бальдер. Конечно, звонить так поздно неприлично. Прошу меня простить. Но у меня создалась довольно критическая ситуация, во всяком случае, я воспринимаю ее именно так, а я только что узнал, что вы пытались со мной связаться, – удивительное совпадение. Я хотел бы кое о чем рассказать, и, думаю, вас это может заинтересовать. Буду рад, если вы свяжетесь со мною как можно скорее. Чувствую, что дело не терпит отлагательств.

Далее Бальдер сообщал номер телефона и адрес электронной почты, Микаэль записал их и немного посидел, постукивая пальцами по кухонному столу. Затем он позвонил.

Франс лежал в постели, по-прежнему взволнованный и испуганный. Правда, теперь он чувствовал себя немного спокойнее. Машина, подъехавшая к его гаражу, оказалась под конец полицейской охраной. В ней прибыли двое мужчин лет сорока, один очень высокий, а второй довольно маленький; оба выглядели слегка самоуверенно и многозначительно, у обоих были однотипные стильные короткие стрижки, но вели они себя почтительно и с надлежащим уважением попросили прощения за опоздание.

– Нас уже проинформировали о ситуации люди из «Милтон секьюрити» и Габриэлла Гране из СЭПО, – пояснили они.

Следовательно, полицейские знали, что какой-то мужчина в бейсболке и темных очках что-то вынюхивал на участке и что им следует проявлять бдительность. Поэтому они отказались от предложения выпить на кухне по чашке горячего чаю. Им хотелось вести наблюдение за домом, и Франс счел это профессиональным и разумным. У него не создалось о них чересчур приятного впечатления; с другой стороны, слишком плохого впечатления тоже не создалось. Взяв у них номера телефонов, Бальдер вернулся в постель, к Августу, который по-прежнему спал, свернувшись калачиком, с зелеными берушами в ушах.

Но снова заснуть Франс, конечно, не мог. Он прислушивался к звукам бушующей на улице бури и в конце концов сел в постели. Необходимо было что-нибудь предпринять. Иначе можно сойти с ума. Бальдер прослушал свой мобильный телефон. Ему оставил два сообщения Линус Брандель, который явно пребывал в ярости и одновременно оправдывался, и поначалу Франс хотел просто положить трубку. Слушать нытье Линуса сил не было.

Однако он все-таки уловил пару интересных вещей. Линус поговорил с Микаэлем Блумквистом из журнала «Миллениум», и теперь тот хочет с ним связаться.

– Микаэль Блумквист… может, он станет моей связью с миром? – пробормотал Франс, погрузившись в размышления.

Бальдер не особенно хорошо разбирался в шведских журналистах, но о Микаэле Блумквисте слышал, и, насколько он знал, тот был человеком, который всегда глубоко копает в своих статьях и никогда не поддается нажиму. Собственно говоря, это еще не означает, что он подходит для данной работы, и Франс припомнил, что где-то слышал о нем и менее лестные вещи. Поэтому он встал и снова позвонил Габриэлле Гране, знавшей о СМИ почти все и сказавшей, что будет работать всю ночь.

– Алло, – сразу ответила она. – Я как раз собиралась вам позвонить. Я рассматриваю мужчину с камеры наблюдения. Нам все-таки надо немедленно вас переселить.

– Господи, Габриэлла, ведь полицейские наконец прибыли. Они сидят у меня прямо под дверью.

– Мужчина совсем необязательно вернется через главный вход.

– Зачем ему вообще возвращаться? В «Милтоне» сказали, что он выглядит как закоренелый наркоман.

– Я не так в этом уверена. Он держит какой-то ящик, что-то

техническое… Все-таки лучше не рисковать.

Франс бросил взгляд на лежащего рядом Августа.

– Я готов переехать завтра. Это, пожалуй, пойдет на пользу моим нервам. Но сегодня ночью я ничего делать не буду – ваши полицейские кажутся мне профессионалами… во всяком случае, достаточно профессиональными.

– Вы опять намерены упорствовать?

– Опять.

– Ладно, тогда я прослежу за тем, чтобы Флинк и Блум не рассиживались, а держали под контролем весь участок.

– Хорошо, хорошо, но звоню я не поэтому. Вы посоветовали мне «go public», помните?

– Да… но… Конечно, не самый обычный совет от СЭПО, хотя я по-прежнему считаю это хорошей идеей. Однако мне хотелось бы, чтобы вы сперва рассказали все, что вам известно, нам. Эта история начинает вызывать у меня недобрые предчувствия.

– Мы поговорим завтра утром, когда выспимся. А пока скажите, что вы думаете о Микаэле Блумквисте из «Миллениума»? Может ли он подойти для такого разговора?

Габриэлла засмеялась.

– Если хотите спровоцировать у моих коллег инсульт, то обязательно поговорите с ним.

– Дело обстоит так плохо?

– Здесь, в СЭПО, от него бегают почти как от чумы. У нас обычно говорят, что если у тебя в подъезде появился Микаэль Блумквист, значит, весь год будет испорчен. Хелена Крафт отсоветовала бы вам самым решительным образом.

– Но я спрашиваю вас.

– Тогда я отвечу, что мысль совершенно правильная. Он чертовски хороший журналист.

– Но разве он не подвергался критике?

– Безусловно, в последнее время заговорили о том, что его время прошло, что он пишет недостаточно позитивно и оптимистично, или что-то в этом духе. Он – старомодный, глубоко копающий репортер в лучшем смысле слова. У вас есть его координаты?

– Мне их сообщил мой бывший ассистент.

– Хорошо, замечательно! Но прежде чем связаться с ним, вы должны все рассказать нам. Обещаете?

– Обещаю, Габриэлла. А сейчас мне надо несколько часов поспать.

– Давайте, а я буду поддерживать контакт с Флинком и Блумом и организую вам завтра надежный адрес.

Положив трубку, Франс снова попытался успокоиться. Однако у него по-прежнему ничего не получалось, и непогода навевала на него навязчивые мысли. Ему казалось, будто по заливу несется что-то недоброе и направляется к нему, и вопреки собственному желанию он напряженно вслушивался в малейшие отклонения в окружавших его звуках, постепенно все больше волнуясь и нервничая.

Конечно, он обещал Габриэлле сперва поговорить с нею. Но вскоре ему стало казаться, что ждать нельзя. Все, что Бальдер так долго носил в себе, рвалось наружу, хоть он и понимал, что это иррационально. Такой срочности ни с чем быть не может. Сейчас середина ночи, и, невзирая на сказанное Габриэллой, нынче он, разумеется, в большей безопасности, чем был все последнее время. У него полицейская охрана и первоклассная сигнализация. Но легче от этого не становилось. Бальдер страшно волновался, поэтому извлек оставленный Линусом номер и позвонил, но Блумквист, естественно, не ответил. Да и почему он должен был ответить? Ведь время слишком позднее…

Наговорив сообщение на автоответчик торопливым шепотом, чтобы не разбудить Августа, Франс встал и зажег лампу на ночном столике со своей стороны. Затем принялся перебирать книги на стеллаже справа от кровати. Здесь стояла литература, не имевшая отношения к его работе, и он, рассеянно и нервно, начал листать старый роман Стивена Кинга «Кладбище домашних животных». Но тут на него с еще большей силой нахлынули мысли о злых личностях, мчащихся сквозь ночную тьму, и он долго просто стоял с книгой в руке. И тут с ним что-то произошло. Ему пришло в голову страшное опасение, которое при дневном свете он, возможно, отверг бы как нонсенс, но сейчас оно казалось в высшей степени реальным, и Франса охватило внезапное желание поговорить с Фарах Шариф или, пожалуй, скорее со Стивеном Уорбертоном из Лос-Анджелеса, который наверняка не спит. Размышляя над этим вопросом и представляя себе всевозможные жуткие сценарии, Бальдер смотрел на залив, ночь и безудержно несущиеся по небу облака.

В это мгновение у него зазвонил телефон, словно услышав его мольбу. Но звонили, конечно, не Фарах или Стивен.

– Меня зовут Микаэль Блумквист, – сказал голос. – Вы меня искали.

– Точно. Прошу прощения за столь поздний звонок.

– Ничего страшного. Я не спал.

– Я тоже. Вы сейчас можете разговаривать?

– Безусловно. Я как раз только что отвечал на сообщение человека, которого, думаю, мы оба знаем. Ее фамилия Саландер.

– Кто?

– Извините, возможно, я все неправильно понял… Но у меня сложилось впечатление, что вы нанимали ее, чтобы проверить ваши компьютеры и отследить возможное вторжение.

Франс усмехнулся.

– Да, Господи, она очень специфическая девушка, – сказал он. – Но она так и не открыла своей фамилии, хотя мы какое-то время довольно много общались. Я предположил, что у нее имеются на то свои причины, и никогда на нее не давил. Я познакомился с нею на одной из своих лекций в Королевском технологическом институте. Когда-нибудь я вам об этом с удовольствием расскажу; это было довольно удивительно. Но я хотел спросить… м-да, вам это наверняка покажется безумной идеей…

– Иногда безумные идеи мне нравятся.

– Вы не хотите приехать сюда, прямо сейчас? Для меня это было бы очень важно. У меня есть материал, который, на мой взгляд, обладает определенной взрывной силой. Я оплачу вам такси, туда и обратно.

– Очень любезно с вашей стороны, но мы всегда берем собственные расходы на себя. А почему нам обязательно разговаривать сейчас, посреди ночи?

– Потому что… – Франс колебался. – Потому что у меня такое ощущение, что надо спешить… или, на самом деле, больше, чем ощущение. Я только что узнал, что мне грозит опасность, а всего с час назад вокруг моего дома кто-то рыскал. По правде говоря, мне страшно, и я хочу выплеснуть из себя эту информацию. Не хочу больше оставаться с нею один на один.

– О’кей.

– О’кей что?

– Я приеду, если сумею поймать машину.

Дав ему адрес и положив трубку, Франс позвонил по зашифрованной линии профессору Стивену Уорбертону в Лос-Анджелес и проговорил с ним, собранно и живо, около двадцати-тридцати минут. Затем он встал, надел джинсы и черный кашемировый джемпер и достал бутылку «Амароне»[38], на случай, если Микаэль Блумквист склонен к подобным удовольствиям. Но, дойдя до дверного проема, испуганно вздрогнул.

Ему показалось, что он уловил какое-то движение, будто что-то пропорхнуло мимо, и Бальдер стал нервно присматриваться к мосткам и заливу. Но ничего не увидел. Снаружи был все тот же пустынный,

охваченный ураганом пейзаж, что и прежде, и Франс посчитал увиденное плодом воображения, результатом своего нервного состояния – по крайней мере, попытался посчитать. Он вышел из спальни и двинулся вдоль панорамного окна, собираясь подняться на верхний этаж. Но тут его опять охватило тревожное ощущение; он вновь поспешно обернулся – и на этот раз действительно различил кое-что возле дома соседа, Седерваля.

Там, под прикрытием деревьев, бежала какая-то фигура, и хотя Франс видел этого человека не очень долго, он все-таки отметил, что тот мощного телосложения, с рюкзаком и в темной одежде. Мужчина бежал пригнувшись, и что-то в его движениях казалось профессиональным, словно он бегал таким образом много раз, возможно, во время какой-то давней войны. В его действиях присутствовали эффективность и заученность, вызвавшие у Франса ассоциации с чем-то киношным и пугающим. Возможно, поэтому он помедлил несколько секунд, прежде чем выхватить из кармана мобильный телефон и попытаться понять, какой из номеров в перечне его разговоров принадлежит полицейским на улице.

Он не записал их в свои контакты – просто позвонил им, чтобы номера зафиксировались у него на дисплее, – и теперь сомневался. Какие номера принадлежат им? Он не знал и дрожащей рукой попробовал номер, казавшийся ему правильным. Поначалу никто не ответил. Прозвучало три, четыре, пять гудков, прежде чем какой-то голос, тяжело дыша, произнес:

– Это Блум, что случилось?

– Я видел, как какой-то мужчина бежал вдоль деревьев около соседского дома. Где он сейчас, я не знаю. Но вполне возможно, что он уже возле дороги, ведущей к вам.

– Ладно, мы посмотрим.

– Он казался… – продолжил Франс.

– Каким?

– Не знаю… шустрым.

Дан Флинк и Петер Блум сидели в полицейской машине, болтая о своей молодой коллеге, Анне Берцелиус, и размерах ее задницы.

Петер и Дан оба недавно развелись. Их разводы были поначалу довольно болезненными. У обоих имелись маленькие дети, жены, чувствовавшие себя преданными, и родители жен, которые на разные лады называли их безответственными подлецами. Но когда все улеглось, когда они получили возможность участвовать в воспитании детей на равных правах с женами и обзавелись новым, пусть и непритязательным, жильем, мужчины внезапно осознали, как соскучились по холостой жизни. И в

последнее время, в недели, которые дети проводили у матерей, они гуляли напропалую, как никогда прежде, а затем, прямо как в подростковые годы, обсуждали все детали вечеринок и сверху донизу рассматривали встреченных ими женщин, подробно комментируя их тела и способности в постели. Однако на этот раз они не успели настолько углубиться в задницу Анны Берцелиус, как им того хотелось.

У Петера зазвонил мобильный, и они оба вздрогнули, отчасти потому, что Блум поменял мелодию звонка на довольно экстремальный вариант «Satisfaction»[39], но, прежде всего, конечно, потому, что ночь, буря и одиночество сделали их пугливыми. Кроме того, телефон лежал у Петера в кармане брюк, а поскольку те сидели очень плотно – живот от разгульной жизни изрядно увеличился, – ему потребовалось некоторое время, чтобы его достать. Разговор он закончил с озабоченным видом.

– В чем дело? – спросил Дан.

– Бальдер увидел мужика, какого-то шустрого гада.

– Где?

– Возле деревьев у соседского дома. Но парень, похоже, направляется к нам.

Петер и Дан вышли из машины и снова поразились холоду. За этот долгий вечер и ночь они оказывались на улице уже много раз. Но настолько, до мозга костей, их еще не пробирало, и в течение нескольких минут они просто стояли, растерянно поглядывая то налево, то направо. Затем Петер – более высокий из них – взял командование на себя и велел Дану оставаться у дороги, пока он сам сходит к воде.

Ему предстояло спуститься с небольшого холма, протянувшегося вдоль деревянного забора и маленькой аллеи, образованной недавно посаженными деревьями. Уже успело нападать довольно много снега, было скользко, а внизу находилось море, залив Баггенсфьерд, решил Петер, и ему показалось странным, что вода еще не замерзла. Возможно, волны били слишком сильно. Шторм был чудовищным, и Петер выругался по этому поводу и по поводу ночных дежурств, изнурявших его и не дававших ему хорошенько выспаться. Тем не менее он попытался выполнить свою работу – возможно, не от всей души, но все-таки.

Он стал прислушиваться к звукам и озираться, но поначалу не замечал ничего особенного. С другой стороны, было темно. На участке горел один-единственный фонарь – прямо перед мостками, и Петер пошел вниз, мимо унесенного ветром то ли серого, то ли зеленого садового кресла. И в следующее мгновение через огромное окно увидел Франса Бальдера.

Тот стоял в глубине дома, склонившись над большой кроватью в

напряженной позе. Возможно, он поправлял одеяло – определить было нелегко. Казалось, будто он занят какой-то маленькой деталью в постели, и к Петеру это никакого отношения не имело. Ему следовало наблюдать за участком. Тем не менее что-то в языке жестов Бальдера его восхитило, и он на секунду или две утратил концентрацию. Затем снова вернулся к действительности. И тут у него возникло леденящее ощущение, будто кто-то его рассматривает. Поспешно обернувшись, он принялся метать взгляды из стороны в сторону, но поначалу ничего не увидел и уже начал было успокаиваться, когда уловил сразу две вещи: внезапное движение у блестящих стальных мусорных контейнеров возле забора и звук машины на дороге. Машина остановилась, и у нее открылась дверь.

В принципе, ничего примечательного. Возле мусорных контейнеров вполне могло пробежать какое-нибудь животное, и, естественно, сюда могут приезжать машины, даже поздно ночью. Тем не менее Петер напрягся всем телом и на мгновение застыл на месте, сомневаясь, как ему следует действовать. Тут послышался голос Дана:

– Кто-то идет!

Петер не шевельнулся. Он чувствовал, что за ним наблюдают, и почти бессознательно нащупал у бедра табельное оружие, внезапно подумав о матери, бывшей жене и детях так, будто вот-вот действительно должно произойти нечто серьезное. Но дальше этого он в своих мыслях пойти не успел. Дан снова закричал, теперь уже с отчаянием в голосе:

– Полиция! Стой, черт возьми!

Петер побежал к дороге, хотя даже сейчас не был уверен в правильности своего выбора. Он не мог отделаться от подозрения, что оставил возле мусорных контейнеров нечто угрожающее и неприятное. Но раз его коллега так кричит, значит, выбора нет, и втайне Петер даже испытал облегчение. Он испугался больше, чем хотел признавать, и поэтому рванул вперед и, спотыкаясь, выскочил на дорогу.

Вдали Дан гнался за пошатывающимся мужчиной с широкой спиной и в слишком тонкой одежде, и хотя Петер подумал, что этот персонаж едва ли можно определить как «шустрого гада», он побежал следом, и вскоре они повалили беглеца на землю возле обочины, совсем рядом с двумя почтовыми ящиками и маленьким фонарем, слабо освещавшим все действо.

– Кто ты, черт возьми, такой? – взревел Дан на удивление агрессивно, вероятно, тоже здорово перетрусив.

И тут мужчина посмотрел на них растерянным, испуганным взглядом. Он был без шапки, щетину и волосы покрывал иней, и было видно, что он

мерзнет и вообще чувствует себя паршиво. Но главное, в его лице присутствовало нечто невероятно знакомое.

На мгновение Петер подумал, что они поймали известного бандита, находящегося в розыске, и несколько секунд испытывал гордость.

Франс Бальдер вернулся в спальню и подоткнул вокруг Августа одеяло – возможно, чтобы спрятать его на случай, если что-нибудь произойдет. Тут ему пришла в голову безумная мысль, основанная на испытанном только что чувстве опасности и подкрепленная разговором со Стивеном Уорбертоном. Мысль, которую он сперва отверг как величайшую глупость, способную возникнуть только посреди ночи, когда его мозг помутнен от волнения и страха.

Затем Франс сообразил, что идея вообще-то не нова, а напротив, созрела у него в подсознании еще во время бесконечных бессонных ночей в США, и поэтому достал ноутбук, собственный маленький суперкомпьютер, подключенный к целому ряду других машин, чтобы иметь достаточную мощность, и открыл свою AI-программу, которой посвятил всю жизнь, и… просто непостижимо, разве нет?

Бальдер почти не думал. Просто стер файлы и все резервные копии – и почувствовал себя злым богом, уничтожившим жизнь; но, пожалуй, именно это он и сделал. Никому не дано знать, даже ему самому… Он немного посидел, размышляя, будет ли сокрушаться от сожаления и раскаяния. Дело его жизни исчезло в результате всего лишь нескольких ударов по клавишам.

Но, как ни странно, Франс почувствовал себя спокойнее, словно бы защитился хотя бы в одном отношении. Он встал и снова посмотрел на ночь и непогоду за окном.

Зазвонил телефон. Это оказался Дан Флинк, второй полицейский.

– Я только хочу сказать, что мы поймали человека, которого вы видели, – сообщил полицейский. – Иными словами, вы можете успокоиться. Мы держим ситуацию под контролем.

– Кого же вы поймали? – спросил Франс.

– Этого я сказать не могу. Он сильно пьян, и нам надо его успокоить. Я просто хотел поставить вас в известность. Мы перезвоним.

Франс положил трубку на ночной столик, рядом с ноутбуком, и попытался себя поздравить. Теперь мужчина схвачен, и его исследования не смогут попасть в неправильные руки. Однако спокойнее он себя не чувствовал и поначалу не понимал, почему. Потом сообразил: с опьянением что-то не сходится. Бежавший вдоль деревьев был каким угодно, только не

пьяным.

Прошло примерно с минуту, прежде чем Петер Блум понял, что они схватили вовсе не известного и разыскиваемого преступника, а артиста Лассе Вестмана, который, правда, играл бандитов и киллеров в телепостановках, но едва ли находился в розыске, и это открытие не прибавило Петеру спокойствия. Во-первых, у него вновь возникло подозрение, что уходить от деревьев и мусорных контейнеров было ошибкой, а во-вторых, он сразу сообразил, что данный инцидент может привести к скандалам и громким газетным публикациям.

Во всяком случае, он знал, что действия Лассе Вестмана слишком часто попадают в вечернюю прессу, а выглядел артист не слишком радостно. Он со стонами и руганью пытался встать на ноги, а Петер пробовал разобраться в том, что ему понадобилось тут посреди ночи.

– Ты здесь живешь? – спросил он.

– С какой стати я должен с тобою объясняться? Ни черта я тебе не скажу, – прошипел Вестман.

Тогда Петер обернулся к Дану, чтобы попытаться понять, с чего началась вся эта драма. Но тот уже стоял поодаль и разговаривал по телефону, явно с Бальдером. Ему, наверное, хотелось продемонстрировать усердие и сообщить о поимке подозреваемого, если это действительно был подозреваемый.

– Ты рыскал по участку профессора Бальдера? – продолжил Петер.

– Ты, что, не слышал? Я вам ни черта не скажу. С какой стати? Я тут мирно прогуливаюсь, и вдруг появляется этот псих, размахивая пистолетом… Это возмутительно! Да вы знаете, кто я?

– Мне известно, кто ты такой, и если мы вели себя некорректно, прошу прощения. Нам наверняка еще представится случай к этому вернуться. Но в данный момент у нас чрезвычайно напряженная ситуация, и я требую, чтобы ты немедленно рассказал, что у тебя за дело к профессору Бальдеру… Нет, нет, даже не пробуй улизнуть!

Лассе Вестману удалось, наконец, подняться, и он явно вовсе не пытался улизнуть. Мужчина явно с трудом держался на ногах. Чуть мелодраматично покашляв, он сплюнул; однако плевок улетел не слишком далеко, его, точно бумеранг, принесло обратно, и он примерз к щеке Лассе.

– Знаешь, что я тебе скажу? – произнес тот, обтирая лицо.

– Нет.

– Мерзавец в этой истории вовсе не я.

Петер с беспокойством посмотрел в сторону воды и аллеи и опять

задумался над тем, что же он там видел. Тем не менее полицейский не сдвинулся с места, парализованный абсурдностью ситуации.

– А кто же? – спросил он.

– Бальдер.

– Почему?

– Это вам надо спрашивать не у меня. Спросите там, в доме, у компьютерного гения! Этот гад не имеет никакого права держать его у себя, – сказал Лассе Вестман и полез во внутренний карман, словно что-то ища.

– Ребенка у него в доме нет, если ты это имеешь в виду, – ответил Петер.

– Черт возьми, конечно, есть.

– Действительно?

– Действительно!

– Значит, ты решил прийти сюда посреди ночи, пьяный в стельку, и забрать ребенка, – продолжил Петер, собираясь сказать что-нибудь более убийственное, но его прервал какой-то звук, слабое позвякивание, донесшееся со стороны воды.

– Что это было? – спросил он.

– Ты про что? – отозвался Дан, уже снова стоявший рядом с ним и, похоже, ничего не слышавший – звук действительно прозвучал не особенно громко; по крайней мере, так казалось отсюда.

Тем не менее у Петера по телу пробежала дрожь, напомнившая ему о том, *что* он испытал возле деревьев и мусорных контейнеров, и он уже было собрался пойти туда и посмотреть, что произошло, но опять засомневался. Возможно, он испугался, или вообще был нерешительным и некомпетентным – как знать? Но Петер с беспокойством огляделся – и тут услышал, что приближается еще одна машина.

Мимо них проехало такси, остановившееся возле ворот Франса Бальдера, и это послужило Петеру оправданием, чтобы остаться на дороге. Пока шофер с пассажиром такси разбирались с оплатой, он бросил еще один встревоженный взгляд в сторону воды, и ему показалось, будто он опять услышал какой-то отнюдь не успокаивающий звук.

Но уверен он не был, а тут открылась дверца машины, и вышел мужчина, в котором Петер после секундной растерянности узнал журналиста Микаэля Блумквиста. Почему, черт подери, всем знаменитостям понадобилось собраться именно здесь, да еще посреди ночи?

Глава 10

Раннее утро 21 ноября

Бальдер стоял в спальне рядом с компьютером и телефоном, глядя на Августа, который беспокойно поскуливал во сне. Франса интересовало, что снится мальчику. Способен ли он вообще понять его мир? Бальдер чувствовал, что ему хочется это знать. Чувствовал, что ему хочется начать жить и больше не хоронить себя в квантовых алгоритмах и исходных кодах – и тем более не бояться и не сходить с ума.

Ему хотелось обрести счастье, не терзаться от постоянной тяжести в теле, а напротив, удариться в какое-нибудь безрассудство – даже в роман, в любовную связь. И в течение нескольких секунд он интенсивно думал о целом ряде нравившихся ему женщин: о Габриэлле, Фарах и всех прочих.

Думал он и о женщине, которую, судя по всему, звали Саландер. В свое время она его словно околдовала, и когда он стал вновь вспоминать о ней, ему показалось, будто он видит в ней нечто новое, хорошо знакомое и чуждое одновременно. Внезапно его осенило: она напоминает ему Августа. Чистое безумие, конечно. Август – маленький мальчик-аутист; Лисбет, конечно, тоже не такая уж великовозрастная, и, пожалуй, в ней есть что-то мальчишеское, но в остальном она его полная противоположность. Носит исключительно черное, похожа на панка и совершенно бескомпромиссна. Тем не менее Франсу пришло в голову, что ее взгляд обладает тем же странным блеском, какой был у Августа, когда тот смотрел на светофор на Хурнсгатан.

Бальдер встретился с Лисбет во время лекции в Королевском технологическом институте, где он рассказывал о технологической сингулярности, о гипотетическом состоянии, когда компьютеры станут умнее человека. Он как раз начал объяснять понятие сингулярности в математическом и физическом значении, когда открылась дверь и в зал вошла одетая в черное худенькая девушка. Первой его мыслью было сожаление о том, что наркоманам больше некуда пойти. Затем он задумался о том, действительно ли эта девушка наркоманка. Она выглядела не такой опустившейся, как они. Зато казалась усталой и недовольной и, похоже, совсем не слушала его лекцию. Просто сидела, бесформенно нависая над столом. В конце концов, посреди рассуждения о сингулярной точке в комплексном математическом анализе, где пределы становятся

бесконечными, он прямо спросил ее, что она обо всем этом думает. Это было зло, по-снобистски. Зачем ему понадобилось вколачивать ей в голову собственные фанатичные знания?

И что же произошло? Девушка подняла взгляд и сказала, что ему бы лучше вместо того, чтобы сыпать направо и налево сумбурными понятиями, проявить скепсис, раз уж основа его расчетов разваливается. Это скорее не какой-то физический коллапс в реальном мире, а признак того, что его собственная математика не отвечает требованиям, и поэтому он, по большому счету, занимается чистым популизмом, мистифицируя сингулярности черных дыр, когда глобальной проблемой явно является отсутствие в квантовой механике способа подсчета гравитации.

Затем она с холодной откровенностью, вызвавшей в зале шум, полностью раскритиковала процитированных им теоретиков сингулярности, и он сумел в ответ лишь ошеломленно спросить:

– Кто вы, черт возьми, такая?

Так они познакомились, и позже Лисбет поражала его еще несколько раз. Она молниеносно – или с одного такого сверкающего взгляда – сразу поняла, чем он занимается, и когда Бальдер в конце концов сообразил, что у него похитили технологию, то обратился к ней за помощью, и это их сплотило. С тех пор у них появилась общая тайна. И вот теперь он стоял в спальне и думал о Лисбет…

Но тут размышления Франса резко прервались. Его вновь охватило леденящее беспокойство, и он глянул через дверной проем на огромное окно, выходящее на воду.

Перед окном стоял какой-то рослый тип в темной одежде и плотно прилегающей черной шапке с фонариком на лбу. Этот тип делал что-то с окном. Он быстрым, мощным рывком очертил окно, примерно как художник, готовящийся к новой работе, и прежде чем Франс успел даже вскрикнуть, стекло рухнуло, и тип пришел в движение.

Тип именовал себя Яном Хольцером и чаще всего говорил, что занимается вопросами безопасности предприятий. На самом же деле он являлся бывшим русским солдатом элитного подразделения и скорее не изыскивал новые возможности обеспечения безопасности, а преодолевал их. Он проводил операции типа этой, и, как правило, настолько тщательно их подготавливал, что риски бывали вовсе не столь велики, как можно было предположить.

У него имелся маленький штат толковых людей, и хотя он был, конечно, уже не молод – пятьдесят один год, – но поддерживал форму с

помощью усиленных тренировок и был известен своей эффективностью и умением импровизировать. Если возникали непредвиденные обстоятельства, он принимал их во внимание и менял план.

Утраченную юношескую легкость Хольцер компенсировал опытом, а иногда – в ограниченном кругу, где мог говорить открыто, – рассказывал о некоем шестом чувстве, приобретенном инстинкте. Годы научили его, когда требуется выждать, а когда решиться, и несмотря на то, что пару лет назад он совершил большую оплошность и проявил признаки слабости – человечности, сказала бы его дочь, – сейчас он чувствовал себя компетентнее, чем когда-либо.

К нему вернулись радость работы, прежнее ощущение нерва и напряжения. Правда, он по-прежнему пользовался лекарствами – принимал перед операцией по десять миллиграмм «Стезолида». Но только для того, чтобы увеличить точность стрельбы. В критические минуты он сохранял ясную голову и концентрацию, а главное, всегда выполнял намеченное. Ян Хольцер был не из тех, кто предает или сбегает, – так считал он сам.

Тем не менее этой ночью, хотя работодатель подчеркивал необходимость торопиться, он взвешивал, не прервать ли ему операцию. Одним из факторов была, конечно, непогода, вынуждавшая работать в неуправляемых условиях. Впрочем, сама по себе буря никогда не являлась достаточной причиной, чтобы заставить его даже обдумывать отмену операции. Он был русским и солдатом, поэтому ему доводилось воевать в худших условиях, чем эти, и он ненавидел людей, ноющих по пустякам.

Волновала же его полицейская охрана, появившаяся внезапно и без всякого предупреждения. Прибывшие полицейские явно ничего собой не представляли. Хольцер сидел, спрятавшись и изучая их, и видел, как невнимательно и нехотя они осматривали участок, точно мальчишки, которых отправили на улицу в плохую погоду. Больше всего им нравилось сидеть в машине и трепаться, а кроме того, они легко пугались. Особенно пугливым был высокий. Ему явно не нравились темнота, буря и черная вода. Совсем недавно этот парень стоял тут, похоже, вконец перетрусив, и всматривался в деревья, вероятно, почувствовав присутствие Яна, но того это не слишком взволновало. Он знал, что сможет беззвучно и молниеносно перерезать парню горло. Но все-таки ничего хорошего в этом, конечно, не было.

Хоть копы и были чайниками, присутствие полицейской охраны очень сильно увеличивало риски и, прежде всего, являлось индикатором того, что произошла какая-то утечка информации и имеет место повышенная готовность. Не исключено даже, что профессор заговорил – и тогда

операция бессмысленна, или ее проведение может просто-напросто ухудшить их ситуацию, а Яну не хотелось даже на секунду подвергать работодателя ненужным рискам. В этом, по его мнению, отчасти заключалась его сила. Хольцер всегда смотрел на ситуацию широко, и, невзирая на свою профессию, часто к осторожности призывал именно он.

Ян знал, что на его родине множество криминальных организаций было повержено и уничтожено из-за того, что они обладали излишней склонностью к насилию. Насилие способно вызывать уважение. Насилие может заставлять молчать, пугать и устранять риски и угрозы. Но насилие может также создавать неразбериху и целую цепь нежелательных эффектов. Обо всем этом Хольцер думал, притаившись за деревьями и мусорными контейнерами. В течение нескольких секунд он даже пребывал в убеждении, что ему надо прервать операцию и вернуться к себе в гостиницу. Однако вышло иначе.

Там, наверху, кто-то подъехал на машине и отвлек внимание полицейских. И тогда он увидел возможность, временной зазор, и, до конца не сознавая побудительных причин, прикрепил на лоб фонарик. Затем достал стеклорез и оружие – пистолет «Ремингтон 1911 R1 Кэрри» с глушителем особой конструкции – и примерил его к руке. Затем, как всегда, произнес:

– Да будет воля твоя, аминь.

Тем не менее Хольцер не двигался с места. Его не покидала неуверенность. Правильно ли он поступает? Действовать придется с молниеносной скоростью. С другой стороны, дом он знает, как свои пять пальцев, а Юрий дважды побывал здесь и хакнул сигнализацию. Кроме того, полицейские безнадежно непрофессиональны. Даже если ему придется задержаться в доме – если, например, профессор не держит компьютер возле кровати, как все уверяют, и полиция успеет прийти к нему на помощь, – ему не составит труда ликвидировать копов тоже. Яну даже хотелось этого, и поэтому он во второй раз пробормотал:

– Да будет воля твоя, аминь.

Затем, сняв пистолет с предохранителя, он быстро переместился к огромному окну, выходящему на воду, и заглянул в дом. Возможно, под влиянием всей этой ненадежной ситуации Хольцер непривычно сильно отреагировал, увидев, что Франс Бальдер стоит в спальне, глубоко погруженный в какие-то мысли. Конечно, он попытался внушить себе, что это даже хорошо – мишень отлично видна. Однако его вновь охватили недобрые предчувствия, и он опять стал прикидывать: не остановиться ли?

Но не остановился. Вместо этого он напряг правую руку, со всей силы

провел по периметру окна стеклорезом и надавил. Стекло шумно рухнуло внутрь, он ворвался в дом и навел пистолет на Франса Бальдера, который неотрывно смотрел на него и махал рукой, словно в знак отчаянного приветствия. Затем профессор, точно в трансе, начал растерянно и торжественно произносить что-то, напоминавшее молитву, литанию. Однако вместо слов «Бог» или «Иисус» Ян услышал: «Идиот». Больше он ничего не разобрал, но это в любом случае не имело никакого значения. Народ говорил ему самые разные странные вещи. И он все равно никого не миловал.

Тип со страшной скоростью и почти беззвучно пересек холл и оказался в спальне. Тем не менее Франс успел удивиться тому, что не сработала сигнализация, и заметить изображение серого паука у мужчины на свитере, чуть пониже плеча, и узкий, продолговатый шрам на бледном лбу, пониже шапки и фонарика.

Потом он увидел оружие – мужчина направил на него пистолет. Бальдер поднял руку, словно в качестве нелепой защиты, и подумал об Августе. Да, хотя его жизнь с такой очевидностью подверглась угрозе и страх запустил в него свои когти, он думал о сыне, и только о нем. Пусть произойдет все, что угодно! Пусть умрет он сам, но не Август. Поэтому он выкрикнул:

– Не убивайте моего ребенка! Он идиот, он ничего не понимает!

Но что из этого он успел произнести, Франс Бальдер не знал. Весь мир застыл, ночь и непогода за окном, казалось, накрыли его, и все стало черным.

Ян Хольцер выстрелил. Как и ожидалось, глаз его не подвел. Он дважды попал Франсу Бальдеру в голову. Профессор рухнул на пол, взмахнув руками, как огородное пугало, и не оставалось никаких сомнений в том, что он мертв. Тем не менее что-то казалось неправильным. В комнату ворвался штормовой ветер с залива и провел Яну по затылку, подобно холодному живому существу; секунду или две тот не понимал, что с ним творится. Все прошло по плану, и вон там стоит компьютер Бальдера, в точности как ему говорили. Яну следовало просто схватить его и бежать. Следовало действовать быстро и эффективно. Однако он стоял, словно оледенев, и только со странной задержкой сообразил, почему.

В большой двуспальной постели, почти полностью скрытый пуховым одеялом, лежал маленький мальчик с копной растрепанных волос и смотрел на него каким-то стеклянным взглядом. От этого взгляда Яну стало не по себе, причем не только потому, что тот, казалось, пронзал его

насквозь. Тут примешивалось кое-что еще. Впрочем, с другой стороны, это не играло никакой роли.

Он обязан выполнить задание до конца. Нельзя допустить, чтобы что-либо поставило операцию под угрозу и подвергло их всех риску, и перед ним очевидный свидетель, а свидетелей быть не должно – особенно теперь, когда он продемонстрировал свое лицо. Поэтому Хольцер направил пистолет на мальчика, посмотрел в его странно сверкающие глаза и в третий раз пробормотал:

– Да будет воля твоя, аминь.

Микаэль Блумквист вышел из такси, одетый в черные ботинки, белую шубу с широким овчинным воротником, которую извлек из гардероба, и старую меховую шапку; последние два предмета облачения он унаследовал от отца.

Было без двадцати три ночи. По радио, в программе новостей, сообщили о серьезной аварии с трейлером, которая, по словам репортера, блокировала шоссе Вермдёледен. Но Блумквист с водителем такси пронеслись в одиночестве через темные, охваченные бурей пригороды, не заметив никаких следов аварии. Микаэля подташнивало от усталости, и больше всего ему хотелось остаться дома, заползти под одеяло к Эрике и заснуть.

Но отказать Бальдеру он не смог. И сам толком не понимал, почему. Возможно, дело было в своего рода долге, ощущении, что он не имеет права расслабляться, раз журнал находится в кризисе, или просто Бальдер звучал так одиноко и испуганно, что Микаэль почувствовал симпатию и любопытство. Не то чтобы он предполагал услышать нечто сенсационное – скорее, хладнокровно рассчитывал на разочарование. Возможно, ему придется главным образом играть роль психотерапевта, ночного охранника во время бури. С другой стороны, никогда не знаешь наверняка… Он снова подумал о Лисбет. Та редко делала что-либо без веских причин. Кроме того, Франс Бальдер был, несомненно, интересным человеком, никогда не дававшим интервью. «Это наверняка будет любопытно», – думал Микаэль, озираясь в темноте.

Дом освещался голубоватым светом одного-единственного уличного фонаря, причем был он весьма солидный, построенный по индивидуальному проекту, с большими панорамными окнами и по внешнему виду слегка напоминал поезд. Возле почтового ящика стоял высокий полицейский лет сорока, чуть загорелый, с некоторой напряженностью и нервозностью в лице. Немного поодаль на дороге

находился его более низкорослый коллега, ругавшийся с размахивающим руками пьяным мужчиной. Обстановка тут явно была куда менее спокойной, чем рассчитывал Микаэль.

– Что происходит? – спросил он у высокого полицейского.

Получить ответ Блумквист не успел. У полицейского зазвонил телефон, и Микаэль сразу понял: что-то случилось. Похоже, как-то ненормально вела себя система сигнализации. Но тратить впустую время и дослушивать он не стал. С низинной части участка до него донесся какой-то звук, настораживающий хруст, и Микаэль инстинктивно связал его с телефонным разговором. Он сделал несколько шагов вправо и проследил глазами вдоль холма, спускавшегося к мосткам, заливу и к еще одному фонарю, слабо светившемуся голубоватым светом. В это мгновение откуда-то выскочила фигура, и Микаэль понял, что дело обстоит очень серьезно.

Ян Хольцер уже положил палец на спусковой крючок пистолета и как раз собирался застрелить мальчика, когда с дороги донесся шум машины, и он засомневался, несмотря ни на что. Даже не из-за машины. В его сознании вдруг опять всплыло слово «идиот» – правда, он понимал, что у профессора имелись все мыслимые причины для того, чтобы врать в последнее мгновение жизни. Однако, посмотрев на ребенка, Ян подумал, что, возможно, так и есть.

Мальчик держался слишком спокойно, а его лицо излучало скорее удивление, чем страх, как будто он ничего не понимал из происходящего. Его взгляд казался слишком пустым и стеклянным, чтобы что-нибудь по-настоящему фиксировать.

Взгляд принадлежал немому, не соображающему человеку, и это не просто пришло в голову Яну сейчас. Он вспомнил кое о чем, прочитанном в подготовительный период. У Бальдера действительно имелся сын с серьезными умственными отклонениями. Правда, в газетах и судебных протоколах утверждалось, что профессора лишили права опеки, – но парень тем не менее здесь, и Ян просто не мог его застрелить, да этого и не требовалось. Бессмысленно, к тому же нарушение его профессиональной этики… Осознание этого внезапно принесло ему колоссальное облегчение, которое, будь он повнимательнее к самому себе, насторожило бы его.

Однако Хольцер просто опустил пистолет, взял с ночного столика компьютер и телефон и сунул их в рюкзак. Затем рванул в бурю и ночь к намеченному для бегства пути. Но далеко убежать ему не удалось. Он услышал позади себя голос и обернулся. На холме, у дороги, стоял мужчина, не один из полицейских, а новый персонаж, одетый в шубу и

меховую шапку, производивший гораздо более авторитетное впечатление, и, вероятно, поэтому Ян Хольцер снова поднял пистолет. Он почуял опасность.

Промчавшийся мимо мужчина был весь в черном, хорошо тренированный и с фонариком на шапке, и Микаэлю почему-то – он сам до конца не понимал, почему – показалось, будто эта личность является частью чего-то более крупного, некой скоординированной операции. Он прямо-таки ожидал, что в темноте появится еще несколько подобных фигур, и ему стало здорово не по себе.

– Эй, остановись! – закричал он.

Это было ошибкой. Микаэль понял это в тот же миг, как мужчина застыл всем телом, в точности как солдат во время боя, и наверняка поэтому Блумквист среагировал так быстро. Когда мужчина выхватил пистолет и с обескураживающей естественностью выстрелил, журналист уже успел броситься на землю, за углом дома. Выстрела почти не было слышно. Но поскольку пуля угодила в почтовый ящик Бальдера, не оставалось никаких сомнений в том, что произошло, и высокий полицейский резко прервал разговор. Тем не менее он не двинулся с места – стоял, словно парализованный, – и единственным, кто сохранил в этот момент способность разговаривать, был пьяный мужчина.

– Что это, черт побери, за цирк? Что тут происходит? – закричал он мощным, на удивление знакомым голосом.

И только тут полицейские заговорили друг с другом нервными, хриплыми голосами:

– Кто-то стреляет?

– Думаю, да.

– Что будем делать?

– Нужно вызвать подкрепление.

– Но он сбежит понизу.

– Тогда надо пойти посмотреть, – ответил высокий, и они медленными, неуверенными движениями, будто им хотелось, чтобы стрелок убежал, вытащили пистолеты и направились вниз, к воде.

Вдали в зимней темноте лаяла собака – маленькая, злобная собачонка; с залива дул штормовой ветер. Метель свирепствовала, и было скользко. Полицейский пониже чуть не упал и замахал руками, точно клоун. Если немного повезет, им удастся избежать внизу встречи с мужчиной. Что-то подсказывало Микаэлю, что этот тип с легкостью уберет парней со своего пути. То, как быстро и слитно он обернулся и выхватил пистолет, давало

понять, что нападавший подготовлен к таким ситуациям, и Микаэль задумался над тем, следует ли ему самому что-нибудь предпринять.

Защищаться ему было нечем. Но он все-таки поднялся, стряхнул с одежды снег и осторожно снова посмотрел на подножье холма. Насколько понял Блумквист, ничего драматичного там не происходило. Полицейские спускались вдоль воды по направлению к соседней вилле. Никаких следов одетого в черное стрелка видно не было, и Микаэль тоже направился вниз, но вскоре заметил, что в доме разбито большое окно.

Там зияла огромная дыра, а прямо перед ним виднелась открытая дверь, и он уже подумал, не следует ли ему позвать полицейских. Но не успел. Он уловил какое-то странное тихое поскуливание и поэтому шагнул в разбитое окно. Попав в коридор со слегка поблескивающим в темноте прекрасным дубовым полом, медленно двинулся к открытой двери. Звук совершенно очевидно исходил оттуда.

– Бальдер! – крикнул он. – Это я, Микаэль Блумквист. У вас что-то случилось?

Ему никто не ответил, но поскуливание усилилось. Сделав глубокий вдох, журналист вошел, вздрогнул и застыл в полном оцепенении.

Потом он уже не знал, на что обратил внимание сперва или что напугало его больше всего. Возможно, даже не тело на полу, несмотря на кровь, выражение лица и застывший безжизненный взгляд. С таким же успехом это могла быть сцена, разыгрывавшаяся рядом, на большой двуспальной кровати, хотя она далеко не сразу поддавалась пониманию. Маленький ребенок, вероятно, лет семи или восьми, мальчик с тонкими чертами лица и копной русых волос, одетый в клетчатую голубую пижаму, методично бился всем телом об изголовье кровати и стену. Мальчик, казалось, изо всех сил старался нанести себе увечья, и когда он скулил, то звучал не как ребенок, который страдает или плачет, а скорее, как человек, напрягающийся, чтобы удариться посильнее. Не успев толком подумать, Микаэль бросился к нему. Но лучше от этого не стало. Мальчик дико пинался.

– Успокойся, успокойся, – попытался Блумквист и заключил его в объятия.

Но мальчик, вертясь и извиваясь с поразительной, взрывной силой, умудрился молниеносно – возможно, поскольку Микаэлю не хотелось держать его слишком крепко – вырваться из его рук и броситься через дверь в коридор, босиком по осколкам стекла, к разбитому окну. Блумквист побежал следом, крича: «Нет, нет!» – и тут встретился с полицейскими.

Они стояли снаружи, в снегу, с выражением полной растерянности на

лицах.

Глава 11

21 ноября

Впоследствии констатировали, что полиция вновь действовала не в соответствии с установленным порядком и что район оцепили слишком поздно. Застреливший профессора Франса Бальдера мужчина, вероятно, сумел преспокойно скрыться, а оказавшиеся на месте первыми полицейские, Петер Блум и Дан Флинк, которых коллеги чуть насмешливо называли между собой Казановами, допустили промедление с объявлением тревоги или, по крайней мере, подняли ее недостаточно настойчиво.

Только без двадцати четыре утра прибыли криминалисты и следователи из отдела по борьбе с насилием, а также молодая дама, представившаяся как Габриэлла Гране, которую, учитывая ее взволнованное состояние, большинство поначалу приняло за родственницу, но которая, как потом стало ясно, являлась аналитиком Службы безопасности, направленным сюда лично руководителем СЭПО. Впрочем, много Габриэлла от этого не выиграла. В силу общего предубеждения коллег или, возможно, чтобы подчеркнуть, что ее считают посторонней, ей поручили отвечать за ребенка.

– Ты, похоже, обладаешь нужными навыками, – сказал руководитель дежурной группы розыска Эрик Цеттерлунд, увидев, как Габриэлла заботливо наклонилась, чтобы осмотреть израненные ноги мальчика, и хотя она огрызнулась и заявила, что у нее имеются другие дела, но потом, посмотрев мальчику в глаза, уступила.

Август – так его звали – буквально окаменел от страха и долго сидел на полу, на втором этаже, механически водя рукой по красному персидскому ковру. Петер Блум, проявивший себя в других отношениях не слишком дееспособным, отыскал носки и заклеил ступни мальчика пластырем. Тогда же констатировали, что у Августа все тело в синяках и разбита губа. По словам журналиста Микаэля Блумквиста – чье присутствие создавало в доме заметную нервозность, – мальчик бился головой о кровать и стену в спальне, а также пробежал босиком по осколкам стекла в коридоре первого этажа.

Габриэлла Гране, которая почему-то остерегалась представляться Блумквисту, конечно, сразу сообразила, что Август является свидетелем. Но установить с ним контакт у нее никак не получалось, как не удавалось и

утешить его. Объятия и нежность, в обычном смысле слова, здесь явно не подходили. Спокойнее всего Август становился, когда Габриэлла просто сидела рядом, чуть поодаль, и занималась своими делами; лишь однажды он, казалось, проявил интерес – когда Габриэлла в разговоре с Хеленой Крафт упомянула номер дома, 79. Но тогда она не придала этому особого значения и почти сразу дозвонилась до взволнованной Ханны Бальдер.

Ханна захотела немедленно получить сына обратно и объяснила – несколько странно, – что Габриэлле надо скорее достать пазл, лучше всего с военным кораблем «Васа», который наверняка находится у Франса где-нибудь на видном месте. Зато она не обвиняла бывшего мужа в том, что тот незаконно забрал ребенка, и не могла ответить, почему ее жених приезжал сюда и требовал его вернуть. Но, во всяком случае, складывалось впечатление, что Лассе Вестмана привела сюда не забота о ребенке.

Вообще, мальчик проливал кое-какой свет на имевшиеся у Габриэллы вопросы. Она поняла, почему Франс Бальдер проявлял в некоторых отношениях уклончивость и почему отказывался от сторожевой собаки. В течение утренних часов Габриэлла также договорилась, что сюда приедут психолог и врач, которые, если не окажется, что Август нуждается в экстренном лечении, отвезут его к матери.

Потом ей в голову пришла совершенно другая мысль. Она сообразила, что мотивом убийства необязательно было желание заставить Бальдера замолчать. Преступник с таким же успехом мог хотеть ограбить его – украсть не такую банальную вещь, как деньги, а его исследования. Чем Франс Бальдер занимался в последний год жизни, Габриэлла не знала. Возможно, это было известно только ему одному. Впрочем, приблизительно просчитать было нетрудно: скорее всего, он продолжал развивать свою AI-программу, которая, когда ее украли еще в первый раз, уже считалась революционной. Коллеги из «Солифона» изо всех сил старались получить к ней доступ, и, судя по тому, о чем однажды обмолвился Франс, он трясся над нею, как мать над младенцем. А следовательно, подумала Габриэлла, он, вероятно, спал с нею или, по крайней мере, держал ее возле кровати. Поэтому женщина встала, велела Петеру Блуму приглядывать за Августом и пошла на первый этаж, в спальню, где работали полицейские эксперты.

– Тут стоял компьютер? – спросила она.

Криминалисты покачали головами, а Габриэлла достала свой телефон и снова позвонила Хелене Крафт.

Довольно быстро установили, что Лассе Вестман исчез. Очевидно, просто сбежал, воспользовавшись общей суматохой, из-за чего исполняющий обязанности руководителя следственной группы Эрик

Цеттерлунд ругался и кричал, особенно когда оказалось, что дома, на Торсгатан, Вестмана тоже нет.

Эрик Цеттерлунд даже взвешивал, не объявить ли Лассе в розыск, в результате чего его молодой коллега, Аксель Андерссон, спросил, следует ли считать Лассе Вестмана опасным. Возможно, Андерссон был не в силах отделить Вестмана от его ролей. Впрочем, оправданием ему могло послужить то, что ситуация становилась все более сумбурной.

Убийство совершенно очевидно являлось не результатом какой-нибудь обычной семейной разборки или перешедшей все границы пьянки; это было не преступление, совершенное в состоянии аффекта, а хорошо спланированное нападение на одного из ведущих шведских ученых. Ситуацию только усугубил звонок начальника полиции лена, Яна-Хенрика Рольфа, сказавшего, что убийство надо рассматривать как серьезный удар по интересам шведской промышленности. Эрик Цеттерлунд внезапно оказался в центре важного внутриполитического события, и хотя он не считался у себя в подразделении самым острым умом, но все-таки понял, что его нынешние действия будут иметь решающее значение для дальнейшего расследования.

Цеттерлунд, которому всего два дня назад исполнилось сорок один (и определенные последствия празднования по-прежнему давали о себе знать), никогда даже близко не стоял к ответственности за расследование подобного уровня. Такая задача выпала ему – пусть даже всего на несколько часов, – конечно, только потому, что ночью доступно не слишком много компетентных людей, и его начальник предпочел не будить господ из отдела по расследованию убийств Государственной уголовной полиции или кого-нибудь другого из более опытных следователей Стокгольмской полиции.

Находясь в эпицентре неразберихи, Эрик Цеттерлунд выкрикивал приказы с нарастающим ощущением неуверенности. Прежде всего, он пытался организовать эффективный опрос соседей. Ему хотелось быстро получить максимальное количество свидетельских показаний, хотя, на самом деле, он не слишком на это надеялся. Ночь, темнота. да еще и буря… соседи, наверное, мало что видели. С другой стороны, никогда не знаешь, что найдешь. Еще он допросил Микаэля Блумквиста – что, черт возьми, он здесь делал?

Присутствие одного из самых известных журналистов Швеции отнюдь не облегчало положение, и Эрик Цеттерлунд на несколько минут вообразил, будто Блумквист критически за ним наблюдает, чтобы написать разоблачительную статью. Но это наверняка были всего лишь его

собственные страхи. Журналист явно сам был потрясен, в течение всего допроса вел себя исключительно вежливо и старался помочь. Тем не менее сообщить он мог не слишком много. Все произошло чересчур быстро, что, по мнению журналиста, уже само по себе являлось примечательным.

В том, как подозреваемый двигался, присутствовало что-то жестокое и действенное, и Блумквист не считал чересчур смелой догадкой, что мужчина служит или служил в армии, может быть, даже в элитном подразделении. Его манера поворачиваться и стрелять выглядела результатом долгих тренировок, и хотя на его черной, плотно облегающей шапке был прикреплен фонарик, разглядеть черты его лица Блумквист не сумел. Расстояние было слишком велико; к тому же в тот миг, когда человек обернулся, Микаэль бросился на землю. Ему просто повезло, что он остался в живых. Поэтому Блумквист мог описать только фигуру и одежду и справился с этим, в общем-то, весьма достойно. По словам журналиста, мужчина был, вероятно, не слишком молод, возможно, даже чуть за сорок. Хорошо тренирован, выше среднего роста, где-то между 185 и 195 сантиметрами, мощного телосложения, с узкой талией и широкими плечами, одет в ботинки и черную, похожую на военную одежду. Он нес рюкзак, и к правой ноге у него, вероятно, был пристегнут нож.

Блумквист полагал, что мужчина скрылся вдоль кромки воды, мимо соседних вилл, и это соответствовало показаниям Петера Блума и Дана Флинка. Увидеть мужчину полицейские, собственно, не успели. Но они слышали, как его шаги удалялись вдоль залива, и тщетно пытались его догнать – так они, во всяком случае, утверждали. Однако Эрик Цеттерлунд не был в этом полностью уверен. Он думал, что Блум и Флинк, скорее всего, перетрусили и просто стояли в темноте и дрожали, не в силах ни на что решиться. Во всяком случае, главная ошибка была совершена именно на этой стадии. Вместо того чтобы подключить полицию, определить все возможные выезды из района и попытаться организовать оцепление, делалось, похоже, вообще крайне мало. Правда, тогда Флинк и Блум еще не знали, что произошло убийство, а потом они почти сразу полностью переключились на маленького босого мальчика, выбежавшего из дома в истерическом состоянии, и сохранять холодную голову им наверняка было нелегко. Тем не менее время утекало, и несмотря на сдержанность, проявленную Блумквистом в рассказе, было нетрудно почувствовать, что и он настроен критически. Журналист дважды спрашивал полицейских, объявили ли они тревогу, и получал в ответ кивок.

Позже, когда Микаэль уловил разговор Флинка с диспетчерской службой, он понял, что кивок, вероятно, все же означал «нет» или, в

лучшем случае, какое-то растерянное непонимание. Как бы то ни было, с тревогой вышла задержка, и даже когда ее объявили, все делалось некорректно – похоже, из-за слишком нечеткого донесения Флинка.

Эта недееспособность передалась на другие уровни, и Эрик Цеттерлунд безумно радовался тому, что обвинить в этом его не смогут. В этот момент он еще не подключился к расследованию. С другой стороны, сейчас он здесь и не имеет права ухудшить положение. Список его заслуг за последнее время нельзя было назвать блестящим, и он должен воспользоваться шансом и продемонстрировать свои способности – или, во всяком случае, не опозориться.

Цеттерлунд стоял на пороге гостиной, только что закончив беседовать с людьми из «Милтон секьюрити» о типе, который этой ночью, чуть пораньше, засветился на камерах наружного наблюдения. Этот мужчина вовсе не соответствовал описанию, данному предполагаемому убийце Микаэлем Блумквистом, а напротив, слегка напоминал худощавого наркомана со стажем, но, судя по всему, все-таки обладал высокой технологической компетентностью. В «Милтон секьюрити» полагали, что он хакнул охранную сигнализацию и вывел из строя все камеры и сенсоры, что по-всякому не делало историю менее неприятной. С одной стороны, профессиональное планирование. С другой – сама идея осуществить убийство, несмотря на полицейскую охрану и новейшую охранную сигнализацию. На какую же уверенность в себе это указывает?

Вообще-то, Эрик собирался спуститься на первый этаж к криминалистам. Однако он задержался наверху и просто озабоченно смотрел в пространство, пока его взгляд не остановился на сыне Бальдера, который хоть и являлся их ключевым свидетелем, но явно не мог говорить и ни слова не понимал из сказанного ими – иными словами, примерно чего-то подобного и следовало ожидать при такой неразберихе.

Понаблюдав за тем, как мальчик взялся за маленький кусочек огромного пазла, Эрик двинулся к изогнутой лестнице, ведущей на первый этаж. Но в следующее мгновение он застыл на месте. Ему вспомнилось первое впечатление от ребенка. Когда он только ступил в дом, почти ничего не зная о происшедшем, мальчик показался ему самым обычным. В нем не было ничего примечательного, подумал он, разве что возбужденный взгляд и напряженные плечи. Эрик, пожалуй, даже описал бы его как необыкновенно красивого парня с большими глазами и непослушными вьющимися волосами. Уже позже Цеттерлунд узнал, что мальчик – аутист и страдает тяжелой формой умственной отсталости. То есть он не сам это увидел, а ему об этом рассказали; значит, подумал он, убийца либо

встречался с мальчиком раньше, либо точно знал, как обстоит дело. Иначе он едва ли оставил бы пацана в живых и стал бы рисковать тем, что свидетель опознает его на очной ставке, не так ли?… Хотя Эрик даже не дал себе времени додумать мысль до конца, она привела его в возбуждение, и он поспешно подошел к мальчику.

– Мы должны его немедленно допросить, – заявил он, сам того не желая, слишком громким и раздраженным голосом.

– Господи, будьте с ним немного поделикатнее, – сказал Микаэль Блумквист, случайно оказавшийся рядом.

– Не вмешивайтесь, – прошипел Эрик. – Он, возможно, знал преступника. Надо раздобыть альбом с фотографиями и показать ему. Надо каким-то образом…

Мальчик прервал его, разрушив пазл внезапным взмахом руки, и Цеттерлунду ничего не оставалось, как только пробормотать слова извинения и отправиться вниз, к криминалистам.

Когда полицейский скрылся на первом этаже, Микаэль остался стоять, наблюдая за мальчиком. Казалось, с ним вот-вот опять что-то произойдет, – возможно, новый припадок; а последнее, чего хотелось Блумквисту, это чтобы ребенок снова стал наносить себе увечья. Но тот застыл и принялся с бешеной скоростью крутить правой рукой по ковру. Потом резко остановился и поднял умоляющий взгляд, и хотя Микаэль на мгновение заинтересовался тем, что бы это могло означать, он оставил свою мысль, когда высокий полицейский, которого, как он уже запомнил, звали Петер Блум, уселся рядом с мальчиком и попытался опять увлечь того пазлом. Сам же Микаэль пошел на кухню, чтобы немного передохнуть. Он смертельно устал, и ему хотелось уехать домой. Но, по-видимому, сперва следовало посмотреть на несколько снимков с камеры наружного наблюдения. Когда ему их покажут, он не знал. Все затягивалось и казалось беспорядочным и неорганизованным, а Микаэлю отчаянно хотелось в постель.

Он уже успел дважды поговорить с Эрикой и проинформировать ее о случившемся, и хотя им пока было известно об убийстве крайне мало, оба сошлись на том, что Микаэлю следует написать об этом большую статью в следующий номер. Не только потому, что преступление само по себе казалось большой драмой, а жизнь Франса Бальдера представлялась достойной описания. Микаэль ведь оказался лично причастен к материалу, что повышало ценность его репортажа и давало ему преимущество перед конкурентами. Один только драматичный разговор этой ночью,

заставивший его поехать сюда, придаст его статье неожиданный нерв.

Никому из них не требовалось особенно распространяться на тему ситуации с «Сернер» и кризиса в журнале. В их разговорах это просто подразумевалось, и Эрика уже спланировала, что пока Микаэль будет отсыпаться, подготовительной работой и сбором материала займется их вечный временный сотрудник Андрей Зандер. Она довольно решительно – как нечто среднее между заботливой мамой и авторитарным главным редактором – заявила, что не желает, чтобы ее знаменитый репортер вышел из строя еще до того, как работа даже не началась.

Микаэль с легкостью согласился. Андрей – амбициозный и симпатичный парень, а будет так приятно, проснувшись, сразу получить весь базовый материал, желательно со списками тех людей из окружения Бальдера, кого ему следует проинтервьюировать… И, чтобы попытаться просто ненадолго переключиться на что-нибудь другое, Микаэль задумался над проблемами Андрея с женщинами, в которые был посвящен во время нескольких вечерних посиделок в «Мельнице». Андрей молод, умен и привлекателен. Он должен бы быть находкой для кого угодно. Но из-за какой-то мягкости и уступчивости характера его постоянно бросали, а он воспринимал это тяжело. Андрей – неисправимый романтик, постоянно мечтающий о большой любви и о большой сенсации.

Микаэль уселся за кухонный стол Бальдера и посмотрел на темноту за окном. Перед ним на столе, возле спичечного коробка, экземпляра журнала «Нью сайентист» и блокнота с несколькими непонятными уравнениями, лежал красивый, но чуть угрожающий рисунок с изображением перехода. Рядом со светофором виднелся мужчина с мутными, прищуренными глазами и узкими губами. Мужчина был пойман на бегу, но тем не менее просматривались каждая морщина у него на лице и складка на куртке и брюках. Выглядел он не особенно приятно. На подбородке у него имелось родимое пятно в форме сердца.

Однако доминировал на рисунке светофор. Он горел выразительным, тревожным светом и был передан в соответствии с какой-то математической технологией. За ней почти угадывались геометрические линии. Вероятно, Франс Бальдер баловался рисованием; правда, Микаэля немного удивил не слишком традиционный сюжет.

С другой стороны, зачем такой личности, как Бальдер, рисовать закаты и корабли? Светофор наверняка не менее интересен, чем что-либо другое. Блумквиста покорило ощущение мгновенной фотографии. Даже если Франс долго изучал светофор, он едва ли мог попросить мужчину снова и снова проходить по улице. Возможно, парень является просто

вымышленной добавкой, или же Бальдер обладал фотографическим взглядом в точности, как… Микаэль погрузился в мысли. Потом схватил телефон и в третий раз позвонил Эрике.

– Ты едешь домой? – спросила она.

– К сожалению, пока нет. Мне надо сперва тут кое-что посмотреть. Но мне бы хотелось попросить тебя об одной услуге.

– Для чего же еще я предназначена?

– Подойди, пожалуйста, к моему компьютеру и зарегистрируйся. Ты ведь знаешь мой пароль?

– Я знаю о тебе все.

– Ладно, ладно. Тогда зайди в мои документы и открой файл, который называется «Ящик Лисбет».

– Думаю, я догадываюсь, к чему идет дело.

– Неужели? Мне надо, чтобы ты написала в документе следующее…

– Погоди немного, мне еще надо его открыть. О’кей, теперь… подожди, тут уже кое-что есть.

– Наплюй на это. Я хочу, чтобы текст оказался над всем остальным, ты слушаешь?

– Слушаю.

– Пиши: «Лисбет, возможно, ты уже знаешь, что Франс Бальдер мертв, застрелен двумя выстрелами в голову. Не можешь ли ты попробовать узнать, зачем кому-то понадобилось его убивать?»

– Это всё?

– Это не так уж мало, учитывая, что мы давно не общались. Она наверняка сочтет наглостью, что я только задаю вопрос. Но думаю, ее помощь нам не повредит.

– Ты хочешь сказать, не повредит немного незаконных хакерских действий…

– Я этого не слышал. Надеюсь, скоро увидимся.

– Надеюсь.

Лисбет все-таки удалось снова уснуть, и теперь она пробудилась в половине восьмого утра, причем не в лучшей форме. Ее подташнивало, голова болела. Тем не менее чувствовала она себя лучше и, быстро одевшись, наскоро позавтракала – двумя разогретыми в микроволновке пирожками с мясом и большим стаканом кока-колы. Потом сунула в черную сумку тренировочный костюм и вышла на улицу. Буря улеглась, однако повсюду валялись мусор и газеты, которые разнесло по городу ветром.

От площади Мосебакке Саландер пошла вниз и дальше по Гётгатан, бормоча что-то про себя. Выглядела она озлобленно, и, по крайней мере, два человека испуганно отступили в сторону. Но Лисбет вовсе не была сердита – просто собранна и целеустремленна. Она не имела ни малейшего желания тренироваться. Ей просто хотелось не отступать от заведенного порядка и выгнать из организма яды. Поэтому Саландер продолжила путь к Хурнсгатан и перед самой «горбушкой» свернула направо, в боксерский клуб «Зеро», расположенный в подвале и казавшийся в это утро обшарпанным, как никогда.

Помещению не повредило бы, если бы по нему разок прошлись краской и вообще немного освежили. Здесь, похоже, ничего не делали с семидесятых годов – ни с интерьером, ни с афишами. На стенах по-прежнему висели Али и Джордж Форман. Все по-прежнему выглядело так, как на следующий день после легендарного матча в Киншасе[40], что вполне могло объясняться тем, что отвечавший за зал Обинце маленьким мальчиком наблюдал за боем на месте и потом носился под очищающим муссонным дождем с криком: «Ali Bomaye!»[41] Этот бег стал не только его лучшим воспоминанием, но и, как он говорил, последней точкой в «днях невинности».

Вскоре после этого ему с семьей пришлось бежать от террора Мобуту, и вся его жизнь переменилась; и, пожалуй, не было ничего удивительного в том, что ему хотелось сохранить это мгновение истории или в каком-то смысле продлить его в богом забытом боксерском зале в Стокгольме. Обинце по-прежнему постоянно говорил о том поединке. Вообще-то, он постоянно говорил о чем угодно.

Крупный, мощный и лысый, он был болтуном милостью Божьей и одним из немногих в зале относился к Лисбет доброжелательно, хотя, подобно многим другим, и считал ее более или менее сумасшедшей. Периодами она тренировалась исступленнее всех остальных и с дикой силой набрасывалась на боксерские груши, мешки и спарринг-партнеров. В ней присутствовала какая-то первобытная, яростная энергия, которую прежде Обинце почти не встречал, и однажды, еще хорошенько не узнав ее, он предложил ей начать участвовать в соревнованиях боксеров.

Услышанное в ответ фырканье навсегда отбило у него охоту повторять это предложение, и он так и не понимал, зачем Лисбет так истово тренируется; впрочем, ответа на этот вопрос ему и не требовалось. Истово тренироваться можно вообще без всякой причины. Это лучше, чем истово пить, лучше и многого другого. А может, она действительно не покривила

душой, когда поздно вечером, с год назад, сказала ему, что хочет быть физически подготовленной, если вдруг опять попадет в переплет…

А то, что ей уже доводилось побывать в переплете, Обинце знал. Обнаружил в «Гугле». Он прочел о ней все, что имелось в Интернете, и прекрасно понимал, что ей хочется быть в форме на случай, если возникнет какая-нибудь новая зловещая тень из ее прошлого. Уж это-то он понимал лучше всего. Оба его родителя были убиты киллерами Мобуту.

Чего он не понимал, так это почему Лисбет периодически полностью забрасывала тренировки, при этом, похоже, вообще не двигалась и упорно питалась только паршивой едой. Такого рода резкие метания между крайностями оставались для него непостижимыми, но к моменту ее появления в это утро – как всегда, демонстративно одетой в черное и с пирсингом, – он не видел ее уже две недели.

– Привет, красавица! Где ты пропадала? – спросил Обинце.

– Занималась кое-чем жутко противозаконным.

– Могу себе представить. Отделала компанию байкеров или что-нибудь в этом роде?

Но Саландер даже не ответила на шутку. Просто мрачно двинулась в раздевалку, и тогда он, зная, что она это ненавидит, все-таки встал у нее на пути и посмотрел ей прямо в лицо.

– У тебя жутко красные глаза.

– Я вчера напилась, как собака. Подвинься!

– Тогда я не желаю тебя здесь видеть, тебе это известно.

– Skip the crap[42]. Я хочу, чтобы ты выбил из меня все дерьмо, – прошипела Лисбет.

Потом она пошла, переоделась и вернулась обратно в слишком больших боксерских шортах и белой майке с черным черепом на груди, и у него не оставалось иного выхода, как действительно вышибить из нее дерьмо.

Он прессовал ее до тех пор, пока ее трижды не вырвало в мусорную корзину, и изо всех сил ругал ее. Она с успехом отругивалась. А потом ушла, переоделась и покинула зал, даже не попрощавшись, и на Обинце, как это с ним часто случалось в такие минуты, нахлынуло ощущение пустоты. Возможно, он был даже немного в нее влюблен. Во всяком случае, неравнодушен – а как можно было оставаться равнодушным к девушке, боксирующей таким образом?

Последнее, что он видел, были ее икры, исчезавшие вверх по лестнице, и поэтому Обинце не имел представления о том, что, когда она вышла на Хурнсгатан, мир у нее перед глазами покачнулся. Лисбет, тяжело

дыша, оперлась о стену дома. Немного постояв, она двинулась дальше, в сторону своей квартиры на Фискаргатан, и, добравшись до дома, выпила еще один большой стакан кока-колы, а также пол-литра сока. Затем рухнула в постель и минут десять-пятнадцать смотрела в потолок, думая то об одном, то о другом – о сингулярностях, горизонтах событий, о некоторых особых аспектах уравнения Шрёдингера, об Эде-Кастете и многом другом.

Только когда мир обрел прежние краски, Саландер снова встала и подошла к компьютеру. Как бы она внутренне ни сопротивлялась, ее постоянно тянуло туда с силой, не ослабевавшей с самого детства. В этот день Лисбет не была расположена к каким-нибудь более сложным эскападам. Она лишь вломилась в компьютер Микаэля Блумквиста – и в следующий миг остолбенела. Она просто отказывалась верить. Ведь они только что шутили по поводу Бальдера. А теперь Микаэль написал, что тот убит, застрелен двумя выстрелами в голову.

– Проклятье, – пробормотала Саландер и принялась просматривать в Интернете вечерние газеты.

Там об этом еще ничего не говорилось – впрямую. Впрочем, многого не требовалось, чтобы понять, что за сведениями о «шведском ученом, застреленном у себя дома в Сальтшёбадене», скрывался именно Бальдер. Полиция явно пока отмалчивалась, а журналисты не проявили себя особенно ловкими ищейками – вероятно, потому, что еще не поняли масштаба происшествия или не приложили достаточных усилий. Этой ночью, очевидно, произошли более важные события: буря и отключение электричества по всей стране, безумные задержки поездов и кое-какие новости в жизни знаменитостей, в которые Лисбет даже не попыталась вникнуть.

Об убийстве писали только, что оно произошло около трех часов ночи и что полиция опрашивает соседей в поисках свидетельских показаний и любых наблюдений, показавшихся необычными. Подозреваемого у полиции пока нет, но свидетели, судя по всему, заметили на участке незнакомых и подозрительных лиц. О них требуется более подробная информация. В конце статей сообщалось, что ближе к вечеру состоится пресс-конференция под руководством комиссара уголовной полиции Яна Бублански. Лисбет грустно улыбнулась. Ей доводилось иметь кое-какие дела с Бублански – или Бублой, как его иногда называли, – и она подумала, что, пока к его рабочей группе не подключат какого-нибудь кретина, расследование будет вестись довольно эффективно.

Затем она еще раз перечитала сообщение Блумквиста. Ему требовалась помощь, и Лисбет, не раздумывая, написала: «О’кей». Не

только потому, что он ее об этом попросил. Она воспринимала это как личное дело. Скорбь, в традиционном смысле, была ей чужда. Но зато присутствовала злость, холодная тикающая ярость, и хотя она испытывала к Яну Бублански определенное уважение, на служителей правопорядка Лисбет просто так не полагалась. Она привыкла брать дело в свои руки, и у нее имелись всевозможные причины для того, чтобы узнать, почему Франса Бальдера убили. Ведь она не случайно разыскала его и приняла деятельное участие в его ситуации. Вполне возможно, что его враги были и ее врагами тоже.

Все началось со старого вопроса: не продолжает ли ее отец в каком-то смысле жить дальше? Александр Залаченко, Зала, не только убил ее мать и испортил ей детство. Он еще руководил криминальной структурой, торговал наркотиками и оружием, жил за счет использования и унижения женщин, а такое зло, согласно ее убеждению, бесследно не исчезает. Оно просто переходит в другие формы жизни, и еще с того дня, чуть более года назад, когда Лисбет проснулась на рассвете в отеле «Замок Эльмау» в Баварских Альпах, она проводила собственное расследование того, что произошло с этим наследством.

Однако оказалось, что его бывшие подельники в основном стали неудачниками, распутными бандитами, грязными сутенерами или мелкими гангстерами. Подлеца, равного по масштабу ее отцу, ни из кого не получилось, и Лисбет долго пребывала в убеждении, что их организация со смертью Залаченко выродилась и развалилась. Тем не менее она не сдавалась – и в конце концов наткнулась на кое-что, дававшее ее поискам совершенно неожиданное направление. Привели ее туда следы одного из молодых адептов Залы, некоего Зигфрида Грубера.

Грубер еще при жизни Залаченко был одним из наиболее умных членов группировки и, в отличие от остальных подельников, получил университетское образование по специальностям «компьютерные науки» и «экономика предприятия», что явно ввело его в более высокие круги. На сегодняшний день он упоминался в нескольких расследованиях тяжких преступлений против высокотехнологичных предприятий: кражи новых технологий, шантаж, мошенничество с использованием инсайдерской информации, хакерские атаки…

В нормальной ситуации Лисбет по такому следу дальше не шла. Не только потому, что дело, не считая замешанности Грубера, казалось, не имело отношения к прежней деятельности ее отца. Ведь ничто не могло озаботить ее меньше, чем кража нескольких инноваций у парочки богатых промышленных концернов. Но потом все изменилось.

В обнаруженном ею засекреченном отчете Центра правительственной связи в Челтнеме она наткнулась на несколько кодовых слов, ассоциировавшихся с той группировкой, к которой, похоже, принадлежал Грубер, и слова эти заставили ее содрогнуться, после чего она уже не могла бросить эту историю. Лисбет разузнала о группировке все, что сумела, и под конец – на неквалифицированно сделанном, полуоткрытом сайте хакеров – наткнулась на повторяющийся слух о том, что организация похитила AI-технологию Франса Бальдера и продала ее русско-американской игровой компании «TrueGames».

Из-за этих сведений Лисбет и появилась на лекции профессора в Королевском технологическом институте и препиралась с ним по поводу сингулярностей в глубине черных дыр – во всяком случае, это было частью причины.

Часть II
Лабиринты памяти

21–23 НОЯБРЯ

Эйдетика – изучение людей с эйдетической, или так называемой фотографической, памятью.

Исследования показывают, что люди с эйдетической памятью легче других приходят в нервное и стрессовое состояние.

В большинстве своем люди с эйдетической памятью являются аутистами, но не все. Существует также связь между фотографической памятью и синестезией – состоянием, когда два или более органа чувств взаимосвязаны – например, когда цифры видятся в цвете, и каждая последовательность чисел образует в мыслях картину.

Глава 12

21 ноября

Ян Бублански с нетерпением ждал выходного дня и долгого разговора с раввином Гольдманом из прихода Сёдер по поводу некоторых мучивших его в последнее время вопросов относительно существования Бога.

Не то чтобы он превращался в атеиста. Но само представление о Боге становилось для него все более проблематичным, и ему хотелось поговорить об этом, об охватившем его в последнее время ощущении бессмысленности, а возможно, и о мечтах уйти с работы.

Конечно, Ян Бублански считал себя хорошим специалистом по расследованию убийств. Процент раскрываемости был у него в целом великолепным, и временами работа его по-прежнему стимулировала. Но он не был уверен в том, что ему хочется продолжать расследовать убийства. Возможно, ему следовало переквалифицироваться, пока еще есть время. Бублански мечтал преподавать, выращивать молодых людей и учить их вере в себя – наверное, потому что сам часто погружался в глубочайшее неверие в собственные силы. Однако он не знал, какой бы в таком случае это мог быть предмет. Ян Бублански так и не приобрел специальности в какой-либо области, помимо той, что выпала на его долю: внезапная трагическая смерть и патологические человеческие извращения, а это преподавать ему точно не хотелось.

Было десять минут девятого утра, и он, стоя перед зеркалом в ванной, примерял свою кипу, к сожалению, уже далеко не новую. Когда-то она имела ярко-голубой цвет и считалась слегка экстравагантной; теперь же выглядела поблекшей и поношенной, как маленький символический образ его собственного развития, подумал он, поскольку явно был недоволен своей внешностью в целом.

Ян чувствовал себя отяжелевшим, изнуренным и лысым. Он рассеянно взял роман Зингера[43] «Люблинский штукарь», который настолько страстно любил, что еще несколько лет назад положил возле унитаза на случай, если ему захочется почитать, когда возникнут проблемы с желудком. Но сейчас углубиться в чтение ему не удалось. Зазвонил телефон, и жизнь не стала казаться лучше, когда Бублански понял, что это главный прокурор Рикард Экстрём. Его звонок означал не просто работу, а скорее всего работу, имеющую важное политическое и медийное значение.

Иначе Экстрём увернулся бы, как змея.

– Привет, Рикард, рад тебя слышать, – сказал Бублански. – Но я, к сожалению, занят.

– Что… нет-нет, только не для этого, Ян. Это ты просто не можешь пропустить. Я слышал, что у тебя сегодня выходной…

– Действительно, но я собираюсь… – Ему не хотелось говорить «в синагогу», его еврейство не слишком одобряли на работе. – …К врачу, – добавил он.

– Ты заболел?

– Не совсем.

– Что ты имеешь в виду? На грани?

– Что-то в этом роде.

– Ну, тогда никаких проблем. Ведь мы все на грани заболевания. Дело важное, Ян. Мне даже звонила министр промышленности Лиса Грин, и она уже в курсе, что расследованием займешься ты.

– Мне крайне трудно поверить, что Лиса Грин знает, кто я такой.

– Ну, возможно, не по имени… да она, в общем-то, и не имеет права вмешиваться. Но мы все сходимся на том, что нам необходим лучший специалист.

– Лесть на меня больше не действует, Рикард. Что там за дело? – спросил Бубла, сразу же пожалев об этом.

Сам вопрос уже говорит о полусогласии, и было заметно, что Рикард Экстрём воспринял его как маленькую победу.

– Сегодня ночью в своем доме в Сальтшёбадене был убит профессор Франс Бальдер.

– А кто это?

– Один из наших самых известных ученых международного уровня. Он ведущий специалист в мире в области AI-технологий.

– В области чего?

– Он занимался нейронными сетями, цифровыми квантовыми процессами и тому подобным.

– По-прежнему ничего не понимаю.

– Иными словами, он пытался заставить компьютеры думать… ну, просто-напросто подражать человеческому мозгу.

«Подражать человеческому мозгу»? Яна Бублански заинтересовало, как отнесется к этому раввин Гольдман.

– Полагают, что он уже подвергался промышленному шпионажу, – продолжал Рикард Экстрём. – Отсюда интерес Министерства промышленности. Ты наверняка знаешь, как торжественно Лиса Грин

говорила о защите шведских исследований и инновационных технологий.

– Да, пожалуй.

– К тому же ему явно угрожали. У Бальдера имелась полицейская охрана.

– Ты хочешь сказать, что его убили, невзирая на это?

– Возможно, охрана была не из лучших – его охраняли Флинк и Блум из обычной полиции.

– Казановы?

– Да, причем их бросили туда посреди ночи, во время бури и всеобщего хаоса. В их защиту, правда, можно сказать, что им пришлось нелегко. Там была неразбериха. Франса Бальдера застрелили в голову, пока парням пришлось разбираться с каким-то алкашом, откуда ни возьмись появившимся у ворот. Ну, сам понимаешь, убийца воспользовался шансом, когда их внимание ненадолго отвлекли.

– Звучит неважно.

– Да, работа кажется очень профессиональной, и в довершение всего им, похоже удалось хакнуть охранную сигнализацию.

– Значит, их было несколько?

– Мы думаем, да. Кроме того…

– Да?

– Есть кое-какие щекотливые детали.

– Которые понравятся СМИ?

– Которые безумно понравятся СМИ, – продолжил Экстрём. – Оказалось, например, что алкашом, появившимся у ворот, был ни больше ни меньше как Лассе Вестман.

– Артист?

– Именно. И это крайне неприятно.

– Потому что попадет на первые страницы газет?

– Отчасти, разумеется, да, но еще и потому, что мы рискуем заполучить массу скользких бракоразводных проблем. Лассе Вестман утверждал, что явился туда, чтобы забрать домой восьмилетнего пасынка, которого Франс Бальдер держал у себя, мальчика… Подожди минутку… я должен посмотреть, чтобы сказать правильно… мальчика, которому Бальдер, правда, приходится биологическим отцом, но за которым он, согласно постановлению об опеке, не способен ухаживать.

– Почему же профессор, который может заставлять компьютеры походить на людей, вдруг оказался не способен ухаживать за собственным ребенком?

– Потому что ему раньше катастрофически не хватало чувства

ответственности, и вместо того, чтобы смотреть за сыном, он работал и, если я правильно понял, был вообще безнадежно плохим отцом. История в любом случае деликатная. Маленький мальчик, который, следовательно, не должен был находиться у Бальдера, по всей видимости, стал свидетелем убийства.

– Господи! И что он говорит?

– Ничего.

– Он в тяжелом шоке?

– Наверняка, но он вообще не разговаривает. Он немой и страдает тяжелой формой умственной отсталости. Поэтому нам от него никакой пользы не будет.

– Значит, предстоит долгое расследование.

– Если только не окажется, что у Лассе Вестмана имелась причина для появления как раз в тот момент, когда убийца проник на первый этаж и застрелил Бальдера. Вероятно, очень важно, чтобы ты побыстрее допросил Вестмана.

– При условии, что я возьму расследование на себя.

– Возьмешь.

– Ты уверен?

– Я бы сказал, что у тебя нет выбора. Кроме того, самое лучшее я припас под конец.

– И что же это?

– Микаэль Блумквист.

– А с ним что?

– Он по какой-то причине тоже там находился. Полагаю, что Франс Бальдер обратился к нему, чтобы что-то поведать.

– Посреди ночи?

– Очевидно.

– И потом его застрелили?

– Перед самым приходом Блумквиста, и тот, похоже, даже мельком видел убийцу.

Ян Бубласки засмеялся. Такая реакция была неправильной со всех мыслимых точек зрения, и он не мог ее объяснить даже самому себе. Возможно, он отреагировал так от нервного напряжения или же от ощущения, что все в жизни повторяется.

– Ты что? – спросил Рикард Экстрём.

– Просто у меня небольшой кашель. Значит, теперь вы боитесь, что вам на голову свалится частный детектив, который выставит вас всех не в лучшем свете…

– Хм, пожалуй. В любом случае мы предполагаем, что «Миллениум» уже готовит материал, и я в данный момент пытаюсь изыскать законную возможность остановить их или, по крайней мере, поставить в определенные рамки. Не исключено, что это дело можно считать касающимся безопасности государства.

– Значит, нам на голову сядет еще и СЭПО?

– Без комментариев, – ответил Экстрём.

«Пошел к черту», – подумал Бублански.

– Этим делом занимаются Рагнар Улофссон и другие из отдела Охраны промышленности? – спросил он.

– Как я уже сказал, без комментариев. Когда ты можешь приступить?

«Пошел к черту еще раз», – подумал Бублански.

– Я приступлю только при определенных условиях, – сказал он. – Я хочу, чтобы со мною работала моя обычная команда: Соня Мудиг, Курт Свенссон, Йеркер Хольмберг и Аманда Флуд.

– Конечно, хорошо, но тебе придадут еще Ханса Фасте.

– Ни за что! Только через мой труп!

– Сорри, Ян, это не обсуждается. Радуйся, что тебе разрешают выбрать всех остальных.

– Тебе известно, что ты безнадежен?

– Мне доводилось это слышать.

– Значит, Фасте будет нашим маленьким агентом СЭПО?

– Отнюдь, но я считаю, что всем рабочим группам полезно иметь кого-то, кто мыслит по-другому.

– Значит, когда мы, остальные, избавились от всех предрассудков и предвзятых мнений, нам навязывают человека, который потянет нас обратно?

– Не говори глупостей.

– Ханс Фасте – идиот.

– Нет, Ян, он вовсе не идиот, а скорее…

– Кто же?

– Консерватор. Человек, который не позволяет себе поддаваться последним феминистским веяниям.

– И даже первым веяниям… Он, возможно, только сейчас признал за женщинами право голоса.

– Возьми себя в руки, Ян. Ханс Фасте является в высшей степени надежным и лояльным следователем, и я больше не хочу это обсуждать. У тебя есть еще какие-нибудь требования?

«Чтобы ты куда-нибудь провалился», – подумал Бублански.

– Я хочу сходить к врачу, и чтобы пока расследованием руководила Соня Мудиг, – сказал он.

– Разве это разумно?

– Чертовски разумно, – прошипел он.

– Ладно, ладно, я прослежу за тем, чтобы Эрик Цеттерлунд передал ей дела, – ответил Рикард Экстрём, скорчив гримасу.

Прокурор был совсем не уверен, что сам согласился бы взяться за это расследование.

Алона Касалес редко работала по ночам. В течение нескольких лет ей удавалось уклоняться от этого, не без оснований ссылаясь на ревматизм, который периодически вынуждал ее принимать сильнодействующие таблетки «Кортизона». От них ее лицо приобретало лунообразную форму, давление подскакивало вверх, и ей требовались нормальный сон и правильный жизненный распорядок. Тем не менее сейчас она находилась на рабочем месте. Было десять минут четвертого ночи. Алона под небольшим дождем проехала на машине от дома, из городка Лорел в Мэриленде, по шоссе 175-Ист и миновала указатель «АНБ, следующий поворот направо, только для сотрудников».

После заграждений и электрифицированного ограждения она направилась в сторону черного, напоминающего куб главного здания Форт-Мида и припарковалась на большой беспорядочной стоянке справа от голубого, похожего на мяч для гольфа обтекателя, кишащего параболическими антеннами, и, пройдя через турникеты, поднялась на свое рабочее место на двенадцатом этаже. Особой активности там не наблюдалось, однако общая атмосфера была накалена. Алона довольно быстро сообразила, что ощущение повышенной серьезности распространяется по всему помещению от Эда-Кастета и его молодых хакеров, и, несмотря на близкое знакомство с Эдом, подходить к нему здороваться она не стала.

Вид у Нидхэма был совершенно безумный; в данный момент он стоял, отчитывая молодого мужчину, лицо которого излучало леденящий бледноватый свет – вообще странный парень, подумала Алона, как, впрочем, и вся компания юных гениев хакерского дела, собранная Эдом. Парень был молодой, анемичный, с прической точно прямо из ада. Кроме того, он странно сутулился – ему словно сводило судорогой плечи. Он периодически вздрагивал, возможно, всерьез пугаясь, а когда Эд поддал ногой по ножке стула, стало еще хуже. Парень, похоже, ожидал оплеухи, затрещины. Но тут произошло нечто неожиданное. Эд-Кастет успокоился и

потрепал парня по волосам, как любящий отец, что было ему не свойственно. Нидхэм не слишком-то любил нежности и пустую болтовню. Он был ковбоем и никогда не решился бы проделать нечто столь подозрительное, как обнимать мужчину. Но, возможно, Эд пребывал в таком отчаянии, что даже решился проявить немного человечности. Брюки у него были расстегнуты, рубашка закапана кофе или кока-колой, лицо нездорово налилось кровью, а голос стал настолько хриплым и грубым, как будто он слишком много кричал, и Алоне подумалось, что никому в его возрасте и при его тучности не следует себя так изматывать.

Хотя прошло лишь около полутора суток, казалось, будто Эд и его парни прожили здесь неделю. Повсюду валялись стаканчики из-под кофе, остатки еды быстрого приготовления, заношенные бейсболки и худи, а от тел исходил кисловатый запах пота и напряжения. Компания совершенно очевидно переворачивала весь мир вверх дном в попытке отследить того хакера, и Алона в конце концов крикнула им с наигранным задором:

– Навалитесь посильней, ребята!

– Если б ты только знала…

– Ладно, ладно. Главное, засадите этого мерзавца!

Алона слегка кривила душой. Втайне она считала вторжение немного забавным. У них многие, похоже, считают, что могут делать все, что угодно, будто имеют карт-бланш, и им, пожалуй, даже полезно понять, что другая сторона способна нанести ответный удар. «Тот, кто наблюдает за народом, в конце концов сам оказывается под наблюдением народа», – так написал хакер, и Алона находила это довольно забавным, хотя, разумеется, не соответствующим действительности.

Здесь, во «Дворце головоломок»[44], господствовали над всем, и их недостаточность проявлялась только тогда, когда они пытались разобраться в чем-нибудь действительно серьезном, как она сейчас. Ее разбудил телефонный звонок Катрин Хопкинс, которая сообщила, что шведский профессор убит у себя дома, под Стокгольмом, и хотя для АНБ это дело особой важности не представляло – по крайней мере, пока, – для Алоны оно кое-что означало.

Убийство показывало, что она правильно истолковала сигналы, и теперь ей надо было посмотреть, не сможет ли она продвинуться еще на шаг. Поэтому она зашла в свой компьютер и открыла файл с общей картиной организации, во главе которой стоял неуловимый мистический Танос, но где имелось еще несколько установленных имен, таких как Иван Грибанов, депутат русской Думы, и немец Грубер – человек с отличным образованием, в прошлом подонок из большой и разветвленной сети,

торговавшей людьми.

Вообще-то, она не понимала, почему у них этому делу отводилось столь скромное место и почему шефы все время отсылали ее к другим, более рядовым организациям по борьбе с преступностью. Ей же казалось вполне правдоподобным, что данная группировка может пользоваться государственной защитой или иметь связи с русской разведкой и что в целом это можно рассматривать как часть торговой войны между Востоком и Западом. Несмотря на небольшой объем материала и почти полное отсутствие однозначных доказательств, все же налицо были явные признаки того, что западная технология похищается и попадает в руки к русским.

Правда, составить общую картину действительно трудно, и не всегда даже удается установить, совершено ли преступление – или же просто в другом месте, по случайному стечению обстоятельств разработали аналогичную технологию. Кража в промышленности стала теперь понятием в высшей степени растяжимым. Там все время воруют и заимствуют – иногда в качестве части креативного обмена, иногда в силу того, что посягательству придается юридическая легитимность.

Крупные предприятия регулярно, с помощью грозных адвокатов, до смерти запугивают небольшие компании, и никто не видит ничего странного в том, что отдельные изобретатели оказываются более или менее бесправными. Кроме того, промышленный шпионаж и хакерские атаки часто рассматриваются как чуть ли не обычный анализ окружающего мира, и трудно утверждать, что здесь, во «Дворце головоломок», способствуют какому-нибудь подъему морали в данной сфере.

С другой стороны… От убийств нельзя отмахиваться с такой же легкостью, и Алона прямо-таки торжественно решила перевернуть все до единого фрагменты пазла, чтобы попытаться пробить в группировке брешь. Но далеко не продвинулась. Она успела, по сути дела, только вытянуть руки и помассировать затылок, когда услышала позади себя шаги и пыхтение.

Это оказался Эд, и вид у него был весьма странный, совершенно перекошенный. Вероятно, у него спина тоже надломилась. Стоило Алоне взглянуть на него, как ее собственной шее сразу стало лучше.

– Эд, чем я обязана такой чести?

– Похоже, у нас появилась общая проблема.

– Присаживайся, старичок. Тебе надо посидеть.

– Или чтобы меня растянули на дыбе. Знаешь, на мой ограниченный взгляд…

– Не принижай себя, Эд.

– Ни черта я себя не принижаю. Но, как тебе известно, меня не волнует, высокий у кого-то чин или нет, или кто там что считает. Я концентрируюсь на своем. Я защищаю наши системы, и единственное, что меня действительно впечатляет, это профессионализм.

– Ты завербовал бы самого дьявола, будь он талантливым компьютерщиком.

– Во всяком случае, я испытываю уважение к любому врагу, если он достаточно компетентен. Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

– Я начинаю думать, что мы с ним похожи и лишь по чистой случайности находимся по разные стороны. Как ты наверняка слыхала, RAT – шпионская программа – проникла в наш сервер и дальше, во внутреннюю сеть; а эта программа, Алона…

– Да?

– Прямо чистая музыка. Так компактно и элегантно написана…

– Ты встретил достойного противника.

– Несомненно, и то же относится к сидящим там моим парням. Они изображают возмущение и патриотизм, или черт знает что еще. А на самом деле им больше всего хочется встретиться с этим хакером и выразить ему свое восхищение, и какое-то время я тоже пытался думать: «Ладно, хорошо, переживем! Ущерб, пожалуй, не так уж велик. Просто одному хакеру-гению захотелось блеснуть, и, возможно, это даже пойдет на пользу». Гоняясь за этим персонажем, мы уже узнали массу всего о собственной уязвимости. Но потом…

– Да?

– Потом я начал задумываться, а не обманули ли меня, не является ли вся эта демонстрация с моим почтовым сервером просто дымовой завесой, прикрытием для чего-то другого.

– Для чего же?

– Для того, чтобы кое-что узнать.

– У меня просыпается любопытство.

– Ему стоит проснуться. Нам удалось установить, что именно искал хакер, и речь, по большому счету, идет об одном и том же – о группировке, которой занималась ты, Алона. Не называют ли они себя «Пауками»?

– Даже «Обществом Пауков». Но, пожалуй, в основном в шутку.

– Хакер искал информацию об этой компашке и их сотрудничестве с «Солифоном», и тогда я подумал, что он, возможно, сам принадлежит к группировке и хотел узнать, что нам про них известно.

– Звучит вполне правдоподобно. Они явно умелые хакеры.

– Но потом я снова засомневался.

– Почему?

– Потому что выглядит так, будто хакер еще хотел нам что-то показать. Знаешь, ему удалось создать себе статус суперпользователя, и поэтому он смог читать документы, с которыми, возможно, не знакомилась даже ты, – документы с высокой степенью секретности. Правда, файл, который он скопировал и скачал, настолько трудно зашифрован, что ни у него, ни у нас нет шансов его прочесть, если только написавший его гад не выдаст нам личные ключи, но тем не менее…

– Что?

– Хакер через нашу собственную систему обнаружил, что мы тоже сотрудничаем с «Солифоном» точно таким же образом, как «Пауки». Ты об этом знала?

– Нет, черт возьми, нет…

– Я так и предполагал. Но, похоже, дело обстоит так, что у нас тоже имеются люди в группе Экервальда. «Солифон» оказывает «Паукам» и нам одни и те же услуги. Эта компания является частью нашего промышленного шпионажа, и наверняка именно поэтому твое задание так задвигáли. Они боятся, что твое расследование забрызгает дерьмом и нас.

– Проклятые идиоты.

– Тут я, наверное, с тобой согласен, и, пожалуй, вполне вероятно, что тебя теперь вообще отстранят от этой работы.

– Тогда я им такое устрою, что мало не покажется.

– Успокойся, успокойся, существует другой выход, поэтому-то, в частности, я и дотащил свое несчастное тело аж до твоего стола. Ты сможешь вместо этого начать работать на меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Этот проклятый хакер наверняка знает о «Пауках», и если нам удастся вычислить его, то, пожалуй, мы оба совершим прорыв, и тогда у тебя появится шанс говорить любую правду.

– Понимаю, к чему ты клонишь…

– Значит, да?

– И да, и нет, – ответила Алона. – Я собираюсь по-прежнему концентрироваться на том, чтобы узнать, кто застрелил Франса Бальдера.

– Но ты будешь делиться со мной информацией?

– О’кей.

– Хорошо.

– Но послушай, – продолжила она, – если хакер настолько ловок,

неужели ему не хватило ума замести за собой следы?

– Тут ты можешь не волноваться. Неважно, насколько хитроумно он действовал. Мы в любом случае намерены найти его и содрать с него шкуру живьем.

– Куда же подевалось все твое уважение к противнику?

– Оно на месте, подруга. Но мы его все равно отделаем и засадим в тюрягу, пожизненно. Ни одному гаду не позволено взламывать мою систему.

Глава 13

21 ноября

Микаэлю Блумквисту не удалось особенно долго проспать и на этот раз. События ночи не отпускали его, и в четверть двенадцатого утра он сел в постели и сдался.

Он отправился на кухню, приготовил два бутерброда с ветчиной прошутто и сыром «Чеддер» и наполнил тарелку йогуртом с мюсли. Но есть не хотелось, и вместо еды Микаэль сделал ставку на кофе, воду и таблетки от головной боли. Он выпил пять или шесть стаканов минеральной воды, принял две таблетки «Альведона», достал тетрадку с гранитолевой обложкой и попробовал суммировать произошедшее. Однако особенно далеко продвинуться ему не удалось. Разразился форменный ад. Начали трезвонить телефоны, и Микаэль довольно быстро сообразил, что случилось.

Новость произвела эффект разорвавшейся бомбы, а состояла она в том, что «знаменитый журналист Микаэль Блумквист и артист Лассе Вестман» находились в центре «мистической» драмы с убийством; мистической потому, что никто, похоже, не мог вычислить, каким образом во время убийства шведского профессора двумя выстрелами в голову на месте преступления из всех людей оказались именно Вестман и Блумквист, вместе или по отдельности. В вопросах содержались некие намеки – наверняка потому, что Микаэль не скрывал, что поехал туда, невзирая на поздний час, поскольку думал, что Бальдер способен рассказать нечто важное.

– Я был там по долгу профессии, – говорил он.

Ему приходилось излишне много оправдываться. Но он чувствовал в вопросах обвинение и хотел дать объяснения, хотя это и могло спровоцировать других репортеров начать копаться в том же материале. На остальные вопросы он отвечал: «Без комментариев», – правда, эта реплика тоже не казалась ему идеальной. Но плюсом этих слов, по крайней мере, являлось то, что они звучали прямо и четко. Затем Микаэль выключил мобильный телефон, снова облачился в старую шубу отца и отправился в город, по направлению к Гётгатан.

Бурная деятельность в редакции напомнила ему о прежних днях. Повсюду, буквально в каждом углу, сидели коллеги и сосредоточенно

работали. Эрика наверняка произнесла кое-какие подстрекательские речи, и все явно прониклись важностью момента. Дело было не только в том, что до дэдлайна оставалось десять дней. Над ними витала угроза со стороны Левина и «Сернер», и вся компания, казалось, настроилась на борьбу. Тем не менее при виде его все, естественно, встрепенулись и захотели услышать о Бальдере, о ночных событиях и о его реакции на выпады норвежцев. Однако Микаэль не намеревался отставать от остальных.

– Потом, попозже, – отговорился он и подошел к Зандеру.

Андрею было двадцать шесть лет, и он являлся самым молодым членом коллектива. Он проходил в журнале практику и осел у них, иногда, как сейчас, замещая постоянного сотрудника, иногда работая внештатно. Микаэля мучило то, что они не могут взять его на постоянную должность, особенно после того, как взяли Эмиля Грандена и Софи Мелкер. На самом деле он предпочел бы видеть в штате Андрея. Но тот пока не считался именем и, возможно, по-прежнему писал недостаточно хорошо.

К тому же он был замечательным командным игроком, что было хорошо для журнала, но не всегда хорошо для него самого – в такой меркантильной отрасли. Парню явно недоставало тщеславия, хотя у него имелись для этого все основания. Он выглядел, как молодой Антонио Бандерас, и схватывал все быстрее большинства. Ему хотелось просто участвовать и создавать хорошую журналистику, а еще он любил «Миллениум», и Микаэль внезапно ощутил, что любит тех, кто любит «Миллениум». В один прекрасный день он сделает для Зандера что-нибудь потрясающее.

– Привет, Андрей, – поздоровался он. – Как дела?

– Ничего. Вкалываю.

– Другого я и не ожидал. Что тебе удалось раздобыть?

– Довольно многое. Все лежит у тебя на столе, и еще я написал резюме. Но можно дать тебе совет?

– Хороший совет – это как раз то, что мне надо.

– Тогда беги прямиком на Цинкенсвэг и пообщайся с Фарах Шариф.

– С кем?

– С одним очень красивым профессором компьютерных наук, которая там живет и взяла на сегодня выходной.

– Ты хочешь сказать, что в данный момент мне больше всего требуется очаровательная и умная женщина?

– Не совсем. Но профессор Шариф только что звонила, поскольку поняла, что Франс Бальдер хотел тебе что-то рассказать. Она думает, что знает, о чем могла идти речь, и очень хочет с тобой поговорить. Возможно,

чтобы просто выполнить его собственную волю. Мне это кажется идеальным стартом.

– Ты собрал о ней сведения?

– Естественно, и, конечно, мы не можем исключить того, что у нее имеется собственный интерес. Но она хорошо знала Бальдера. Они вместе учились и написали в соавторстве несколько научных статей. Имеется также пара-тройка снимков, где они вместе в разных компаниях. Ее имя очень весомо в своей сфере.

– Ладно, я пошел. Ты сообщишь ей, что я уже иду?

– Хорошо, – сказал Андрей и дал Микаэлю точный адрес.

Получилось точно как накануне. Микаэль покинул редакцию, едва успев туда прийти; по пути к Хурнсгатан он на ходу читал собранный материал. Раза два или три Блумквист натыкался на людей, но был настолько сконцентрирован, что толком не извинился, и поэтому его самого удивило, что он не пошел прямо к Фарах Шариф, а задержался в кафе-баре «Мельквист» и стоя выпил два двойных эспрессо. Не только чтобы выгнать из тела усталость. Он думал, что кофеиновый шок поможет от головной боли. Правда, потом засомневался в правильности такого лекарства. Выходя из кафе, Микаэль чувствовал себя хуже, чем когда вошел, – и не из-за эспрессо. Всему виной были дебилы, которые прочли о ночной драме и выкрикивали разные идиотские реплики. Говорят, молодежь больше всего мечтает об известности. Ему бы следовало объяснить им, что стремиться к ней не стоит. Ты просто звереешь от нее, особенно если не выспался и повидал такое, что человеку вообще лучше не видеть.

Блумквист продолжил путь по Хурнсгатан, мимо «Макдоналдса» и продовольственного магазина, перешел наискосок Рингвэген, бросив взгляд направо, и замер так, будто увидел нечто важное. Что же здесь могло быть важного? Ничего! Просто безнадежно аварийный перекресток с большим количеством выхлопных газов. Но потом он понял.

Светофор! Именно этот светофор нарисовал с математической точностью Франс Бальдер, и Микаэль во второй раз удивился сюжету. Даже в качестве пешеходного перехода это место ничего особенного собой не представляло – разметка затертая и непритязательная. С другой стороны, может, в этом и заключался смысл…

Сюжет тут ни при чем; главное – что человек в нем видит. Художественное произведение существует в глазах наблюдателя, да и никакого отношения к делу это не имеет. Разве что рассказывает о том, что Франс Бальдер здесь когда-то был – возможно, сидел где-то на стуле, наблюдая за светофором…

Микаэль пошел дальше, мимо стадиона «Цинкендамм», и свернул направо на Цинкенсвэг.

Все утренние часы инспектор уголовной полиции Соня Мудиг провела за интенсивной работой. Сейчас она сидела у себя в кабинете и ненадолго отвлеклась, бросив взгляд на стоявшую на письменном столе фотографию в рамочке. На снимке был ее шестилетний сын Аксель, бурно радовавшийся на футбольном стадионе забитому голу. Соня воспитывала сына одна, и для создания нормальной жизни ей периодически приходилось изрядно крутиться. Она холодно прикинула, что в ближайшее время тоже придется как-то выкручиваться. В дверь постучали. Это, наконец, явился Бублански, а значит, она сможет передать ему ответственность за расследование. Правда, по виду Бублы не казалось, что ему хочется за что-либо отвечать.

Он был, против обыкновения, хорошо одет – в пиджаке, свежевыглаженной голубой рубашке и при галстуке; волосы были зачесаны на лысину, мечтательный взгляд где-то блуждал. Похоже, он думал о чем угодно, кроме расследований убийств.

– Что сказал врач? – поинтересовалась Соня.

– Врач сказал, что важно не то, верим ли мы в Бога. Бог не мелочен. Важно, чтобы мы понимали, что жизнь сложна и богата. Надо ценить ее, а еще пытаться сделать мир лучше. Тот, кто найдет баланс между тем и другим, приблизится к Богу.

– Значит, на самом деле ты был у своего раввина?

– Верно.

– Ладно, Ян. Не знаю, что могу предпринять в отношении того, чтобы ценить жизнь. Разве что угостить тебя кусочком швейцарского апельсинового шоколада, который у меня случайно оказался в столе. Но если мы поймаем парня, застрелившего Франса Бальдера, то определенно сделаем мир немного лучше.

– Швейцарский апельсиновый шоколад и раскрытое убийство кажутся мне хорошим началом.

Соня достала шоколад, отломала кусочек и дала Бублански, который принялся жевать его с некоторым благоговением.

– Изысканно, – произнес он.

– Конечно.

– Представляешь, если бы жизнь иногда могла быть такой, – сказал он, указывая на фотографию ликующего Акселя у нее на столе.

– Что ты имеешь в виду?

– Если бы счастье давало себя знать с такой же силой, как боль, –

продолжил он.

– Да, вот именно.

– Как обстоят дела с сыном Бальдера? – спросил Бублански. – Его ведь зовут Августом?

– Трудно сказать, – ответила Соня. – Он сейчас у матери. Его обследовал психолог.

– А что у нас уже есть?

– К сожалению, пока немногое. Мы установили тип оружия. Пистолет «Ремингтон 1911 R1 Кэрри», вероятно, довольно недавно купленный. Мы будем продолжать проверку, но я почти уверена в том, что нам не удастся его отследить. У нас есть снимки с камер наблюдения, мы их анализируем, но, как ни вертим, лица мужчины не видим и не находим никаких отличительных признаков, никаких родимых пятен, ничего, кроме наручных часов, которые отрывочно просматриваются и выглядят дорогими. Одежда у парня черная. Бейсболка серая, без надписей. Йеркер говорит, что он двигается, как заправский наркоман. На одном из снимков он держит маленький черный ящик – вероятно, какой-то компьютер или GSM-подстанцию. По всей видимости, с его помощью он хакнул охранную сигнализацию.

– Это я уже слышал. А как можно хакнуть сигнализацию?

– Йеркер в этом тоже разбирался; это нелегко, особенно сигнализацию такого уровня, но возможно. Система была подключена к Сети и мобильной системе и постоянно посылала информацию в офис «Милтон секьюрити», расположенный возле Шлюза. Вполне возможно, что парень при помощи своего ящика записал какую-то частоту сигнализации и сумел хакнуть ее таким образом. Или же столкнулся с Бальдером на какой-нибудь прогулке и электронным образом похитил информацию с NFC профессора.

– С чего?

– С Near Field Communication[45], функции в мобильном телефоне Франса Бальдера, при помощи которой тот включал сигнализацию.

– Раньше, когда воры пользовались «фомкой», было проще, – заметил Бублански. – Никаких машин в окрестностях?

– Метрах в ста у обочины стоял припаркованный черный автомобиль, который периодически заводил мотор, но видела машину только пожилая дама по имени Биргитта Руус, а она не имеет представления, что это была за марка. Говорит, возможно, «Вольво». Или такая, как у ее сына. А у сына «БМВ».

– Тоскливо.

– Да, на поисковом фронте все выглядит довольно мрачно, –

продолжила Соня Мудиг. – Преступники воспользовались ночью и бурей. Они могли беспрепятственно перемещаться по окрестностям, и за исключением показаний Микаэля Блумквиста, у нас есть только одно наблюдение. Им поделился тринадцатилетний Иван Греде, немного чудной худенький парень, в детстве болевший лейкемией, который полностью обставил свою комнату в японском стиле. Говорит не по годам рассудительно. Иван посреди ночи ходил в туалет и из окна ванной видел возле кромки воды здорового мужчину. Тот смотрел на залив и крестился кулаками. По словам Ивана, это выглядело одновременно агрессивно и религиозно.

– Не лучшая комбинация.

– Да, религия и насилие в «одном флаконе» обычно ничего хорошего не предвещают. Правда, Иван не уверен, осенял ли он себя крестом. Говорит, что это походило на крест с какой-то добавкой. Или, возможно, на военную присягу. Иван поначалу боялся, что мужчина зайдет в воду и покончит с собой. Во всей ситуации чувствовалась какая-то торжественность и агрессивность.

– Но самоубийство не состоялось.

– Нет. Мужчина побежал дальше, в сторону дома Бальдера. Он был с рюкзаком, в черной одежде, возможно, в камуфляжных брюках. Мощный и хорошо тренированный, он напомнил Ивану его старые игрушки – воинов ниндзя.

– Тоже звучит не больно хорошо.

– Совсем не хорошо, и, по-видимому, этот же мужчина стрелял в Микаэля Блумквиста.

– И Блумквист не видел его лица?

– Нет, он бросился на землю, когда мужчина обернулся и выстрелил. Кроме того, все произошло очень быстро. Но, по словам Блумквиста, мужчина, вероятно, прошел военную подготовку, что совпадает с наблюдениями Ивана Греде, и я могу только согласиться с ними. Быстрота и эффективность операции указывают на то же.

– А вам удалось понять, почему там оказался Блумквист?

– О, да. Если сегодняшней ночью что-то было сделано как следует, то это допрос Блумквиста. Можешь посмотреть сам, – Соня протянула ему распечатку. – Он общался с одним из бывших ассистентов Бальдера, который утверждает, что к профессору в компьютер вломились и похитили его технологию, и Блумквиста эта история заинтересовала. Он захотел связаться с Бальдером, но тот не объявлялся. Он обычно ни с кем не общался. Жил в последнее время изолированно и почти не вступал в

контакт с внешним миром. Всеми покупками и делами занималась экономка, которую зовут… погоди-ка… Лотти Раск, фру Раск, которой, кстати, было строго приказано не говорить ни слова о том, что в доме присутствует сын. Я к этому сейчас вернусь. Но сегодня ночью что-то произошло. Подозреваю, что Бальдер волновался и хотел выплеснуть наружу нечто, его тяготившее. Не забудь, что ему как раз сообщили о серьезной угрозе. Кроме того, у него сработала сигнализация, и за домом наблюдали двое полицейских. Возможно, он предчувствовал, что его дни сочтены. Не знаю. Как бы то ни было, он посреди ночи позвонил Блумквисту и захотел что-то рассказать.

– В прежние времена в таких случаях вызывали священника.

– Теперь, похоже, звонят журналисту… Ну, все это чистейшей воды догадки. Нам известно только то, что Бальдер наговорил на автоответчик Блумквиста. О том, что именно он собирался рассказать, мы не имеем ни малейшего представления. Микаэль говорит, что тоже не знает, и я ему верю. Но в этом я, похоже, довольно одинока. Рикард Экстрём – кстати, невероятный зануда – убежден в том, что Блумквист утаивает информацию, которую намерен опубликовать у себя в журнале. Но мне трудно в это поверить. Всем известно, что Блумквист хитрый дьявол, но он не из тех, кто станет сознательно вредить полицейскому расследованию.

– Это точно.

– Проблема только в том, что Экстрём рвется в наступление, как идиот, и заявляет, что Блумквиста следует арестовать за ложные показания и неповиновение, и бог знает за что еще. Он шипит, что тот знает больше. Такое впечатление, что он будет действовать.

– Едва ли это приведет к чему-нибудь хорошему.

– Да, и учитывая мощь Блумквиста, думаю, нам лучше оставаться с ним друзьями.

– Предполагаю, нам придется его снова допросить.

– Согласна.

– А что Лассе Вестман?

– Его мы только что выслушали, и история не слишком вдохновляющая. Вестман побывал в ресторанах «КБ» и «Театергриллен», в баре при Опере и еще бог знает где и час за часом кричал и возмущался по поводу Бальдера и мальчика. Его приятели просто обалдели от этого. Чем больше Вестман пил и чем больше пускал денег на ветер, тем больше зацикливался.

– Почему это было для него так важно?

– Отчасти потому, что у него, наверное, был пунктик – типичная

заморочка алкаша. Я знаю это по своему старому дяде. Каждый раз, как он напивался, ему что-нибудь втемяшивалось в голову. Но дело, разумеется, этим не ограничивалось, и поначалу Вестман все время говорил о решении суда об опеке; и будь он другим, более душевным человеком, это могло бы, пожалуй, кое-что объяснить. Тогда можно было бы подумать, что он хотел мальчику добра. Но теперь… ты ведь знаешь, что Лассе Вестман в свое время был осужден за избиение.

– Я этого не знал.

– Несколько лет назад он жил с этой модной блогершей Ренатой Капусински. Он избил ее до потери сознания. Кажется, даже откусил ей щеку.

– Худо.

– Кроме того…

– Да?

– Бальдер написал несколько заявлений, которые не отослал – возможно, из-за своей правовой ситуации, – но из них явно следует, что он подозревал Лассе Вестмана в избиении сына тоже.

– Неужели?

– Бальдер увидел на теле мальчика подозрительные синяки, и его, кстати, поддерживает психолог из Центра по борьбе с аутизмом. Значит…

– …в Сальтшёбаден Лассе Вестмана едва ли привели любовь и забота.

– Да, скорее деньги. Забрав сына, Бальдер отменил или, по крайней мере, урезал алименты, которые обязался выплачивать.

– А Вестман не пытался за это на него заявить?

– Наверное, не решился, принимая во внимание обстоятельства.

– Что там еще говорится в постановлении суда? – спросил Бублански.

– Что Бальдер был никуда не годным отцом.

– И это правда?

– Во всяком случае, он не был злым человеком, как Вестман. Но у них произошел один инцидент. После развода Бальдер забирал сына каждые вторые выходные, а жил он в то время в Эстермальме[46], в квартире, с пола до потолка уставленной книгами. В одни из выходных, когда Августу было шесть лет, он находился в гостиной, а Бальдер, как всегда, сидел, погрузившись в размышления, перед компьютером в соседней комнате. Что именно произошло, нам неизвестно. Но там имелась маленькая стремянка, стоявшая прислоненной к книжному стеллажу. Август залез на нее и, очевидно, взял несколько книг под самым потолком – а затем упал, сломал локоть и, ударившись, потерял сознание. А Франс ничего не слышал. Он просто продолжал работать и только несколько часов спустя обнаружил,

что Август стонет на полу возле книг. Тут с ним случилась истерика, и он отвез мальчика в травмпункт.

– И потом его полностью лишили права опеки?

– Не только. Было констатировано, что он человек эмоционально незрелый и не способен заботиться о ребенке. Ему запретили находиться с Августом один на один. Но, честно говоря, этот приговор вызывает у меня некоторое недоверие.

– Почему?

– Потому что это был процесс без защиты. Адвокат бывшей жены занял очень жесткую позицию, а Франс Бальдер только каялся, говорил, что он никчемный, безответственный, не приспособленный к жизни, и бог знает что еще. Суд записал – на мой взгляд, злонамеренно и тенденциозно, – что Бальдер никогда не умел нормально общаться с другими людьми и постоянно искал прибежище в компьютерах. Поскольку я успела немного присмотреться к его жизни, я с этим не очень согласна. Суд просто принял его отягощенные чувством вины тирады и полные самобичевания заявления за правду, но, во всяком случае, Бальдер проявил колоссальную сговорчивость. Он согласился выплачивать очень большие алименты – думаю, сорок тысяч крон в месяц, плюс разово выдать девятьсот тысяч крон на непредвиденные расходы. Вскоре после этого он удалился в США.

– Но потом вернулся.

– Да, и на то, судя по всему, имелось несколько причин. У него похитили технологию, и он, возможно, узнал, кто ее украл. Он пребывал в серьезном конфликте с работодателем. Но думаю, не последнюю роль в его решении сыграл сын. Женщина из Центра по борьбе с аутизмом, которую я упоминала – ее, кстати, зовут Хильда Мелин, на ранней стадии смотрела на перспективы мальчика очень оптимистично. Но все пошло не так, как она надеялась. Кроме того, ей сообщили, что Ханна и Лассе Вестман проявляют безответственность в отношении его школьного образования. Согласно договоренности Августа должны были учить на дому. Но отвечавшие за обучение специальные педагоги, похоже, натравливались друг на друга, и, по всей видимости, имел место также обман с деньгами на учебу и вымышленными именами учителей… ну, в общем, все мыслимое дерьмо. Но это уже другая история, и кому-нибудь потом придется ею заняться.

– Ты упомянула женщину из Центра по борьбе с аутизмом…

– Да, Хильду Мелин. Заподозрив неладное, она позвонила Ханне и Лассе, и ей сообщили, что все прекрасно. Однако что-то подсказывало ей,

что это неправда. Поэтому она, вопреки нормальной практике, нанесла им визит без предупреждения, и когда ее, наконец, впустили в дом, у нее возникло сильное ощущение, что мальчик не чувствует себя хорошо и явно остановился в развитии. Кроме того, она увидела те самые синяки и после визита позвонила в Сан-Франциско Франсу Бальдеру и имела с ним долгий разговор. Вскоре после этого профессор вернулся домой и, невзирая на постановление суда, забрал сына к себе, в новый дом в Сальтшёбадене.

– Как же это произошло, если Лассе Вестман так пекся о своих алиментах?

– Это тоже вопрос. По словам Вестмана, Бальдер более или менее похитил мальчика. Но у Ханны другая версия. Она говорит, что когда Франс появился, он казался переменившимся, и она позволила ему забрать мальчика. Она даже думала, что Августу у него будет лучше.

– А Вестман?

– По ее словам, он был пьян и только что получил большую роль в новом телесериале, а потому вел себя вообще заносчиво и высокомерно. И тоже согласился. Сколько бы Вестман ни болтал о благополучии мальчика, я думаю, он просто был рад от него отделаться.

– А дальше?

– Дальше он передумал, вдобавок его выгнали из сериала за постоянное пьянство, и тут ему внезапно захотелось вернуть Августа – или, на самом деле, не его, конечно…

– А алименты.

– Именно, и это подтверждают его собутыльники, в частности, этот устроитель праздников, Риндеваль. Когда Вестман обнаружил, что на его кредитке ничего не осталось, он сразу начал особенно сильно распинаться про мальчика. Потом стрельнул у девушки в баре пятьсот крон на такси и прямо посреди ночи рванул в Сальтшёбаден.

Ян Бублански немного поразмыслил и еще раз взглянул на фотографию ликующего Акселя.

– Какая каша, – произнес он.

– Да.

– В нормальных случаях мы бы уже приближались к развязке. Тогда мотив следовало бы искать где-то в тяжбе об опеке и давнем разводе. Но парни, которые вламываются в систему сигнализации и выглядят, как воины ниндзя, сюда не вписываются.

– Да.

– Кроме того, меня интересует еще одна вещь.

– Что же?

– Если Август не умел читать, зачем ему понадобились те книги?

Микаэль Блумквист сидел с чашкой кофе в руках напротив Фарах Шариф за кухонным столом, смотрел на парк Тантолунден и, сознавая, что это признак слабости, мечтал о том, чтобы ему не надо было писать репортаж. Ему хотелось бы просто сидеть здесь, никак на нее не давя.

Возможность выговориться, похоже, ничего ей не даст. Лицо у нее осунулось, а темные проницательные глаза, видевшие в дверях его прямо насквозь, теперь казались дезориентированными, и временами она бормотала имя Франса, точно мантру или заклинание. Возможно, она его любила. Он-то наверняка любил ее. В пятьдесят два года Фарах была пленительной – не красивой в классическом понимании, но выглядящей, как королева.

– Каким он был? – попытался Микаэль.

– Франс?

– Да.

– Парадоксом.

– В каком отношении?

– Во всех возможных отношениях. Но, пожалуй, прежде всего потому, что он усиленно работал над тем, что волновало его больше всего остального. Возможно, приблизительно, как Оппенгеймер в Лос-Аламосе. Франс занимался тем, что, как он полагал, могло стать нашей погибелью.

– Я плохо понимаю.

– Франс хотел воссоздать биологическую эволюцию на цифровом уровне. Он работал над самообучающимися алгоритмами, которые путем проб и ошибок могут усовершенствовать сами себя. Он способствовал также развитию так называемых квантовых компьютеров, с которыми работают «Гугл», «Солифон» и АНБ. Его целью было создать AGI, *Artificial General Intelligence*[47].

– А что это такое?

– Нечто столь же умное, как человек, но в то же время обладающее быстротой и точностью компьютера во всех дисциплинах механики. Подобное творение дало бы нам колоссальные преимущества во всех областях науки.

– Наверняка.

– Исследования в этой области чрезвычайно обширны, и хотя большинство прямо не говорит о стремлении достичь AGI, конкуренция нас к этому подталкивает. Никто не может позволить себе не создавать максимально умные прикладные программы или сдерживать развитие этой

области. Подумайте только, что нами уже создано на данный момент. Подумайте, например, о том, что имелось в вашем телефоне пять лет назад – и что имеется сегодня.

– Да.

– Раньше, до того, как он стал так скрытен, Франс прикидывал, что мы сможем достичь AGI в ближайшие тридцать-сорок лет, и это звучит глобально. Но лично я думаю, не проявлял ли он излишнюю осторожность. Мощность компьютеров удваивается каждые восемнадцать месяцев, и нашему мозгу не уловить, что означает такое экспоненциальное развитие. Знаете, это немного напоминает зернышко риса на шахматной доске. Вы кладете одно зернышко на первую клеточку, два – на вторую, четыре – на третью, восемь – на четвертую…

– И вскоре зернышки риса заполоняют весь мир.

– Темпы прироста только увеличиваются и в конце концов выходят из-под нашего контроля. Самое интересное, однако, не когда мы достигнем AGI, а что произойдет потом. Тут существует много сценариев, в зависимости от того, каким путем мы туда доберемся. Но мы точно будем пользоваться программами, которые обновляют и улучшают нас самих, и при этом нельзя забывать, что у нас появится новое представление о времени.

– Что вы имеете в виду?

– Что мы выйдем за человеческие ограничения. Нас забросит в новый порядок, где механизмы обновляют себя круглые сутки. Всего через несколько дней после достижения AGI мы получим ASI.

– А это что такое?

– *Artificial Superintelligence*[48], нечто более интеллектуальное, чем мы. Дальше все пойдет быстрее и быстрее. Компьютеры начнут улучшаться в нарастающем темпе, возможно, с коэффициентом десять, – и станут в сто, в тысячу, в десять тысяч раз умнее нас; и что случится тогда?

– Скажите.

– Вот именно. Сам по себе интеллект непредсказуем. Мы не знаем, куда нас заведет человеческий интеллект. И еще меньше знаем о том, что произойдет с суперинтеллектом.

– В худшем случае мы станем не больше интересны для компьютера, чем белые мыши, – вставил Микаэль, подумав о том, что написал Лисбет.

– В худшем случае? Девяносто процентов нашей ДНК одинаковы с мышами, и мы считаемся примерно в сто раз умнее, в сто раз, не больше. Здесь же мы стоим перед чем-то совершенно новым, не имеющим, согласно математическим моделям, подобных ограничений и, возможно,

способным стать в миллионы раз интеллектуальнее. Вы можете себе это представить?

– Я пытаюсь, – осторожно улыбаясь, ответил Микаэль.

– Я хочу сказать вот что, – продолжала Фарах Шариф. – Как, по-вашему, почувствует себя компьютер, очнувшись и обнаружив, что он взят в плен и контролируется такими примитивными тварями, как мы? Почему он должен терпеть такую ситуацию? Зачем ему вообще проявлять к нам повышенное уважение или, тем более, позволять нам копаться в его внутренностях, чтобы остановить процесс? Мы рискуем оказаться перед интеллектуальным взрывом, технологической сингулярностью, как назвал это Вернор Виндж[49]. Все, что произойдет после этого, находится за пределами нашего горизонта событий.

– Значит, в тот миг, когда мы создадим суперинтеллект, мы утратим контроль над всем?

– Есть риск, что все наши знания о нашем мире окажутся недействительными, и это станет концом человеческого существования.

– Вы шутите?

– Я знаю, что для не посвященного в данную проблематику человека это звучит идиотизмом. Но вопрос этот в высшей степени реален. Сегодня тысячи людей по всему миру работают над тем, чтобы воспрепятствовать подобному развитию. Многие проявляют оптимизм или даже впадают в утопию. Говорят о *friendly ASI*, о дружелюбных суперинтеллектах, которые с самого начала программируются так, что будут нам помогать. Представляют себе нечто в духе описанного Азимовым в книге «Я, Робот», встроенные законы, запрещающие механизмам причинять нам вред. Изобретатель и писатель Рэй Курцвейл[50] видит перед собой чудесный мир, где мы с помощью нанотехнологий объединимся с компьютерами в единое целое и разделим с ними будущее. Но, разумеется, никаких гарантий этого нет. Законы могут прекращать свое действие. Значение изначального программирования может меняться – и невероятно легко совершить антропоморфические ошибки, приписать машинам человеческие черты и неверно истолковать их внутренние движущие силы. Франс был одержим этими вопросами и, как я сказала, раздираем противоречиями. Он мечтал об интеллектуальных компьютерах – и в то же время волновался из-за них.

– Он не мог прекратить строить своих монстров…

– Приблизительно так, выражаясь рационально.

– Как далеко он продвинулся?

– Думаю, дальше, чем кто-либо мог себе даже представить, и, вероятно, это являлось еще одной причиной того, что Франс так скрытничал в отношении своей работы в «Солифоне». Он боялся, что его программа попадет в неправильные руки. Боялся даже того, что программа вступит в контакт с Интернетом и объединится с ним. Он назвал ее «Август», в честь сына.

– А где она сейчас?

– Он никогда шагу не ступал, не имея ее при себе. Наверное, когда его застрелили, она находилась у него возле кровати. Но самое ужасное, что полиция утверждает, будто там не было никакого компьютера.

– Я его тоже не видел. Правда, я был, в общем-то, сосредоточен на другом…

– Это наверняка было жутко.

– Возможно, вы знаете, что я еще видел преступника, – продолжил Микаэль. – Он нес на спине большой рюкзак.

– Звучит нехорошо… Если немного повезет, окажется, что компьютер всплыл где-нибудь в доме. Я разговаривала с полицией, только очень коротко, и у меня сложилось впечатление, что они пока еще не владеют ситуацией.

– Будем надеяться на лучшее. Вы имеете представление о том, кто похитил у него технологию в первый раз?

– Да, имею.

– Меня это очень интересует.

– Понимаю. Но самое печальное для меня в этой истории то, что я отчасти несу личную ответственность за заварившуюся кашу. Знаете, Франс работал на износ, и я волновалась, что он просто сломается. Он как раз тогда утратил право опеки над Августом…

– Когда это было?

– Два года назад, Франс бродил вокруг, как тень, и винил самого себя. Тем не менее бросить научную деятельность он не мог. Он набросился на работу так, будто кроме нее у него в жизни ничего не осталось, и поэтому я организовала ему нескольких ассистентов, чтобы они его немного разгрузили. Я выделила своих лучших студентов, хотя, конечно, знала, что они не святые. Однако они были амбициозны, талантливы и буквально боготворили Бальдера, и все казалось обнадеживающим. Но потом…

– Его обокрали.

– Он получил доказательство черным по белому, когда в августе прошлого года в американское патентное бюро поступила заявка на патент от «TrueGames». Там были скопированы и записаны все уникальные части

его технологии, и поначалу ребята, разумеется, подозревали, что их компьютеры хакнули. Сама я сразу отнеслась к этому скептически. Я ведь знала, на каком высоком уровне Бальдер все зашифровывал. Но поскольку любые другие объяснения казались невозможными, это стало отправной точкой, и какое-то время в хакерское вторжение, пожалуй, верил даже Франс. Но это, конечно, были глупости.

– Что вы говорите? – взволнованно воскликнул Микаэль. – Ведь вторжение в компьютеры подтвердили эксперты.

– Подтвердил какой-то идиот из Радиотехнического центра, которому хотелось показать свою значительность. Для Франса же это был лишь способ защитить своих парней, хотя боюсь, что на самом деле не только это. Я подозреваю, что ему к тому же хотелось поиграть в детектива. Как он мог быть так глуп! Понимаете…

Фарах поглубже вдохнула.

– Да? – произнес Микаэль.

– Недели две назад я обо всем узнала. Франс с маленьким Августом ужинали у меня, и я сразу почувствовала, что Франс хочет поделиться чем-то важным. Это прямо висело в воздухе, и уже после первых бокалов он попросил меня убрать мобильный телефон и говорить шепотом. Должна признаться, что поначалу я в основном возмущалась. Он снова завел песню о гениальном молодом хакере…

– О гениальном хакере? – уточнил Микаэль, стараясь, чтобы голос его звучал бесстрастно.

– О некоей девице. Он говорил о ней так много, что буквально просверлил мне в голове дырку. Не стану вас этим утомлять, но речь идет о девице, которая откуда ни возьмись появилась у него на лекции и болтала там о понятии сингулярности.

– Каким образом?

Фарах погрузилась в свои мысли.

– Ну… собственно говоря, это не имеет никакого отношения к делу, – ответила она наконец. – Но понятие «технологическая сингулярность» заимствовано из гравитационной сингулярности.

– А что это такое?

– Как я обычно говорю, сердце тьмы – то, что находится в глубине черных дыр и является конечной станцией всех наших познаний о Вселенной. Возможно, оттуда даже есть выходы в другие миры и эпохи. Многие рассматривают сингулярность как нечто совершенно иррациональное и полагают, что она обязательно должна быть защищена горизонтом событий. А эта девица искала квантово-механический подход и

утверждала, что вполне могут существовать голые сингулярности, без горизонтов событий… В общем, позвольте мне в это не углубляться. Однако она произвела на Франса большое впечатление, и он начал ей открываться, что, пожалуй, можно понять. Франсу редко доводилось встречать таких суперфанатов, с которыми он мог разговаривать на своем уровне; а поняв, что девушка является еще и хакером, Бальдер попросил ее исследовать их компьютеры. Все оборудование стояло тогда дома у одного из ассистентов, у парня по имени Линус Брандель.

Микаэль снова решил не рассказывать того, что ему известно.

– Линус Брандель, – лишь повторил он.

– Точно, – продолжила Фарах. – Девушка пришла к нему и выставила его из дому. Затем спокойно занялась компьютерами. Она не обнаружила абсолютно никаких признаков вторжения, но не удовольствовалась этим. У нее имелся список ассистентов Франса, и с компьютера Линуса она всех их хакнула и довольно быстро установила, что один из них продал его именно «Солифону».

– Кто?

– Франс не хотел рассказывать, как я на него ни давила. Но девушка явно позвонила ему прямо из квартиры Линуса. Франс тогда находился в Сан-Франциско… Можете себе представить: предан своими же! Я ожидала, что он сразу заявит на парня, лишит его чести и достоинства и устроит ему «красивую жизнь». Но у него возникла другая идея. Он попросил девушку сделать вид, будто действительно произошло вторжение.

– Зачем?

– Он не хотел, чтобы уничтожили какие-нибудь следы или доказательства. Ему хотелось подробнее разобраться в происшедшем, и, пожалуй, это можно понять, невзирая ни на что. Если одно из ведущих мировых предприятий по созданию программного обеспечения похитило и продало его технологию, это, конечно, серьезнее, чем если просто какой-то аморальный студент-говнюк действовал у него за спиною. «Солифон» ведь не только один из самых уважаемых исследовательских концернов США. К тому же люди оттуда год за годом пытались уговорить Франса поработать у них. «Эти подлецы обхаживали меня – и одновременно обкрадывали», – прошипел он.

– Подождите минутку, – попросил Микаэль. – Мне надо убедиться, что я все правильно понимаю. Значит, вы считаете, что он согласился работать в «Солифоне», чтобы узнать, зачем и как они его обокрали?

– Если я чему и научилась за прошедшие годы, так это тому, что понять мотивы людей не так-то легко. Зарплата, свобода и ресурсы

наверняка тоже имели определенное значение. Но в целом – да! Так, вероятно, и было. Еще до того, как эта девица исследовала его компьютеры, Франс сообразил, что в краже замешан «Солифон». Но девушка дала ему более детальную информацию, и тогда он начал всерьез копаться в этом дерьме. Конечно, это оказалось гораздо труднее, чем ему представлялось, он вызывал массу подозрений, и вскоре к нему стали на удивление плохо относиться, а он все больше сторонился остальных. Но Бальдер действительно кое-что нашел.

– Что?

– Тут ситуация становится чрезвычайно деликатной, и мне вообще-то не следовало бы вам об этом рассказывать.

– И тем не менее мы с вами беседуем.

– Да, тем не менее, – и не только потому, что я всегда очень уважала ваш журналистский труд. Утром меня осенило, что, возможно, Франс не случайно позвонил ночью вам, а не в Отдел промышленной защиты СЭПО, с которым тоже имел контакт. Думаю, он начал подозревать, что там существует утечка информации. Разумеется, это могла быть чистейшая паранойя – Франс проявлял все признаки мании преследования. Но все-таки позвонил он вам, и теперь я надеюсь, что в случае удачи сумею выполнить его волю.

– Понимаю.

– В «Солифоне» существует отдел, именуемый просто-напросто «Y», – продолжала Фарах. – Прообразом является «Google X», отдел «Гугла», где они занимаются тем, что называют *moonshots*[51], безумными нереалистичными идеями, – например, поисками вечной жизни или соединением поисковых машин с нейронами мозга. Если где-нибудь и достигнут AGI или ASI, то именно там, и Франса определили именно в отдел Y. Но все оказалось не так здорово, как звучало.

– Почему?

– Потому что от своей хакерши Франс узнал, что в отделе Y существует секретная группа аналитиков, исследующих внешнюю ситуацию, и руководит ею человек по имени Зигмунд Экервальд.

– Зигмунд Экервальд?

– Да, его еще называют Зеке.

– А кто это?

– Как раз тот человек, с которым общался предавший Франса ассистент.

– Значит, вором является Экервальд.

– Так вполне можно сказать. Вором на высоком уровне. Внешне работа

в группе Экервальда велась совершенно легитимно. Они обобщали данные о работе ведущих ученых и о многообещающих научных проектах. Подобной деятельностью занимаются все крупные компании, работающие с ультрасовременными технологиями. Всем хочется знать, что происходит и кого следует пригласить к себе. Но Бальдер понял, что эта группа идет дальше. Они не только исследовали, но и крали – при помощи хакерских атак, шпионажа, «подсадных уток» и взяток.

– Почему он на них не заявил?

– Не хватало доказательств. Они, естественно, действовали осторожно. Но под конец Франс все-таки пошел к владельцу, Николасу Гранту. Тот страшно возмутился и, по словам Бальдера, велел провести внутреннее расследование. Однако расследование ничего не дало, либо потому что Экервальд уничтожил доказательства, либо потому что расследование было просто игрой на публику. Франс оказался в жуткой ситуации. Вся злость обратилась на него. Думаю, роль движущей силы сыграл Экервальд, а втянуть остальных ему, вероятно, было нетрудно. Франса уже и так считали параноиком и вообще подозрительным типом, а теперь все начали от него постепенно отворачиваться. Я прямо вижу его в этой ситуации, – как он сидит там, проявляет все больше неприязни, действует наперекор всему и отказывается с кем-либо разговаривать.

– Значит, по-вашему, у него не было никаких веских доказательств?

– Ну, во всяком случае, у него имелось доказательство, полученное от хакерши: что Экервальд похитил его собственную технологию и продал ее дальше.

– Значит, это он знал наверняка?

– Похоже, вне всяких сомнений. Кроме того, он понял, что группа Экервальда работает не в одиночку. Группа пользовалась поддержкой извне – по всей видимости, американских служб безопасности, и еще…

Фарах остановилась.

– Да?

– Тут Франс проявлял бо́льшую скрытность, а может, просто довольно мало знал. Он говорил, что наткнулся на кодовое слово, обозначавшее человека, который являлся истинным руководителем, за пределами «Солифона». Кодовое слово было Танос.

– Танос?

– Именно. Франс сказал, что этого типа все очень боятся. Больше он ничего говорить не захотел. Утверждал, что когда до него доберутся адвокаты, ему, Франсу, потребуется страховка жизни.

– Вы сказали, что не знаете, кто из ассистентов его продал. Но вы

наверняка над этим размышляли, – поинтересовался Микаэль.

– Конечно, размышляла. И иногда… даже не знаю…

– Что?

– Мне думалось, не все ли вместе.

– Почему вы так говорите?

– Когда эти ребята начали работать у Франса, они были молодыми, талантливыми и амбициозными. А закончили нервными и уставшими от жизни. Возможно, Франс их просто загнал, или же их что-то мучило.

– У вас есть все имена?

– Конечно. Это же мои мальчики, хотя приходится говорить «к сожалению». Первым идет Линус Брандель, которого я уже упоминала. Ему сейчас двадцать четыре, и он просто болтается без дела, играет в компьютерные игры и слишком много пьет. Какое-то время у него была хорошая работа – разработчик игр в «CrossFire». Но он лишился ее, когда начал регулярно брать больничные и обвинять коллег в том, что они за ним шпионят. Дальше – Арвид Вранге, о котором вы, возможно, слышали. Он был когда-то многообещающим шахматистом. Его отец давил на него просто нечеловечески, и в конце концов Арвиду надоело, и он начал учиться у меня. Я надеялась, что он давно защитится. Но вместо этого парень болтается по питейным заведениям вокруг Стуреплан[52] и производит впечатление человека неприкаянного. У Франса он, правда, на какое-то время ожил. Но между мальчиками разгорелась дурацкая конкуренция, и Арвид с Басимом, третьим парнем, возненавидели друг друга – во всяком случае, Арвид ненавидел Басима. Басим Малик, пожалуй, на ненависть не способен, он чувствительный и талантливый человек. Год назад его приняли на работу в «Солифон Норден», но долго он там не выдержал. Сейчас Басим лежит в больнице в связи с депрессией. Кстати, сегодня утром мне звонила его мать, с которой я немного знакома, и рассказала, что его погрузили в сон. Узнав, что произошло с Франсом, он вскрыл себе вены, из-за чего я, конечно, очень переживаю. Вместе с тем меня, естественно, интересует: только ли от горя? Или еще от чувства вины?

– Как он сейчас себя чувствует?

– Чисто физически с ним все не так страшно… И последний, Никлас Лагерфельдт, он… что же мне сказать о нем? Он, во всяком случае, не такой, как остальные, глядя со стороны. Он не из тех, кто допивается до чертиков или решает причинить себе вред. У этого молодого человека имеются моральные барьеры против большинства пороков, даже против агрессивных компьютерных игр и порнографии. Он активно участвует в

деятельности Миссионерской церкви. Жена у него педиатр, и у них есть маленький сын по имени Йеспер. Кроме того, он является консультантом Государственной уголовной полиции – отвечает за компьютерную систему, которую начнут использовать после Нового года, а это означает, что его, конечно, проверяли. Правда, не знаю, насколько основательно.

– Почему вы так говорите?

– Потому что за внешней порядочностью скрывается мелкий алчный проходимец. Я случайно узнала, что он частично присвоил состояние тестя и жены. Он лицемер.

– Парней допрашивали?

– С ними разговаривали люди из СЭПО, но из этого ничего не вышло. Ведь в то время все думали, что компьютеры Франса действительно подверглись вторжению.

– Подозреваю, что теперь полиция будет их снова допрашивать.

– Думаю, да.

– Вы, кстати, не знаете, Бальдер много рисовал в свободное время?

– Рисовал?

– Я видел у него дома потрясающий рисунок, изображающий светофор – здешний, на перекрестке Хурнсгатан и Рингвэген. Он просто потрясающий, вроде моментального снимка в темноте.

– Звучит удивительно. Франс здесь раньше не бывал.

– Странно.

– Да…

– Что-то в этом рисунке не дает мне покоя, – сказал Микаэль и с удивлением почувствовал, что Фарах сжала его руку.

Он погладил ее по волосам. Затем встал с чувством, что сильно продвинулся вперед, попрощался и вышел на пешеходную дорожку.

По пути обратно к Цинкенсвэг Блумквист позвонил Эрике и попросил ее написать в «Ящик Лисбет» новый вопрос.

Глава 14

21 ноября

Уве Левин сидел в своем кабинете с видом на Шлюз и залив Риддарфьерден, и, по сути дела, ничем не занимался, кроме поисков в «Гугле» информации о самом себе, которая могла бы его порадовать. Однако вместо этого прочел – в блоге, написанном какой-то девицей из Высшей школы журналистики, – что он толстый слизняк, продавший свои идеалы, и пришел в такую ярость, что даже не смог занести ее имя в черную книгу лиц, которым никогда не видать работы в медиахолдинге «Сернер».

Левин был не в силах грузить мозг идиотами, которые ни черта не понимают в том, что требуется, и обречены всю жизнь, в лучшем случае, писать плохо оплачиваемые статейки «за культуру» в сомнительных журналах. Не зацикливаясь на деструктивных размышлениях, Уве зашел в свой интернет-банк и проверил портфель, что ему немного помогло – по крайней мере, поначалу. День на рынке выдался удачный. Накануне индексы «Насдак» и Доу-Джонса поднялись, и Стокгольмский индекс стоял на уровне +1,1 %. Доллар, на который он делал главную ставку, вырос, и его портфель, после последнего обновления секунду назад, оценивался в 12 161 389 крон.

Недурно для парня, который когда-то писал о пожарах и поножовщине в утреннем издании газеты «Экспрессен». Двенадцать миллионов плюс квартира в привилегированном районе Стокгольма и дом в Каннах! Пусть они там пишут в своих блогах что угодно. Зато у него надежное экономическое положение… Он проверил сумму еще раз. 12 149 101. Черт, неужели пошло вниз? 12 131 737. Он скорчил гримасу. У биржи вроде бы нет никаких причин для падения? Ведь цифры занятости были хорошими. Левин воспринял спад почти как личную обиду и против собственной воли начал снова думать о «Миллениуме», каким бы незначительным это дело ни казалось в данном контексте. Тем не менее он опять разволновался, и, как ни пытался вытеснить эти мысли, ему еще раз вспомнилось, как накануне вечером с выражением открытой враждебностью застыло красивое лицо Эрики Бергер, а утром стало и того хуже.

Его чуть не хватил удар. Микаэль Блумквист появился на всех сайтах, что было крайне неприятно. Не только потому, что Уве еще накануне с

такой радостью отмечал, что младшее поколение едва знает, кто такой Блумквист. К тому же он ненавидел логику СМИ, превращавших в звезд всех – журналистов, артистов и черт знает кого – только потому, что те попадали в передряги. Им бы следовало написать: вышедший в тираж Блумквист, которому даже не позволят остаться в собственном журнале, если только решать будут Уве и «Сернер Медиа». Но главное: не кто-нибудь, а Франс Бальдер…

Почему именно его убили на глазах у Микаэля Блумквиста? Так типично, так безнадежно… Хотя все эти тупые журналисты явно еще не врубились в ситуацию, Уве знал, что Франс Бальдер – крупная фигура. Не так давно принадлежавшая «Сернер» газета «Дагенс аффэрслив» в специальном приложении, посвященном шведской науке, даже снабдила его ценником: четыре миллиарда… как они только это вычислили? Но Бальдер, несомненно, являлся звездой, и главное, он вел себя, как Гарбо[53] – не давал никаких интервью, что, конечно, добавляло ему яркости.

Сколько вопросов задавали ему одни только журналисты «Сернер»… От стольких же он отказывался, или даже не отказывался, а просто не удостаивал ответом. Многие коллеги – Уве это знал – считали, что мужик скрывает потрясающий материал, и поэтому Левину был ненавистен факт, что Бальдер, по сведениям газет, захотел посреди ночи поговорить с Блумквистом. Неужели дело может обстоять так плохо, что Микаэль, посреди всех разборок, заполучил сенсацию? Это было бы слишком ужасно. Уве снова, почти с маниакальной навязчивостью, зашел на сайт газеты «Афтонбладет», и ему сразу попался на глаза заголовок:

ЧТО ХОТЕЛ ЗНАМЕНИТЫЙ ШВЕДСКИЙ УЧЕНЫЙ СКАЗАТЬ МИКАЭЛЮ БЛУМКВИСТУ?

Таинственный разговор прямо перед убийством

Статью иллюстрировала крупная фотография Микаэля, на которой тот отнюдь не казался располневшим. Проклятые редакторы, конечно, выбрали самый выигрышный снимок – по этому поводу Уве тоже слегка ругнулся. «Я должен что-то предпринять», – подумал он. Но что? Как можно остановить Микаэля, не вмешавшись, подобно старому восточнонемецкому цензору, и не навредив еще больше? Как же ему… Левин снова посмотрел на залив, и ему в голову пришла идея. «Уильям Борг, – подумал он. – Враг моего врага может стать моим лучшим другом».

– Санна! – закричал он.

Санна Линд была его молоденькой секретаршей.

– Слушаю, Уве?

– Закажи нам с Уильямом Боргом ланч в ресторане «Стурехоф»[54], немедленно. Если Борг занят, скажи ему, что это важно. Он сможет даже получить прибавку к зарплате, – сказал Уве и подумал: «Почему бы и нет? Если он согласится помочь мне в этой неразберихе, ему вполне можно будет немного подкинуть».

Ханна Бальдер стояла в гостиной на Торсгатан и с отчаянием смотрела на Августа, который опять вытащил бумагу и мелки, а Ханне было дано указание ему препятствовать, и ей это не нравилось. Не то чтобы она ставила под сомнение советы и компетентность психолога, но все-таки полной уверенности у нее не было. У Августа на глазах убили отца, и если ему хочется рисовать, почему его надо останавливать? Правда, ему от этого, похоже, действительно становилось плохо.

Начиная рисовать, он дрожал всем телом, и глаза у него светились интенсивным, мученическим светом, да и шахматные клетки, распространявшиеся и делившиеся в зеркалах, казались странным сюжетом, учитывая то, что произошло. Но что она, собственно, знает? Возможно, дело обстояло так же, как с его цепочками цифр. Хоть она в этом ничего не понимает, для него это наверняка имеет какое-то значение, и, может – как знать? – при помощи шахматных клеток он пытается пережить страшные события… Не наплевать ли ей на запрет? Ведь никто не узнает – а она где-то читала, что мать должна полагаться на свою интуицию. Внутреннее чувство часто оказывается лучшим орудием, чем любые психологические теории, и поэтому она решила, невзирая ни на что, позволить Августу рисовать.

Но вдруг спина мальчика напряглась, точно натянутый лук, и Ханна все-таки подумала о словах психолога, растерянно шагнула вперед и посмотрела на лист бумаги. И вздрогнула от сильного неприятного ощущения – правда, поначалу не поняла, почему.

Те же шахматные клетки, размножающиеся в двух окружающих их зеркалах, причем поразительно умело изображенные. Но там присутствовало и кое-что другое – тень, выраставшая из клеток, словно некое чудовище, призрак, и это до безумия напугало Ханну. Ей даже вспомнились фильмы о детях, в которых вселяются злые духи. Она выхватила у мальчика рисунок и поспешно скомкала его, сама толком не понимая, зачем. Потом закрыла глаза, ожидая опять услышать хриплый крик.

Но крика не последовало – только бурчание, даже похожее на слова.

Ведь этого не может быть! Мальчик же не разговаривает… Ханна приготовилась к припадку, к вспышке ярости, когда Август будет биться всем телом о пол гостиной. Однако припадка тоже не последовало. Сын молча и целеустремленно схватил новый лист бумаги и снова принялся рисовать те же шахматные клетки. И тогда Ханна, не видя иного выхода, просто отнесла Августа в его комнату. Потом она будет описывать это как чистый кошмар.

Мальчик пинался, кричал и вырывался, и Ханне едва удавалось его удерживать. Она долго лежала с ним в постели, крепко обхватив его руками, тоже готовая биться в истерике, и хотя она на мгновение задумалась, не разбудить ли Лассе и попросить его затолкать в Августа выданные им успокоительные таблетки, но быстро отбросила эту мысль. Лассе наверняка страшно разозлится, а сколько бы сама Ханна ни принимала «Валиум», давать детям успокоительное она терпеть не могла. Должен быть какой-то другой выход.

Она разрывалась на части, отчаянно перебирая возможности. Подумала о матери, живущей в Катринехольме[55], о своем агенте Мийе, о Габриэлле – приятной женщине, звонившей этой ночью, и опять о психологе, Эйнаре Форс… как-то там, который привез Августа. Он ей не слишком понравился. С другой стороны, психолог предлагал время от времени брать мальчика к себе, и в любом случае создавшаяся ситуация – его вина. Ведь это он сказал, что Августу нельзя рисовать, вот пусть теперь и разбирается…

Наконец отпустив сына, Ханна отыскала визитную карточку Эйнара и позвонила ему, а Август тем временем, естественно, бросился в гостиную, чтобы снова рисовать свои злосчастные шахматные клетки.

Эйнар Форсберг особенно большим опытом не обладал. Ему было сорок восемь лет, и благодаря глубоко посаженным голубым глазам, новеньким очкам от Диора и коричневому вельветовому пиджаку его легко можно было принять за человека умного. Однако все, кто пытался вступать с ним в дискуссии, знали, что в его образе мыслей присутствует нечто закоснелое и догматическое и что он часто прикрывает незнание заученными фразами и уверенными высказываниями.

К тому же диплом психолога Форсберг получил только два года назад. Первоначально он работал в пригороде учителем физкультуры, и если бы его бывших учеников спросили о нем, они, вероятно, дружно завопили бы: «Стадо, смирно! Копыта ровно!» Эйнар очень любил выкрикивать эти слова, как бы в шутку, когда хотел угомонить класс, и хотя никто из

мальчиков отнюдь не считал его любимым учителем, дисциплины он действительно добивался хорошей, и эта способность убедила Форсберга в том, что его психологические способности могут найти лучшее применение в других сферах деятельности.

Уже в течение года он работал в Центре помощи детям и молодежи под названием «О́дин», на Свеавэген в Стокгольме. «Один» оказывал неотложную помощь детям и молодежи, когда с ними не справлялись родители. Даже Эйнар – всегда с некоторой страстью защищавший свои рабочие места – считал, что центр работает не особенно хорошо. Там слишком много внимания уделяли выводу из кризисной ситуации и слишком мало заботились о перспективе пациентов. Дети попадали в центр после полученной дома травмы, и психологи были чересчур заняты борьбой с нервными срывами и проявлениями агрессии, чтобы разбираться в их первопричинах. Впрочем, Эйнар считал, что приносит пользу, особенно когда ему с помощью прежнего учительского авторитета удавалось угомонить истерических молодых людей или когда он справлялся с критическими ситуациями на местах.

Ему нравилось работать с полицией, и он очень любил напряжение и тишину, царившие в воздухе после драматических событий. Выезжая во время последнего ночного дежурства в дом в Сальтшёбадене, Форсберг был преисполнен волнения и ожиданий. Весь расклад, по его мнению, немного отдавал Голливудом. Убит шведский ученый, его восьмилетний сын оказался свидетелем, и не кому-нибудь, а ему, Эйнару, предстояло заставить мальчика открыться.

По пути он раз за разом поглядывал в зеркало заднего вида на свои волосы и очки – ему хотелось появиться стильно. Но, добравшись до места, особого успеха он не достиг. Мальчика Эйнар совершенно не понимал. Тем не менее он чувствовал, что все обратили на него внимание и сочли важным. Полицейские интересовались, как им допросить мальчика, и хотя Эйнар не имел об этом представления, его ответы воспринимались с уважением. Он еще немного подтянулся, изо всех сил постарался помочь – и узнал, что мальчик страдает инфантильным аутизмом и не разговаривает, или вообще не слишком восприимчив к окружающему миру.

«В настоящий момент мы ничего поделать не можем, – заключил он. – У него слишком слабые умственные способности. Как психолог, я должен ставить на первое место его потребности в уходе». И полицейские, выслушав его с серьезными минами, позволили ему отвезти мальчика домой к матери, что придало этой истории дополнительную пикантность.

Матерью оказалась Ханна Бальдер. Она понравилась Форсбергу еще

тогда, когда он увидел ее в фильме «Мятежники»; он помнил ее бедра и длинные ноги, и хотя она несколько постарела, но по-прежнему была привлекательной. Кроме того, ее теперешний муж – явно мерзавец, и Эйнар изо всех сил старался казаться компетентным и скромно очаровательным, и ему почти сразу представилась возможность проявить решительность, чем он особенно гордился.

Сын с откровенно безумным выражением принялся рисовать черно-белые кубики, и Эйнар сразу понял: нездоровое поведение. Дети-аутисты легко впадают в такую деструктивную поведенческую персеверацию, и он настоял на том, чтобы мальчик прекратил рисовать. Правда, приказ восприняли, вопреки его надеждам, без особой благодарности. Тем не менее он почувствовал себя способным действовать по-мужски и собирался было похвалить Ханну за «Мятежников», раз уж владел инициативой. Но потом посчитал, что случай все-таки неподходящий. Возможно, это было ошибкой.

В час дня Эйнар, наконец, приехал домой – в таунхаус, в Веллингбю[56] – и теперь стоял в ванной с электрической зубной щеткой в руках, чувствуя себя совершенно измотанным. Тут у него зазвонил мобильный телефон, и сперва он просто рассердился. Но затем все-таки улыбнулся – звонила Ханна Бальдер.

– Форсберг слушает, – светски ответил он.

– Алло, – произнесла она.

В ее голосе чувствовалось отчаяние и злость. Но он не понял, в чем дело.

– Август, – проговорила она. – Август…

– Что с ним?

– Он не желает ничего делать, кроме как рисовать шахматные клетки. Но вы ему это запретили.

– Да, да, это навязчивое поведение. Но успокойтесь…

– Как, черт возьми, я могу успокоиться?

– Мальчику необходимо ваше спокойствие.

– Но я не справляюсь. Он кричит и отбивается. Вы говорили, что сможете помочь.

– Да, – произнес Эйнар, поначалу с некоторым сомнением. Затем он просиял, словно одержал какую-то победу. – Безусловно, само собой. Я прослежу за тем, чтобы ему предоставили место у нас в центре «О́дин».

– Но это не будет предательством с моей стороны?

– Напротив, вы просто пойдете навстречу его потребностям, а я лично прослежу за тем, чтобы вам разрешили навещать его сколько угодно.

– Наверное, это все-таки лучший выход…

– Я совершенно убежден в этом.

– Вы приедете прямо сейчас?

– Буду там, как только смогу добраться, – ответил Форсберг, подумав, что прежде всего надо немного привести себя в порядок. Затем он на всякий случай добавил: – Я сказал, что вы мне очень понравились в «Мятежниках»?…

Уве Левин не удивился тому, что Уильям Борг уже ждал его в ресторане «Стурехоф», и еще меньше удивился тому, что тот заказал самое дорогое из имевшегося в меню: морской язык а-ля Меньер и бокал «Пуйи Фюме». Журналисты обычно не упускали случая, когда он приглашал их на ланч. Зато удивительным показалось то, что Уильям взял инициативу на себя так, будто деньги и власть находились в его руках, и это рассердило Уве. Зачем он сболтнул про повышение зарплаты? Ему следовало бы держать Уильяма в напряжении, чтобы тот сидел и покрывался потом.

– Одна птичка шепнула мне на ухо, что у вас проблемы с «Миллениумом», – сказал Борг.

Уве подумал: «Двинуть бы ему правой, чтобы сбить с лица эту самодовольную ухмылку».

– Тебя неверно информировали, – строго ответил он.

– Неужели?

– Мы держим ситуацию под контролем.

– Можно спросить, каким образом?

– Если редакция окажется готовой к переменам и способной понять собственные проблемы, мы будем поддерживать журнал.

– А если нет…

– Значит, мы выйдем оттуда, и тогда «Миллениум» едва ли продержится на плаву больше нескольких месяцев, что будет, разумеется, очень печально. Но так уж устроен рынок. Лопались журналы и получше «Миллениума», а для нас это было ничтожное вложение. Мы без него легко обойдемся.

– *Skip the bullshit*[57], Уве. Я знаю, что для тебя это вопрос престижа.

– Это просто бизнес.

– Я слышал, что вы хотите удалить из редакции Микаэля Блумквиста.

– Мы подумываем переместить его в Лондон.

– Пожалуй, это несколько бессовестно, учитывая все, что он сделал для журнала.

– Мы сделали ему шикарное предложение, – сказал Уве, чувствуя, что

зачем-то уныло обороняется. Он чуть ли не забыл о собственном деле.

– Я вас не обвиняю, – продолжал Уильям Борг. – Что до меня, то можете забросить его хоть в Китай. Но мне лишь любопытно, не возникнут ли у вас небольшие неприятности, если Микаэль Блумквист сейчас с помпой возродится благодаря истории с Франсом Бальдером?

– С чего бы ему возрождаться? Он же потерял форму. Ведь именно ты это подметил, причем со значительным успехом, – попытался подпустить сарказма Уве.

– Ну, мне, правда, немного помогли…

– Не я, можешь быть уверен. Я испытывал отвращение к той статье. Она казалась мне плохо написанной и тенденциозной. Травлю начал Торвальд Сернер, и ты это прекрасно знаешь.

– Но теперь, раз уж так получилось, ты едва ли полностью против подобного развития событий?

– Послушай-ка, Уильям. Я глубоко уважаю Микаэля Блумквиста…

– Тебе незачем играть со мной в политика, Уве.

Левину больше всего хотелось засунуть все политиканство Уильяму Боргу в глотку.

– Я просто открыт и честен, – сказал он. – И действительно всегда считал Микаэля потрясающим репортером… да, совсем другого калибра, чем ты и все остальные в его поколении.

– Вот как, – ответил Уильям Борг, внезапно присмирев, и Уве сразу почувствовал себя немного лучше.

– Да, так и есть. Нам следует быть благодарными за все разоблачения, подаренные нам Блумквистом, и я желаю ему всего хорошего, причем искренне. Но, к сожалению, должен сказать, что оглядываться назад и испытывать ностальгию в мою работу не входит, и поэтому я готов согласиться с тобой в том, что Блумквист идет слегка не в ногу со временем и может стать препятствием на пути обновления «Миллениума».

– Верно, верно.

– Поэтому думаю, было бы хорошо, чтобы вокруг него сейчас не поднималось слишком много шума.

– Ты имеешь в виду, в положительном смысле?

– Пожалуй, да, – продолжал Уве. – И, в частности, поэтому я пригласил тебя на ланч.

– Я, конечно, очень признателен. И думаю, у меня есть для тебя кое-что хорошее. Утром мне звонил бывший приятель по сквошу, – торопливо заговорил Борг, явно пытаясь вновь обрести прежнюю самоуверенность.

– И кто это?

– Рикард Экстрём, главный прокурор. Он возглавляет предварительное следствие по делу убийства Бальдера. И уж точно не принадлежит к фанатам Блумквиста.

– После истории с Залаченко?

– Именно. Блумквист спутал ему все карты, и теперь он волнуется, что Микаэль будет препятствовать – или, вернее, уже препятствует – этому расследованию.

– Каким же образом?

– Блумквист не говорит всего, что знает. Он разговаривал с Бальдером перед самым убийством и к тому же смотрел убийце прямо в лицо. Тем не менее он на удивление мало смог сообщить на допросе. Экстрём подозревает, что он приберегает самое увлекательное для собственной статьи.

– Интересно.

– А разве нет? Ведь речь идет о парне, который, после всех насмешек в СМИ, так отчаянно жаждет сенсации, что готов даже позволить убийце уйти от ответа. О бывшем знаменитом репортере, который, раз его журнал находится в финансовом кризисе, готов наплевать на всякую ответственность перед обществом. К тому же он только что узнал, что «Сернер Медиа» хочет вышвырнуть его из редакции. Разве странно, что он утратил чувство реальности?

– Я понимаю ход твоих мыслей. Ты собираешься об этом написать?

– Честно говоря, не думаю, что это удачная идея. Слишком хорошо известно, что мы с Блумквистом имеем друг на друга зуб. Вам бы лучше сдать эту информацию новостным репортерам и дать ей ход в ваших передовицах. Вы получите хорошие цитаты от Рикарда Экстрёма.

– Хм, – произнес Уве.

Он посмотрел на площадь Стуреплан и, увидев там красивую женщину в ярко-красном пальто и с длинными рыжими волосами, впервые за день широко и искренне улыбнулся.

– Пожалуй, идея все-таки неплохая, – добавил он и тоже заказал себе немного вина.

Микаэль Блумквист шел по Хурнсгатан в сторону площади Мариаторгет. Чуть впереди, возле церкви Марии Магдалины стоял белый автофургон с большой вмятиной на капоте, а рядом размахивали руками и кричали друг на друга двое мужчин. Но хотя эта ситуация привлекала внимание большинства окружающих, Микаэль ее почти не заметил.

Он думал о том, как сын Франса Бальдера сидел на втором этаже

большого дома в Сальтшёбадене и водил рукой по персидскому ковру. Ему вспомнилось, что рука была белой, с пятнами на пальцах и тыльной стороне ладони, словно от мелков или фломастеров, а само движение по ковру выглядело так, будто мальчик рисовал в воздухе что-то сложное – разве нет? Микаэль внезапно увидел всю сцену в новом свете и снова подумал о том же, что у Фарах Шариф: может, светофор нарисовал все-таки не Франс Бальдер?

Вероятно, мальчик обладал неожиданным и большим талантом, и почему-то Микаэля это удивило не настолько, как можно было ожидать. Уже когда Блумквист впервые встретился с Августом Бальдером в спальне, на первом этаже, и увидел, как тот бьется телом о спинку кровати, он почувствовал в мальчике нечто особенное. И сейчас, при переходе площади, Микаэля посетила странная мысль – наверняка далекая от реальности, но никак его не отпускавшая, – и, поднявшись на «горбушку» Гётгатан, он остановился.

Ему требовалось по крайней мере проверить эту мысль, поэтому он достал мобильный телефон и принялся искать номер Ханны Бальдер. Ее номер оказался засекречен, и едва ли он мог присутствовать в телефонной книжке «Миллениума». Что же делать? Микаэль подумал про Фрейю Гранлиден. Она работала репортером светской хроники в газете «Экспрессен», и нельзя сказать, чтобы ее статьи делали честь их общей профессии. Речь в них шла о разводах, романах и жизни королевской семьи. Однако девушка отличалась сообразительностью и за словом в карман не лезла, и в те разы, что они встречались, время они проводили весело, поэтому Микаэль набрал ее номер. Телефон, конечно, оказался занят – репортеры вечерней прессы теперь висели на телефоне нон-стоп. Их так поджимало время, что они никогда не успевали оторваться от стульев и взглянуть на то, как все выглядит в действительности. Они просто сидели на своих местах и строчили тексты. Но под конец Блумквист все-таки поймал ее – и ничуть не удивился тому, что Фрейя издала радостный вопль.

– Микаэль! – воскликнула она. – Какая честь! Не собираешься ли ты, наконец, подкинуть мне сенсацию? Я уже заждалась…

– Сорри. На этот раз *тебе* придется мне помочь. Мне нужен один адрес и номер телефона.

– А что мне за это будет? Может, классная цитата о том, что ты выкинул ночью?

– Я могу дать тебе несколько профессиональных советов.

– Например?

– Кончай писать ерунду.

– Ха, а кто же тогда будет снабжать качественных журналистов необходимыми телефонами? Кто тебе нужен?

– Ханна Бальдер.

– Догадываюсь, почему… Ее парень явно был вчера здорово пьян. Вы с ним там встретились?

– Кончай забрасывать удочки. Ты знаешь, где она живет?

– На Торсгатан, сорок.

– Ты можешь сказать такое вот так запросто, прямо с ходу?

– У меня отличная память на ерунду… Погоди минутку, тогда получишь еще код парадного и номер телефона.

– Спасибо.

– Но…

– Да?

– Ее ищешь не только ты. Наши собственные ищейки тоже за нею гоняются, и, насколько я знаю, она весь день не отвечает по телефону.

– Мудрая женщина.

Микаэль постоял на улице несколько секунд, раздумывая, что ему предпринять. Ситуация ему откровенно не нравилась. Гоняться за несчастными матерями вместе с репортерами уголовной хроники вечерних газет едва ли было в этот день пределом его мечтаний. Тем не менее он, махнув рукой, остановил такси и двинулся в район Васастан.

Ханна Бальдер поехала вместе с Августом и Эйнаром Форсбергом в центр «О́дин», располагавшийся на Свеавэген напротив Обсерваторского парка. Центр состоял из двух больших квартир, объединенных вместе, и хотя в обстановке и прилегающем дворе присутствовало ощущение чего-то личного и уютного, он все-таки немного напоминал психиатрическую лечебницу – наверное, не столько из-за длинного коридора и закрытых дверей, сколько из-за сурового, настороженного выражения лиц персонала. Казалось, у сотрудников развилась определенная подозрительность по отношению к детям, за которых они отвечали.

Директор центра Торкель Линден – невысокий, тщеславный мужчина – утверждал, что имеет большой опыт работы с детьми-аутистами, что, конечно, внушало доверие. Правда, Ханне не понравилось то, как он смотрел на Августа, и вообще здешнее распределение по возрасту. Она видела подростков вперемежку с малышами. Но ей подумалось, что менять решение поздно, и по пути домой она утешала себя мыслью, что это только на короткое время. Может, забрать Августа уже сегодня вечером?

Ханна глубоко погрузилась в размышления – думала о Лассе, его пьянках и опять о том, что надо бросить его и заняться собственной жизнью. Выйдя из лифта на Торсгатан, она вздрогнула. На площадке лестницы сидел привлекательный мужчина и что-то писал в блокноте. Когда он встал и поздоровался с нею, она увидела, что это Микаэль Блумквист, и ей стало страшно. Возможно, ее мучило сознание вины, и ей подумалось, что он собирается ее разоблачить… Глупости, конечно. Он только смущенно улыбался, дважды попросив прощения за беспокойство, и Ханна не могла не испытать большое облегчение. Она уже давно восхищалась им.

– Я не даю никаких комментариев, – сказала женщина голосом, намекавшим на обратное.

– А мне они и не нужны, – ответил Блумквист.

Тут она вспомнила, что сегодня ночью они с Лассе приехали к Франсу вместе – или, во всяком случае, одновременно, – хотя никак не могла понять, что у них общего; напротив, в этот момент они казались ей полной противоположностью друг друга.

– Вам нужен Лассе? – спросила Ханна.

– Я хотел бы узнать о рисунках Августа, – сказал он, и тут она ощутила приступ паники.

Тем не менее Ханна позволила ему войти. Наверняка это было неосмотрительно: ведь Лассе побежал лечить похмелье в какой-то кабак поблизости и мог вернуться в любую минуту, а увидев у них дома журналиста такого калибра, он просто взбесится. Однако Ханна не только беспокоилась, но и испытывала любопытство. Откуда, черт возьми, Блумквист узнал про рисунки? Она пригласила его сесть на серый диван в гостиной, а сама пошла на кухню и приготовила чай с сухариками. Когда женщина вернулась с подносом, Микаэль сказал:

– Я бы не побеспокоил вас, если б это не было совершенно необходимо.

– Вы мне не помешали, – ответила она.

– Понимаете, я встретился с Августом этой ночью, – продолжил журналист, – и все время мысленно к этому возвращаюсь.

– Неужели? – удивилась Ханна.

– Тогда я этого не понял. Но у меня возникло ощущение, будто он хотел нам что-то сказать, и задним числом я стал думать, что он хотел рисовать. Он так целеустремленно водил рукой по полу…

– Август был одержим этим.

– Значит, он продолжал и дома?

– Не то слово! Он начал рисовать, едва войдя в квартиру. Рисовал просто маниакально, но получалось действительно потрясающе красиво. Правда, он ужасно раскраснелся и тяжело дышал, и присутствовавший здесь психолог сказал, что Август должен немедленно прекратить. Он счел его действия навязчивыми и деструктивными.

– Что рисовал ваш сын?

– Ничего особенного; я предполагаю, что его вдохновил пазл. Но рисовал он очень умело – с тенями, перспективой и тому подобным.

– Но что именно он рисовал?

– Клеточки.

– Какие клеточки?

– Думаю, шахматные клетки, – ответила она, и, возможно, ей это только показалось, но она вроде бы уловила в глазах Микаэля Блумквиста напряжение.

– Просто шахматные клетки? – уточнил он. – И ничего больше?

– Еще зеркала. Шахматные клетки, отражавшиеся в зеркалах.

– Вы бывали у Франса дома? – спросил он с какой-то новой резкостью в голосе.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что пол в спальне, где его убили, как раз состоит из шахматных клеток, отражающихся в зеркалах платяного шкафа.

– О, нет!

– Почему вы так реагируете?

– Потому что…

Ханну захлестнула волна стыда.

– Потому что последнее, что я видела перед тем, как вырвала у него рисунок, была грозная тень, выраставшая из этих клеток.

– Рисунок у вас здесь?

– Да… или нет.

– Нет?

– Боюсь, я его выбросила.

– Ну, надо же!..

– Но, возможно,…

– Что?

– Он еще валяется среди мусора.

Вымазав руки в кофейной гуще и йогурте, Микаэль Блумквист вытащил из пакета с мусором скомканный лист бумаги и осторожно развернул его на столе возле раковины. Тыльной стороной ладони он

очистил рисунок и стал рассматривать его при свете точечных лампочек под кухонной вытяжкой. Рисунок был еще далеко не закончен и действительно, как сказала Ханна, состоял в основном из шахматных клеток, увиденных сверху и сбоку; человеку, не побывавшему в спальне Бальдера, наверняка было трудно понять, что это пол. Но Микаэль сразу узнал справа зеркала платяного шкафа; узнал он также и темноту – особую темноту, встретившую его ночью.

Ему даже показалось, будто его вернули обратно в тот миг, когда он влез через разбитое окно, за исключением одной маленькой важной детали. Комната, в которую попал Микаэль, была почти совершенно темной. На рисунке же виднелся тоненький конус света, который шел под углом, откуда-то сверху, распространялся по клеткам и придавал контуры тени, не слишком отчетливой и выразительной, но, возможно, именно поэтому казавшейся такой зловещей. Тень протягивала руку, и Микаэль, смотревший на рисунок совсем другими глазами, чем Ханна, без труда понял, что представляла собой эта рука. Она хотела убить. А над шахматными клетками и тенью виднелось еще не дорисованное лицо.

– Где сейчас Август? – спросил Микаэль. – Он спит?

– Нет. Он…

– Что?

– Я его временно отдала. Честно говоря, мне было с ним не справиться.

– Где он?

– В Центре помощи детям и молодежи «О́дин», на Свеавэген.

– Кто знает о том, что он там?

– Никто.

– Значит, только вы и персонал…

– Да.

– Пусть так и остается. Извините, я на минутку…

Микаэль достал мобильный телефон и позвонил Яну Бублански. В голове он уже сформулировал еще один вопрос для «Ящика Лисбет».

Ян Бублански нервничал. Расследование топталось на месте, им не удалось обнаружить ни «Блэкфон», ни ноутбук Франса Бальдера, и поэтому они, несмотря на обстоятельные беседы с оператором, не смогли установить его контакты с внешним миром или даже получить представление о его юридических процессах.

Бублански считал, что пока у них есть лишь одни дымовые завесы и стандартные подходы, и нет почти ничего, кроме того, что какой-то воин

ниндзя быстро и результативно появился – и исчез в темноте. Вообще, операция казалась чересчур идеальной, будто ее исполнителю были чужды обычные человеческие недостатки и противоречия, которые всегда угадываются в общей картине убийства. Здесь же все выглядело каким-то клинически чистым, и Бублански не мог отделаться от мысли, что для преступника это был просто обычный рабочий день. Об этом и разном другом он и размышлял, когда ему позвонил Микаэль Блумквист.

– О, привет, – сказал Бублански. – Мы как раз о тебе говорили. Нам хочется – как можно скорее – снова допросить тебя.

– Конечно, пожалуйста, – ответил Блумквист. – Но сейчас я хочу поделиться более срочной информацией. Свидетель, Август Бальдер, является савантом.

– Что это значит?

– Мальчик, возможно, страдающий тяжелой формой умственной отсталости, но тем не менее обладающий совершенно особым талантом. Он рисует, как художник, с удивительной математической точностью. Вы видели изображения светофора, лежавшие на кухонном столе в Сальтшёбадене?

– Да, просматривали. Ты хочешь сказать, что их рисовал не Франс Бальдер?

– Отнюдь. Это сделал мальчик.

– Но работы выглядели невероятно зрелыми…

– Однако они принадлежат мальчику. А сегодня утром он уселся и нарисовал шахматные клетки на полу в спальне Бальдера… и не только их. Он изобразил еще луч света и тень. Лично я думаю, что это тень преступника и свет от его фонарика на лбу. Но точно пока ничего сказать нельзя. Мальчику не дали дорисовать.

– Ты шутишь?

– Сейчас едва ли подходящее время для шуток.

– Откуда ты это знаешь?

– Я дома у его матери, Ханны Бальдер, на Торсгатан, сижу и смотрю на рисунок. Но мальчика здесь нет. Он в… – Журналист, казалось, заколебался. – Я не хочу больше ничего рассказывать по телефону, – добавил он.

– Ты сказал, что мальчику не дали дорисовать?

– Ему запретил рисовать психолог.

– Как можно запретить что-то подобное?

– Психолог, очевидно, не понял, *что* изображают рисунки. Он посчитал это навязчивым действием. Я бы рекомендовал вам немедленно

прислать сюда людей. И у вас будет свидетель.

– Сейчас едем. Тогда нам к тому же представится случай немного поговорить с тобою.

– Я, к сожалению, уже ухожу. Мне надо обратно в редакцию.

– Я бы предпочел, чтобы ты немного задержался… но я понимаю. И, послушай…

– Да?

– Спасибо!

Ян Бублански положил трубку, вышел из кабинета и проинформировал о новых обстоятельствах дела всю группу. Что позднее окажется ошибкой…

Глава 15

21 ноября

Лисбет Саландер находилась в шахматном клубе «Курильщик» на Хэльсингсгатан. Играть ей не хотелось. Болела голова. Лисбет весь день охотилась, и охота привела ее сюда. Еще когда она поняла, что Франса Бальдера предали свои, она пообещала ему оставить предателей в покое. Такая стратегия ей не нравилась. Но она держала слово и только в связи с убийством посчитала себя свободной от обещания.

Теперь она собиралась действовать по-своему. Но это оказалось не совсем просто. Дома Арвида Вранге не было, но звонить ему Лисбет не хотела, а предпочитала ворваться в его жизнь, как молния, и поэтому бродила в поисках, натянув на голову капюшон. Арвид вел жизнь бездельника. Однако, как и у многих других ему подобных, в его образе жизни присутствовала определенная рутина, и благодаря снимкам, которые он выложил в «Инстаграме» и «Фейсбуке», Лисбет все-таки установила кое-какие «явки»: рестораны «Рич» на Биргер-Ярлсгатан и «Театергриллен» на Нюбругатан, шахматный клуб «Курильщик», кафе «Риторно» на Оденгатан и некоторые другие, тир на Фридхемсгатан и адреса двух подружек. С тех пор как она в последний раз направляла на него свой радар, Арвид Вранге изменился.

Он не только полностью очистил внешность от фанатизма. Уровень его морали тоже опустился. Лисбет, правда, не слишком доверяла психологическим теориям, но тем не менее смогла констатировать, что первое крупное нарушение повлекло за собой ряд новых. Арвид больше не был амбициозным и любознательным студентом. Теперь он ползал по порносайтам на грани злоупотребления и покупал через Интернет секс в жесткой форме. Две или три женщины потом грозились на него заявить.

Вместо компьютерных игр и AI-исследований Вранге интересовался проститутками и алкоголем. У парня явно водились деньги. Присутствовали у него явно и кое-какие проблемы. Не далее как этим утром он заходил на сайт «Защита свидетелей, Швеция», что было, конечно, неосторожно. Даже если он долго не имел контактов с «Солифоном» – по крайней мере, через свой компьютер, – они наверняка держали его под наблюдением. Иначе это было бы непрофессионально. Возможно, под новой светской оболочкой у него пошла какая-то

внутренняя ломка, что, конечно, хорошо. Это отвечало целям Лисбет, и когда она вновь позвонила в шахматный клуб – шахматы, похоже, оставались единственным связующим звеном Арвида с прошлой жизнью, – ей неожиданно сообщили, что Вранге только что прибыл.

Поэтому она спустилась по маленькой лестнице на Хэльсингегатан и прошла по коридору в серое, обветшалое помещение, где, разбросанная по разным углам, сидела за шахматными досками кучка мужчин, преимущественно пожилых. Атмосфера была сонной, и никто не обратил внимания на появление Лисбет и не удивился ее присутствию. Все занимались своим делом; слышались только щелчки шахматных часов и отдельные ругательства. На стенах висели фотографии Каспарова, Магнуса Карлсена, Бобби Фишера и даже юного, прыщавого Арвида Вранге, игравшего с Юдит Полгар.

Арвид в иной, взрослой версии сидел за столом в глубине направо и, похоже, пробовал какое-то новое начало партии. Возле него стояли два больших пакета с покупками. На нем были желтый кашемировый джемпер со свежевыглаженной белой рубашкой и сверкающие английские туфли. В этой обстановке он казался чуть слишком шикарным, и, подойдя к нему осторожными, неуверенными шагами, Лисбет спросила, не хочет ли он с ней сыграть. В ответ Вранге оглядел ее с головы до ног.

– О’кей, – сказал он затем.

– Очень любезно с твоей стороны, – ответила Саландер, как воспитанная девочка, и села, не говоря больше ни слова.

Когда она начала пешкой на d4, он ответил ходом на d5 – польский гамбит, – после чего Лисбет закрыла глаза, предоставив ему вести игру.

Арвид Вранге пытался сконцентрироваться на игре, но получалось неважно. Кроме того, эта девица-панк была далеко не звездой. Играла она в принципе неплохо – вероятно, очень увлекалась шахматами. Но на этом далеко не уедешь. Он играл с нею, как с ребенком, и ей это наверняка импонировало. Как знать, может, потом удастся прихватить ее домой… Правда, вид у нее был мрачный, а мрачных девиц Арвид не любил. Впрочем, у нее клёвые сиськи, и он, пожалуй, смог бы выместить на ней все свое раздражение… Новость об убийстве Франса Бальдера буквально добила его.

Но испытал он не столько горе, сколько страх. Сам себе Арвид Вранге, конечно, упорно доказывал, что поступил правильно. Чего мог ожидать этот проклятый профессор, если обращался с ним, как с пустым местом? Естественно, получится некрасиво, если выйдет наружу, что Арвид его

продал, и самое ужасное, что наверняка существует связь… Какая именно связь, он не понимал и утешал себя тем, что такой идиот, как Бальдер, наверняка обзавелся тысячами врагов. Но где-то в глубине души Вранге знал: одно событие связано с другим, и это его до смерти пугало.

С тех самых пор как Франс приступил к работе в «Солифоне», Арвид волновался, что драма приобретет новый тревожный оборот, и теперь ему хотелось только, чтобы все исчезло, и, конечно, поэтому он с утра отправился в город, с маниакальной навязчивостью накупил массу брендовой одежды и под конец попал в шахматный клуб. Шахматы иногда по-прежнему отвлекали его от дурных мыслей, и Вранге уже действительно чувствовал себя немного лучше. Он ощущал, что владеет ситуацией и достаточно ловок для того, чтобы продолжать их всех обманывать. Взять хотя бы, как он играет, – притом что девица не из слабых… Напротив, в ее игре присутствовало нечто особенное, креативное, и она, пожалуй, задала бы жару большинству присутствующих. Но он-то, Арвид Вранге, ее разбивал. Играл так умно и изысканно, что она даже не замечала, что он подбирается к ее ферзю. Потихоньку продвигая свои фигуры вперед, Вранге забрал у нее ферзя, не пожертвовав ничем, кроме пешки, и откровенно флиртующим тоном, который наверняка ей понравился, произнес:

– Sorry baby. Your Queen is down![58]

Однако он ничего не получил в ответ – ни улыбки, ни единого слова, ничего. Девушка только взвинтила темп, словно хотела побыстрее покончить с унижением. Почему бы и нет? Он с удовольствием укоротит процесс, пригласит ее выпить где-нибудь по паре бокалов, а потом трахнет. В постели он, возможно, не будет с нею слишком миндальничать. Тем не менее она, вероятно, его потом поблагодарит. Эта мрачная телка наверняка давно не занималась сексом и, скорее всего, вообще не знала таких крутых парней, как он, – играющих в шахматы на таком уровне. Арвид решил устроить ей спектакль и объяснить шахматную теорию более высокого класса…

Однако из этого ничего не получилось. Что-то вроде пошло не так. Вранге начал встречать какое-то непонятное сопротивление в игре, какую-то новую неподатливость. Он долго внушал себе, что это лишь игра воображения или результат нескольких неосторожных ходов с его стороны; стоит ему только сконцентрироваться, как все наверняка встанет на свои места. Поэтому он мобилизовал весь свой инстинкт киллера. Но становилось только хуже. Арвид чувствовал себя запертым, и как он ни старался, девчонка парировала все его выпады. Наконец ему пришлось

признать, что расстановка сил безвозвратно изменилась, как это ни невероятно. Он забрал ее ферзя, но вместо того, чтобы нарастить преимущество, оказался в невыигрышном положении. Что произошло? Не могла же она просто пожертвовать ферзем? На такой ранней стадии? Это невозможно. О подобном читают в книгах, но такое не воплощают в жизнь в районных шахматных клубах, тем более девицы-панки с пирсингом и поведенческими проблемами, особенно в игре против такого великого шахматиста, как он…

Тем не менее спасения уже не было. Через четыре-пять ходов его победят, поэтому Арвид не видел иного выхода, как уронить указательным пальцем своего короля и пробормотать слова поздравления. И хотя ему хотелось пуститься в отговорки, что-то подсказывало ему, что это только усугубит ситуацию. Тут он почувствовал, что нынешнее поражение не было следствием каких-то злосчастных обстоятельств, и, сам того не желая, снова испугался. Кто она, черт возьми, такая?

Вранге осторожно посмотрел ей в глаза. Теперь телка уже больше не выглядела мрачной, слегка неуверенной и невзрачной. Сейчас она казалась ему леденяще холодной – словно хищник, рассматривающий свою добычу, и его пронзило острое неприятное чувство, будто поражение на доске являлось лишь прелюдией к чему-то гораздо худшему. Арвид бросил взгляд на дверь.

– Ты никуда не пойдешь, – сказала она.

– Кто ты такая? – спросил он.

– Так, ничего особенного.

– Значит, мы уже встречались?

– Не напрямую.

– Но почти или?

– Мы встречались в твоих кошмарах, Арвид.

– Ты шутишь?

– Не особенно.

– Тогда что ты имеешь в виду?

– А как ты думаешь?

– Откуда мне знать?

Вранге не мог понять, почему ему так страшно.

– Сегодня ночью убили Франса Бальдера, – монотонно продолжала телка.

– Да… ну… я об этом читал. – Он едва выговаривал слова.

– Ужасно, правда?

– Действительно.

– Особенно для тебя, не так ли?

– Почему это должно быть особенно ужасно для меня?

– Потому что ты его предал, Арвид. Ты коснулся его поцелуем Иуды.

Арвид остолбенел.

– Ерунда, – выдавил он.

– Отнюдь. Я хакнула твой компьютер, взломала твой шифр и увидела это очень отчетливо. И знаешь что? – не унималась она.

Ему стало трудно дышать.

– Я уверена, что, проснувшись сегодня утром, ты задумался, не ты ли виноват в его смерти. Я могу тебе подсказать. Это твоя вина. Не будь ты таким алчным, озлобленным и ничтожным и не продай его технологию «Солифону», Франс Бальдер был бы жив. И должна предупредить тебя, Арвид, что это приводит меня в ярость. Я причиню тебе колоссальный вред. Для начала подвергну тебя такому же обращению, какое доводится испытывать женщинам, которых ты находишь в Сети…

– Ты что, совсем чокнутая?

– Вероятно, да, немного, – ответила девица. – Лишена сострадания. Чрезмерно жестокая. Что-то в этом роде.

Она схватила его за руку с силой, напугавшей его до безумия.

– Так что, честно говоря, Арвид, твои дела плохи. А знаешь, чем я сейчас занимаюсь? Знаешь, почему я кажусь рассеянной? – продолжала она.

– Нет.

– Сижу и пытаюсь придумать, что с тобою сделать. Я думаю о чисто библейском страдании. Поэтому я немного рассеянна.

– Чего ты хочешь?

– Хочу отомстить, разве тебе еще не ясно?

– Ты несешь чепуху.

– Вовсе нет, и полагаю, ты это тоже знаешь. Но вообще-то, имеется выход.

– Что я должен сделать?

Вранге не понимал, почему так сказал. «Что я должен сделать?» Это прозвучало почти как согласие, капитуляция, и он обдумывал, не взять ли ему свои слова обратно и надавить на нее, чтобы посмотреть, есть ли у нее вообще какие-нибудь доказательства, или же она просто блефует. Но он не смог – и лишь потом понял, что не только из-за брошенных ею угроз или даже жуткой силы ее рук.

Дело было в шахматной партии и жертве ферзя. Арвид пребывал от этого в шоке, и что-то в подсознании говорило ему, что девушка, играющая

таким образом, должна иметь и доказательства в отношении всех его тайн.

– Что я должен сделать? – повторил он.

– Ты сейчас выйдешь со мной отсюда, а потом все расскажешь, Арвид. Ты расскажешь, при каких именно обстоятельствах продал Франса Бальдера.

– Это чудо, – произнес Ян Бублански, стоя на кухне дома у Ханны Бальдер и рассматривая помятый рисунок, который вытащил из мусора Микаэль Блумквист.

– Не заходись так, а то лопнешь, – сказала стоявшая с ним рядом Соня Мудиг, и была, разумеется, права.

Ведь это все-таки не многим более, чем несколько шахматных клеток на листе бумаги, и в точности, как отметил по телефону Микаэль, в работе присутствовало нечто удивительно математическое, будто мальчика больше интересовали геометрия клеток и удвоения в зеркалах, чем грозная тень над ними. Тем не менее Бублански продолжал переживать. Ему раз за разом говорили о том, насколько слабоумен Август Бальдер и как мало он сможет им помочь. А мальчик создал рисунок, дававший Бублански больше надежд, чем что-либо другое в данном расследовании, и это захватило его и укрепило в старом представлении, что нельзя никого недооценивать или зацикливаться на предвзятых суждениях.

Конечно, они даже точно не знали, действительно ли Август Бальдер пытался поймать мгновение убийства. Тень могла – по крайней мере, теоретически – относиться к другому случаю, и не было никаких гарантий того, что мальчик видел лицо убийцы или смог бы его нарисовать. И тем не менее… В глубине души Ян Бублански в это верил, и не только потому, что рисунок уже в нынешнем состоянии был виртуозным.

Бублански уже изучал другие рисунки, даже сделал копии и взял их с собой, и на них виднелись не только переход и светофор, но и потрепанный мужчина с узкими губами, которого, с чисто полицейской точки зрения, застигли на месте преступления. Мужчина явно шел на красный свет, а его лицо было не просто мастерски схвачено. Аманда Флуд из его группы мгновенно опознала в нем бывшего безработного артиста Рогера Винтера, который был осужден и за вождение в нетрезвом виде, и за избиения.

Фотографическая точность взгляда Августа Бальдера должна быть просто мечтой для любого, кто расследует убийство. Впрочем, Бублански, естественно, понимал, что предаваться слишком большим надеждам непрофессионально. Возможно, убийца был в маске, или его лицо уже стерлось в памяти ребенка. Существовал целый ряд возможных сценариев,

и Бублански посмотрел на Соню Мудиг с некоторой грустью.

– Ты считаешь, что я просто размечтался? – спросил он.

– Для человека, который начал сомневаться в Боге, ты подозрительно легко распознаешь чудо.

– Возможно.

– Но нам определенно стоит проверить все до конца. С этим я согласна, – сказала Соня Мудиг.

– Хорошо, тогда давай встретимся с мальчиком.

Бублански вышел из кухни и кивнул Ханне Бальдер, которая задумчиво сидела на диване в гостиной, перебирая какие-то таблетки.

Саландер и Вранге вошли в парк Васапаркен под руку, как старые знакомые. Однако их вид был, разумеется, обманчив. Лисбет подвела перепуганного Арвида к скамейке. Погода не слишком располагала к тому, чтобы сидеть на улице и кормить голубей. Снова задул ветер, температура поползла вниз, и Арвид мерз. Но Лисбет посчитала, что скамейка вполне сойдет, крепко обхватила его руку и проследила за тем, чтобы он сел.

– Ну, – сказала она. – Давай не будем затягивать.

– Ты не выдашь мое имя?

– Я ничего не обещаю, Арвид. Но у тебя очень существенно повысятся шансы вернуться к твоей убогой жизни, если ты расскажешь.

– О’кей. Ты знаешь Даркнет?

– Знаю, – ответила она.

Это было еще мягко сказано. Никто не знал Даркнет лучше Лисбет Саландер. Сеть Даркнет являлась незаконным подвидом Интернета. Туда никак не попасть без особой зашифрованной программы. Анонимность пользователя гарантируется. Тебя нельзя найти через поисковики или проследить твои действия. Поэтому сеть Даркнет полна торговцев наркотиками, террористов, сутенеров и черных хакеров. Нигде в цифровом пространстве не происходит столько грязных дел, как там. Если интернетовский ад и существует, то именно там.

Но сама по себе сеть Даркнет злом не является. Уж кто-кто, а Лисбет это знала. Сегодня, когда шпионские организации и крупные компании, занимающиеся программным обеспечением, отслеживают каждый наш шаг в Интернете, многим честным людям тоже требуется место, где их никто не видит, и поэтому Даркнет стал также прибежищем диссидентов, разоблачителей и тайных источников оперативной информации. Здесь оппозиционеры могут высказываться и протестовать, не боясь реакции своих правительств, и здесь Лисбет Саландер предпринимала свои самые

тайные исследования и атаки.

Так что, да, она знала сеть Даркнет. Ей были знакомы ее сайты, поисковики и слегка устаревший, медлительный организм далеко за пределами известной, видимой части Сети.

– Ты выставил технологию Бальдера на продажу в Даркнет? – спросила она.

– Нет-нет, я просто бесцельно ползал по «сетке». Я пребывал в ярости. Знаешь, Франс со мною едва здоровался. Он обращался со мной, как с пустым местом; да и, честно говоря, собственная технология его тоже не волновала. Ему хотелось только проводить с ее помощью исследования, а не заботиться о ее применении. Мы же понимали, что на технологии можно заработать кучу денег и что мы все можем разбогатеть. Но ему было наплевать на это – он хотел только играть и экспериментировать с нею, как ребенок. И однажды, изрядно выпив, я забросил на сайт компьютерщиков-фанатов вопрос: «Кто может заплатить за революционную AI-технологию?»

– И получил ответ.

– Не сразу. Я даже успел забыть о своем вопросе. Однако в конце концов мне ответил кто-то, называвший себя Богги, и стал задавать вопросы, причем компетентные, и поначалу я отвечал до идиотизма неосторожно, будто просто играл в какую-то глупую игру. Но потом вдруг осознал, что здорово запутался, и безумно испугался, что Богги похитит технологию.

– И оставит тебя с носом.

– Я ведь не понимал, в какую рискованную игру полез. Подозреваю, что это классика. Чтобы продать технологию Франса, я был вынужден о ней рассказывать. Но стоило мне рассказать слишком много, как я ее потерял бы. А Богги мне просто дьявольски льстил. Под конец он точно знал, где мы сидим и с каким программным обеспечением работаем.

– Он собирался вас хакнуть.

– Вероятно. И еще он окольными путями разузнал, как меня зовут, и это меня окончательно добило. Я запаниковал и заявил, что хочу выйти из игры. Но было уже поздно. Богги мне не угрожал – во всяком случае, прямо. Он в основном твердил, что мы с ним сможем вместе проворачивать большие дела и зарабатывать массу денег, и в конце концов я согласился встретиться с ним в Стокгольме, в китайском ресторане-«поплавке», на набережной Сёдер-Меларстранд. Помню, день выдался холодный и ветреный, я пришел заранее и мерз. А он все не шел… Я прождал не менее получаса и уже задним числом подумал, не наблюдает ли он за мной.

– Но потом он появился?

– Да. Поначалу я был обескуражен, не мог поверить, что это он. Богги выглядел как наркоман или нищий, и не заметь я у него на руке часы «Патек Филипп», я бы сунул ему двадцатку. Руки у него были в подозрительных шрамах и самодельных татуировках и болтались при ходьбе, а тренч смотрелся просто кошмарно. Казалось, он живет на улице – и, самое странное, гордится этим. Собственно, только часы и туфли ручной работы показывали, что он таки выбрался из грязи. В целом же ему, похоже, не хотелось отрываться от своих корней, и когда я позже все ему выдал и мы отмечали сделку парой бутылок вина, я спросил о его прошлом.

– Ради твоего же блага, я надеюсь, что он сообщил тебе кое-какие детали.

– Если ты собираешься его выследить, должен тебя предостеречь…

– Советы мне не нужны, Арвид. Мне нужны факты.

– О’кей, он, конечно, осторожничал, – продолжил Вранге. – Тем не менее кое-что я узнал. Вероятно, ему не хватило выдержки. Вырос он в каком-то большом городе в России. Где именно, так и не сообщил. Но сказал, что все было против него. Все! Его мать была шлюхой и героинщицей, а отцом мог оказаться кто угодно, и уже малышом он попал в чудовищный детский дом. Там, по его словам, был какой-то псих, который имел обыкновение класть его на кухне на разделочный стол и лупить обломком трости. В одиннадцать лет Богги сбежал из детского дома и стал жить на улице. Он воровал, вламывался в подвалы и парадные, чтобы обогреться, напивался дешевой водкой и нюхал растворитель и клей, его использовали и били. Но он обнаружил кое-что…

– Что же?

– Открыл у себя талант. То, для чего другим требовались часы, Богги проделывал за несколько секунд. Он оказался мастером взлома, и это стало его первой гордостью, его отличительным признаком. Если раньше он был просто презренным беспризорником, на которого все плевали, то теперь стал парнем, способным проникнуть куда угодно, и довольно скоро это превратилось у него в навязчивую идею. Целыми днями он мечтал сделаться таким, как Гудини[59], только наоборот. Ему хотелось не вырываться наружу, а вламываться внутрь, – и он тренировался, стремясь повысить свое мастерство, иногда по десять, двенадцать, четырнадцать часов в день. Наконец Богги стал легендой на улицах – по крайней мере, по его словам – и начал проворачивать более крупные операции, используя компьютеры, которые крал и пересобирал. Он вламывался повсюду и

здорово зарабатывал. Но все уходило на наркотики и разную ерунду, и его часто грабили и просто использовали. Взломы Богги совершал с кристально ясной головой, но потом лежал в наркотическом тумане, и на него вечно кто-нибудь нападал. Он сказал, что был гением и полным идиотом одновременно. Но однажды все изменилось. Его спасли, вытащили из ада.

– Что же произошло?

– Он спал в каком-то предназначенном на снос доме и выглядел хуже, чем когда-либо. А когда открыл глаза и огляделся в желтоватом свете, перед ним стоял ангел.

– Ангел?

– Он так и сказал: ангел. Возможно, по контрасту со всем остальным – с использованными иглами, остатками еды, тараканами и черт знает с чем еще. Он сказал, что женщины красивей никогда не видел, даже едва мог на нее смотреть, и решил, что умирает. Он преисполнился великой, судьбоносной торжественности. Но женщина заявила, как нечто совершенно естественное, что сделает его богатым и счастливым, и если я правильно понял, сдержала свое обещание. Она снабдила его новыми зубами и поместила в санаторий. А еще помогла выучиться на инженера-компьютерщика.

– И с тех пор он взламывает компьютеры и ворует для этой женщины и ее окружения.

– Приблизительно так. Богги стал новым человеком… или, пожалуй, не совсем – во многих отношениях он остался тем же вором и оборванцем. Но говорит, что не принимает никаких наркотиков и посвящает свободное время знакомству с новой техникой. Он очень многое находит в Даркнете и, по его словам, безумно богат.

– А эта женщина? О ней он ничего не сказал?

– Нет, тут он проявлял невероятную осторожность. Выражался так туманно и почтительно, что я на какое-то время засомневался, не является ли она плодом фантазии или галлюцинацией. Но все-таки, думаю, она существует. Когда Богги говорил о ней, я чувствовал в воздухе прямо физический страх. Он сказал, что скорее умрет, чем предаст ее, и показал мне русский православный крест, который она ему подарила. Знаешь, такой крест, у основания которого имеется перекладина, наложенная наискосок и поэтому указывающая и вверх, и вниз. Он рассказал, что перекладина намекает на Евангелие от Луки и двух разбойников, распятых вместе с Иисусом. Один разбойник верит в него – и попадет на небо. А второй насмехается над ним – и рухнет в ад.

– И если ты ее предашь, то тебя ждет именно это.
– Да, примерно так.
– Значит, она считала себя Иисусом?
– Крест в этой ситуации, пожалуй, не имел никакого отношения к христианству. Парень просто хотел донести до меня главную идею.
– Верность – или муки ада…
– Что-то в этом духе.
– И тем не менее, Арвид, ты сидишь тут и все мне выбалтываешь.
– У меня не было выбора.
– Надеюсь, тебе хорошо заплатили.
– Да, ну… прилично.
– И потом технологию Бальдера перепродали «Солифону» и «TrueGames».
– Да, но я не понимаю… как ни пытаюсь…
– Чего ты не понимаешь?
– Откуда ты могла узнать?
– Ты сглупил, Арвид, когда послал мейл Экервальду из «Солифона», помнишь?
– Но я ведь не написал ничего, указывавшего на то, что технологию продал я. Я очень тщательно подбирал формулировки.
– Того, что ты сказал, мне достаточно, – заявила Лисбет, вставая, и тут он весь поник.
– Послушай, а как же будет со мной? Ты не выдашь мое имя?
– Можешь надеяться, – ответила она и быстрым, целеустремленным шагом направилась в сторону площади Оденплан.

Когда они спускались по лестнице на Торсгатан, у Бубլански зазвонил телефон. Это оказался профессор Чарльз Эдельман. Полицейский пытался связаться с ним, когда понял, что мальчик является савантом. По Интернету Бублански установил, что в Швеции существует два авторитета в этом вопросе, которых постоянно цитируют: профессор Лена Эк в Лундском университете и Чарльз Эдельман в Каролинском институте. Однако дозвониться ни до кого из них ему не удалось, поэтому он, бросив эту затею, отправился к Ханне Бальдер. Теперь Чарльз Эдельман ему перезвонил – и казался откровенно потрясенным. Он сказал, что находится в Будапеште, на конференции, посвященной повышенным возможностям памяти. Ученый только что прибыл и как раз увидел новость об убийстве по Си-эн-эн.
– Иначе я, конечно, сразу позвонил бы вам, – заявил он.

– Что вы хотите этим сказать?

– Франс Бальдер звонил мне вчера вечером.

Бублански вздрогнул, будучи запрограммированным на то, чтобы реагировать на все случайные связи.

– Зачем он звонил?

– Хотел поговорить о своем сыне и его таланте.

– Вы были знакомы?

– Отнюдь нет. Он позвонил, потому что беспокоился за мальчика, и меня это поразило.

– Почему?

– Потому что позвонил именно Франс Бальдер. Для нас, неврологов, он ведь своего рода понятие. Мы обычно говорим, что он, как и мы, хочет понять мозг. Разница заключается в том, что он хотел также создать новый мозг и заняться его улучшением.

– Я что-то об этом слышал…

– Но главное, мне известно, что он очень закрытый и трудный человек. Иногда шутили, что он сам немного напоминает машину: воплощенная логика. Однако со мной он был невероятно эмоционален, и, честно говоря, меня это просто потрясло. Как будто… не знаю, как если бы вы, например, услышали плач самого крутого полицейского. И я, помню, подумал, что наверняка произошло что-то еще, помимо того, о чем мы говорили.

– Звучит, как точное наблюдение… Он понял, что ему грозит серьезная опасность, – сказал Бублански.

– Правда, у него имелись причины для волнения. Его сын явно превосходно рисует, что действительно необычно для такого возраста, даже для савантов, особенно в комбинации с математическим талантом.

– С математическим?

– Да, по словам Бальдера, его сын обладает также математическими способностями, и об этом я мог бы говорить долго.

– Что вы имеете в виду?

– Дело в том, что меня это, с одной стороны, удивило невероятно, а с другой, пожалуй, не очень. Ведь нам сегодня известно, что у савантов тоже присутствует наследственный фактор, а тут у нас имеется отец, ставший легендой благодаря своим чрезвычайно сложным алгоритмам. Но в то же время…

– Да?

– У таких детей художественный и арифметический таланты никогда не сочетаются.

– Разве жизнь не прекрасна как раз тем, что периодически

подбрасывает нам поводы для изумления?

– Вы правы, комиссар… Чем я могу вам помочь?

Бублански вспомнил все произошедшее в Сальтшёбадене, и его осенило, что осторожность не помешает.

– Пожалуй, ограничимся тем, что нам довольно срочно требуются ваша помощь и знания.

– Ведь мальчик стал свидетелем убийства?

– Да.

– И теперь вы хотите, чтобы я постарался уговорить его нарисовать то, что он видел?

– Я бы не хотел это комментировать.

Чарльз Эдельман стоял в рецепции конференц-отеля «Босколо» в Будапеште, недалеко от сверкающего Дуная. Холл отеля слегка напоминал оперный театр: роскошное помещение, высокий потолок со старинными куполами, колонны… Эдельман с таким нетерпением ждал этой недели с ужинами и докладами. Теперь же на его лице все-таки появилась гримаса сомнения; он провел рукой по волосам и порекомендовал молодого коллегу – доцента Мартина Вольгерса.

– Сам я, к сожалению, не могу вам помочь. У меня завтра важный доклад, – сказал он комиссару Бублански, что было, несомненно, правдой.

Эдельман готовился к докладу неделями и собирался вступить в полемику с несколькими ведущими исследователями памяти. Но положив трубку и бегло встретившись взглядом с Леной Эк – та пробегала мимо с сэндвичем в руке, – он начал раскаиваться. И даже позавидовал молодому Мартину, которому еще даже не исполнилось тридцать пять и который всегда так бессовестно хорошо получался на фотографиях и уже начал тоже приобретать имя.

Конечно, Чарльз Эдельман не полностью понимал, что именно произошло. Комиссар говорил загадками. Вероятно, он боялся, что телефон прослушивается, но тем не менее общую картину представить себе было нетрудно. Мальчик прекрасно рисует, и он стал свидетелем убийства. Это могло означать только одно – и чем дольше Эдельман думал об этом, тем больше сожалел. Важных докладов в его жизни будет еще много. А участвовать в расследовании убийства подобного уровня – такой шанс ему снова никогда не представится. Как он ни смотрел на задание, которое столь необдуманно передал Мартину, оно казалось ему куда интереснее того, что могла бы ему дать конференция в Будапеште; и, кто знает, возможно, оно даже принесет славу…

Ученый уже видел перед собой заголовок: «Известный невролог помог

полиции раскрыть убийство», или еще лучше: «Исследования Эдельмана привели к прорыву в погоне за убийцей». Как он мог быть таким дураком, что отказался? Поступил, как идиот… Он схватил телефон и позвонил Яну Бублански.

Бублански положил трубку. Они с Соней Мудиг нашли парковку неподалеку от Стокгольмской городской библиотеки и как раз перешли улицу. Погода опять стала кошмарной, и у комиссара мерзли руки.

– Он передумал? – спросила Соня.

– Да. Он плюнет на доклад.

– Когда он сможет оказаться здесь?

– Он узнает. Самое позднее – завтра в первой половине дня.

Они направлялись в Центр помощи детям и молодежи «О́дин» на Свеавэген, чтобы встретиться с директором Торкелем Линденом. Собственно, цель встречи заключалась в том, чтобы обсудить практические обстоятельства, связанные со свидетельскими показаниями Августа Бальдера – так, во всяком случае, предполагал Бублански. Но, хотя Торкель Линден еще ничего не знал об их истинном деле, по телефону он звучал на удивление категорично и сказал, что мальчика не следует тревожить «никоим образом». Инстинктивно почувствовав враждебность, Бублански имел глупость тоже разговаривать не слишком любезно. Такое начало ничего хорошего не предвещало.

Вопреки ожиданиям комиссара, Торкель Линден оказался вовсе не крупным и тучным человеком. Напротив, ростом он был не более 150 сантиметров, с короткими, возможно, крашеными черными волосами и стиснутыми губами, подчеркивавшими строгость его характера. На нем были черные джинсы и черная водолазка, а на шее висел маленький крестик. По виду он напоминал священника, и сомневаться в его враждебности не приходилось.

В его глазах светилось высокомерие, и Бублански сразу ощутил свое еврейство – как это часто с ним бывало, когда он встречал такого рода недоброжелательность. Вероятно, взгляд мужчины являлся также демонстрацией власти. Торкель Линден хотел показать свое превосходство, поскольку ставил на первое место здоровье мальчика, а не использование его в полицейских целях, и Бублански не видел иного выхода, как начать разговор самым обходительным образом.

– Очень приятно, – сказал он.

– Неужели? – удивился Торкель Линден.

– О, да, с вашей стороны было так любезно согласиться принять нас почти без предупреждения… Но мы ни за что не стали бы навязываться,

если б не полагали, что у нас дело крайней важности.

– Я предполагаю, что вы хотите каким-то образом допросить мальчика.

– Не совсем так, – продолжил Бублански, уже не столь обходительно. – Мы скорее хотим… да, я должен сперва подчеркнуть, что сказанное мною останется между нами. Это важный вопрос безопасности.

– Для нас секретность – вещь само собой разумеющаяся. У нас здесь нет никаких утечек информации, – сказал Торкель Линден, словно намекая на то, что у Бублански они есть.

– Я хочу только убедиться в том, что мальчик находится в безопасности, – строго проговорил комиссар.

– Значит, для вас это главное?

– Да, именно так, – еще строже произнес полицейский, – и поэтому я серьезно говорю: нельзя, чтобы что-нибудь из рассказанного мною каким-то образом просочилось наружу – прежде всего, по электронной почте или по телефону. Мы можем где-нибудь уединиться?

Соне Мудиг центр не слишком понравился. Наверняка из-за плача – где-то поблизости все время отчаянно плакала маленькая девочка. Они сидели в комнате, пахнувшей моющими средствами и еще слабо отдававшей чем-то другим – возможно, ладаном. На стене висел крест, а на полу лежал потрепанный коричневый мишка. Больше ничего особенного в обстановке комнаты не было, и особого уюта в ней не чувствовалось.

Поскольку обычно такой добродушный Бублански явно пребывал на грани срыва, Соня взяла дело в свои руки и деловито и спокойно рассказала о случившемся.

– Но теперь, как мы поняли, – продолжила она, – ваш сотрудник, психолог Эйнар Форсберг, сказал, что Августу не следует рисовать.

– Это был его профессиональный вывод, и я его разделяю. Мальчик от этого плохо себя чувствует, – ответил Торкель Линден.

– Но ведь сейчас он, можно сказать, едва ли может хорошо себя чувствовать, при всех сложившихся обстоятельствах… Он видел, как убили отца.

– Нам нельзя усугубить это положение, не так ли?

– Конечно. Но рисунок, который Августу не дали закончить, может привести нас к прорыву в расследовании, и поэтому мы вынуждены настаивать. Мы обеспечим присутствие компетентного персонала.

– Тем не менее я должен сказать «нет».

Соня просто не поверила своим ушам.

– Что? – переспросила она.

– Со всем уважением к вашей работе, – неколебимо стоял на своем Торкель Линден. – Здесь, в «О́дине», мы помогаем детям, попавшим в тяжелую ситуацию. Это наша задача и наше призвание. Мы не состоим в услужении у полиции, вот так. И гордимся этим. Пока дети находятся здесь, они должны чувствовать себя защищенными благодаря тому что мы ставим во главу угла их интересы.

Мудиг положила руку на колено Бублански, чтобы помешать тому вспылить.

– Мы можем легко получить постановление суда по данному вопросу, – сказала она. – Но нам бы не хотелось идти таким путем.

– Умно с вашей стороны.

– Позвольте мне вас кое о чем спросить, – продолжила Соня. – Вы с Эйнаром Форсбергом действительно точно знаете, что лучше для Августа – или, например, для девочки, которая там плачет? Не может ли нам всем, напротив, требоваться выражать наши мысли? Мы с вами можем разговаривать и писать, или даже связываться с адвокатами. Август Бальдер лишен таких средств выражения. Но он умеет рисовать и, похоже, хочет нам что-то сказать. Неужели мы должны препятствовать ему в этом? Разве запрещать ему это не столь же негуманно, как не давать другим детям высказываться? Не следует ли нам позволить Августу изобразить то, что должно мучить его больше всего остального?

– По нашим оценкам…

– Нет, – оборвала его Соня. – Не говорите о своих оценках. Мы связались с человеком, который лучше всех в стране разбирается в подобной проблематике. Его зовут Чарльз Эдельман, он профессор неврологии, и он уже едет сюда из Венгрии, чтобы встретиться с мальчиком. Не правильно ли будет позволить решать ему?

– Мы, разумеется, можем его выслушать, – нехотя согласился Торкель Линден.

– Не просто выслушать. Мы позволим ему решать.

– Я обещаю провести конструктивный диалог между специалистами.

– Хорошо. Что Август делает сейчас?

– Спит. Его привезли к нам совершенно обессиленным.

Соня поняла, что если она будет настаивать на том, чтобы мальчика разбудили, это едва ли приведет к чему-нибудь хорошему.

– Тогда мы вернемся завтра с профессором Эдельманом, и я надеюсь, что мы совместными усилиями сумеем решить этот вопрос.

Глава 16

Вечер 21 ноября и утро 22 ноября

Габриэлла Гране закрыла лицо руками. Она не спала уже сорок восемь часов, и ее терзало глубокое чувство вины, усугублявшееся стрессом от недосыпания. Тем не менее она весь день усиленно работала. С этого утра Габриэлла стала членом группы Службы безопасности – своего рода теневой следственной группы, – которая занималась убийством Франса Бальдера: официально – чтобы разобраться в глобальной внутриполитической картине, но втайне она была посвящена во все мельчайшие детали.

В группу входил и формально возглавлял ее старший инспектор Мортен Нильсен, который недавно вернулся домой из США после года обучения в Мэрилендском университете и, несомненно, был умен и начитан, но придерживался, на вкус Габриэллы, несколько правых взглядов. Мортен являл собой уникальный пример хорошо образованного шведа, от всей души поддерживавшего в США республиканцев и даже проявлявшего известное понимание по отношению к «Движению чаепития»[60]. Кроме того, он страстно увлекался историей войн, читал лекции в Военной академии и, несмотря на достаточно молодой возраст – тридцать девять лет, – обладал, как считалось, большой сетью международных контактов.

Однако ему часто бывало трудно отстаивать свою позицию, и руководство, по сути дела, принадлежало Рагнару Улофссону, который был старше и самоувереннее и мог одним сердитым маленьким вздохом или единственной недовольной морщиной над густыми бровями заставить Мортена замолчать. Присутствие в группе комиссара Ларса Оке Гранквиста положение Мортена не облегчало.

До прихода в СЭПО Ларс Оке был легендарным следователем комиссии по расследованию убийств Государственной уголовной полиции – по крайней мере, в том смысле, что мог, как утверждали, перепить любого и при помощи своего громогласного шарма обзаводился в каждом городе новой любовницей. В общем, для отстаивания своей позиции компания подобралась не из легких, и Габриэлла тоже вела себя во второй половине дня все тише и тише. Правда, не столько из-за петушившихся мужиков, сколько из-за нарастающего ощущения неуверенности. Иногда ей казалось,

что сейчас она знает меньше, чем раньше.

Она, например, осознала, что в старом деле о подозрении на взлом компьютера было крайне мало доказательств, если таковые вообще существовали. Там, собственно говоря, имелось только заключение Стефана Мольде из Радиотехнического центра, но он сам не был до конца уверен в нем. В своем анализе он, по ее мнению, наговорил массу ерунды, а Франс Бальдер, казалось, прежде всего, доверял нанятой им женщине-хакеру, у которой в расследовании даже не существовало имени, но которую в красках живописал ассистент Линус Брандель. Разумеется, Бальдер многое скрывал от нее еще до отъезда в США.

Например, случайностью ли было то, что он поступил на работу именно в «Солифон»?

Габриэлла мучилась от неуверенности и злилась на то, что не получала больше помощи из Форт-Мида. До Алоны Касалес было не добраться, и дверь в АНБ снова захлопнулась. Поэтому сама Габриэлла не могла сообщить никаких новостей. Она, как и Мортен с Ларсом Оке, оказалась в тени Рагнара Улофссона, который постоянно узнавал новую информацию от своего источника в отделе по борьбе с насилием и сразу же передавал ее руководителю СЭПО Хелене Крафт.

Габриэлле это не нравилось, и она безуспешно указывала на то, что подобная логистика только увеличивает риск утечек. Казалось также, что это ведет к утрате ими самостоятельности. Вместо того чтобы искать по своим каналам, они слишком рабски следовали сведениям, поступавшим из компании Яна Бублански.

– Мы как жулики на письменном экзамене, – вместо того, чтобы подумать самим, ждем, пока нам шепнут ответы, – заявила она перед всей группой, что не прибавило ей популярности.

Теперь Габриэлла сидела одна у себя в кабинете с твердой решимостью работать самостоятельно, попытаться глянуть на дело пошире и продвинуться вперед. Возможно, это ни к чему не приведет. С другой стороны, не повредит, если она пойдет собственным путем, не заглядывая в тот же туннель, что все остальные. Тут она услышала в коридоре шаги – высокие решительные каблуки, которые Габриэлла к этому времени уже слишком хорошо знала. К ней в кабинет вошла Хелена Крафт, одетая в серый пиджак от Армани и с уложенными строгим узлом волосами.

– Как дела? – спросила она. – На ногах еще держишься?

– Едва-едва.

– После этого разговора я намерена отправить тебя домой. Тебе надо выспаться. Нам нужен аналитик с ясной головой.

– Звучит разумно.

– И знаешь, что говорил Эрих Мария Ремарк?

– Что в окопах невесело, или что-то подобное.

– Ха, нет; что угрызения совести всегда испытывают не те люди. Тем, кто действительно приносит в мир страдания, все равно. А те, кто борется за хорошее, терзаются муками совести. Тебе нечего стыдиться, Габриэлла. Ты сделала все, что могла.

– Я в этом не уверена. Но все равно спасибо.

– Ты слышала о сыне Бальдера?

– Мельком, от Рагнара.

– Завтра в десять часов комиссар Бублански, инспектор Мудиг и некий профессор Чарльз Эдельман встречаются с мальчиком в Центре помощи детям и молодежи «О́дин» на Свеавэген. Они попробуют уговорить его нарисовать побольше.

– Тогда я буду держать кулачки. Но мне не нравится, что я об этом знаю.

– Спокойно, спокойно, проявлять чрезмерную подозрительность входит в мою задачу. Эти сведения известны только тем, кто умеет держать язык за зубами.

– Тогда я на это полагаюсь.

– Я хочу тебе кое-что показать.

– Что именно?

– Фотографии парня, который хакнул сигнализацию Бальдера.

– Я их уже видела. Даже детально изучала.

– Ты уверена? – произнесла Хелена Крафт, протягивая Габриэлле нечеткий увеличенный снимок запястья.

– Ну, и что тут такого?

– Посмотри еще раз. Что ты видишь?

Габриэлла посмотрела и увидела две вещи: эксклюзивные часы, о наличии которых догадывалась раньше, и неотчетливо под ними, в щели между перчаткой и курткой, несколько черточек, напоминавших самодельные татуировки.

– Какой контраст, – произнесла она и добавила: – Несколько дешевых татуировок и очень дорогие часы.

– Более того, – сказала Хелена Крафт. – Это «Патек Филипп» 1951 года, модель 2499, первая серия или, возможно, вторая.

– Мне это ничего не говорит.

– Это лучшие из существующих наручных часов. Такие часы несколько лет назад продали на аукционе «Кристис» в Женеве более чем за

два миллиона долларов.

– Вы шутите?

– Нет. И купил их не кто-нибудь, а Ян ван дер Валь, адвокат из «Дакстоун & Партнер». Он приобрел их для одного клиента.

– Из бюро «Дакстоун & Партнер», представляющего «Солифон»?

– Именно.

– Нам, конечно, неизвестно, те же ли часы на фотографии с камеры, которые были проданы в Женеве; и нам не удалось узнать, что это был за клиент. Но это начало, Габриэлла. Теперь у нас есть худощавый тип, который выглядит, как наркоман, и носит часы такого класса. Это должно сузить поиск.

– Бублански об этом знает?

– Это обнаружил его криминалист Йеркер Хольмберг. Но я хочу, чтобы ты с твоим аналитическим мозгом раскрутила это дальше. Иди домой, поспи, а завтра с утра принимайся за дело.

Мужчина, именовавший себя Яном Хольцером, сидел в своей квартире на Хёгбергсгатан в Хельсинки, неподалеку от Эспланады, и просматривал фотоальбом со снимками дочери Ольги, которой сегодня исполнилось двадцать два года и которая училась на врача в Гданьске, в Польше.

Ольга была высокой, темноволосой и энергичной, всем лучшим в его жизни, как он обычно говорил. Не только потому, что это красиво звучало и создавало ему образ ответственного отца. Ему хотелось в это верить. Однако это, вероятно, больше не соответствовало действительности. Ольга догадалась, чем он занимается.

– Ты защищаешь злых людей? – спросила она однажды. А потом стала с маниакальным упорством заниматься тем, что называла своим участием в судьбе «слабых» и «беззащитных».

По мнению Яна, это был просто-напросто левый идиотизм, ничуть не подходивший характеру Ольги. Хольцер рассматривал его лишь как проявление ее эмансипации. Он считал, что, при всей напыщенной болтовне о нищих и больных, дочь по-прежнему похожа на него. Когда-то Ольга была многообещающей бегуньей на сто метров. Мускулистая и взрывная, ростом 186 сантиметров, она в прежние времена очень любила смотреть боевики и слушать его военные воспоминания. В школе все знали, что с нею лучше не ссориться. Она давала сдачи, как боец. Ольга определенно не была создана для возни с дегенератами и слабаками.

Тем не менее она утверждала, что хочет работать на организацию «Врачи без границ» или отправиться в Калькутту, как некая чертова Мать

Тереза. Ян Хольцер не мог этого выносить. Мир, по его мнению, принадлежал сильным. Но в то же время он очень любил дочь, что бы та ни заявляла. Завтра она впервые за полгода приезжала на несколько дней домой, и он торжественно решил, что на этот раз проявит больше чуткости и не станет разглагольствовать о Сталине, великих лидерах и обо всем таком, что она ненавидит. Напротив, он постарается снова привязать ее к себе. Хольцер был уверен в том, что она нуждается в нем, и почти не сомневался, что сам нуждается в ней.

Было восемь часов вечера, и Ян пошел на кухню, выдавил соковыжималкой сок из трех апельсинов, налил в стакан водки «Смирнов» и сделал коктейль. В третий раз за день. По завершении работы он иногда выпивал по шесть-семь штук и сегодня, возможно, поступит так же. Хольцер чувствовал себя усталым и изнуренным от бремени легшей на его плечи ответственности, и ему требовалось расслабиться. Несколько минут он постоял с коктейлем в руке, предаваясь мечтам о совершенно иной жизни. Но мужчина, именовавший себя Яном Хольцером, слишком размечтался.

Его умиротворению сразу пришел конец, когда по защищенному от прослушивания мобильному телефону ему позвонил Юрий Богданов. Поначалу Ян надеялся, что Юрий просто хочет выговориться, снять часть возбуждения, которое неизбежно влекло за собой каждое задание. Но у коллеги имелось конкретное дело, и звучал он озадаченно.

– Я разговаривал с Т., – сказал он.

Ян испытал смешанные чувства – пожалуй, больше всего ревность. Почему Кира позвонила Юрию, а не ему? Несмотря на то, что Богданов добывал огромные деньги и получал в награду дорогие подарки и крупные суммы, Ян все же пребывал в убеждении, что Кире он ближе. Но Хольцер почувствовал и беспокойство. Неужели что-нибудь все-таки пошло не так?

– Возникли какие-то проблемы? – спросил он.

– Работа не завершена.

– Ты где?

– В городе.

– Тогда приходи сюда и объясни, что ты, черт возьми, имеешь в виду.

– Я заказал столик в «Пострес».

– У меня нет сил на шикарные кабаки и твой выпендреж. Так что двигай сюда.

– Я не ел.

– Я тебе что-нибудь поджарю.

– Ладно. У нас впереди длинная ночь.

Яну Хольцеру не хотелось никакой новой длинной ночи. Еще меньше ему хотелось сообщать дочери, что завтра его не будет дома. Но выбора не было. Он знал это так же точно, как то, что очень любит Ольгу. Отказывать Кире нельзя.

Она обладала над ним незримой властью, и хотя Хольцер пытался, ему никогда не удавалось держаться с нею с тем достоинством, с каким хотелось. Она превращала его в мальчишку, и он часто прямо из шкуры вон лез, чтобы заставить ее улыбнуться или, лучше всего, пустить в ход свои чары.

Кира была сногсшибательно красива и умела пользоваться этим, как ни одна красавица до нее. Она потрясающе использовала власть, прекрасно владея всем регистром: могла быть слабой и умоляющей, но также непреклонной, жесткой и холодной, как лед, а иногда просто злобной. Никто, кроме нее, не умел так пробуждать в Яне садизм.

Возможно, она не была чересчур интеллектуальна в классическом понимании, и многие подчеркивали это – вероятно, от потребности опустить ее на землю. Однако те же люди, стоя перед ней, чувствовали себя дураками. Кира все равно одерживала над ними верх, и даже самых крутых мужчин могла заставить краснеть и хихикать, как школьники.

В девять часов Юрий сидел рядом с ним, поедая баранье филе, поджаренное для него Яном. Вел он себя за столом, как ни странно, почти подобающим образом – наверняка тоже влияние Киры. Богданов во многих отношениях стал человеком, хотя, конечно, не до конца. Как бы он ни притворялся, ему так и не удалось отделаться от повадок воришки и наркомана. Несмотря на то, что Юрий давно избавился от наркозависимости и стал дипломированным компьютерным инженером, в его движениях и размашистой походке по-прежнему присутствовали следы уличной неотесанности.

– Где твои буржуйские часы? – спросил Ян.

– С ними покончено.

– Попал в немилость?

– Мы оба в немилости.

– Все так плохо?

– Может, и нет.

– Но ты сказал, что работа не завершена?

– Да, дело в мальчишке.

– В каком мальчишке?

Ян притворился, будто не понимает.

– В том, которого ты так благородно пощадил.

– А что с ним? Он же идиот.

– Возможно, но он начал рисовать.

– Что значит рисовать?

– Он – савант.

– Кто?

– Тебе следовало бы читать что-нибудь, кроме твоих дурацких военных журналов.

– Ты о чем?

– Савант – это аутист или человек с какой-нибудь другой инвалидностью, обладающий при этом особым талантом. Этот мальчишка, возможно, не умеет говорить и сколько-нибудь разумно мыслить, но у него, похоже, фотографическая память. Комиссар Бублански полагает, что парень сможет нарисовать твое лицо с математической точностью, а потом он надеется запустить рисунок в полицейскую программу идентификации лиц, и тогда тебе конец, не так ли? Разве ты не присутствуешь где-нибудь в регистре Интерпола?

– Да, но Кира ведь не считает…

– Именно так она и считает. Мы должны убрать парня.

На Яна нахлынуло возмущение и растерянность; он снова увидел перед собой пустой стеклянный взгляд с двуспальной кровати, который его так неприятно поразил.

– Она, что, совсем обалдела? – произнес он, сам не до конца веря в правоту своих слов.

– Я знаю, что у тебя есть проблемы с детьми. Мне это тоже не нравится. Но, боюсь, нам не отвертеться. Кроме того, тебе следует быть благодарным. Ведь Кира с таким же успехом могла бы тебя сдать.

– Вообще-то, да…

– Ну и ладно! У меня в кармане авиабилеты. Мы вылетаем в Стокгольм первым самолетом, в 06.30, и затем направляемся в какой-то Центр помощи детям и молодежи «О́дин» на Свеавэген.

– Значит, мальчик находится в интернате?

– Да, и поэтому требуется кое-что спланировать. Сейчас только доем, и сразу приступим.

Мужчина, именовавший себя Яном Хольцером, закрыл глаза, пытаясь придумать, что ему сказать Ольге.

Лисбет Саландер встала на следующий день в пять часов утра и вломилась в суперкомпьютер Технологического института Нью-Джерси,

созданный на грант Национального научного фонда, ННФ. Ей требовалась вся математическая поддержка, какую только можно раздобыть, и поэтому она достала собственную программу для факторизации с помощью эллиптических кривых.

Затем Лисбет принялась расшифровывать файл, который скачала у АНБ. Но, как она ни пыталась, ничего не выходило. Впрочем, иного она и не ожидала. Тут был изощренный RSA-шифр. RSA – названный по фамилиям создателей: Rivest, Shamir и Adleman – имеет два ключа, открытый и закрытый, и строится на функции Эйлера и малой теореме Ферма, но прежде всего на том простом факте, что два крупных простых числа легко перемножить. Просто раздается «бреньк», и счетная машина выдает ответ. Однако идти в обратном направлении, то есть, исходя из ответа, узнать, какие натуральные числа были использованы, почти невозможно. Компьютеры пока еще не слишком хорошо факторизуют целые числа, по поводу чего уже неоднократно чертыхались и Лисбет, и спецслужбы всего мира.

Обычно наиболее эффективным алгоритмом для данной цели считается Общий метод решета числового поля. Но Саландер уже около года полагала, что добиться результата все-таки легче с помощью метода эллиптических кривых. Поэтому в течение бесконечных ночей она разрабатывала для факторизации собственную программу.

Однако сейчас, в утренние часы, Лисбет поняла: чтобы иметь хотя бы шанс на удачу, программу необходимо еще улучшить, и после трех часов работы она сделала перерыв, пошла на кухню, выпила прямо из пакета апельсинового сока и съела два пирожка. Затем вернулась к письменному столу и влезла в компьютер Микаэля Блумквиста, чтобы посмотреть, не нашел ли он чего-нибудь нового. Журналист задал ей два новых вопроса, и она сразу поняла – он все-таки не безнадежен.

Кто из ассистентов предал Франса Бальдера?

– написал Микаэль, задав вполне разумный, с ее точки зрения вопрос.

Тем не менее Саландер не ответила. Не потому, что ее волновал Арвид Вранге. Но она продвинулась дальше и поняла, кто тот наркоман с запавшими глазами, с которым общался Вранге. Парень называл себя Богги, а Троица из «Республики хакеров» вспомнил, что несколько лет назад на некоторых хакерских сайтах фигурировал кто-то с таким именем. Правда, это еще ничего не значило.

Богги – отнюдь не уникальный и не слишком оригинальный ник. Но Лисбет отследила и прочла его реплики, и у нее возникло ощущение, что, возможно, она попала в точку, особенно когда Богги в неосторожном

пассаже сообщил, что он – инженер-программист из Московского университета.

Лисбет не узнала год его выпуска или вообще какие-нибудь даты. Но она нашла нечто лучшее, парочку эксцентричных деталей: Богги становился сам не свой от хороших часов и тащился от старых французских фильмов семидесятых годов про Арсена Люпена – «джентльмена-грабителя», – хотя фильмы и не относились к его поколению.

Лисбет на всех возможных сайтах спросила у бывших и нынешних студентов Московского университета, не знает ли кто-нибудь худого парня с запавшими глазами, бывшего наркомана, уличного ребенка и классного вора, который любит фильмы про Арсена Люпена. Очень скоро у нее появился нужный результат.

«Это похоже на Юрия Богданова», – написала девушка, представившаяся Галиной.

По словам Галины, Юрий слыл в университете легендой. Не только потому, что вламывался в компьютеры преподавателей и держал их всех на крючке. Он еще постоянно заключал пари, спрашивая людей: «Поставишь сто рублей на то, что я не смогу влезть вон в тот дом?»

Многие, кто его не знал, считали это легкими деньгами. Но Юрий проникал всюду. Он вскрывал любые двери, а если у него вдруг не получалось, то забирался по фасадам и стенам. Он был известен отчаянностью и злостью. Говорили, что однажды Богданов до смерти забил ногами помешавшую ему работать собаку. Он постоянно обворовывал людей, часто просто из вредности. Галина полагала, что парень, возможно, страдал клептоманией. Вместе с тем его считали гениальным хакером и талантливым аналитиком, и после окончания университета перед ним был открыт весь мир. Однако поступать на работу он не захотел – говорил, что хочет идти собственным путем. И Лисбет, разумеется, не потребовалось много времени, чтобы узнать, что именно он нашел себе после университета – по официальной версии.

Оказалось, что сейчас Юрию Богданову тридцать четыре года. Он покинул Россию и теперь проживает на Будапештер-штрассе, 8 в Берлине, неподалеку от ресторана для гурманов «Хугос». У него собственная компания «белых» хакеров «Ауткаст секьюрити» – «Защита от изгоев» – с семью сотрудниками, которая в последнем отчетном году имела оборот двадцать два миллиона евро. В том, что его прикрытием являлась компания, которая должна была защищать промышленные концерны от таких лиц, как он сам, присутствовала легкая ирония – хотя, возможно,

была здесь и логика. После окончания университета в 2009 году Юрий ни разу не был осужден за какое-либо преступление, и сеть его контактов представлялась обширной. У него в правлении числился, в частности, Иван Грибанов – депутат русской Думы и крупный акционер нефтяной компании «Газпром». Но ничего другого, что могло бы повести ее дальше, Лисбет не обнаружила.

Второй вопрос Блумквиста звучал так:

Центр помощи детям и молодежи «Один» на Свеавэген. Это надежно? (Сотри это, как только прочтешь.)

Почему его интересует центр, Микаэль не объяснил. Однако Саландер достаточно хорошо знала Блумквиста, чтобы понимать: просто так он вопросов обычно не задает. К тому же он не из любителей темнить. Если говорит загадками, значит, у него есть на то причины, и раз он велел сразу стереть это предложение, значит, информация носит конфиденциальный характер. Было совершенно очевидно, что с Центром помощи детям и молодежи связано нечто важное, и Лисбет быстро обнаружила, что на «Один» поступало много жалоб. О детях там забывали или попросту игнорировали, и те получали возможность наносить себе увечья. Центр принадлежал лично директору Торкелю Линдену и его компании «Позаботься обо мне», и, похоже – если верить бывшим сотрудникам, – работал в условиях практически полного единовластия. Там ожидалось, что слова Торкеля Линдена будут восприниматься как истина в последней инстанции, и ничего понапрасну не покупалось, поэтому показатели рентабельности всегда бывали высокими.

Торкель Линден был когда-то известным гимнастом, в частности, чемпионом Швеции в упражнениях на перекладине. Теперь он страстно увлекался охотой и являлся членом прихода «Друзья Христа», который вел непримиримую борьбу с гомосексуалистами. Лисбет зашла на домашние странички Союза охотников и «Друзей Христа» и посмотрела, не проводятся ли у них какие-нибудь привлекательные мероприятия. Затем послала Торкелю Линдену два фальшивых, но исключительно любезных мейла с приглашениями, выглядевших так, будто они отправлены этими организациями. В мейлах присутствовали PDF-файлы с изощренным вирусом-шпионом, который автоматически открывался при прочтении Торкелем Линденом сообщений.

В 8.23 она уже попала на его сервер, сразу начала сосредоточенно работать и укрепилась в своих подозрениях. Накануне днем в центр «Один» поступил Август Бальдер. В журнале, там, где описывались трагические обстоятельства, обусловившие принятие в Центр, значилось:

Инфантильный аутизм, сильное отставание в умственном развитии. Нервный. Тяжело травмирован смертью отца. Требует постоянного наблюдения. Неконтактен. Имеет при себе пазл. Рисование запрещено! Считается навязчивым и деструктивным. Решение психолога Форсберга, поддержано Т.Л.

Под этим было подписано, явно несколько позже:

В среду 22 ноября в 10.00 мальчика посетят профессор Чарльз Эдельман, комиссар Бублански и инспектор уголовной полиции Мудиг. Т.Л. будет присутствовать. Рисование под наблюдением.

Еще ниже стояла приписка:

Место встречи изменено. Т.Л. и профессор Эдельман повезут мальчика к матери Ханне Бальдер на Торсгатан, где их встретят полицейские Бублански и Мудиг. Считается, что мальчику будет легче рисовать в домашней обстановке.

Лисбет быстро проверила, кто такой профессор Эдельман, и, увидев, что тот специализируется на талантах савантов, сразу поняла, что происходит. Речь наверняка идет о какой-то форме свидетельских показаний, которым предстояло появиться на бумаге. Иначе почему бы Бублански и Соня Мудиг стали интересоваться рисованием мальчика, и зачем бы Микаэлю Блумквисту проявлять такую осторожность?

Следовательно, разумеется, нельзя, чтобы что-нибудь просочилось наружу. Преступник не должен узнать, что мальчик, возможно, сумеет его нарисовать. Поэтому Лисбет решила проверить, насколько Торкель Линден соблюдал в своей корреспонденции осторожность. К счастью, все выглядело благополучно. О рисунках мальчика он больше ничего не написал. Зато в 23.10 Линден получил мейл от Чарльза Эдельмана, с копией Соне Мудиг и Яну Бублански. Мейл, очевидно, стал причиной смены места встречи. Чарльз Эдельман написал:

Здравствуйте, Торкель! Как любезно с вашей стороны согласиться принять меня у вас в Центре. Я это очень ценю. Однако боюсь, что должен причинить вам некоторое беспокойство. Я считаю, что наши шансы добиться хорошего

результата существенно повысятся, если мы позволим мальчику рисовать в той среде, где он чувствует себя уверенно. Этим я отнюдь не хочу сказать ничего плохого о вашем Центре. Я слышал о нем много хорошего.

«Ни черта ты не слышал», – подумала Лисбет и стала читать дальше:

Поэтому мне бы хотелось, чтобы мы завтра утром перевезли мальчика к матери Ханне Бальдер, на Торсгатан. Причина состоит в том, что в литературе обычно считают, что присутствие матери имеет положительное воздействие на детей с талантами савантов. Если вы с мальчиком будете стоять у входа на Свеавэген в 09.15, я смогу подобрать вас по пути. Тогда у нас будет возможность немного побеседовать, как коллегам.

С наилучшими пожеланиями,

Чарльз Эдельман

В 07.01 и 07.14, соответственно, Ян Бублански и Соня Мудиг ответили на этот мейл. Они написали, что есть основания полагаться на знания Эдельмана и последовать его совету. Торкель Линден только что, в 07.57, подтвердил, что будет стоять с мальчиком у входа на Свеавэген и ждать Чарльза Эдельмана.

Лисбет Саландер немного посидела, размышляя. Потом пошла на кухню и, глядя на Шлюз и залив Риддарфьерден, вытащила из кладовки несколько старых сухарей. «Значит, встречу изменили», – думала она. Вместо того чтобы рисовать в Центре, мальчика отвезут домой к маме. Это должно иметь *положительное воздействие*, написал Эдельман, *присутствие матери имеет положительное воздействие*. Что-то в этом предложении Лисбет не нравилось. Оно казалось немного старомодным, разве нет? И само начало было не лучше: «*Причина состоит в том, что в литературе обычно считают…*» Звучит замшело и тяжеловесно. Правда, многие ученые действительно пишут, как курицы лапой, и ей ничего не известно о манере Чарльза Эдельмана выражаться, но неужели ведущему неврологу мира требуется опираться на то, что принято считать в литературе? Не должен ли он быть более самоуверен?

Лисбет села за компьютер и просмотрела в Интернете несколько статей Эдельмана – пожалуй, там даже в самых деловых фрагментах проскальзывали чуть глуповатые нотки превосходства. Но никакой излишней языковой неуклюжести или чего-либо психологически наивного

она не обнаружила. Эдельман, напротив, писал емко и хлестко… Вернувшись к мейлам, Лисбет проверила SMTP-сервер, с которого они были отправлены, – и содрогнулась. Сервер назывался Birdino и был ей незнаком – да, собственно, это ей было и не нужно. Саландер отправила на него несколько команд, чтобы посмотреть, что это такое, и в следующее мгновение все стало предельно ясно. Сервер исходящей почты работал по принципу открытого релея, а значит, пользователь мог отправлять послания с любого адреса.

Иными словами, мейл от Эдельмана был фальшивкой, а копии Бублански и Мудиг – просто дымовой завесой. Эти сообщения блокировались и не отправлялись, поэтому Лисбет, даже никуда не заглядывая, уже знала – ответ полицейских и согласие на изменение плана тоже блеф. Стало быть, дело обстоит серьезно… Это означало не только, что кто-то выдавал себя за Эдельмана. Явно существовала утечка информации – и, главное, кто-то хотел, чтобы мальчика вывели на Свеавэген. Кто-то хотел, чтобы тот оказался на улице беззащитным для того, чтобы… что? Похитить его или убрать?

Лисбет посмотрела на часы – было уже без пяти девять. Всего через двадцать минут Торкель Линден и Август Бальдер выйдут на улицу и станут ждать кого-то, кто не является Чарльзом Эдельманом и едва ли настроен дружелюбно. Что же делать? Позвонить в полицию? Делать это Лисбет не любила, особенно если существовал риск утечки информации. Она зашла на домашнюю страницу «О́дина» и нашла телефон Торкеля Линдена. Но добралась только до диспетчера – Линден сидел на совещании. Тогда Саландер нашла его мобильный телефон и позвонила туда, но услышала автоответчик, и, громко выругавшись, написала ему смс-сообщение и мейл о том, что он ни за что, ни при каких условиях не должен выходить с мальчиком на улицу. Подписалась она как Оса. Просто не придумала ничего лучшего.

Затем Лисбет набросила кожаную куртку и вышла на улицу. Но сразу бегом вернулась обратно в квартиру и сунула в черную спортивную сумку компьютер с зашифрованным файлом и свой пистолет, «Беретта 92». Потом снова выбежала на улицу и задумалась над тем, не стоит ли ей взять пылившуюся в гараже собственную машину – кабриолет «БМВ М6», – но решила, что лучше вызвать такси. Ей подумалось, что так будет быстрее. Правда, вскоре она об этом пожалела. Такси задерживалось, а когда пришло, то оказалось, что час пик еще не закончился.

Машина просто ползла, а на Центральном мосту виднелась пробка. Может, произошла авария? Все тянулось медленно – все, кроме времени,

которое буквально летело. Часы уже показывали пять, десять минут десятого. Времени почти совсем не оставалось, и в худшем случае было уже поздно. Вполне вероятно, что Торкель Линден с мальчиком вышел на Свеавэген заранее, и преступник, или кто бы он там ни был, уже успел напасть на них.

Лисбет снова набрала номер Линдена. Послышались сигналы, но никто не ответил. Саландер опять выругалась и подумала про Микаэля Блумквиста. Она не говорила с ним целую вечность. Но сейчас позвонила. Он ответил мрачным голосом и, только когда понял, что это она, обрадованно воскликнул:

– Лисбет, это ты?

– Заткнись и слушай, – велела она.

Микаэль стоял в редакции, на Гётгатан, в отвратительном настроении, и дело было не только в том, что он опять плохо спал. Выступил не кто-нибудь, а Шведское телеграфное агентство. Серьезное, спокойное, обычно такое корректное новостное агентство распространило статью, которая вкратце сводилась к тому, что Микаэль препятствует расследованию убийства, скрывая решающую информацию, которую собирается сначала опубликовать в «Миллениуме». Целью Блумквиста являлось спасение журнала от финансовой катастрофы и восстановление собственного «подпорченного реноме».

О том, что статья готовится, Микаэль знал. Накануне вечером он имел долгий разговор с автором статьи Харальдом Валлином. Но даже не мог себе представить, что результат окажется таким убийственным – особенно поскольку все это представляло собою одни дурацкие намеки и беспочвенные обвинения.

Тем не менее Харальду Валлину удалось соорудить нечто, казавшееся прямо-таки обстоятельным и достоверным. У парня явно имелись хорошие источники как в «Сернер», так и в полиции. Заголовок, правда, звучал всего лишь как «Прокурор критикует Блумквиста», да и содержание статьи оставляло Микаэлю много возможностей для защиты. Сама по себе эта информация наносила не слишком большой урон. Но его враг, спланировавший этот материал, хорошо знал логику СМИ. Если такой серьезный распространитель новостей, как Телеграфное агентство, публикует подобную статью, то всем остальным это не просто дает законное право присоединиться – это является предписанием ужесточить свои позиции. Если Телеграфное агентство шипит, то вечерним газетам следует рычать и бить тревогу. Это – старый журналистский

основополагающий принцип, и поэтому Микаэль, проснувшись, увидел в Интернете такие заголовки, как «Блумквист препятствует расследованию убийства» и «Блумквист, желая спасти свой журнал, позволяет убийце избежать наказания». Газетам, правда, хватило дружелюбия, чтобы заключить заголовки в кавычки. Но все-таки возникало общее впечатление, что к утреннему кофе представили новую правду, и хроникер по имени Густав Лунд, утверждавший, что устал от лицемерия, написал во вступлении: «Микаэля Блумквиста, который всегда норовил ставить себя немного выше других, теперь разоблачили как самого главного циника из всех нас».

– Будем надеяться, что они не начнут размахивать юридическими принудительными мерами, – заметил дизайнер и совладелец Кристер Мальм, стоящий рядом с Микаэлем и нервно жующий резинку.

– Будем надеяться, что они не вызовут сюда морских пехотинцев, – ответил Блумквист.

– Что?

– Я пытаюсь шутить. Это просто глупость.

– Естественно. Но мне не нравится твой настрой, – сказал Кристер.

– Он никому не нравится. Однако единственное, что мы можем сделать, это стиснуть зубы и работать, как обычно.

– У тебя жужжит телефон.

– Он все время жужжит.

– Не разумнее ли ответить, чтобы они не придумали еще чего-нибудь похуже?

– Да, да, – пробормотал Микаэль и ответил не слишком любезно.

Звонила какая-то девушка. Голос показался ему знакомым, но поскольку он ожидал чего-то совершенно другого, то поначалу не мог понять, кто она.

– Кто это? – спросил он.

– Саландер, – ответил голос, и тогда Микаэль широко улыбнулся.

– Лисбет, это ты?

– Заткнись и слушай, – велела она, и он подчинился.

Пробка рассосалась, и Саландер с шофером такси – молодым иракцем по имени Ахмед, повидавшим войну вблизи и лишившимся в результате теракта матери и двоих братьев, – добрались до Свеавэген и проехали мимо расположенного по левой стороне Стокгольмского концертного зала. Лисбет, не любившая просто пассивно сидеть в машине, послала еще одно смс-сообщение Торкелю Линдену и попыталась дозвониться до кого-

нибудь другого из персонала «О́дина», кто мог бы побежать и предупредить его. Но никто не отвечал. Громко выругавшись, она понадеялась на то, что у Микаэля получится лучше.

– Мы опаздываем? – спросил с переднего сиденья Ахмед.

– Да, – ответила Лисбет.

Тогда водитель проехал на красный, чем заставил Саландер на секунду улыбнуться.

Затем она полностью сконцентрировалась на дороге, по которой они проезжали, и впереди с левой стороны разглядела Стокгольмский институт менеджмента и городскую библиотеку. Оставалось совсем немного, и Лисбет стала следить за номерами домов по правой стороне. Тут она увидела нужный адрес. К счастью, на тротуаре никто не лежал. Был самый обычный ноябрьский день, и только; люди шли на работу. Но погодите-ка… Лисбет швырнула несколько сотенных купюр Ахмеду, глядя на низкую стену в зеленых пятнах на противоположной стороне улицы.

Там стоял мощный мужчина в шапке и темных очках, напряженно смотревший на дверь на Свеавэген прямо напротив него, и в языке его жестов присутствовало нечто особенное. Правую руку видно не было, но она явно пребывала в напряжении и готовности. Лисбет снова перевела взгляд на правую сторону и, хотя по-прежнему находилась под углом к двери, постаралась разглядеть ее получше. И заметила, что дверь открывается.

Открывалась она неторопливо, будто тот, кто собирался выйти, сомневался или находил дверь слишком тяжелой. Лисбет закричала Ахмеду, чтобы тот остановился. Затем молниеносно выскочила из машины, более или менее одновременно с тем, как мужчина на противоположной стороне улицы поднял правую руку и направил пистолет с оптическим прицелом на дверь, которая медленно открывалась.

Глава 17

22 ноября

Мужчине, именовавшему себя Яном Хольцером, ситуация не нравилась. Место открытое, да и время суток неправильное. Слишком много народу в движении, и хотя он, насколько мог, замаскировался, его сильно нервировали дневной свет и люди, прогуливающиеся у него за спиной по парку. И еще он более, чем когда-либо, ощущал, что ненавидит убивать детей.

Но как вышло, так вышло, и где-то внутренне Хольцеру приходилось признавать, что он сам виноват в этой ситуации. Он недооценил мальчика и теперь должен исправить ошибку. И на этот раз нельзя пасть жертвой пустых надежд или собственных страхов. Он сосредоточится исключительно на задании, станет полноценным профессионалом, каким на самом деле и является, и главное, не будет думать об Ольге и тем более о стеклянном взгляде, устремленном на него в упор в спальне Бальдера.

Ему надо сфокусироваться на двери на противоположной стороне улицы и на пистолете, который он прятал под ветровкой и в любой момент мог достать. Но почему ничего не происходит? Ян почувствовал, что у него пересохло во рту. Дул пронизывающий ледяной ветер. Вдоль мостовой и на тротуаре лежал снег, вокруг спешили на работу люди. Еще крепче сжав пистолет, он бросил взгляд на наручные часы. Было 09.16, стало 09.17. Но из двери напротив по-прежнему никто не выходил, и Хольцер выругался про себя: неужели что-то не сработало? В принципе, у него не было других гарантий, кроме слов Юрия. Правда, обычно этого хватало с лихвой. С компьютерами Богданов разбирается, как волшебник. Вчера вечером он сидел, глубоко погрузившись в работу – строчил фальшивые мейлы и советовался со своими друзьями в Швеции по языковым вопросам. Ян же углубился в другое – в найденные ими снимки места действия, в выбор оружия и главным образом в разработку побега оттуда на машине, которую арендовал для них Деннис Уилтон из мотоклуба «Свавельшё МК» под фальшивым именем и которая теперь стояла в нескольких кварталах отсюда в полной готовности, с Юрием за рулем.

Прямо за собою Ян почувствовал движение и вздрогнул. Но ничего страшного – просто двое молодых мужчин, проходя мимо, подошли чуть слишком близко. Вообще казалось, будто народу вокруг него делается все

больше, и ему это не нравилось. Ситуация нравилась ему меньше, чем когда-либо. Где-то вдали лаяла собака, чем-то противно пахло – возможно, чадом из «Макдоналдса». Но вот… за стеклом парадного на другой стороне улицы, наконец, показался низкорослый мужчина в сером пальто, а рядом с ним – мальчик в красном пуховике и с копной волос. Тогда Ян, как всегда, перекрестился левой рукой и взялся за курок пистолета. Но что случилось?

Дверь не открылась. Мужчина за стеклом с сомнением смотрел на свой телефон. «Ну, давай же, – думал Хольцер. – Открывай!» В конце концов дверь все-таки медленно открылась, и они направились на улицу. Ян вскинул пистолет, зафиксировал в оптическом прицеле лицо мальчика, опять увидел эти стеклянные глаза и неожиданно ощутил прилив ярости. Внезапно ему действительно захотелось убить мальчика. Внезапно ему захотелось навсегда погасить этот нервирующий взгляд.

Но тут кое-что произошло.

Откуда ни возьмись выскочила молодая женщина и бросилась к мальчику. Ян выстрелил – и попал. По крайней мере, куда-то. Затем выстрелил еще раз и еще, но мальчик с женщиной молниеносно перекатились за машину. Тогда Хольцер, задержав дыхание, огляделся по сторонам и рванул через улицу – по его представлениям, в стиле бойца идущей на штурм группы захвата.

Снова потерпеть неудачу он не намеревался.

Торкель Линден не слишком дружил со своими телефонами. В отличие от жены Саги, которая всегда радостно вздрагивала при каждом телефонном звонке в надежде на известие о новой работе или каком-то интересном предложении, он, услышав знакомый сигнал, испытывал только досаду, обусловленную, разумеется, многочисленными жалобами.

Его самого и Центр постоянно ругали, что представлялось ему вполне естественным. «О́дин» являлся кризисным центром, и поэтому эмоции легко брали верх над людьми. Впрочем, где-то в глубине души он знал, что жалобы эти небезосновательны. С требованиями экономии Торкель, пожалуй, немного перебарщивал, а иногда просто сбегал от всего, отправляясь в лес и предоставляя разбираться с проблемами другим. Правда, похвалы ему тоже доставались – и в последний раз его похвалил не кто-нибудь, а профессор Эдельман.

Поначалу Линден сердился на профессора – ему не нравилось, когда посторонние вмешиваются в его деятельность. Но после похвалы в утреннем мейле он немного сменил гнев на милость и подумал, что, кто знает, возможно, ему удастся убедить профессора повлиять на то, чтобы

мальчика еще на какое-то время оставили в «О́дине». Это украсило бы его, Торкеля, жизнь, хотя он сам толком не понимал, почему. Обычно он, как правило, держался от детей на расстоянии.

Но в характере Августа Бальдера присутствовала какая-то загадочность, притягивавшая Линдена, и он с первого мгновения рассердился на полицейских и их требования. Ему хотелось держать Августа при себе и, возможно, немного заразиться его таинственностью – или, по крайней мере, разгадать, что за бесконечные ряды цифр тот написал на детском журнале в игровой комнате. Однако ситуация была непростой. Август Бальдер, похоже, отвергал любые формы общения, и сейчас он отказывался выходить на улицу. Мальчишка вновь проявлял безнадежное упрямство, и Торкелю приходилось буквально тащить его вперед.

– Ну, давай же, – бормотал он.

У него зажужжал телефон. Кто-то упорно его добивался.

Торкель решил не отвечать. Наверняка какая-нибудь ерунда, очередная жалоба… Однако возле самых дверей он все-таки глянул на экран. Пришло несколько смс-сообщений с нераспознанного номера, и в них было написано нечто странное, что он воспринял как шутку или насмешку: ему нельзя выходить на улицу. *Ему ни в коем случае нельзя выходить на улицу*. Это казалось совершенно непонятным.

И тут Август как раз, похоже, собрался улизнуть. Торкель снова схватил его за руку, с некоторым сомнением открыл дверь, вытащил мальчика наружу, и в первые мгновения все было нормально. Люди проходили мимо так, будто ничего не случилось и не должно случиться, и Линден опять удивился содержанию сообщения. Но не успел он додумать эту мысль, как слева кто-то выскочил и бросился на мальчика. В ту же секунду Торкель услышал выстрел.

Он понял, что находится в опасности, испуганно посмотрел через улицу и увидел там высокорослого тренированного мужчину, бежавшего через Свеавэген прямо к нему… и что, черт возьми, у него в руке? Неужели оружие?

Даже не подумав об Августе, Торкель попытался снова войти в дверь, и на какое-то мгновение показалось, что ему это удалось. Но до укрытия Линден так и не добрался…

Лисбет среагировала инстинктивно и бросилась на мальчика, чтобы его защитить. Она сильно расшиблась, ударившись о тротуар – во всяком случае, так ей показалось. Плечо и грудь пронзила резкая боль. Но подумать об этом Саландер не успела. Она просто притянула к себе

мальчика и спряталась с ним за машиной, где они и лежали, тяжело дыша, пока в них кто-то стрелял. Затем стало тихо, подозрительно тихо, и, посмотрев из-под машины на улицу, Лисбет увидела ноги стрелка; сильные, они мчались через улицу. У нее на секунду мелькнула мысль, не вытащить ли ей из сумки пистолет и открыть ответную стрельбу. Но она быстро сообразила, что едва ли успеет. Зато…

Мимо буквально проползала большая машина «Вольво», и Лисбет вскочила на ноги. Схватив мальчика, она кинулась к машине, распахнула заднюю дверцу и вместе с ним, единым клубком, ввалилась внутрь.

– Езжай! – крикнула Саландер и в ту же секунду обнаружила, что на сиденье хлещет кровь – либо из нее, либо из мальчика.

Двадцатидвухлетний Якоб Чарро был гордым владельцем машины «Вольво ХС60», которую купил в кредит под поручительство отца. Он ехал в Упсалу, чтобы пообедать вместе с кузенами, дядей и его женой, и радовался предстоящей встрече. Ему не терпелось рассказать им о том, что он попал в играющую в высшем дивизионе команду футбольного клуба «Сюрианска»[61].

По радио звучал сингл Авичи[62] «Wake me up», и, проезжая мимо Концертного зала и Института менеджмента, Якоб постукивал пальцами по рулю. Между тем впереди на улице что-то происходило. Люди бежали в разные стороны. Какой-то мужчина кричал, и машины двигались рывками, поэтому Якоб сбросил скорость, не особенно переживая по этому поводу. Если произошла авария, не исключено, что он сможет чем-то помочь. Якоб Чарро был человеком, постоянно мечтавшим стать героем.

Однако на этот раз он всерьез испугался – вероятно, из-за мужчины слева, который мчался прямо через проезжую часть и выглядел, как идущий в атаку солдат. В его движениях угадывалась невероятная жестокость, и Якоб уже собрался до предела надавить на газ, как почувствовал, что заднюю дверцу машины резким рывком распахнули. Кто-то забирался внутрь, и Чарро что-то завопил, сам не зная что, – возможно, даже не по-шведски. Но забравшаяся в машину девушка с ребенком только крикнула в ответ:

– Езжай!

На мгновение он засомневался. Что это за люди? Может, они хотят его ограбить и угнать машину? Мыслить трезво Якоб не мог. Вся ситуация казалась безумной. Но затем его просто вынудили действовать. Вдребезги разбилось заднее стекло – в них кто-то стрелял. И тогда он дико газанул и с

колотящимся сердцем проехал на красный свет через перекресток с Оденгатан.

– В чем дело? – закричал Чарро. – Что происходит?

– Молчать! – прошипела в ответ девушка.

В зеркало заднего вида Якоб увидел, что она быстро, привычными движениями, как медсестра, обследует маленького мальчика с большими испуганными глазами, и лишь тут заметил, что заднее сиденье не только усыпано осколками. Там была еще кровь.

– Он ранен?

– Не знаю. Езжай, просто езжай. Или нет, сверни там налево… Сейчас!

– О’кей, о’кей, – едва дыша от страха, ответил Якоб, резко повернул налево по Ванадисвэген и на высокой скорости помчался в район Васастан, задаваясь вопросом, преследуют ли их и будут ли в них опять стрелять.

Он пригнул голову к рулю и почувствовал, как дует из-за разбитого стекла. Во что его, черт побери, втянули, и кто эта девица? Чарро посмотрел на нее в зеркало заднего вида. Черные волосы, пирсинг, взгляд мрачный… На мгновение у него возникло ощущение, что он для нее вообще не существует. Но тут девица пробормотала что-то, прозвучавшее почти радостно.

– Хорошие новости? – спросил он.

Она не ответила. Просто сдернула с себя кожаную куртку, взялась за белую футболку и… что за черт? Внезапным рывком она разорвала футболку и осталась совершенно голой до пояса, без бюстгальтера или чего-либо еще, и Якоб на секунду пораженно уставился на торчащую вперед грудь – и прежде всего на кровь, ручейком стекавшую с груди на живот и джинсы.

В девушку попали где-то пониже плеча, недалеко от сердца; рана сильно кровоточила, и, как теперь понял Чарро, девушка собиралась использовать футболку в качестве перевязочного материала. Она крепко-накрепко перетянула рану, чтобы остановить кровотечение, а затем снова надела кожаную куртку, и вид у нее получился до нелепости заносчивый, особенно поскольку часть крови попала ей на щеку и лоб – прямо картина из военной жизни.

– Значит, хорошая новость состоит в том, что ранили тебя, а не мальчика, – сказал Якоб.

– Что-то вроде того, – ответила она.

– Отвезти тебя в Каролинскую больницу?

– Нет.

Лисбет обнаружила как входное, так и выходное отверстия. Пуля, очевидно, попала в плечо спереди и прошла насквозь. Кровотечение было очень сильным, и боль отдавала повсюду, вплоть до висков. Но никакие артерии не перебиты – тогда дело обстояло бы хуже. По крайней мере, Лисбет на это надеялась… Она снова оглянулась назад. У убийцы, скорее всего, поблизости имелась машина для бегства. Но за ними, похоже, никто не гонится. Вроде бы они рванули с места достаточно быстро…

Саландер поспешно посмотрела на мальчика – на Августа. Тот сидел, скрестив руки на груди, и раскачивался верхней половиной тела взад и вперед. Лисбет поняла: надо срочно что-то предпринять. Она стряхнула осколки стекла с волос и ног мальчика, и Август на мгновение успокоился. Однако Саландер не была уверена в том, что это хороший знак: взгляд мальчика казался слишком застывшим и пустым. Она откинула голову назад, пытаясь сделать вид, будто держит ситуацию под контролем. Получалось у нее, вероятно, не слишком хорошо. Она ощущала дурноту и головокружение, а обмотанная вокруг раны футболка уже стала кроваво-красной. Неужели она теряет сознание? Лисбет испугалась и поэтому попыталась быстро составить что-то вроде плана. Одно ей было ясно сразу: полиция – это не выход. Полиция привела мальчика прямо в руки к преступнику и, похоже, вообще не владеет ситуацией. Но что же ей делать?

Ехать дальше на этой машине, скорее всего, нельзя. Ее видели на месте преступления, и разбитым стеклом она будет привлекать внимание народа. Лисбет подумала, что надо бы попросить парня отвезти ее домой, на Фискаргатан, чтобы она могла взять свою машину «БМВ», записанную на ее второе имя – на Ирене Нессер. Но в состоянии ли она вести машину?

Чувствовала Лисбет себя отвратительно.

– Поезжай на мост Вестербрун! – скомандовала она.

– О’кей, о’кей, – отозвался парень с водительского места.

– У тебя есть что-нибудь выпить?

– У меня есть бутылка виски, которую я собирался подарить дяде.

– Давай.

Получив бутылку «Грантс», она с великим трудом открыла ее, сорвала временную повязку, полила виски рану, потом сделала один, два, три основательных глотка и, уже собираясь предложить немного Августу, сообразила, что это плохая идея. Дети виски не пьют. Даже пребывающие в шоке. Неужели у нее начинают путаться мысли?

– Тебе придется снять рубашку, – заявила она парню за рулем.

– Что?

– Мне нужно перевязать плечо чем-нибудь еще.

– О’кей, но…
– Никаких возражений.
– Если я должен вам помогать, мне надо хотя бы знать, почему в вас стреляли. Вы преступники?
– Я пытаюсь защитить этого мальчика, только и всего. За ним охотится несколько скотов.
– Почему?
– Это тебя не касается.
– Значит, он не твой сын?
– Я его не знаю.
– Почему же тогда ты ему помогаешь?
Лисбет засомневалась.
– У нас общие враги, – сказала она.

Тогда парень начал нехотя и с трудом стягивать с себя джемпер с V-образным вырезом, управляя машиной левой рукой. Потом он расстегнул рубашку, стащил ее с себя и протянул Лисбет, которая принялась тщательно обматывать ее вокруг плеча, посматривая на Августа. Тот сидел на удивление неподвижно и с застывшим взглядом смотрел на свои худенькие ноги.

Лисбет опять задумалась над тем, куда бы ей податься. Конечно, они могли бы спрятаться у нее дома, на Фискаргатан. Кроме Микаэля Блумквиста, этого адреса никто не знает, и его невозможно отследить по ее имени в каких-нибудь официальных регистрах. Но рисковать она не хотела. Прошли те времена, когда она была рисковой дурочкой, да и нынешний враг явно ловко умеет добывать информацию.

К тому же вполне вероятно, что кто-нибудь узнал ее на Свеавэген, и полиция уже переворачивает все вверх дном, чтобы ее выследить. Ей необходимо новое укрытие, не связанное ни с одним из ее имен, и поэтому ей нужна помощь. Но кто может помочь? Хольгер?

Ее бывший опекун Хольгер Пальмгрен почти полностью оправился от инсульта и теперь жил в двухкомнатной квартире на площади Лильехольмсторгет. Он был единственным, кто ее действительно хорошо знал. Он проявил бы неколебимую преданность и сделал бы все, что в его силах, чтобы помочь ей. Но в то же время Хольгер стар и боязлив, и ей не хотелось впутывать его в такое дело без крайней необходимости.

Дальше, конечно, имелся Микаэль Блумквист, и его, в общем-то, не в чем было упрекнуть. Тем не менее снова звонить ему она остерегалась – возможно, именно потому, что его не в чем упрекнуть. Он весь такой чертовски хороший, корректный и всякое прочее дерьмо. Но какого черта…

нельзя же его за это винить – во всяком случае, чересчур сильно. И она позвонила ему. Он ответил после первого же сигнала, очень взволнованным голосом:

– Алло, как приятно слышать твой голос… Что произошло?

– Я сейчас не могу рассказывать.

– Говорят, что кого-то из вас ранили. Здесь есть пятна крови…

– Мальчик чувствует себя хорошо.

– А ты?

– Нормально.

– Ты ранена?

– Подожди, Блумквист.

Саландер огляделась, определила, что они уже находятся возле самого моста, и обратилась к парню за рулем:

– Останови на автобусной остановке.

– Вы выйдете?

– *Ты* выйдешь. Дашь мне свой телефон и подождешь, пока я договорю. Ясно?

– Да, да.

Испуганно посмотрев на нее, парень отдал ей мобильный, остановился и вышел. Лисбет продолжила разговор.

– Что произошло? – спросил Микаэль.

– Не бери в голову, – сказала она. – Я хочу, чтобы с этого момента ты носил при себе телефон с платформой «Андроид» – например, «Самсунг». У вас в редакции такой, наверное, найдется?

– Да, должна быть парочка.

– Хорошо, зайди сразу же на «Гугл Плэй», скачай приложение Headphone и приложение Threema для смс-сообщений. Нам необходима надежная связь.

– О’кей.

– И если ты не идиот до такой степени, как я думаю, имя человека, который тебе будет помогать, должно сохраняться в тайне. Мне не нужны прорехи в обороне.

– Конечно.

– Кроме того…

– Да?

– Телефон должен использоваться только при крайней необходимости. В остальном мы будем общаться через шифрованный канал связи в твоем компьютере. Поэтому я хочу, чтобы ты или человек, который не является идиотом, зашел на www.pgpi.org и скачал для твоей почты шифрующую

программу. Мне надо, чтобы вы сделали это немедленно, а затем нашли для нас с мальчиком хорошее и надежное место, которое никак не связано с «Миллениумом» или с тобой, и сообщили мне адрес зашифрованным мейлом.

– Лисбет, содержать мальчика в безопасности – не твоя работа.

– Полиции я не доверяю.

– Тогда тебе надо найти кого-нибудь другого, кому ты доверяешь. Мальчик – аутист, и у него имеются особые потребности. Я не думаю, что тебе следует брать за него ответственность на себя, особенно если ты ранена…

– Ты будешь болтать чушь или помогать мне?

– Конечно, я буду тебе помогать.

– Отлично. Проверь «Ящик Лисбет» через пять минут. Я сообщу туда больше информации. Потом все сотри.

– Лисбет, послушай меня, тебе надо в больницу. Ты нуждаешься в лечении. Я слышу по твоему голосу…

Саландер положила трубку, покричала парню на автобусной остановке, достала ноутбук и с помощью мобильного телефона проникла в компьютер Микаэля. Потом написала инструкции, как следует скачивать и инсталлировать шифрующую программу. Затем велела парню отвезти ее на площадь Мосебакке. Это было рискованно, но Лисбет не видела иного выхода. Город за окном все больше уходил в туман.

Микаэль молча выругался про себя. Он стоял на Свеавэген, неподалеку от мертвого тела и ограждения, только что установленного местной полицией, которая прибыла на место первой.

После первого звонка Лисбет Блумквист не знал ни минуты покоя. Он сразу бросился в такси и по дороге сделал все возможное, чтобы помешать мальчику и директору выйти на улицу. Но ему удалось дозвониться только до сотрудницы центра «Один» по имени Биргитта Линдгрен, которая, выбежав ко входу, увидела лишь, как ее коллега падает у дверей со смертельным ранением в голову. Когда десятью минутами позже подъехал Микаэль, Биргитта Линдгрен была сама не своя, но тем не менее они вместе с другой женщиной, по имени Ульрика Франсен, которая как раз направлялась в издательство «Альберт Бонниерс фёрлаг», расположенное чуть дальше Центра, сумели довольно внятно описать Микаэлю развитие событий.

Поэтому еще до звонка Лисбет Блумквист знал, что она спасла Августу Бальдеру жизнь. Он понял, что они с мальчиком находятся в

машине, водитель которой едва ли особенно расположен помогать им после того, как его самого обстреляли. Но главное, Микаэль видел пятна крови на тротуаре и мостовой, и хотя после разговора ему немного полегчало, он по-прежнему очень волновался. Голос Лисбет звучал обессиленно, но тем не менее – что его не слишком удивило – она твердо стояла на своем.

Невзирая на то, что Саландер, по всей видимости, ранена, она хотела спрятать мальчика сама, что, принимая во внимание ее прошлое, понять в общем-то можно; но следует ли ему и журналу оказывать ей в этом помощь? Как бы героически она ни поступила на Свеавэген, в строго юридическом понимании ее действия наверняка рассматриваются как похищение. Помочь в этом Микаэль ей не мог. Он уже и так погряз в проблемах со СМИ и прокурором.

Однако речь шла о Лисбет, и он ей пообещал. Конечно, черт возьми, он ей поможет, хотя Эрика взбесится, и один бог знает, что произойдет. Поэтому, вдохнув поглубже, Блумквист достал телефон. Но набрать номер он не успел – позади него раздался знакомый голос. Это был Ян Бублански. Комиссар спешил по тротуару в состоянии, явно близком к нервному срыву, а рядом с ним шли инспектор уголовной полиции Соня Мудиг и высокий, спортивного вида мужчина лет пятидесяти – очевидно, профессор, которого упоминала по телефону Лисбет.

– Где мальчик? – тяжело дыша, выпалил Бублански.

– Он исчез в северном направлении на большой красной машине «Вольво», его кто-то спас.

– Кто же?

– Я расскажу, что мне известно, – сказал Микаэль, не в силах с ходу сообразить, что именно следует рассказать. – Но сперва я должен позвонить.

– Нет, нет, сперва ты поговоришь с нами. Мы должны объявить их розыск…

– Поговорите вон с той женщиной. Ее зовут Ульрика Франсен. Она знает больше. Она видела, как все происходило, и даже может описать преступника. Я приехал только десять минут назад.

– А того, кто спас мальчика?

– *Ту*, что спасла мальчика. Ульрика Франсен может описать и ее тоже. А сейчас прошу меня простить…

– Как вообще получилось, что ты знал о том, что здесь что-то произойдет? – с неожиданной злостью прошипела Соня Мудиг. – По радио сообщили, что ты позвонил в колл-центр еще до того, как раздались выстрелы.

– Я получил наводку.

– От кого?

Микаэль снова сделал глубокий вдох и, мобилизовав всю свою мыслимую невозмутимость, посмотрел Соне прямо в глаза.

– Невзирая на то, какую мерзость сегодня пишут в газетах, я действительно хочу сотрудничать с вами всеми возможными способами и надеюсь, вы это понимаете.

– Я всегда доверяла тебе, Микаэль. Но, честно говоря, впервые начинаю сомневаться, – ответила Соня.

– О’кей, я отношусь к этому с пониманием. Но тогда вы тоже должны с пониманием относиться к тому, что *я* не доверяю *вам*. У вас существует серьезная утечка информации; надеюсь, вы это осознали? Иначе бы этого не произошло, – сказал он, указывая на труп Торкеля Линдена.

– Ты прав. Это слишком ужасно, – вставил Бублански.

– Ну, ладно, теперь мне надо позвонить, – проговорил Микаэль и отошел чуть подальше, чтобы беспрепятственно разговаривать.

Но он так и не позвонил. Он подумал, что пора начать относиться к вопросам безопасности серьезно, и поэтому сообщил Бублански и Мудиг, что ему, к сожалению, необходимо немедленно поехать в редакцию, но что, как только он им понадобится, он, естественно, будет в их распоряжении.

Соня, к собственному удивлению, схватила Микаэля под руку.

– Ты должен сперва рассказать нам, откуда узнал о том, что что-то произойдет, – сурово сказала она.

– Я вынужден, к сожалению, сослаться на право источника на защиту, – ответил Микаэль с вымученной улыбкой.

Затем он подозвал такси и поехал в редакцию, глубоко погруженный в размышления. Для более сложных IT-решений «Миллениум» уже некоторое время назад нанял консультационную фирму «Tech Source» – группу девушек, которые обычно быстро и эффективно помогали редакции. Но вмешивать их ему не хотелось. Не хотелось и подключать Кристера Мальма, хотя тот лучше всех в редакции разбирался в вопросах IT. Вместо этого Блумквист подумал про Андрея – он уже вовлечен в материал и, кроме того, невероятно ловко управляется с компьютерами. Микаэль решил спросить его, пообещав себе, что, если только им с Эрикой удастся выбраться из этой заварухи, он будет биться за то, чтобы взять парня в штат.

У Эрики утро выдалось кошмарным еще до выстрелов на Свеавэген – естественно, из-за проклятого сообщения Телеграфного агентства, которое

в каком-то смысле явилось продолжением предыдущей травли Микаэля. На поверхность вновь вылезли все завистливые жалкие душонки и принялись изрыгать желчь в «Твиттере», по электронной почте и в комментариях в Интернете, причем на этот раз к ним подключился и расистский сброд – конечно, потому, что «Миллениум» уже несколько лет вел борьбу против любых форм ксенофобии и расизма.

Самое ужасное все-таки заключалось в том, что всем сотрудникам редакции стало намного труднее работать. Народ, казалось, внезапно утратил желание снабжать журнал информацией. Кроме того, распространился слух, что главный прокурор Рикард Экстрём готовится провести в редакции обыск. Эрика в это не особенно верила. Обыск в журнале – вещь серьезная, прежде всего учитывая право источников на защиту.

Впрочем, Бергер была согласна с Кристером Мальмом, что тучи настолько сгустились, что даже юристам и разумным людям может взбрести в голову начать заниматься глупостями, и она как раз раздумывала над тем, какие ответные меры можно принять, когда в редакцию вошел Микаэль. К ее удивлению, он не захотел поговорить с ней, а направился прямо к Андрею Зандеру и увлек того в свой кабинет. Эрика чуть погодя последовала за ними.

Когда она вошла, вид у Андрея был напряженный и сосредоточенный, и она уловила слово PGP. Эрика знала его, поскольку прошла курс IT-безопасности, и заметила, что Андрей записывает что-то в блокнот. Потом, не удостоив ее ни единым взглядом, он покинул кабинет и пошел к ноутбуку Микаэля, лежавшему в общем помещении редакции.

– Что происходит? – спросила Эрика.

Микаэль шепотом разъяснил ей ситуацию, и Бергер страшно разволновалась. Она почти не воспринимала информацию, и Микаэлю пришлось несколько раз повторить.

– Значит, ты хочешь, чтобы я нашла им укрытие? – уточнила она.

– Прости, что вовлекаю тебя в это, Эрика, – ответил Блумквист. – Но у меня нет никого, кто знал бы стольких людей с дачами, как ты.

– Даже не знаю, Микаэль… Правда, не знаю.

– Мы не можем предать их, Эрика. Лисбет ранена. Ситуация просто отчаянная.

– Если она ранена, ей надо в больницу.

– Но она отказывается. Она хочет любой ценой защитить мальчика.

– Чтобы он смог спокойно рисовать убийцу?

– Да.

– Слишком большая ответственность, Микке, и слишком большой риск… Если с ними что-нибудь случится, виноватыми окажемся мы, и это погубит журнал. Мы не должны заниматься охраной свидетелей, это не наша задача. Это прерогатива полиции – подумай только, как много вопросов технического и психологического свойства могут повлечь за собой эти рисунки! У проблемы должны быть какие-то иные пути решения.

– Наверняка – если бы мы имели дело с кем-то другим, а не с Лисбет Саландер.

– Мне иногда так надоедает, что ты ее вечно защищаешь…

– Я просто пытаюсь смотреть на ситуацию реалистически. Власти грубо предали Августа Бальдера и подвергли его смертельной опасности, и я знаю, что Лисбет это приводит в ярость.

– И, по-твоему, мы должны с этим мириться?

– У нас нет другого выхода. Она вне себя и сейчас болтается где-то, и ей некуда податься.

– Тогда отвези их в Сандхамн.

– Мы с Лисбет слишком тесно связаны. Если только выйдет наружу, что это она, все мои адреса сразу начнут проверять.

– Ладно.

– Что – ладно?

– Я что-нибудь найду.

Эрика сама едва верила, что произнесла это. Но с Микаэлем всегда так – когда он о чем-нибудь просил, она не могла отказать – и знала, что с его стороны дело обстоит так же. Ради нее он пошел бы на что угодно.

– Отлично, Рикки. Где?

Она попробовала прикинуть, но в голову ничего не приходило. Ничего не всплывало – ни имени, ни человека, будто она внезапно осталась совсем без связей.

– Мне надо подумать, – сказала Бергер.

– Думай быстро, а потом сообщи адрес и описание дороги Андрею. Он знает, как действовать.

Эрика почувствовала, что ей нужно выйти на воздух, поэтому она спустилась по лестнице, вышла на Гётгатан и направилась в сторону площади Медборгарплатсен. В голове у нее тем временем проносилось одно имя за другим, но все они казались ей неподходящими. На карту поставлено слишком многое, и она видела минусы и недостатки у всех, о ком думала, а если и не видела, ей не хотелось подвергать их риску или беспокоить подобным вопросом – возможно, потому, что он все время не давал покоя ей самой. С другой стороны… речь идет о маленьком мальчике,

в него стреляли, и она пообещала. Она должна что-то придумать.

Вдали завыла сирена полицейской машины, и Эрика посмотрела в сторону парка, станции метро и возвышающейся на холме мечети. Мимо прошел молодой человек, шурша бумагами так, словно ему выдали на дом нечто секретное… И тут вдруг ей в голову пришло – Габриэлла Гране. Поначалу это ее удивило. Габриэлла не была ей близкой подругой и работала в таком месте, где определенно не следует пренебрегать какими-либо параграфами закона. Значит, нет, идея идиотская. Даже просто взвешивая ее предложение, Габриэлла уже рисковала бы работой. И тем не менее… эта мысль не отпускала Эрику.

Габриэлла была не просто на редкость хорошим и ответственным человеком. Напрашивалось одно воспоминание. Дело было прошлым летом, где-то за полночь или даже на рассвете, на празднике раков у Габриэллы на даче, на острове Ингарё. Они вдвоем сидели в гамаке на небольшой открытой террасе и смотрели в просвет между деревьями на воду. «Сюда бы мне хотелось сбежать, когда за мной будут гоняться гиены», – сказала тогда Эрика, сама толком не зная, каких гиен имела в виду; но, вероятно, она чувствовала себя усталой и незащищенной на работе, а в этом доме присутствовало что-то, наводившее ее на мысль, что он мог бы стать прекрасным прибежищем.

Дом находился на небольшой горе и был со всех сторон защищен от посторонних глаз деревьями и склоном, и Бергер хорошо помнила, как Габриэлла сказала, что воспринимает это как обещание: «Когда гиены перейдут в наступление, тебе здесь всегда будут рады, Эрика». И сейчас, вспомнив об этом, она подумала, не стоит ли все-таки позвонить Габриэлле.

Возможно, задавать такой вопрос – нахальство. Но тем не менее Эрика решила попробовать. Проверив список своих контактов, она вернулась обратно в редакцию и позвонила с помощью шифровального приложения Redphone, которое Андрей установил ей тоже.

Глава 18

22 ноября

Габриэлла Гране как раз собиралась идти на экстренное совещание с Хеленой Крафт и рабочей группой СЭПО по поводу разразившейся на Свеавэген драмы, когда у нее зажужжал ее личный мобильный телефон. И хотя она пребывала в ярости – или, возможно, именно поэтому, – Габриэлла быстро ответила:

– Да?

– Это Эрика.

– Привет. Я сейчас не могу разговаривать. Созвонимся позже.

– Я только… – продолжила та.

Но Габриэлла уже положила трубку. Сейчас было не время для разговоров с друзьями, и она вошла в зал для совещаний с таким лицом, будто собиралась развязать небольшую войну. Произошла утечка ключевой информации, в результате чего убит еще один человек, а другой, по всей видимости, серьезно ранен, и ей больше чем когда-либо хотелось послать всех собравшихся к черту. Они проявили такую беспечность и так самозабвенно гонялись за новой информацией, что потеряли голову. В течение полуминуты Габриэлла не слышала ни слова из сказанного группой. Она просто сидела, предаваясь злости.

Внезапно Гране насторожилась. Говорили о том, что Микаэль Блумквист позвонил в колл-центр еще до того, как на Свеавэген раздались выстрелы. Это было очень странно. А сейчас звонила Эрика Бергер, которая обычно никогда не звонит без повода, особенно в рабочее время. Может, она хотела сказать что-то важное или даже решающее? Габриэлла встала и извинилась.

– Габриэлла, я считаю очень важным, чтобы ты послушала, – необычно сурово сказала Хелена Крафт.

– Мне необходимо ответить на звонок, – ответила она, вдруг совершенно не заботясь о том, чтобы угодить руководителю СЭПО.

– Что за звонок?

– Всего один звонок, – произнесла Гране.

Покинув коллег, она пошла к себе в кабинет и немедленно перезвонила Эрике Бергер.

Эрика сразу попросила Габриэллу положить трубку и позвонить ей на телефон «Самсунг». Когда подруга вновь оказалась на проводе, Бергер тотчас уловила, что с нею произошла какая-то перемена. В ее голосе не осталось ничего от обычного дружелюбного энтузиазма. Напротив, он звучал нервно и строго, как будто его хозяйка изначально предчувствовала, что Эрика сообщит нечто важное.

– Привет, – только и сказала она. – У меня по-прежнему чертовски напряженно со временем. Это касается Августа Бальдера?

Эрика почувствовала себя крайне неловко.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

– Я работаю с расследованием и только что услышала, что Микаэль получил какую-то предварительную наводку по поводу того, что произойдет на Свеавэген.

– Значит, вас уже проинформировали?

– Да, и теперь нас, конечно, очень интересует, как такое могло получиться.

– Сорри. Вынуждена сослаться на защиту источника.

– О’кей. Но что ты хотела? Зачем звонила?

Эрика закрыла глаза и набрала побольше воздуха. Как она могла быть такой идиоткой?

– Боюсь, что должна обратиться к кому-нибудь другому. Не хочу вовлекать тебя в этический конфликт.

– Я готова на любой этический конфликт, Эрика. Но мне невыносимо думать, что ты от меня что-то скрываешь. Это расследование важнее, чем ты можешь себе представить.

– Неужели?

– Да. Дело в том, что меня тоже заранее предупреждали. Я узнала, что над Бальдером нависла серьезная угроза. Но я все равно не сумела помешать убийству, и с этим мне придется жить всю оставшуюся жизнь. Так что давай не темни.

– Пожалуй, я все-таки должна, Габриэлла. Мне жаль, но я не хочу, чтобы тебе из-за нас крепко досталось.

– Я встретилась с Микаэлем в Сальтшёбадене в ночь убийства.

– Он об этом ничего не говорил.

– Я посчитала, что ничего не выиграю, если напомню ему, что мы знакомы.

– Возможно, это было умно.

– Мы могли бы помочь друг другу в этой неразберихе.

– Звучит хорошо. Я скажу Микаэлю, чтобы он тебе позвонил. Но

сейчас мне надо разобраться с этим делом.

– Мне, как и вам, известно, что в полиции существует утечка. Я понимаю, что в такой ситуации союзников надо подбирать очень осторожно.

– Безусловно. Мне жаль, но я должна продолжать поиски.

– О’кей, – разочарованно сказала Габриэлла. – Я сделаю вид, что этого разговора не было. Удачи!

– Спасибо, – ответила Эрика и продолжила перебирать своих знакомых.

Габриэлла вернулась на совещание в глубокой задумчивости. Что же хотела Эрика? Она не поняла этого. И все же ей казалось, что она о чем-то догадывается… Но в ее мыслях ничего проясниться не успело.

Как только она вошла, все сразу замолчали и посмотрели на нее.

– О чем шла речь? – спросила Хелена Крафт.

– Просто кое-что личное.

– Что тебе потребовалось выяснять именно сейчас?

– Что мне требовалось выяснить… На чем мы остановились?

– Мы говорили о произошедшем на Свеавэген, но, как я подчеркнул, у нас пока нет достаточной информации, – сказал руководитель отдела Рагнар Улофссон. – В данный момент ситуация хаотичная. К тому же мы, кажется, лишились источника в группе Бублански. После случившегося комиссар, похоже, совсем обезумел.

– У него есть на то все основания, – резко заметила Габриэлла.

– Да… да, об этом мы тоже говорили. Мы, конечно, не сдадимся, пока не поймем, как стрелок узнал, что мальчик находится в Центре, или откуда он знал, что тот выйдет из дверей именно в это время. Мне едва ли надо говорить, что мы не пожалеем для этого никаких усилий. Однако я должен также заострить внимание на том, что утечка совсем не обязательно произошла в полиции. Сведения, похоже, были известны многим: разумеется, в Центре, и матери с ее ненадежным женихом Лассе Вестманом, и в редакции «Миллениума». Кроме того, конечно, нельзя исключить хакерские атаки. К этому я еще вернусь. Но, если позволите, я продолжу свой отчет…

– Конечно.

– Мы только что обсуждали роль Микаэля Блумквиста, и здесь мы чрезвычайно озадачены. Откуда он мог знать о драме со стрельбой до того, как она произошла? На мой взгляд, у него должен иметься источник в близком окружении самих преступников, и тут у нас нет причин чересчур

уважать право источника на защиту.

– Особенно потому, что он, похоже, пребывает в отчаянии и идет на все, чтобы заполучить материал, – вставил старший инспектор Мортен Нильсен.

– У Мортена явно тоже есть отличные источники. Он читает вечерние газеты, – язвительно произнесла Габриэлла.

– Не вечерние газеты, старушка, а Телеграфное агентство. К данной инстанции иногда питаем известное доверие даже мы, в Службе безопасности.

– Это была спланированная клеветническая статья, и ты знаешь это не хуже меня, – возразила Габриэлла.

– Не знал, что ты по уши втрескалась в Блумквиста.

– Идиот.

– Сейчас же прекратите, – вмешалась Хелена. – Что это еще за ерунда? Продолжай, Рагнар. Что нам известно о самом развитии событий?

– Первыми на месте оказались патрульные полицейские Эрик Сандстрём и Турд Ландгрен, – продолжал Рагнар Улофссон. – В настоящий момент я ссылаюсь на информацию от них. Они прибыли туда ровно в девять двадцать четыре, когда все закончилось. Torкель Линден был убит выстрелом в затылок, а мальчик… ну, тут мы не знаем. Есть свидетельства, что в него тоже попали – на тротуаре и мостовой имеются пятна крови. Но полной уверенности у нас нет. Мальчик исчез в красной машине «Вольво», и нам известны части регистрационного номера плюс модель. Думаю, что мы довольно скоро установим владельца.

Габриэлла обратила внимание на то, что Хелена Крафт тщательно все записывает – в точности как на предыдущих совещаниях поступала она сама.

– Но что произошло? – спросила Гране.

– По словам двух молодых людей, студентов Института менеджмента, стоявших на другой стороне Свеавэген, это напоминало разборку между двумя криминальными группировками, охотившимися за мальчиком, Августом Бальдером.

– Звучит не слишком реалистично.

– Я не так в этом уверен, – возразил Рагнар Улофссон.

– Что заставляет тебя так говорить? – спросила Хелена Крафт.

– С обеих сторон действовали профессионалы. Стрелок, кажется, стоял, наблюдая за дверью от низкой зеленой стены по другую сторону улицы, прямо перед парком. Многое говорит за то, что это был тот же мужчина, который убил Бальдера. Правда, никому, похоже, не удалось

толком разглядеть его лицо – возможно, оно было как-то закамуфлировано. Но он вроде бы двигался с той же скоростью и эффективностью. А к другому лагерю относилась та женщина.

– Что нам известно о ней?

– Немногое. Одета, как мы полагаем, в черную кожаную куртку и темные джинсы. Молодая, темноволосая, вроде бы с пирсингом, немного похожа на рокершу или панка, и еще маленького роста и какая-то взрывная. Она появилась ниоткуда, бросилась на мальчика и спасла его. Все свидетели сходятся на том, что она едва ли обычный человек из толпы. Женщина мчалась так, будто специально тренировалась, или, во всяком случае, как будто ей уже доводилось бывать в подобных ситуациях. Она действовала крайне целеустремленно. Далее – машина «Вольво»; и тут у нас противоречивые сведения. Кто-то утверждает, что она просто случайно проезжала мимо и что женщина с мальчиком вскочили в нее на ходу. Другие – прежде всего парни из Института менеджмента – считают, что машина являлась частью операции… В любом случае боюсь, что нам на голову свалилось еще и похищение.

– Какой же в нем смысл?

– Вопрос не ко мне.

– Значит, получается, что женщина не только спасла мальчика, но и похитила его? – спросила Габриэлла.

– Похоже на то, а разве нет? Иначе она уже наверняка проявилась бы.

– Как она попала на место происшествия?

– Пока неизвестно. Но один свидетель, бывший главный редактор профсоюзной газеты, говорит, что женщина показалась ему знакомой или попросту известной, – ответил Рагнар Улофссон.

Он добавил что-то еще, но Габриэлла уже перестала слушать. Она даже оцепенела и подумала: «Дочь Залаченко, это должна быть дочь Залаченко», – хотя, конечно, знала, что данное определение крайне несправедливо. Дочь не имела с отцом ничего общего. Напротив, она его ненавидела. Однако Габриэлла стала рассматривать ее как дочь Залаченко с тех пор, как несколько лет назад прочла о деле Залы все, что могла найти. И пока Рагнар Улофссон высказывал свои соображения, ей подумалось, что все встало по своим местам.

Еще накануне Габриэлла увидела несколько точек соприкосновения между бывшей сетью контактов Залы и группировкой, называвшей себя Пауками. Но тогда она отвергла эту мысль, посчитав, что существуют пределы того, насколько преступники способны развить свою компетентность. Проделать путь от потрепанных типов, тусующихся в

кожаных жилетках по мотоклубам и листающих порножурналы, до воровства новейших технологий – это звучало неправдоподобно. Тем не менее эта мысль засела у нее в голове, и Габриэлла даже подумывала, не могла ли девушка, которая помогла Линусу Бранделю отследить вторжение в компьютеры Бальдера, оказаться дочерью Залаченко. В одном из документов Службы безопасности, касавшемся этой женщины, значилось: «Хакер? разбирается в компьютерах?», и хотя вопрос казался скорее случайным, вызванным тем, что женщина получила на удивление хорошие отзывы о своей работе в «Милтон секьюрити», было ясно, что она уделяет много времени изучению преступного синдиката отца.

Однако самым очевидным в данном контексте представлялось все-таки наличие связи между ней и Микаэлем Блумквистом. Как именно выглядела эта связь, было неясно, но Габриэлла ни на секунду не верила в злобную болтовню о подцеплении на крючок или садомазохистском сексе. Однако связь существовала, и оба они – Микаэль Блумквист и женщина, которая подходила под описание дочери Залаченко и, по словам свидетеля, выглядела знакомой, – похоже, что-то знали заранее о выстрелах на Свеавэген. А потом Габриэлле позвонила Эрика Бергер и хотела поговорить о чем-то важном, связанном с этим происшествием… Разве все это не указывает в одну сторону?

– Мне тут кое-что пришло в голову, – произнесла Габриэлла, возможно слишком громко, и прервала Рагнара Улофссона.

– Да? – раздраженно отозвался тот.

– Мне подумалось… – продолжила она, уже собираясь изложить свою теорию, как обратила внимание на кое-что, заставившее ее засомневаться.

В общем-то, ничего особенно странного в этом не было. Просто Хелена Крафт опять усиленно записывала только что сказанное Рагнаром Улофссоном. Вроде бы хорошо, когда высокий начальник проявляет такой интерес к делу. Однако какое-то чрезмерное усердие в скрипе ручки все-таки заставило Габриэллу задаться вопросом, неужели этому высокому начальнику, в задачи которого входит следить за общей картиной, действительно следует проявлять такую дотошность в отношении каждой маленькой детали? Гране почему-то стало очень неприятно. Это ощущение могло объясняться тем, что она собралась указать на человека без достаточных оснований, а может, скорее, тем, что Хелена Крафт, осознав, что за ней наблюдают, пристыженно отвела глаза и даже покраснела, – но, так или иначе, Габриэлла решила не заканчивать мысль.

– Или, вернее говоря…

– Да, Габриэлла?

– Нет, ничего особенного, – сказала она, почувствовав внезапную потребность уйти, и, сознавая, что это будет выглядеть нехорошо, еще раз покинула совещание и пошла в туалет.

Потом Гране будет вспоминать, как смотрела там в зеркало на собственное лицо и пыталась понять, что же она такое видела. Неужели Хелена Крафт покраснела? Что же это в таком случае означало? Наверняка ничего, решила Габриэлла, абсолютно ничего, и даже если она действительно усмотрела в лице начальницы стыд или вину, это могло относиться к чему угодно – скажем, к мелькнувшей у нее в голове какой-то неловкой мысли… Габриэлла подумала, что на самом деле знает Крафт не слишком хорошо. Впрочем, она все-таки не сомневалась в том, что Хелена не послала бы ребенка на смерть ради какой-то финансовой или другой выгоды… нет, такое невозможно. Габриэлла просто стала параноиком, классическим чокнутым шпионом, которому повсюду видятся «подсадные утки», даже в собственном зеркальном отражении. «Идиотка», – пробормотала она, грустно улыбнувшись сама себе, чтобы отбросить всякие глупости и вернуться к реальности. Но на этом все не закончилось. В эту секунду ей показалось, будто она увидела у себя в глазах некую новую истину.

Она почувствовала, что похожа на Хелену Крафт. Похожа на нее в том смысле, что хочет считаться способной, амбициозной, и чтобы начальники похлопывали ее по плечу, – а ведь это стремление может быть не только положительным. Если среда, в которой ты работаешь, нездорова, с подобными наклонностями ты рискуешь сам стать нездоровым – и кто знает, возможно, желание угождать приводит людей к преступлениям и аморальным поступкам столь же часто, как злоба и алчность.

Люди хотят вписаться, проявить себя с лучшей стороны – и совершают ради этого невообразимые глупости. Внезапно Габриэлле подумалось: может, именно так получилось и здесь? Во всяком случае, Ханс Фасте – ведь, наверное, именно он был их источником в группе Бублански? – сдал им информацию, поскольку это являлось его задачей, и ему хотелось заработать очки у Службы безопасности, а уж Рагнар Улофссон проследил за тем, чтобы Хелена Крафт познакомилась с каждой мельчайшей деталью, потому что она его начальник, и ему хочется быть на хорошем счету, а потом… да, потом Хелена Крафт, возможно, передала информацию дальше, поскольку ей тоже хотелось продемонстрировать свои способности. Но кому? Шефу Государственного полицейского управления, правительству или иностранной службе безопасности – скорее всего, американской или английской, которая, возможно, в свою очередь…

Продолжать мысль Габриэлла не стала и вновь задалась вопросом, не съехала ли у нее крыша. И хотя ей казалось, что так, пожалуй, и есть, она чувствовала, что не доверяет своей группе. И подумала, что ей, конечно, тоже хочется быть хорошим специалистом, но совсем необязательно в духе Службы безопасности. Ей хотелось только, чтобы Август Бальдер уцелел…

Увидев перед собою вместо лица Хелены Крафт глаза Эрики Бергер, Габриэлла поспешила к себе в кабинет и достала свой «Блэкфон» – тот самый телефон, которым обычно пользовалась при разговорах с Франсом Бальдером.

Эрика Бергер снова вышла на улицу, чтобы иметь возможность спокойно разговаривать, и теперь, стоя перед книжным магазином на Гётгатан, раздумывала, не совершила ли глупость. Но Габриэлла Гране так аргументировала свою речь, что не дала Эрике ни малейшего шанса от нее отделаться. Дружба со слишком умными женщинами обладает одним минусом – они видят тебя насквозь.

Габриэлла не только вычислила, что у Эрики было за дело. Она также убедила ее в том, что чувствует моральную ответственность и ни за что на свете не выдаст укрытия, каким бы нарушением профессиональной этики с ее стороны это ни считалось. Она сказала, что считает себя виноватой, и поэтому хочет помочь, и сейчас же перешлет ключи от своего дома на Ингарё, а также проследит за тем, чтобы описание дороги попало на зашифрованное приложение, созданное Андреем Зандером согласно инструкциям Лисбет Саландер.

Чуть подальше на Гётгатан упал нищий, по тротуару разлетелись два мешка пластиковых бутылок, и Эрика бросилась помогать. Но довольно быстро вставший на ноги мужчина от любой помощи отказался, и Эрика, грустно ему улыбнувшись, пошла обратно в редакцию.

Когда она вернулась, Микаэль выглядел совершенно измученным и выбитым из колеи. Волосы у него стояли дыбом, а рубашка торчала из брюк. Таким изнуренным Эрика его давно не видела. Тем не менее она не забеспокоилась. Когда его глаза горели таким образом, его уже было не остановить. Значит, он вошел в состояние абсолютной концентрации и не выйдет из него, пока полностью не разберется с этой историей.

– Ты нашла укрытие? – спросил он.

Эрика кивнула.

– Пожалуй, лучше ничего больше не говори. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше, – продолжил он.

– Звучит разумно. Но будем надеяться, что это ненадолго. Мне не

нравится, что за мальчика отвечает Лисбет.

– Может, они хорошо подходят друг другу, кто знает…

– Что ты сказал полиции?

– Слишком мало.

– Не лучший момент для сокрытия сведений.

– Да уж…

– Возможно, Лисбет согласится сделать какое-нибудь заявление, чтобы тебя немного оставили в покое.

– Сейчас я не хочу на нее давить. Я за нее волнуюсь. Попроси, пожалуйста, Андрея узнать у нее, не послать ли нам туда врача?

– Хорошо. Но знаешь…

– Да…

– Я вообще-то начала думать, что она поступает правильно, – сказала Эрика.

– С чего вдруг?

– Потому что у меня есть свои источники. Складывается впечатление, что в настоящий момент здание полиции не является особенно надежным местом, – ответила она и решительным шагом направилась к Андрею Зандеру.

Глава 19

Вечер 22 ноября

Ян Бублански в одиночестве стоял у себя в кабинете. Ханс Фасте в конце концов сознался в том, что все время информировал Службу безопасности, и Бублански, даже не выслушав его оправдания, отстранил его от расследования. Но хотя тем самым он получил дополнительные доказательства того, что Фасте – ненадежный карьерист, ему было очень трудно поверить в то, что парень также снабжал информацией преступников. Бублански вообще с трудом верил в то, что кто-либо это делал.

Конечно, даже в полиции имеются коррумпированные и испорченные люди. Но выдать хладнокровному убийце маленького мальчика-инвалида – это нечто иное, и Бублански отказывался верить, что кто-то из коллег способен на подобное. Возможно, информация просочилась наружу каким-то другим образом. У них могли прослушать телефоны или хакнуть компьютеры, хотя он не думал, чтобы они заносили в какой-нибудь компьютер информацию о том, что Август Бальдер может нарисовать преступника, или тем более о том, что он находится в Центре помощи детям и молодежи под названием «О́дин». Бублански попытался связаться с руководителем СЭПО Хеленой Крафт, чтобы обсудить это. Однако, хотя он подчеркнул важность вопроса, она ему не перезвонила.

Кроме того, ему звонили взволнованные представители Экспортного совета и Министерства промышленности, и хотя напрямую ничего сказано не было, но складывалось впечатление, что их главным образом беспокоили не мальчик или дальнейшее развитие драмы на Свеавэген, а исследовательская программа, которой занимался Франс Бальдер и которую, похоже, действительно похитили в ночь убийства.

Невзирая на то, что в Сальтшёбадене побывали несколько лучших компьютерщиков полиции, а также три программиста из Линдчёпингского университета и Стокгольмского технологического института, никаких следов его исследований обнаружить не удалось – ни в компьютерах, ни в оставшихся после Бальдера бумагах.

– Значит, в довершение всего теперь в бегах находится еще искусственный интеллект, – пробормотал Бублански себе под нос и почему-то припомнил старую загадку, при помощи которой любивший

пошутить кузен Самуэль обычно приводил в замешательство в синагоге своих ровесников.

Загадка представляла собой парадокс, состоявший в следующем: если Бог всемогущ, может ли Он создать что-либо более умное, чем Он сам? Ее считали, как ему помнилось, непочтительной или даже кощунственной, поскольку она была такого уклончивого свойства, что любой ответ оказывался неверным. Но углубиться дальше в проблематику Бублански не успел. В дверь постучали. Появившаяся Соня Мудиг с некоторой торжественностью протянула ему еще кусочек швейцарского апельсинового шоколада.

– Спасибо, – сказал он. – Что можешь доложить?

– Мы думаем, что знаем, как преступнику удалось выманить Торкеля Линдена с мальчиком на улицу. Они послали фальшивые мейлы от нашего имени и имени Чарльза Эдельмана и назначили встречу на улице.

– Значит, такое тоже можно проделать?

– Это даже не слишком трудно.

– Противно…

– Да, но это по-прежнему ничего не говорит о том, как преступникам удалось узнать, что им нужно попадать именно в компьютер «О́дина», и откуда они узнали, что в дело замешан профессор Эдельман.

– Подозреваю, нам надо проверить и наши собственные компьютеры.

– Их уже проверяют.

– Неужели дошло до такого, Соня?

– Что ты имеешь в виду?

– Что нельзя осмелиться ничего написать или сказать, не рискуя, что тебя прослушают?

– Не знаю. Надеюсь, что нет. У нас дожидается допроса некий Якоб Чарро.

– Кто это?

– Талантливый футболист из клуба «Сюрианска». И, кроме того, парень, который увез женщину и Августа Бальдера со Свеавэген.

Соня Мудиг сидела в комнате для допросов с молодым мускулистым мужчиной, с короткими темными волосами и выступающими скулами. Мужчина был в оранжевом джемпере с V-образным вырезом, без рубашки, и казался одновременно измученным и немного гордым.

– Допрос начат в восемнадцать тридцать пять, двадцать второго ноября; проводится для получения информации у свидетеля Якоба Чарро, двадцати двух лет, проживающего в Норсборге. Расскажите о том, что

произошло сегодня утром, – начала она.

– Ну, значит… – заговорил Якоб Чарро. – Я ехал по Свеавэген, заметил впереди какую-то неразбериху и подумал, что произошла авария, поэтому сбавил ход. Но тут я увидел, что с левой стороны через улицу бежит мужчина. Он мчался вперед, даже не глядя на транспорт… Помню, я подумал, что это террорист.

– Почему вы так подумали?

– Он казался исполненным священной ярости.

– Вы успели рассмотреть его внешность?

– Я бы этого не сказал, но задним числом мне подумалось, что в ней было нечто неестественное.

– Что вы имеете в виду?

– Лицо у него казалось как будто ненастоящим. Круглые темные очки, вероятно, привязанные к ушам. Потом щеки… Он словно бы держал что-то во рту, не знаю… а еще усы, брови и цвет лица.

– Вы полагаете, он был замаскирован?

– Что-то в этом роде. Но я не успел хорошенько подумать. В следующее мгновение заднюю дверцу распахнули и… как бы это сказать? Это было одно из тех мгновений, когда одновременно происходит слишком многое, будто весь мир рушится тебе на голову. Внезапно у меня в машине оказались посторонние люди, а все заднее стекло разлетелось вдребезги. Я был в шоке.

– Что вы сделали?

– Газанул, как безумный. Думаю, запрыгнувшая девушка крикнула мне ехать, а я был настолько напуган, что едва соображал, что делаю. Я просто подчинялся приказам.

– Вы говорите, приказам?

– Было такое ощущение. Я думал, что нас преследуют, и не видел другого выхода, как подчиниться. Я поворачивал туда и сюда, в точности как говорила девушка, и кроме того…

– Да?

– Ее голос. Он был такой холодный и решительный, что я за него вроде как уцепился. Казалось, будто ее голос был единственной контролируемой вещью во всем этом безумии.

– Вы говорили, что вроде бы знаете, кто эта женщина?

– Тогда я ничего не знал. Я был полностью сфокусирован на кромешном безумии этой истории и страшно боялся. Кроме того, на заднем сиденье лилась кровь.

– Из мальчика или из женщины?

– Поначалу я не знал, и они вроде бы тоже. Но потом я внезапно услышал «Йес!» – такой возглас, будто произошло что-то хорошее.

– О чем же шла речь?

– Девушка поняла, что ранена она, а не мальчик, и я помню, что задумался над этим. Это прозвучало, как «ура, я ранена», и надо сказать, что рана была далеко не пустяковой. Как девушка ее ни перевязывала, кровотечение ей остановить не удавалось. Кровь все текла и текла, и девушка становилась все бледнее. Чувствовала она себя отвратно.

– И тем не менее она обрадовалась, что попали в нее, а не в мальчика.

– Именно. Точно заботливая мамаша.

– Но она не приходилась мальчику матерью?

– Отнюдь. Она сказала, что они друг друга не знают, и, кстати, это становилось все более очевидным. Девушка, похоже, с детьми не очень-то… Даже намека не было на то, чтобы она обняла мальчика или сказала ему что-нибудь в утешение. Она обращалась с ним скорее как со взрослым и разговаривала с ним тем же тоном, что и со мной. В какой-то момент казалось, что она собирается дать ему виски.

– Виски? – спросил Бублански.

– У меня в машине была бутылка, которую я хотел подарить дяде, но я дал ее девушке, чтобы она продезинфицировала рану и немного выпила. Выпила она, к слову, прилично.

– А как вам показалось ее обращение с мальчиком в целом? – спросила Соня Мудиг.

– Честно говоря, даже не знаю, что ответить. Гением общительности ее точно не назовешь. Со мной она обращалась, как с паршивым слугой и ни черта не понимала в том, как обходиться с детьми, но тем не менее…

– Да?

– Думаю, она человек хороший. В качестве няни я бы ее не нанял, если вы понимаете, что я имею в виду. Но она нормальная.

– Значит, вы считаете, что ребенок в надежных руках?

– Я бы сказал, что девушка наверняка может быть страшно опасной или буйной. Но ради этого малыша… Августа, кажется?

– Точно.

– Ради Августа она, если потребуется, жизни не пожалеет. Так я понял.

– Как вы расстались?

– Она попросила меня отвезти их на площадь Мосебакке.

– Она там живет?

– Не знаю. Она мне вообще ничего не объясняла. Просто велела ехать туда, и мне подумалось, что у нее где-то там есть собственная машина.

Никаких лишних слов она не произносила. Но попросила меня записать мои данные. Сказала, что хочет компенсировать мне повреждения машины плюс заплатить еще немного.

– Она казалась состоятельной?

– Ну… если бы я судил только по ее внешнему виду, то сказал бы, что она живет в какой-нибудь дыре. Но ее манера себя вести… не знаю. Меня не удивило бы, если она на самом деле крутая. Казалось, она привыкла поступать, как ей угодно.

– Что же произошло?

– Она велела мальчику выходить.

– И он вышел?

– Он был в полной отключке. Только раскачивался всем телом взад и вперед и не двигался с места. Но когда она более строгим голосом сказала, что это жизненно важно или нечто подобное, он вылез наружу с совершенно неподвижными руками, будто шел во сне.

– Вы видели, куда они пошли?

– Только что они пошли налево, в сторону Шлюза. Но девушка…

– Да?

– Явно чувствовала себя слишком паршиво. Она шагнула в сторону и, казалось, могла в любой момент потерять сознание.

– Звучит нехорошо… А мальчик?

– Наверное, тоже чувствовал себя неважно. Взгляд у него был совсем потухший, и на протяжении всей поездки я волновался, что с ним случится какой-нибудь припадок. Но, выйдя из машины, он, похоже, адаптировался к ситуации. Во всяком случае, он несколько раз спросил: «куда?», «куда?».

Соня Мудиг и Бублански переглянулись.

– Вы уверены? – спросила Соня.

– С чего бы мне не быть уверенным?

– Я имею в виду, что вы могли подумать, будто слышали, как он это сказал, потому что он, например, вопросительно смотрел…

– Почему это?

– Потому что мать Августа Бальдера говорит, что мальчик вообще не разговаривает, – продолжила Соня Мудиг.

– Вы шутите?

– Нет, и очень странно, если он при таких обстоятельствах действительно произнес первые в жизни слова.

– Я слышал то, что слышал.

– Ладно, а что ответила ему женщина?

– Думаю, «туда», «вперед». Что-то в этом роде. Потом она чуть не

рухнула, как я сказал. Кроме того, она велела мне уезжать.

– И вы уехали?

– Просто рванул с места. Помчался, как дьявол.

– Но потом вы поняли, кого везли?

– Я уже раньше сообразил, что парень приходится сыном тому гению, я читал о нем в Интернете. Но девушка… она казалась мне лишь смутно знакомой, вызывала какие-то ассоциации. Под конец я не мог больше вести машину. Меня всего трясло, и я остановился на Рингвэген, забежал в гостиницу «Кларион», чтобы выпить пива и попытаться немного успокоиться, – и тут меня осенило. Эту девушку несколько лет назад разыскивали за убийство, но потом полностью оправдали, зато выяснилось, что в детстве она подвергалась всякому жестокому обращению в психушке. Я довольно хорошо это запомнил, поскольку у меня был приятель, у которого отца в свое время истязали в Сирии, и из-за того, что отец не справлялся с воспоминаниями, его как раз тогда подвергали приблизительно тому же – регулярному электрошоку и прочей мерзости. Казалось, будто его решили теперь истязать здесь.

– Вы в этом уверены?

– Что его истязали?…

– Нет, что это она, Лисбет Саландер?

– Я посмотрел в телефоне по Интернету на все фотографии – и совершенно уверен. Остальное тоже сходится, знаете…

Якоб засомневался, словно смущаясь.

– Она разделась до пояса, потому что футболка требовалась ей для повязки, и когда она немного повернулась, чтобы перевязать плечо, я увидел у нее на спине, до самых лопаток, здоровенную татуировку дракона. Эта татуировка упоминалась в одной из старых газетных статей.

Эрика Бергер стояла в летнем доме Габриэллы, на острове Ингарё, с двумя большими пакетами с едой, мелками, бумагой, несколькими сложными пазлами и кое-чем еще. Но Августа и Лисбет нигде видно не было, и связаться с ними тоже никак не получалось. Саландер не отвечала ни через приложение Redphone, ни по шифрованному каналу связи, и Эрика не находила себе места от беспокойства.

Ситуация, как ни крути, казалась ей крайне тревожной. Конечно, Лисбет не большая любительница общих фраз или успокаивающих слов. Но ведь она сама просила найти ей надежное укрытие. Кроме того, на ней лежала ответственность за ребенка, и если она не отвечает на их призывы, значит, ей, вероятно, очень плохо. В худшем случае Лисбет лежит где-

нибудь со смертельным ранением.

Эрика выругалась и вышла на открытую террасу, ту самую, где они с Габриэллой сидели и говорили о возможности спрятаться от мира. Это было всего несколько месяцев назад, но казалось, что очень давно. Теперь тут никто не шумел; не было ни столов, ни стульев, ни бутылок, а только снег, ветки и принесенный ураганом мусор. Складывалось впечатление, что сама жизнь покинула это место, и воспоминание о празднике раков лишь усугубляло ощущение заброшенности дома. Праздник спрятался в стенах, подобно призраку.

Эрика вернулась на кухню и положила в холодильник еду, которую можно было разогревать в микроволновке, – фрикадельки, упаковку спагетти с соусом из фарша с томатами, упаковку бефстроганова из колбасы, рыбные запеканки и картофельные котлеты, – а также массу еще более паршивой провизии, которую ей посоветовал купить Микаэль: пиццы, пирожки, картофель фри, кока-колу, бутылку виски «Талламор дью», блок сигарет, три пакета чипсов, карамельки, три шоколадных кекса, батончики со свежей лакрицей. На большой круглый кухонный стол Бергер выложила бумагу для рисования, мелки, фломастеры, стиральную резинку, линейку и циркуль. На верхнем листе бумаги она нарисовала солнце и цветок и написала: «Добро пожаловать!» – четырьмя теплыми цветами.

Дом находился на горé, неподалеку от пляжа, и увидеть его издали было невозможно – его надежно защищали хвойные деревья. В нем имелись четыре комнаты, а его центром являлась большая кухня со стеклянными дверьми, выходившими на террасу; помимо круглого обеденного стола, в кухне стояли старое кресло-качалка и два потертых и просиженных дивана, которые благодаря новым красным пледам казались симпатичными и уютными. Жить в таком доме наверняка было приятно. Вероятно, так же прекрасно он подходил и в качестве укрытия.

Эрика оставила дверь открытой, положила ключи, согласно договоренности, в верхний ящик шкафа в прихожей и побрела вниз по длинной деревянной лестнице, идущей по крутому склону горы – единственному пути к дому для человека, приехавшего на машине.

Небо стало темным и тревожным, снова задул сильный ветер. У Эрики было тяжело на душе, и ее настроение вовсе не улучшилось от того, что по пути домой она начала думать о матери мальчика. С Ханной Бальдер Эрика никогда не встречалась и в прежние годы отнюдь не принадлежала к числу ее фанатов. В те времена Ханна часто играла женщин, воспринимавшихся всеми мужчинами как легкодоступные, одновременно сексапильных и глуповато-невинных, и Эрика считала типичным, что в кино показывали

именно таких персонажей. Но теперь все это осталось в прошлом, и Бергер стыдилась своего тогдашнего неприязненного отношения к ним. Она судила Ханну Бальдер слишком сурово – так часто бывает, когда речь идет о хорошеньких девушках, рано добивающихся большого успеха.

Теперь же – в те немногие разы, когда Ханна появлялась в сколько-нибудь значительных фильмах, – ее глаза излучали скорее сдержанную печаль, придававшую ее ролям глубину – и, возможно (откуда Эрика могла знать?), печаль была подлинной. Ханне Бальдер явно приходилось нелегко. В последние сутки ей уж точно было нелегко, и Эрика с самого утра настаивала на том, чтобы ей всё рассказали и отвезли к Августу. Журналистке казалось, что в такой ситуации ребенок нуждается в матери.

Однако Лисбет, которая тогда еще поддерживала с ними связь, воспротивилась этой идее. Она написала, что пока еще неизвестно, откуда произошла утечка информации, и нельзя исключить того, что как раз из окружения матери и Лассе Вестмана, которому никто не доверял и который теперь, похоже, круглосуточно находился дома, чтобы не сталкиваться с поджидавшими его снаружи журналистами. Ситуация представлялась безнадежной, Эрике это не нравилось, и она молила Бога, чтобы им удалось достойно и основательно описать эту историю, без крупных неприятностей для журнала или кого-нибудь другого.

В способностях Микаэля она в любом случае не сомневалась – когда он выглядел так, как сейчас. Кроме того, ему помогает Зандер… К Андрею Эрика питала слабость. Красивый мальчик, которого иногда ошибочно принимают за гея. Недавно за ужином, дома у них с Грегером в Сальтшёбадене, он рассказал свою историю жизни, которая только еще больше расположила к нему Эрику.

Когда Андрею было одиннадцать лет, он потерял обоих родителей при взрыве бомбы в Сараево и жил после этого в Тенсте, под Стокгольмом, у сестры матери, которая ничего не понимала в его складе ума – и даже в том, какую он получил травму. При смерти родителей Андрей не присутствовал. Тем не менее его тело реагировало так, будто он страдает от посттравматического стресса, и Зандер по сей день ненавидел громкие звуки и резкие движения. Ему не нравилось, когда в ресторанах или в общественных местах стояли бесхозные сумки, и он так страстно ненавидел насилие и войну, что Эрике ничего подобного видеть не доводилось.

В детстве Андрей находил прибежище в собственных мирах. Погружался в фэнтези, читал поэзию, биографическую литературу, обожал Сильвию Плат, Борхеса и Толкиена, изучил все, связанное с компьютерами,

и мечтал писать душераздирающие романы о любви и трагедиях. Неисправимый романтик, он надеялся залечить свои раны великими страстями, ничуть не заботясь о происходящем в обществе или в мире. Однако ближе к двадцати годам Андрей сходил на открытую лекцию Микаэля Блумквиста в Стокгольмскую высшую школу журналистики, и это изменило его жизнь.

Что-то в пафосе Микаэля заставило его открыть глаза и увидеть мир, истекающий кровью от несправедливостей, нетерпимости и обмана. Вместо слезоточивых романов он начал мечтать о написании социально-критических репортажей – и вскоре после этого пришел в «Миллениум» и попросил позволения делать все равно что: варить кофе, вычитывать корректуры, бегать по поручениям… Ему хотелось участвовать в общем деле любой ценою, принадлежать к редакции, и Эрика, с самого начала увидевшая в его глазах огонь, позволила ему выполнять кое-какую небольшую работу: заметки, предварительные исследования, краткие портреты. Но прежде всего она велела ему учиться, и Зандер принялся за учебу с такой же энергией, как за все, чем занимался. Он изучал политологию, средства массовой коммуникации, экономику, исследования проблем мира и конфликтов – и параллельно подрабатывал в «Миллениуме» на временных должностях, конечно, мечтая стать известным журналистом-исследователем, таким как Микаэль.

Однако, в отличие от других глубоко копающих репортеров, крутизной Андрей не отличался. Он оставался романтиком, по-прежнему мечтал о великой любви, и Эрика с Микаэлем посвятили много времени его проблемам на любовном фронте. Женщины тянулись к Андрею, но с такой же легкостью бросали его. Возможно, в его желании присутствовало какое-то излишнее отчаяние, или многих отпугивала интенсивность его чувств – и, вероятно, он слишком необдуманно рассказывал о своих недостатках и слабостях. Зандер был чересчур открытым и прозрачным, чересчур хорошим, как обычно говорил Микаэль.

Но Эрика считала, что Андрей уже избавляется от этой юношеской уязвимости. Во всяком случае, она замечала это по его журналистике. Судорожное стремление затронуть все, делавшее его прозу перегруженной, сменилось новым, более трезвым и эффективным подходом, и Эрика знала – сейчас, когда ему представился шанс помочь Микаэлю с историей Бальдера, он сделает все, что в его силах.

Согласно плану, Блумквист будет писать большой основополагающий очерк, а Андрей – помогать ему со сбором материала и еще писать часть поясняющих, сопутствующих статей и портретов, и Эрика находила это

многообещающим. Когда она, припарковав машину на улице Хёкенс, вошла в редакцию, Микаэль и Андрей оба сидели, как она и предполагала, глубоко погрузившись в сосредоточенные размышления. Блумквист, правда, периодически что-то бормотал себе под нос, и в его глазах Эрика увидела не только искрящуюся целеустремленность – она подметила в них еще какую-то истерзанность, что ее не удивило. Микаэль ужасно плохо спал. На него здорово наехали СМИ, и он побывал на допросе в полиции, где ему пришлось заниматься именно тем, в чем его обвиняла пресса, – скрывать правду, а этого Микаэль не любил.

Блумквист был до мозга костей законопослушным, примерным гражданином – в каком-то смысле. Но если кто и мог заставить его перейти границы дозволенного, то это Лисбет Саландер. Микаэль предпочел бы навлечь на себя бесчестие, чем предать ее хоть в чем-то, и поэтому, сидя в полиции, он отвечал: «Я вынужден сослаться на право источника на защиту», – и его это, естественно, тяготило и заставляло волноваться за последствия. Тем не менее он был прежде всего сосредоточен на материале и, в точности как она сама, гораздо больше беспокоился за Лисбет и мальчика, чем за их собственную ситуацию.

Немного понаблюдав за ним, Эрика подошла и спросила:

– Как идут дела?

– Что… да, хорошо. Как все прошло?

– Я застелила постели и положила в холодильник еду.

– Отлично. И никто из соседей тебя не заметил?

– Я не видела там ни души.

– Почему же они так тянут?

– Не знаю. И безумно волнуюсь.

– Будем надеяться, что они отдыхают у Лисбет.

– Будем надеяться… А тебе что удалось разузнать?

– Кое-что.

– Звучит обнадеживающе.

– Но…

– Да?

– Только вот…

– Что?

– Мне кажется, будто меня перебросили назад во времени или будто я приближаюсь к местам, где уже побывал.

– Это тебе, пожалуй, придется объяснить поподробнее, – сказала Эрика.

– Я должен… – Микаэль бросил взгляд на экран компьютера. – Мне

надо покопать поглубже. Обсудим позже.

Она оставила его в покое и собралась ехать домой с тем, чтобы, разумеется, в любую секунду быть готовой к тому, что ее могут вызвать.

Глава 20

23 ноября

Ночь прошла спокойно, настораживающе спокойно, и в восемь часов утра Ян Бублански в задумчивости стоял перед своей группой в комнате для совещаний. Выгнав Ханса Фасте, он был в достаточной степени уверен в том, что опять может говорить свободно. Во всяком случае, здесь, с коллегами, Бубла чувствовал себя увереннее, чем за компьютером или с мобильным телефоном в руках.

– Вы все понимаете серьезность ситуации, – начал он. – Наружу просочились секретные сведения. Из-за этого погиб человек. Маленький мальчик пребывает в смертельной опасности. Несмотря на лихорадочные усилия, мы пока не знаем, как это получилось. Утечка могла произойти у нас или в СЭПО, или в центре «О́дин», или в окружении профессора Эдельмана, или через мать и ее жениха Лассе Вестмана. Мы ничего не знаем наверняка – и поэтому должны проявлять крайнюю осторожность, до сумасшествия.

– Еще мы могли подвергнуться хакерской атаке или прослушке. Похоже, мы имеем дело с преступниками, которые владеют новыми технологиями на совершенно ином уровне, чем мы привыкли, – дополнила Соня Мудиг.

– Именно, и это еще неприятнее, – поддержал ее Бублански. – Мы должны проявлять осторожность на всех уровнях, не говорить ничего важного по телефону, сколько бы наши начальники ни восхваляли нашу новую мобильную систему.

– Они хвалят ее, поскольку ее установка дорого обошлась, – заметил Йеркер Хольмберг.

– Возможно, нам следует подумать и над нашей собственной ролью, – продолжил Бублански. – Я только что говорил с молодым талантливым аналитиком из СЭПО – с Габриэллой Гране, если это имя вам знакомо. Она указала мне на то, что понятие лояльности не так однозначно для нас, полицейских, как можно подумать. У нас имеются разные виды лояльности. Существует очевидная – верность законам. Есть лояльность по отношению к общественности, а есть по отношению к коллегам, но существует также лояльность по отношению к начальству, а еще другой ее вид – по отношению к самим себе и нашей карьере; и иногда, как мы все

знаем, эти разновидности сталкиваются друг с другом. Иногда человек защищает товарища по работе в ущерб лояльности по отношению к общественности, а иногда человек получает приказ свыше, как Ханс Фасте, и тогда этот вид лояльности сталкивается с тем, который ему следовало бы проявлять по отношению к нам. Но в дальнейшем, и я говорю это на полном серьезе, мне хотелось бы слышать только об одном виде лояльности – по отношению к самому расследованию. Мы должны поймать виновных и проследить за тем, чтобы больше никто не пал жертвой преступников. Согласны? Не играет никакой роли, позвонит ли нам сам премьер-министр или руководитель ЦРУ и заговорит о патриотизме и невероятном карьерном росте, – вы все равно не пророните ни звука. Согласны?

– Да, – в унисон ответили все.

– Отлично! Как вы все знаете, на Свеавэген в дело вмешался не кто-нибудь, а Лисбет Саландер, и мы прилагаем все усилия, чтобы определить ее местонахождение, – продолжил Бублански.

– И поэтому надо сообщить ее имя СМИ! – с некоторым возбуждением закричал Курт Свенссон. – Нам необходима помощь общественности.

– Я знаю, что на этот счет существуют разные мнения, и поэтому хочу снова обсудить данный вопрос. Для начала мне, наверное, нет необходимости подчеркивать, что с Саландер уже раньше очень плохо обошлись и мы, и СМИ.

– Сейчас это не имеет значения, – возразил Свенссон.

– Конечно, вполне возможно, что ее узнали еще какие-то люди на Свеавэген, и ее имя станет известно в любом случае, – и тогда вопрос снимается. Но прежде я хотел бы напомнить, что Лисбет Саландер спасла мальчику жизнь, и это заслуживает нашего уважения.

– Безусловно, – не отступался Курт Свенссон. – Но потом она его вроде как похитила.

– У нас скорее имеются сведения, что она хотела любой ценой спасти мальчика, – вставила Соня Мудиг. – У Лисбет Саландер весьма прискорбный опыт общения с властями. Все ее детство представляло собой одно сплошное насилие со стороны шведских органов опеки, и если она, как и мы, подозревает, что в полиции существует утечка информации, она добровольно с нами не свяжется, можете быть уверены.

– Это имеет еще меньше отношения к делу, – настаивал Курт.

– В каком-то смысле верно, – продолжила Соня. – Мы с Яном, конечно, согласны с тобой, что единственное действительно важное в данной связи – насколько мотивирована выдача ее имени с точки зрения

ведения расследования. Главенствующую роль играет вопрос безопасности мальчика, и тут мы тоже очень не уверены.

– Я понимаю ход твоих рассуждений, – негромко и вдумчиво произнес Йеркер Хольмберг, сразу заставив всех себя слушать. – Если люди увидят Саландер, мальчик тоже «засветится». Тем не менее остается целый ряд вопросов, и прежде всего такой, немного высокопарный: «Что будет правильно?» И тут я должен подчеркнуть, что, даже если у нас имеется утечка, мы не можем мириться с тем, что Саландер прячет Августа Бальдера. Мальчик является важной частью расследования, и мы, с утечкой или без, способны лучше защитить ребенка, чем молодая женщина с эмоциональными расстройствами.

– Конечно, да, естественно, – пробормотал Бублански.

– Именно, – продолжил Йеркер. – И хотя речь не идет о похищении в обычном смысле – даже если всё преследует исключительно благие цели, – ребенок может все равно пострадать столь же сильно. С психологической точки зрения ему наверняка чрезвычайно вредно находиться в бегах после всего, что с ним произошло.

– Верно, верно, – пробормотал Бублански. – Но вопрос все-таки в том, как нам поступить с информацией.

– Тут я согласен с Куртом. Надо обнародовать ее имя вместе с фотографией. Это может дать бесценные наводки.

– Здесь ты, конечно, прав, – согласился Бублански. – Но это может дать бесценные наводки и преступникам тоже. Мы должны исходить из того, что убийцы не прекратили охоту за мальчиком, а даже напротив, и поскольку нам ничего не известно о связи между мальчиком и Саландер, мы также не знаем, какие подсказки ее имя может дать преступникам. Я вовсе не уверен, что если мы выйдем в СМИ с этими данными, то упрочим безопасность мальчика.

– Но защитим ли мы его, промолчав обо всем этом, мы тоже не знаем, – возразил Хольмберг. – Чтобы делать подобные выводы, нам не хватает слишком многих фрагментов мозаики. Например, работает ли Саландер на кого-то, и есть ли у нее собственный план в отношении ребенка, или же она хочет только защитить его?

– И как она могла узнать, что мальчик выйдет с Торкелем Линденом из дверей на Свеавэген именно тогда? – добавил Курт Свенссон.

– Она могла оказаться там случайно.

– Звучит неправдоподобно.

– Правда часто выглядит неправдоподобно, – возразил Бублански. – Это даже является ее отличительной чертой. Но я согласен: не похоже,

чтобы Саландер появилась там по какой-то случайности, принимая во внимание обстоятельства.

– В частности, то, что Микаэль Блумквист тоже знал о том, что что-то должно произойти, – вставила Аманда Флуд.

– И что между Блумквистом и Саландер существует какая-то связь, – подхватил Йеркер Хольмберг.

– Верно.

– Микаэль Блумквист ведь знал о том, что мальчик находится в реабилитационном центре «О́дин», не так ли?

– Ему рассказала мать, Ханна Бальдер, – сказал Бублански. – Она, как вы понимаете, чувствует себя сейчас не слишком хорошо. Недавно я имел с нею долгий разговор. Но Блумквист не должен был бы ничего знать о том, что мальчика и Торкеля Линдена выманят на улицу.

– Не мог ли он иметь доступ к компьютерам «Одина»? – задумчиво спросила Аманда Флуд.

– Не могу себе представить, чтобы Микаэль Блумквист занимался хакерством, – сказала Соня Мудиг.

– А Саландер? – поинтересовался Йеркер Хольмберг. – Что мы о ней, собственно, знаем? У нас на нее есть огромное досье. Но когда мы имели с нею дело в последний раз, она удивила нас по всем пунктам. Возможно, внешняя сторона вводит нас в заблуждение и сейчас.

– Именно, – согласился Курт Свенссон. – У нас слишком много вопросительных знаков.

– У нас, на самом деле, и есть почти одни вопросительные знаки. И именно поэтому нам следует действовать в соответствии с кодексом, – подытожил Йеркер Хольмберг.

– Я не знал, что кодекс настолько всеобъемлющ, – произнес Бублански с сарказмом, который вообще-то не любил.

– Я только имею в виду, что надо трактовать ситуацию как то, чем она и является, – как похищение ребенка. С момента их исчезновения прошли почти сутки, а мы не слышали от них ни слова. Мы выдадим СМИ имя и фотографию Саландер, а потом тщательно обработаем всю полученную информацию, – очень веско заявил Йеркер Хольмберг и, казалось, привлек на свою сторону всю группу.

Бублански закрыл глаза и подумал, что очень любит свою команду. Он ощущал большее единение с ними, чем со своими братьями и родителями. Однако сейчас Ян чувствовал, что все-таки должен пойти против коллег.

– Мы попытаемся отыскать их всеми возможными способами. Но выдавать имя и фотографию подождем. Это только взбудоражит

обстановку, и я не желаю давать преступникам каких-либо подсказок.

– Кроме того, ты ощущаешь вину, – холодно заметил Йеркер.

– Кроме того, я ощущаю большую вину, – ответил Бублански и вновь подумал о раввине.

Микаэль страшно волновался за мальчика и Лисбет и поэтому ночью почти не спал. Раз за разом он пытался звонить Саландер через приложение Redphone. Но она не отвечала. Блумквист не слышал от нее ни слова с середины вчерашнего дня. И теперь он сидел в редакции, пытаясь уйти в работу и понять, что он упустил. У него уже какое-то время назад возникло подозрение, что в общей картине недостает чего-то основополагающего, что могло бы пролить на всю эту историю новый свет. Впрочем, возможно, он сам себя обманывал и просто принимал желаемое за действительное, стремясь увидеть за всем этим нечто более значительное. Последнее, что Лисбет написала ему на зашифрованное приложение, это: «Юрий Богданов, Блумквист. Проверь его. Это он продал технологию Бальдера Экервальду из “Солифона”».

В Сети имелось несколько фотографий Богданова. На них он был в костюмах в тонкую полоску, но, как бы идеально костюмы на нем ни сидели, казалось, они ему не подходили. Как будто он украл их по пути на фотосессию. У Богданова были длинные прямые волосы, кожа в оспинах, темные круги под глазами и грубоватые татуировки, угадывавшиеся под рукавами рубашки. Темные глаза смотрели пристально и, казалось, видели человека насквозь. Юрий был высокий, но весил наверняка не более шестидесяти килограмм.

Он походил на бывшего уголовника, но главное: что-то в языке его жестов казалось Микаэлю знакомым по снимкам с камер наблюдения, которые ему показывали у Бальдера в Сальтшёбадене. Мужчина производил то же надломленное, неуклюжее впечатление. В немногих данных им интервью в связи с успехами его предпринимательской деятельности в Берлине он намекал, что родился в общем-то на улице. «Я был обречен на погибель, на то, чтобы меня нашли в каком-нибудь переулке мертвым с иглой в локтевом сгибе. Но я поднялся из грязи. Я умный и к тому же яростный боец», – хвастливо говорил он.

С другой стороны, его жизнь ничем этого не опровергала, за исключением разве что ощущения, что поднялся он не только благодаря собственной силе. Имелись кое-какие признаки того, что ему помогли влиятельные люди, распознавшие его талант. В одном немецком техническом журнале приводилось высказывание начальника охраны

кредитного учреждения «Хорст», который заявил, что «Богданов обладает магическим взглядом. Он видит уязвимые места системы безопасности, как никто другой. Он – гений».

Богданов явно был суперхакером, хотя, согласно официальной версии, действовал исключительно как «белый» хакер – как человек, служивший положительной, законной стороне и за хорошее вознаграждение помогавший предприятиям находить недостатки в их IT-безопасности. В его компании «Ауткаст секьюрити» тоже не было, разумеется, ничего настораживающего или даже вызывавшего малейшее подозрение в том, что она является ширмой для чего-то иного. Все члены правления – солидные люди с хорошим образованием и полным отсутствием отметок в регистре. Впрочем, Микаэль этим, естественно, не удовольствовался. Они с Андреем обследовали каждого человека, имевшего хоть какое-то отношение к компании, вплоть до компаньонов их компаньонов, – и обнаружили человека по фамилии Орлов, недолгое время замещавшего члена правления. Уже при первой проверке это показалось им немного странным. Владимир Орлов был не айтишником, а мелким торговцем в строительной отрасли. Когда-то раньше он жил в Крыму и считался многообещающим боксером-тяжеловесом, а на единичных фотографиях, обнаруженных Микаэлем в Сети, он выглядел изможденным и жестоким – ни одна девушка не пригласила бы его с ходу домой на чашку чая. Имелись неподтвержденные сведения о том, что Орлов был осужден за грубое избиение и сутенерство. Он был дважды женат; обе жены умерли, но причину смерти Микаэлю обнаружить не удалось.

Однако действительно интересным в общем контексте представлялось то, что в свое время он также замещал кого-то в правлении незначительной и давно ликвидированной компании «Будин. Строительство & Экспорт», занимавшейся «продажей стройматериалов». Владельцем являлся Карл Аксель Будин, он же Александр Залаченко, а это имя вызвало к жизни целый мир зла и заставило Микаэля вспомнить свою большую сенсационную публикацию. Но главное, Залаченко был отцом Лисбет и человеком, убившим ее мать и испортившим ее детство. Зала являлся ее темной тенью, черным вдохновителем ее жгучего желания давать сдачи.

Неужели он возник в материале случайно? Микаэль лучше всех знал, что если достаточно глубоко копать в любой истории, то можно найти самые разные точки соприкосновения. Жизнь постоянно подбрасывает иллюзорные аналогии. Вот только… когда дело доходило до Лисбет Саландер, он не особенно верил в случайности. Если она ломала пальцы хирургу или интересовалась кражей новейшей AI-технологии, то не просто

хорошо обдумывала это. У нее всегда имелась причина, имелся мотив. Лисбет не забывала несправедливостей или оскорблений. Она давала сдачи и восстанавливала справедливость. Можно ли привязать все ее действия в этой истории к ее собственному прошлому? Во всяком случае, это не исключено…

Микаэль оторвал взгляд от компьютера и посмотрел на Андрея. Тот кивнул в ответ. Из коридора доносился слабый запах еды. С Гётгатан слышался грохот рок-музыки. За окном завывал штормовой ветер, небо было по-прежнему темным и тревожным. Микаэль зашел в шифрованный канал связи, больше в силу новой привычки, ничего не ожидая. И просиял. Он даже издал небольшой радостный вопль.

Там было написано:

Сейчас о’кей. Вскоре отправляемся в укрытие.

Он сразу ответил:

Рад слышать. Езжай осторожно.

Потом не удержался и добавил:

Лисбет, кого же мы, собственно, ловим?

Она немедленно ответила:

Ты скоро это вычислишь, умник!

«О’кей» было преувеличением. Лисбет чувствовала себя лучше, но по-прежнему пребывала в необъяснимо плохой форме. Накануне она полдня вообще почти не имела представления о времени и пространстве и с великим трудом дотащилась до квартиры и дала Августу поесть и попить, а также снабдила его фломастерами, мелками и листами формата А4, чтобы он мог рисовать убийцу. Однако сейчас, приблизившись к нему, Саландер еще издали увидела, что он все еще ничего не нарисовал. Правда, перед ним по всему журнальному столику лежали листы бумаги, но это были не рисунки, а скорее длинные ряды каких-то каракулей, и Лисбет, больше рассеянно, чем с любопытством, принялась рассматривать, что же это такое. Она увидела бесконечные серии цифр, и, хотя поначалу Саландер ничего не понимала, ей становилось все более интересно. Внезапно она, присвистнув, пробормотала:

– Черт побери…

Лисбет как раз уставилась в несколько невероятно больших чисел, которые, правда, ей тоже ничего особенного не говорили, однако в комбинации с соседними цифрами образовывали какой-то знакомый образец, а когда она, пролистав дальше, наткнулась на простую серию чисел – 641, 647, 653 и 659, – сомнений больше не оставалось: это было то, что иногда называют «шестеричными четверками простых», то есть серии из четырех целых чисел, между которыми шесть единиц. Тут имелись и натуральные числа-близнецы, и всевозможные другие комбинации простых чисел… Лисбет не смогла сдержать улыбки.

– Лихо, – сказала она. – Круто.

Но Август не ответил и даже не взглянул на нее. Он просто сидел на полу возле журнального столика с таким видом, будто ему больше всего хотелось продолжить писать цифры. Тогда Лисбет вспомнила, что где-то читала о савантах и натуральных числах, но думать дальше на эту тему не стала. Она слишком плохо себя чувствовала для любых форм сложных мыслей, поэтому предпочла пойти в ванную и принять еще две таблетки «Доксициклина», который уже несколько лет как держала дома.

Принимать антибиотики по собственному усмотрению Лисбет начала сразу, как только, едва живая, оказалась дома. Затем она упаковала пистолет, компьютер и немного сменной одежды и велела мальчику вставать. Тот не захотел – лишь судорожно сжал фломастер. С минуту она стояла перед ним в полной растерянности. Потом строго сказала:

– Вставай!

И тут он послушался, а она на всякий случай надела парик и темные очки.

После этого они надели верхнюю одежду, спустились на лифте в гараж и поехали на остров Ингарё в ее «БМВ». Машину Лисбет вела правой рукой. Туго забинтованное левое плечо болело. Болела и грудь с внешней стороны. У Лисбет по-прежнему держалась температура, и ей пару раз приходилось останавливаться на обочине, чтобы передохнуть. Когда они в конце концов добрались до пляжа и пристани у залива Стура-Барнвик, на Ингарё, и, согласно инструкциям, поднялись по длинной деревянной лестнице вдоль склона и зашли в дом, Саландер в изнеможении рухнула на кровать в комнате рядом с кухней. Ее сильно знобило.

Тем не менее вскоре она встала, села за круглый кухонный стол, взяла ноутбук и, тяжело дыша, вновь попыталась открыть скачанный у АНБ файл. Естественно, сейчас у нее тоже не получилось. Она даже не приблизилась к решению. Рядом с нею сидел Август, неподвижным

взглядом смотревший на горы бумаги и мелков, оставленные ему Эрикой Бергер. Но сейчас он был не в силах писать какие-либо серии целых чисел или тем более рисовать убийцу. Возможно, он пребывал в слишком сильном шоке.

Человек, называвший себя Яном Хольцером, сидел в номере гостиницы «Кларион Отель Арланда» и разговаривал по телефону с дочерью Ольгой, которая, как он и ожидал, ему не верила.

– Ты меня боишься? – спросила она. – Ты боишься, что я припру тебя к стенке?

– Нет-нет, правда, нет, – попытался выкрутиться он. – Мне просто пришлось…

Ему было трудно подбирать слова. Ян знал: Ольга понимает, что он что-то скрывает, – и закончил разговор быстрее, чем ему хотелось. Рядом с ним на гостиничной кровати сидел Юрий и ругался. Он уже не менее ста раз проверил компьютер Франса Бальдера, не найдя, как он выразился, «ни черта». «Просто вообще ни хрена!»

– Значит, я спер компьютер, в котором ничего нет? – уточнил Ян Хольцер.

– Именно так.

– Зачем же тогда профессор его держал?

– Ясно, что для каких-то особых целей. Я вижу, что здесь совсем недавно стерли большой файл, который, вероятно, был соединен с другими компьютерами. Но, как я ни пытаюсь, восстановить его не получается. Этот парень знал свое дело.

– Безмазово, – произнес Ян Хольцер.

– Полный голяк, будь оно все проклято, – добавил Юрий.

– А телефон, «Блэкфон»?

– Там значатся кое-какие разговоры, которые мне не удалось отследить; похоже, звонили из СЭПО или Радиотехнического центра. Но меня больше всего беспокоит другое.

– Что?

– Долгий разговор, который профессор вел непосредственно перед тем, как ты ворвался в дом; он разговаривал с каким-то сотрудником MIRI, Научно-исследовательского института искусственного интеллекта.

– И что в этом такого страшного?

– Естественно, само время разговора. Кроме того, сам Институт. Он работает на то, чтобы умные компьютеры в будущем не стали опасны для человека… Даже не знаю, но мне это не нравится. У меня такое чувство, будто Бальдер либо поделился с Институтом частью своих исследований,

либо…

– Да?

– Заложил нас со всеми потрохами или выдал, что он там знал.

– Это было бы паршиво.

Юрий кивнул, и Ян Хольцер выругался про себя. Все получилось не так, как они надеялись. А ведь оба они не привыкли к неудачам. Но сейчас потерпели неудачу два раза подряд, причем из-за ребенка, умственно отсталого ребенка, что было уже само по себе достаточно позорно. Впрочем, это еще не самое худшее.

Самым худшим было то, что сюда направлялась Кира, к тому же совершенно выбитая из колеи, а к этому они тоже не привыкли. Напротив, они были избалованы ее холодной элегантностью, придававшей их деятельности ауру непобедимости. Сейчас же Кира пришла в безудержную ярость и вопила, что они ничтожные, некомпетентные идиоты. Но причиной являлись не неудачи – выстрелы, то ли попавшие, то ли нет в умственно отсталого мальчика. Причина заключалась в женщине, которая возникла ниоткуда и защитила Августа Бальдера. Кира потеряла самообладание из-за нее.

Когда Ян начал ее описывать – насколько успел разглядеть, – Кира буквально завалила его вопросами. Получая правильные или неправильные ответы, в зависимости от того, как посмотреть, она выходила из себя, ругалась и кричала, что им следовало ее убить и что все это типично и безнадежно. Ни Ян, ни Юрий не понимали, почему она так сильно реагирует. Никому из них раньше не доводилось слышать, чтобы Кира так кричала.

С другой стороны, они мало что о ней знали. Ян Хольцер не мог забыть, как в шикарных апартаментах отеля «Англетер» в Копенгагене он занимался с нею сексом в третий или четвертый раз и как они потом лежали в двуспальной постели, пили шампанское и уже далеко не впервые беседовали о его войнах и убийствах. Тогда он погладил ее по плечу и руке и обнаружил на запястье расходящийся в три стороны шрам.

– Откуда он у тебя, моя красавица? – спросил Ян и получил в ответ убийственный взгляд, полный ненависти.

После этого ему ни разу не позволили с ней переспать. Он воспринимал это как наказание за вопрос. Кира заботилась о них и давала им массу денег. Но ни он, ни Юрий, ни кто-нибудь другой из их окружения не имел права спрашивать о ее прошлом. Это являлось частью неписаных правил, и никому из них даже в голову больше не приходило пытаться. Она была их благодетельницей, со всеми плюсами и минусами, но плюсов они

видели больше, и поэтому им приходилось подстраиваться под ее капризы и жить в постоянной неизвестности, будет она с ними нежна или же холодна, или даже отчитает и внезапно залепит оплеуху.

Сидящий перед ним Юрий закрыл ноутбук и пригубил коктейль. Они оба старались, насколько возможно, воздерживаться от спиртного, чтобы Кира не обернула против них и это тоже. Но удержаться было практически невозможно. Слишком большое количество огорчений и адреналина подталкивали их к выпивке. Ян нервно постукивал пальцами по телефону.

– Ольга тебе не поверила? – спросил Юрий.

– Абсолютно. И скоро она, наверное, увидит во всех газетах детский рисунок с моим изображением.

– Я не слишком верю в этот рисунок. Он кажется мне в основном мечтой полицейских о хоть каком-нибудь следе.

– Значит, мы пытаемся убить ребенка зазря?

– Меня бы это не удивило. Кире не пора бы уже приехать?

– Может появиться в любую минуту.

– Кто, ты думаешь, это был?

– Кто?

– Девица, возникшая ниоткуда.

– Понятия не имею, – ответил Ян. – Не уверен, что и Кира знает. Больше похоже на то, что она из-за чего-то волнуется.

– Подозреваю, нам придется убить их обоих.

– Боюсь, этим дело не ограничится…

Август чувствовал себя плохо – это не вызывало никаких сомнений. На шее у него пылали красные пятна, кулаки были сжаты. Лисбет Саландер, сидевшая рядом с ним за круглым кухонным столом на Ингарё и работавшая над своим шифром, испугалась, что с ним может случиться какой-нибудь припадок. Однако произошло только то, что Август схватил мелок – черного цвета.

В то же мгновение штормовой ветер затряс большие оконные стекла перед ними, и мальчик, замявшись, поводил левой рукой по столу взад и вперед. Но потом все-таки начал рисовать: одну черточку сюда, другую туда; маленькие кружки – пуговицы, подумала Лисбет, – затем руку, детали подбородка, расстегнутую на груди рубашку. Дальше дело пошло быстрее, и постепенно спина и плечи мальчика расслабились. Словно бы в ране лопнул нарыв, и она начала заживать. Правда, Август от этого не начал производить более гармоничное впечатление – глаза у него горели мученическим светом, и его периодически трясло. Но что-то внутри у

мальчика, несомненно, отпустило. Он поменял мелки и теперь рисовал пол дубового цвета, а на нем – массу кусочков пазла, которым, возможно, предстояло образовать сверкающий ночными огнями город. Тем не менее уже было понятно, что рисунок не будет добрым.

Оказалось, что рука и расстегнутая на груди рубашка принадлежат здоровому мужчине с выступающим круглым животом. Он стоял, согнувшись, как складной нож, и колотил маленькую фигурку на полу – человека, не привлекавшего внимание по той простой причине, что он являлся наблюдателем и тем, кто принимал удары. Картина была отвратительной, в этом сомневаться не приходилось.

Однако она вроде бы не имела никакого отношения к убийству, хотя тоже выдавала преступника. В самой середине и эпицентре проступало яростное потное лицо, в котором была точно схвачена каждая озлобленная, ожесточенная морщинка. Лисбет узнала лицо, хотя не слишком много смотрела телевизор или ходила в кино. Тем не менее она поняла, что лицо принадлежало артисту Лассе Вестману, отчиму Августа, и поэтому, склонившись к мальчику, со священным гневом, заставляющим ее трепетать, произнесла:

– Он больше никогда не сможет так с тобой поступить, никогда!

Глава 21

23 ноября

Когда к Эду-Кастету приблизилась долговязая фигура коммандера Джонни Ингрэма, Алона Касалес поняла, что проблемы у них действительно серьезные. Уже по его неуверенным телодвижениям было видно, что он пришел с плохими новостями, хотя обычно его мало что трогало.

Джонни часто вонзал людям нож в спину со злорадным видом. Но с Эдом дело обстояло иначе. Его боялись даже высокие начальники. Если кто-нибудь пытался начинать с ним разборки, Эд устраивал дикий скандал, а Ингрэм сцен не любил и еще больше не любил иметь жалкий вид. Но если он собрался ссориться с Эдом, то именно это его и ожидало.

Ему предстояло выглядеть так, будто из него выпустили воздух. Если Эд был тучным и взрывным, то Джонни Ингрэм – изящным мальчиком из высшего света, с тонкими ногами и некоторой наигранностью в жестах. Он обладал большой властью и не испытывал недостатка влияния в каком-либо из важных кругов, будь то Вашингтон или экономические небеса. В руководстве он занимал следующую позицию после шефа АНБ Чарльза О'Коннора, и хотя часто улыбался и ловко раздавал комплименты, его улыбка никогда не достигала глаз. Его боялись, как мало кого.

Он держал людей на крючке и отвечал, в частности, за «надзор за стратегическими технологиями», или, выражаясь более цинично, за промышленный шпионаж – ту часть АНБ, которая в ситуации глобальной конкуренции помогает американской промышленности в области ультрасовременных технологий.

Но сейчас он стоял перед Эдом в своем шикарном костюме; все его тело, казалось, обвисло, и хотя Алона сидела метрах в тридцати оттуда, она точно знала, что произойдет: Эд взорвется. Его бледное, осунувшееся от работы лицо приобрело красноватый оттенок. Внезапно встав, с перекошенной спиной и большим животом, он громко завопил яростным голосом:

– Чертов слизняк!

Никто, кроме Эда, не назвал бы Джонни Ингрэма «чертовым слизняком», и Алона почувствовала, что любит его за это.

Август начал новый рисунок.

Он провел по бумаге несколько быстрых черточек. Провел с такой силой, что черный мелок раскрошился. В точности как в первый раз, рисовал он быстро – одну деталь здесь, другую там, разрозненные кусочки, которые приближались друг к другу и образовывали целое. На листе опять возникла та же комната. Но пазл на полу был теперь другой, легче различимый. Он представлял собой мчащуюся вперед красную спортивную машину и кричащую толпу зрителей на трибуне; и над ним стоял не один мужчина, а два. Одним опять был Лассе Вестман, одетый в футболку и шорты, с налитыми кровью, чуть косящими глазами. Он казался нетвердо стоящим на ногах и пьяным, но от этого не менее разъяренным. Изо рта у него текли слюни. Тем не менее он был не самым страшным персонажем на рисунке. Самым страшным выглядел второй мужчина. Его воспаленные глаза излучали откровенный садизм. Небритый и тоже пьяный, с тонкими, едва различимыми губами, он, похоже, пинал Августа, хотя мальчика, как и в первый раз, на рисунке видно не было, но его присутствие остро ощущалось именно благодаря отсутствию.

– А кто второй? – спросила Лисбет.

Август не ответил. Но его плечи затряслись, а ноги переплелись под столом узлом.

– Кто второй? – повторила она немного строже, и тогда Август написал прямо на рисунке детским, чуть неровным почерком:

РОГЕР

Рогер – это ничего не сказало Лисбет.

В Форт-Миде, несколькими часами позже, когда его парни-хакеры, убрав за собой, расползлись по домам, Эд подошел к Алоне. Но странное дело: он больше вовсе не выглядел злым или оскорбленным. Скорее, чуть самодовольно сиял, и, казалось, даже спина его не особенно мучила. В руке Эд держал блокнот. Одна лямка его подтяжек свисала с плеча.

– Старик, – сказала Алона, – мне очень любопытно. Что произошло?

– Мне дали отпуск, – ответил он. – Уезжаю в Стокгольм.

– Тоже мне, выбрал… Там разве не холодно в такое время года?

– Похоже, холоднее, чем обычно.

– Но на самом деле ты едешь туда не в отпуск?

– Между нами говоря, нет.

– Теперь мне еще более любопытно.

– Джонни Ингрэм приказал нам свернуть расследование. Хакера надо

оставить гулять на свободе, а нам следует удовольствоваться тем, что мы заткнем несколько дыр в системе безопасности. И на сем велено забыть об этой истории.

– Как Ингрэм, черт побери, может такое приказывать?

– Как он выразился, чтобы не будить спящего зверя и не рисковать тем, что сведения об атаке просочатся наружу. Если станет известно, что нас хакнули, это будет сокрушительный удар, не говоря уже о злорадстве, которое это вызовет, и обо всех людях – со мною в первых рядах, – которых руководству придется выставить, чтобы сохранить лицо.

– Значит, он тебе еще и угрожал?

– Угрожал до хрена и даже больше. Говорил о том, как меня будут публично унижать, гонять по судам и топить.

– Но ты, похоже, не слишком испугался.

– Я собираюсь его свалить.

– Каким же образом? У этого сноба повсюду мощные связи.

– Я тоже кое-кого знаю. Кроме того, не только Ингрэм держит людей на крючке. Этот проклятый хакер ведь был настолько любезен, что соединил наши регистры и продемонстрировал нам кое-что из нашего собственного грязного белья.

– В этом есть доля иронии, согласен?

– Еще бы; чтобы разоблачить одного мерзавца, требуется другой. Впрочем, поначалу это даже не казалось таким уж примечательным по сравнению со всем тем, чем мы тут занимаемся. Но потом, когда мы начали изучать ситуацию подробнее…

– Да?

– Оказалось, что это чистый динамит.

– В каком смысле?

– Приближенные Джонни Ингрэма не только собирают информацию о тайнах предприятий, чтобы помогать нашим собственным крупным концернам. Иногда они ее еще дорого продают, а денежки, Алона, не всегда попадают в кассу организации…

– А оседают в их карманах.

– Именно. И у меня уже достаточно доказательств для того, чтобы отправить в тюрьму Джоакима Баркли и Брайана Эббота.

– Господи!

– Плохо только, что с Ингрэмом дело обстоит немного сложнее. Я уверен, что он является мозгом всех этих махинаций. Иначе фишка не раскладывается. Но неопровержимых доказательств пока нет; это меня бесит и делает всю операцию рискованной. Конечно, не исключено – хотя я

в этом сомневаюсь, – что на него есть что-нибудь конкретное в том файле, который скачал хакер. Но этот файл нам не по зубам. Там безнадежный чертов RSA-шифр.

– Что же ты намерен предпринять?

– Затянуть вокруг него сеть. Показать всем и каждому, что его собственные сотрудники тесно связаны с крутыми преступниками.

– Такими, как «Пауки»?

– Как «Пауки». Они повязаны одной веревочкой с кое-какими настоящими подонками. Я бы даже не удивился, если бы они оказались причастны к убийству твоего профессора в Стокгольме. Во всяком случае, они явно были заинтересованы в его смерти.

– Ты шутишь.

– Ничуть. Твой профессор обладал сведениями, которые могли их прикончить.

– Проклятье!

– Приблизительно так.

– И теперь ты собираешься поехать в Стокгольм в качестве мелкого частного детектива и все разведать?

– Не в качестве частного детектива, Алона. У меня будет надежная крыша, и раз уж я все равно в это влез, я собираюсь так отделать нашего хакера, чтобы она едва смогла держаться на ногах.

– Я, наверное, ослышалась, Эд. Ты сказал «она»?

– Я сказал «она», друг мой. Она!

Рисунки Августа вернули Лисбет в прошлое, и ей вновь вспомнился кулак, ритмично и исступленно ударяющий по матрасу.

Она вспомнила доносившиеся из спальни удары, ворчание и плач. Вспомнила время на Лундегатан, когда ее единственным прибежищем были комиксы и мечты о мести. Но она отбросила эти мысли. Занялась своей раной и сменила повязку, проверила пистолет и убедилась, что он заряжен. Затем зашла на PGP-линк.

Андрей Зандер интересовался, как у них дела, и она кратко ответила. На улице деревья и кусты сотрясались от штормового ветра. Лисбет выпила виски с кусочком шоколада, а потом вышла на террасу и двинулась дальше по склону, тщательно изучая местность, особенно маленькую расщелину, расположенную чуть пониже. Она даже подсчитала количество шагов дотуда и запомнила каждую малейшую перемену в ландшафте.

Вернувшись в дом, Саландер обнаружила, что Август нарисовал новое изображение Лассе Вестмана и Рогера. Лисбет догадалась, что ему требуется выплеснуть это из себя. Но он по-прежнему не нарисовал ничего

про момент убийства, ни черточки. Может, у него в мыслях это впечатление заблокировано?

Лисбет охватило неприятное ощущение, что они упускают время, и она озабоченно посмотрела на Августа, на его новый рисунок и на громадные числа, которые он написал рядом, и, с минуту пристально поизучав их комплексирование, вдруг увидела серию цифр, которая вроде бы туда не вписывалась.

Серия была относительно короткой:

2305843008139952128.

Лисбет сразу увидела: это не натуральное число, а скорее – она просияла – число, которое, в соответствии с идеальной гармонией, получается из суммы всех своих положительных делителей. Иными словами, это было совершенное число, в точности как 6, поскольку 6 можно разделить на 3, 2 и 1, а 3+2+1 даст именно 6. Тут Лисбет улыбнулась, и ей в голову пришла странная мысль…

– Теперь уж ты просто обязан объяснить, – потребовала Алона.

– Ладно, – ответил Эд. – Но, хоть я и знаю, что в этом нет необходимости, все же хочу, чтобы ты торжественно пообещала, что ни слова никому не скажешь.

– Обещаю, дуралей.

– Хорошо. Значит, дело обстоит так: выдав Джонни Ингрэму пару теплых слов, в основном для видимости, я признал его правоту. Даже притворился, будто благодарен ему за то, что он положил конец нашим исследованиям. Я сказал, что мы все равно не продвинулись бы дальше, и в некотором смысле это было правдой. Чисто технически мы свои возможности исчерпали. Сделали всё и еще чуть-чуть – но безрезультатно. Хакер оставил во всех углах ложные следы и только уводил нас в новые дебри и лабиринты. Один из моих парней сказал, что даже если мы, вопреки всему, доберемся до цели, то все равно не поверим в это. Мы просто вообразим, будто попали в новую ловушку. От этого хакера мы ожидали всего, чего угодно, кроме уязвимых мест и слабостей. Так что, следуя обычным путем, шансов у нас не было.

– Но ты ведь не большой любитель обычных путей.

– Да, я больше верю в окольный путь. На самом деле мы вовсе не сдались. Мы пообщались со знакомыми хакерами и с нашими друзьями-программистами из разных фирм. Провели усложненные поиски,

прослушивания и собственные вторжения. Понимаешь, при таких сложных атаках, как эта, всегда прибегают к изысканиям. Задают специфические вопросы. Посещают специальные сайты. И что-нибудь из этого неизбежно становится известным. Но главное, Алона, один фактор говорил в нашу пользу – талант хакера. Он был настолько велик, что ограничивал круг подозреваемых. Скажем, если какой-то преступник вдруг пробегает на месте преступления стометровку за 9,7. Тогда можно с большой долей уверенности утверждать, что виновным является Болт[63] или кто-нибудь из его конкурентов.

– Значит, уровень так высок.

– Знаешь, некоторые части этой атаки заставляют меня раскрыть рот – а я все-таки многое повидал. Поэтому мы потратили невероятно много усилий на разговоры с хакерами и сведущими в этой сфере людьми, спрашивая их: кто способен сотворить нечто очень-очень масштабное? Какие на сегодняшний день есть действительно крупные звезды? Вопросы, конечно, приходилось задавать малость хитроумно, чтобы никто не догадался о том, что произошло на самом деле. Мы долго ничего не могли добиться. Казалось, будто стреляешь в воздух, будто кричишь в потемках… Никто ничего не знал или притворялся, что не знает; естественно, называлась масса имен, но ни одно из них не казалось тем, что надо. Одно время мы занимались одним русским, Юрием Богдановым. Это бывший наркоман и вор с магическими пальцами. Он проникает, куда хочет. Может взломать любую систему. Еще когда он был жалким бездомным в Санкт-Петербурге, угонял машины и весил со всеми потрохами сорок килограмм, его пытались нанять охранные предприятия. Даже люди из полиции и службы безопасности хотели привязать его к себе, чтобы их не опередили криминальные группировки. Но эту битву они, разумеется, проиграли, и сегодня Богданов свободен от наркозависимости, преуспевает и поправился, по меньшей мере, до пятидесяти килограмм. Мы почти уверены в том, что этот мерзавец из твоей компашки, Алона, что явилось одной из причин нашего к нему интереса. Мы ведь понимали, что связь с «Пауками» присутствует, учитывая те поиски, которые предпринимались, но потом…

– Вы не могли понять, чего ради один из них стал бы давать нам новые наводки и связи?

– Именно. Тогда мы продолжили розыск, и через какое-то время в разговорах возникла еще одна компашка.

– Кто такие?

– Они называют себя «Республикой хакеров». Их статус в Сети очень

высок. «Республика хакеров» состоит исключительно из суперталантов, которые очень осмотрительно и тщательно подходят к своим шифрам. Можно, пожалуй, добавить, что отнюдь не безосновательно. Мы и многие другие стараемся постоянно проникать в такие группировки, и не только чтобы узнать, чем они занимаются. Нам хочется вербовать оттуда народ. За самых крутых хакеров сейчас идет драка.

– Сейчас, когда мы все сделались криминальными элементами…

– Ха, возможно. Как бы то ни было, «Республика хакеров» обладает колоссальными ресурсами. Мы получили тому много свидетельств. Но дело не только в этом. Прошел слух, что они затевают нечто крупное, а главное, что человек, известный как Боб Собака, которого, мы полагаем, можно привязать к этой компании, похоже, занимался поисками и расспрашивал о нашем парне по имени Ричард Фуллер. Ты его знаешь?

– Нет.

– Маниакально-депрессивный и самодовольный парень, который меня давно беспокоит. Во время своих маниакальных припадков он становится надменным и небрежным – одним словом, классический риск для безопасности. Для компании хакеров, затевающей атаку, он как раз подходящий человек, но чтобы это узнать, требуется квалифицированная информация. Сведения о его психическом здоровье не то чтобы являлись общественным достоянием. Даже его мамаша едва ли в курсе. Впрочем, сейчас я уверен, что они все-таки проникли не через Фуллера. Мы обследовали все файлы, принятые им за последнее время, и там ничего нет. Мы проверили его с ног до головы. Но я думаю, что Ричард Фуллер был частью первоначального плана «Республики хакеров». Никаких доказательств против этой группы у меня нет, но внутреннее чувство все-таки подсказывает мне, что за вторжением стоят именно они – особенно после того, как нам сегодня, похоже, удалось исключить иностранные государства.

– Ты сказал, что это девушка.

– Точно. Вычислив эту группу, мы разузнали о них все, что смогли, хотя нам было не очень-то легко отделить слухи от фактов. Но одна вещь всплывала с такой регулярностью, что под конец я уже не видел оснований сомневаться.

– Что же?

– Что главной звездой «Республики хакеров» является некто, называющий себя Осой.

– Осой?

– Именно. Не буду утомлять тебя техническими подробностями, но в

определенных кругах Оса является почти легендой, в частности потому, что обладает способностью переворачивать вверх тормашками отработанные методы. Кто-то сказал, что почувствовать Осу в хакерской атаке можно так же, как Моцарта в хуке[64]. Оса обладает собственным ярко выраженным стилем, и один из моих парней, изучив вторжение, действительно сразу сказал: «Это отличается от всего, с чем мы сталкивались раньше; тут совершенно новый порог оригинальности, нечто перевернутое задом наперед и неожиданное, но в то же время прямое и эффективное».

– Стало быть, гений.

– Несомненно. Поэтому мы принялись искать в Сети все, что есть про эту Осу, чтобы попробовать «пробить» ее ник. Но никто особенно не удивился, когда ничего не получилось – вряд ли этот человек стал бы оставлять такие щели. И знаешь, что я тогда сделал? – с гордостью спросил Эд.

– Нет.

– Я начал проверять, что означает само слово.

– Помимо его буквального значения?

– Да, и не потому, что я или кто-то другой верили, что это к чему-нибудь приведет. Но, как я уже сказал, когда не достигаешь цели, двигаясь по главной дороге, начинаешь петлять. Никогда не знаешь, что найдешь. И, конечно, оказалось, что Оса – Wasp – может означать все, что угодно. «Wasp» – это британский боевой самолет времен Второй мировой войны, а также комедия Аристофана[65], а также известный короткометражный фильм 1915 года, а также сатирический журнал, издававшийся в Сан-Франциско в девятнадцатом веке, а также, разумеется, сокращение от White Anglo-Saxon Protestants[66], плюс кое-кто еще. Правда, все это казалось слишком благопристойными идентификаторами для хакера-гения; это никак не соответствовало данной культуре. А знаешь, что соответствовало?

– Нет.

– То, на что «Оса» чаще всего указывает в Сети, – супергероиня Оса из комиксов компании «Марвел комикс», являющаяся одним из богов «Мстителей».

– Тех комиксов, по которым сняты фильмы?

– Точно. Там есть вся команда: Тор, Железный человек, Капитан Америка и прочие. В первых выпусках она даже была их лидером. Должен сказать, что Оса – довольно крутой персонаж комиксов, по виду немного напоминает рокера и бунтаря, одета в черное и желтое, с крылышками насекомого, у нее черные волосы, держится самоуверенно, бьет даже из

проигрышного положения и обладает способностью увеличиваться и уменьшаться в размере. Все источники, с которыми мы общались, полагают, что речь идет об этой Осе. Конечно, человек за ником совсем не обязательно является фанатом «Марвел комикс» – по крайней мере сейчас. Этот ник существует уже давно. Возможно, это всего лишь дань детскому увлечению или просто легкий иронический намек, нечто, означающее не больше, чем то, что я в свое время назвал кота Питером Пэном, и отнюдь не из пристрастия к этому самодовольному персонажу, не желавшему взрослеть. Но тем не менее…

– Да?

– Я не мог не констатировать, что криминальная группировка, которой интересовалась Оса, тоже использует кодовые слова из «Марвел комикс», и даже более того. Они ведь иногда называют себя «Обществом Пауков»?

– Да, но я считаю, что это просто игра, чтобы поиздеваться над теми, кто их анализирует.

– Конечно, конечно, согласен, но игры тоже могут давать подсказки или прикрывать нечто серьезное. Знаешь, что отличает «Общество Пауков» в комиксах?

– Нет.

– То, что они воюют против «Братства Осы».

– О’кей, понимаю, тут есть пища для размышлений; но как это могло повести дальше?

– Погоди, сейчас узнаешь. Нет ли у тебя желания проводить меня до машины? Мне уже надо скоро двигать в аэропорт.

У Микаэля Блумквиста начали слипаться глаза. Было еще не особенно поздно, но он всем телом ощущал, что сил больше нет. Журналист понимал, что надо отправляться домой, поспать несколько часов и снова взяться за дело ночью или рано утром. Кстати, возможно, полезно было бы выпить по дороге пару бокалов пива. От недосыпа у него стучало в висках, а ему требовалось поймать кое-какие ускользающие воспоминания и опасения, и, пожалуй, стоило прихватить с собой Андрея.

Он посмотрел на коллегу. Зандер выглядел таким молодым и энергичным, что хватило бы и половины этого. Он сидел и, время от времени поспешно просматривая свои записи, печатал на компьютере так, будто только что сюда пришел. Однако Зандер находился в редакции с пяти часов утра, а сейчас было без четверти шесть вечера, и перерывов он почти не делал.

– Что скажешь, Андрей? Не пойти ли нам выпить пива, чего-нибудь

съесть и обсудить нашу историю?

Поначалу Зандер, казалось, не понял вопроса. Но затем поднял голову и внезапно полностью утратил энергичный вид. Слегка поморщившись, он помассировал плечо.

– Что… да… возможно, – медленно произнес он.

– Я воспринимаю это как согласие, – сказал Микаэль. – Как ты смотришь на «Фолькоперан»?

Бар и ресторан «Фолькоперан» находились на Хурнсгатан, неподалеку от них, и туда любили наведываться журналисты и люди с художественными наклонностями.

– Вот только… – отозвался Андрей.

– Что?

– Мне надо заниматься портретом продавца произведений искусства с аукциона «Буковскис», который сел на поезд на Центральном вокзале в Мальмё, но так и не вернулся. Эрика считает, что он хорошо подойдет для раздела «разное».

– Господи, как эта женщина тебя эксплуатирует…

– Я так вовсе не думаю. Но у меня что-то не складывается. Текст получается очень путаным и неживым.

– Хочешь, я посмотрю?

– С удовольствием, но мне хотелось бы сперва немного продвинуться. Я сгорю со стыда, если ты увидишь текст в таком состоянии.

– Тогда подождем. Но давай, по крайней мере, сходим немного поедим. Потом ты сможешь вернуться и продолжить работу, раз уж тебе так надо, – предложил Микаэль и посмотрел на Андрея.

Эта картина будет долго вставать у него перед глазами: Зандер, в пиджаке в коричневую клетку и расстегнутой у ворота белой рубашке, выглядящий как кинозвезда, или, во всяком случае, больше обычного похожий на молодого Антонио Бандераса, на растерянного Бандераса.

– Мне, пожалуй, все-таки лучше остаться и разобраться с этим, – с сомнением в голосе проговорил он. – У меня в холодильнике есть немного еды, которую можно разогреть в микроволновке.

Блумквист задумался, не потребовать ли, по праву старшего, чтобы Андрей составил ему компанию на пиво. Но потом сказал:

– Ладно, увидимся завтра. Как там у них дела? Рисунка убийцы пока нет?

– Похоже, что нет.

– Завтра нам придется найти другое решение. Смотри не переработай, – сказал Микаэль, встал и надел пальто.

Лисбет припомнила, что когда-то давно читала о савантах в журнале «Сайенс». В одной из статей специалист по теории чисел Энрико Бомбиери ссылался на эпизод из книги Оливера Сакса «Человек, который принял жену за шляпу», где два умственно отсталых близнеца-аутиста сидели, откинувшись на спинки стульев, и повторяли друг за другом огромные целые числа так, будто видели их перед собой в каком-то внутреннем математическом ландшафте, или даже нашли некий загадочный кратчайший путь к таинству чисел.

Конечно, то, что удавалось близнецам, и то, что стремилась создать Лисбет, было двумя разными вещами. Однако ей подумалось, что некое родство все-таки существует, и она решила попробовать, хотя в успех почти не верила. Поэтому Саландер снова извлекла зашифрованный файл АНБ и собственную программу для факторизации с помощью эллиптических кривых. Затем опять повернулась к Августу. Тот ответил раскачиванием верхней частью тела взад и вперед.

– Натуральные числа. Ты любишь натуральные числа, – сказала она.

Мальчик не посмотрел на нее и отнюдь не прекратил раскачиваться.

– Мне они тоже нравятся, – продолжила Лисбет. – Но сейчас меня больше всего интересует одна вещь. Она называется факторизацией. Ты знаешь, что это такое?

Август, раскачиваясь, уставился в стол и, казалось, ничего не понимал.

– Факторизация целых чисел – это когда мы переписываем цифру в произведение натуральных чисел. Под произведением я имею в виду результат умножения. Ты следишь за моей мыслью?

У Августа не дрогнул ни один мускул лица, и Лисбет задумалась, не стоит ли ей просто-напросто заткнуться.

– Согласно фундаментальной теореме арифметики, каждое натуральное число можно уникальным образом факторизовать, и это довольно увлекательно. Такое простое число, как 24, мы можем получить разными способами, например, умножив 12 на 2, или 3 на 8, или 4 на 6. Тем не менее существует только один способ факторизовать его целыми числами: 2 х 2 х 2 х 3. Ты слушаешь? Все числа обладают уникальной факторизацией. Проблема же заключается только в том, что умножать целые числа и получать большие числа легко. Но часто бывает безнадежным идти обратным путем, от ответа обратно к целым числам, и один очень глупый человек воспользовался этим в тайном сообщении. Понимаешь? Это немного напоминает смешивание сока со спиртным: смешать легко, а снова разделить куда труднее.

Август не ответил ни кивком, ни словом, но хотя бы перестал раскачиваться.

– Давай посмотрим, хорошо ли у тебя получается факторизация натуральных чисел, Август. Давай?

Тот не сдвинулся с места.

– Я рассматриваю это как согласие. Давай начнем с числа 456.

Взгляд у мальчика стал пустым и отсутствующим, и Лисбет больше чем когда-либо уверилась в мысли, что вся ее затея – глупость.

На улице было холодно и ветрено. Впрочем, Микаэль посчитал, что холод даже пошел ему на пользу – он немного проснулся. Народу на улице было относительно мало. Блумквист думал о дочери Пернилле и ее желании писать «по-настоящему», и, разумеется, о Лисбет и мальчике. Что они сейчас делают?

Поднимаясь на «горбушку» Хурнсгатан, он немного засмотрелся на выставленную в витрине картину. Картина изображала веселых, беспечных людей на коктейльной вечеринке, и в этот момент ему подумалось – хотя наверняка ошибочно, – что сам он в последний раз беззаботно стоял с бокалом в руке целую вечность назад. На мгновение его потянуло куда-нибудь вдаль. Затем он вздрогнул, охваченный ощущением, будто его кто-то преследует. Но, обернувшись, Микаэль понял, что это ложная тревога, возможно, следствие всего того, что ему довелось пережить за последние дни.

Позади него стояла лишь восхитительно красивая женщина в ярко-красном пальто, с распущенными русыми волосами, чуть неуверенно и застенчиво ему улыбавшаяся. Он тихонько улыбнулся в ответ и уже собрался идти дальше, но все-таки задержал на ней взгляд, возможно, даже с удивлением, будто ожидая, что женщина в любую минуту превратится в нечто иное, более будничное.

Но она с каждой секундой скорее становилась более ослепительной, почти как королевская особа, как большая звезда, по ошибке блуждавшая среди обычных людей. По правде говоря, в этот момент, в первый миг изумления, Микаэль едва смог бы ее описать или указать хоть какую-то мелкую отличительную деталь ее внешности. Она представлялась неким клише, воплощением чего-то шикарного из модного журнала.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – спросил он.

– Нет-нет, – ответила она, похоже, снова смутившись, и ее неуверенность нельзя было не найти очаровательной.

Про такую женщину не подумаешь, что она застенчива. Судя по

внешности, она должна бы владеть всем миром.

– Ну, тогда приятного вечера, – сказал он и отвернулся, но она остановила его нервным покашливанием.

– Вы случайно не Микаэль Блумквист? – еще более неуверенно спросила женщина, глядя на булыжники мостовой.

– Да, это я, – ответил он с почтительной улыбкой.

Он буквально заставил себя улыбнуться таким же почтительным образом, как улыбнулся бы любому.

– Я только хотела сказать, что всегда восхищалась вами, – продолжила она, осторожно подняв голову и посмотрев на него в упор темными глазами.

– Мне очень приятно. Правда, я давно ничего путного не писал… Кто вы?

– Меня зовут Ребекка Свенссон, – сказала она. – Я теперь живу в Швейцарии.

– А сейчас приехали домой в гости?

– К сожалению, совсем ненадолго. Мне не хватает Швеции. Не хватает даже стокгольмского ноября.

– Тогда дело зашло далеко.

– Ха, да! Но ведь с ностальгией по дому так и бывает.

– Что вы имеете в виду?

– Что человеку не хватает даже плохого.

– Верно.

– Но знаете, как я от всего лечусь? Слежу за шведской журналистикой. Думаю, за последние годы я не пропустила ни единой статьи в «Миллениуме».

Тут Блумквист снова посмотрел на нее и обратил внимание, что все предметы ее одежды, от черных туфель на высоких каблуках до кашемировой шали в синюю клетку, дорогие и эксклюзивные.

Ребекка Свенссон мало походила на типичного читателя «Миллениума». Но почему надо относиться с предубеждением даже к живущим за границей богатым шведам?

– Вы там работаете? – спросил он.

– Я вдова.

– Понимаю.

– Иногда мне становится невыносимо скучно. Вы куда-то направлялись?

– Я собирался выпить бокальчик и поесть, – ответил он, сразу почувствовав, что недоволен собственной репликой – та прозвучала

слишком пригласительно и была слишком ожидаемой. Но, по крайней мере, правдивой – он ведь действительно шел выпить и поесть.

– Можно я составлю вам компанию? – поинтересовалась Ребекка.

– Буду только рад, – произнес с сомнением Микаэль.

И тут женщина быстро коснулась его руки – вероятно, неумышленно, во всяком случае, ему хотелось в это верить. Она по-прежнему казалась застенчивой. Они медленно пошли вверх по «горбушке» Хурнсгатан, мимо целого ряда галерей.

– Как приятно пройтись здесь с вами, – сказала Ребекка.

– Получилось несколько неожиданно…

– Не совсем так, как я предполагала, проснувшись сегодня утром.

– А что вы предполагали?

– Что будет так же скучно, как обычно.

– Не знаю, веселая ли я сегодня компания. Я довольно сильно поглощен кое-каким материалом.

– Вы работаете слишком много?

– Можно и так сказать.

– Тогда вам просто необходим маленький перерыв, – сказала она, улыбнувшись обворожительной улыбкой, неожиданно полной желания или какого-то обещания

В это мгновение что-то в Ребекке показалось Микаэлю знакомым, как будто он уже видел эту улыбку – только по-другому, в каком-то искажающем зеркале.

– Мы раньше встречались? – спросил он.

– Не думаю. Если не считать того, что я, разумеется, тысячи раз видела вас на фотографиях и по телевизору.

– И вы никогда не жили в Стокгольме?

– Только в детстве, будучи совсем маленькой.

– А где вы тогда жили?

Ребекка неопределенно указала рукой вдаль по Хурнсгатан.

– Прекрасное было время, – сказала она. – О нас заботился отец. Я иногда об этом думаю. Мне его не хватает.

– Его уже нет в живых?

– Он умер слишком молодым.

– Я сожалею.

– Да, иногда мне его по-прежнему не хватает… Куда мы идем?

– Даже не знаю, – ответил Блумквист. – Тут чуть подальше, на Бельмансгатан, есть паб, «Бишопс Армс». Я знаком с его владельцем. Это довольно приятное заведение.

– Наверняка…

Ее лицо вновь приобрело смущенное, робкое выражение, и ее рука опять коснулась его пальцев – на этот раз он не был так уверен, что неумышленно.

– Или это недостаточно изысканно?

– Нет, нет, наверняка вы правы, – извиняющимся тоном произнесла она. – Но в пабах я часто чувствую, что на меня пялятся. Я сталкивалась со многими свиньями…

– Могу себе представить.

– Вы не хотели бы…

– Что?

Ребекка снова уставилась в землю и покраснела. Поначалу Микаэль подумал, что ошибся. Взрослые люди ведь так не краснеют? Но Ребекка Свенссон из Швейцарии, смотревшаяся примерно на семь миллионов долларов, действительно стала красной, как школьница.

– Вы не хотели бы вместо этого пригласить меня к себе домой на пару бокалов вина? – продолжила она. – Это было бы приятнее.

– Ну…

Микаэль колебался. Ему требовалось выспаться и быть завтра с раннего утра в хорошей форме. Тем не менее он согласился.

– Конечно, разумеется. У меня есть бутылка «Бароло», – с расстановкой ответил журналист и на мгновение подумал, что его это, невзирая ни на что, вдохновит, словно ему предстояло небольшое увлекательное приключение.

Однако сомнения не исчезали. Поначалу Микаэль этого не понимал. Обычно никаких сложностей у него в таких ситуациях не возникало, и, честно говоря, он был избалован вниманием женщин. Правда, сейчас события развивались со страшной скоростью, но такое ему тоже было не в новинку, и сам он отнюдь не отличался сентиментальностью в данном вопросе. Значит – нет, дело не в скорости процесса, или, во всяком случае, не только в ней. Это как-то связано с Ребеккой Свенссон, не так ли? Конечно, она молода, безумно красива и должна бы иметь иные занятия, кроме как охотиться за потными и изнуренными журналистами средних лет. Но, кроме того, что-то было в ее взгляде, в колебаниях между решительностью и робостью и в случайных на вид прикосновениях к его рукам. Все то, что поначалу казалось ему таким неотразимым, теперь представлялось скорее расчетом.

– Как приятно! Я не засижусь, я ведь не хочу испортить вам какой-нибудь репортаж, – проговорила женщина.

– Беру на себя всю полноту ответственности за все испорченные репортажи, – ответил Блумквист, попытавшись улыбнуться, но улыбка едва ли получилась естественной.

В это мгновение Микаэль уловил во взгляде Ребекки нечто странное – внезапный лед, который через секунду опять превратился в свою полную противоположность – в теплоту и нежность, как у большой актрисы, демонстрирующей свои способности, – и тут он еще больше уверился в том, что здесь что-то нечисто. Однако что именно, Микаэль не понимал. Он решил не раскрывать свои подозрения – по крайней мере, пока. Ему хотелось понять, что происходит. Блумквист был уверен, что разобраться в этом важно.

Они двинулись дальше по Бельмансгатан. Правда, вести ее к себе домой он больше не собирался, но ему требовалось время, чтобы во всем разобраться. Микаэль снова посмотрел на нее. Она была действительно поразительно красива. Тем не менее ему пришло в голову, что столь сильно захватила его, прежде всего, не ее красота, а скорее что-то другое, более неуловимое, отправляющее мысли в совсем другой мир, нежели гламур модных журналов. В эту минуту Ребекка Свенссон представлялась ему загадкой, на которую необходимо найти ответ.

– Здесь приятные кварталы, – сказала она.

– Недурные, – задумчиво ответил Блумквист, посмотрев в сторону «Бишопс Армс».

Напротив паба, на перекрестке с Тавастгатан, стоял худой долговязый мужчина в черной бейсболке и темных очках и изучал карту. Его легко можно было принять за туриста. В руке он держал коричневую дорожную сумку, на нем были белые сникерсы[67] и черная кожаная куртка с большим поднятым меховым воротником. В обычной ситуации Микаэль наверняка не обратил бы на него внимания. Однако сейчас он не был просто сторонним наблюдателем, и поэтому ему показалось, что в движениях мужчины присутствует нервозность и напряженность. Впрочем, это могло объясняться изначальной подозрительностью Микаэля. Но ему действительно показалось, что в слегка рассеянном обращении с картой чувствуется наигранность.

Тут парень как раз поднял голову и посмотрел на Микаэля с женщиной. Буквально мгновение он тщательно изучал их, а затем снова опустил взгляд на карту, причем не слишком удачно. Он явно испытывал неловкость и, казалось, хотел спрятать лицо под бейсболкой. Что-то в этой склоненной, словно испуганной голове кое о чем напомнило Микаэлю, и он снова посмотрел в темные глаза Ребекки Свенссон. Смотрел он долго и

пристально – и получил в ответ нежный взгляд. Но не ответил на него, а продолжал сурово и сосредоточенно всматриваться в нее. Ее лицо застыло – и только в эту секунду Микаэль Блумквист улыбнулся ей.

Он улыбнулся, потому что внезапно все понял.

Глава 22

Вечер 23 ноября (по шведскому времени)

Лисбет встала из-за стола. Ей не хотелось больше мучить Августа. На мальчика и так навалилось достаточно, а вся ее идея была идиотской с самого начала.

Это так типично – возлагать слишком большие надежды на несчастных савантов! Август уже продемонстрировал достаточно впечатляющие способности… Лисбет снова вышла на террасу и осторожно пощупала рану, которая по-прежнему болела. Позади нее послышались какие-то звуки – быстрое царапанье по бумаге. Она развернулась и подошла обратно к кухонному столу. И в следующее мгновение улыбнулась.

Август написал:

23 х 3 х 19

Лисбет уселась на стул и сказала мальчику, теперь уже не глядя на него:

– О’кей! Впечатляет. Но давай немного усложним задачу. Возьми 18206927.

Мальчик съежился над столом, и Лисбет подумала, что, пожалуй, было наглостью сразу подбросить ему восьмизначное число. Но чтобы вообще иметь шанс на удачу, им необходимо пойти гораздо дальше этого, и ее не удивило, что Август опять начал нервно раскачиваться верхней частью тела. Однако через пару секунд он наклонился вперед и написал на своем листе:

9419 х 1933

– Отлично, а что ты скажешь о 971230541?

983 х 991 х 997, – написал Август.

– Отлично, – сказала Лисбет и продолжила…

Алона и Эд стояли перед черным, походившим на куб, головным офисом Форт-Мида с зеркальными стеклянными стенами, на забитой до отказа стоянке, неподалеку от большого обтекателя радиоантенны. Эд

нервно вертел в руках ключи от машины, поглядывая в сторону электрифицированного заграждения и окружающего леса. Ему надо было в аэропорт, и он говорил, что уже опаздывает. Но Алона не хотела его отпускать. Она держала руку у него на плече и качала головой.

– Это же потрясающе.

– Да, довольно-таки примечательно, – ответил он.

– Значит, все выловленные нами в группе «Пауков» кодовые слова – Танос, Энчантресс, Земо, Алкема, Циклон и тому подобные, – все они характеризуются тем, что являются…

– Врагами Осы в первом выпуске комиксов, да.

– Отпад.

– Какой-нибудь психолог наверняка смог бы извлечь из этого что-нибудь интересное.

– Тут должна быть какая-то навязчивая идея, причем глубокая.

– Без сомнения. У меня возникает ощущение ненависти, – сказал он.

– Надеюсь, ты будешь осторожен.

– Не забывай, что я по сути своей бывший парень из банды.

– Это было давно, Эд, много килограммов назад.

– Вес тут ни при чем. Как это там теперь говорят: можно забрать парня из гетто…

– Но нельзя забрать гетто у парня[68].

– От этого не избавишься. Кроме того, в Стокгольме мне будет помогать Радиотехнический центр вооруженных сил. Они так же, как и я, заинтересованы в том, чтобы раз и навсегда обезвредить этого хакера.

– А если об этом узнает Джонни Ингрэм?

– Будет нехорошо. Но, как ты понимаешь, я подстелил немного соломки. Даже обменялся парой слов с О’Коннором.

– Я так и подозревала… Могу я что-нибудь для тебя сделать?

– Да-с.

– Выкладывай.

– Компашка Джонни Ингрэма, похоже, полностью в курсе шведского полицейского расследования.

– Ты подозреваешь, что они каким-то образом прослушивают полицию?

– Или же у них где-то имеется источник, предположительно какой-нибудь карьерист в шведской Службе безопасности. Если я соединю тебя с двумя своими лучшими хакерами, ты можешь в этом покопаться.

– Звучит рискованно…

– Ладно, забудь.

– Нет, мне это нравится.

– Спасибо, Алона. Я пришлю тебе больше информации.

– Удачной поездки, – пожелала она.

Эд чуть надменно улыбнулся, сел в машину и уехал.

Потом Микаэль даже толком не мог объяснить, как он понял. Вероятно, что-то в лице Ребекки Свенссон – что-то одновременно знакомое и незнакомое, – возможно, именно из-за полной гармонии в его чертах напоминало о своей полной противоположности и, в сочетании с другими предчувствиями и подозрениями, возникшими у Микаэля в процессе работы над статьей, подсказало ему ответ. Правда, до конца уверен он по-прежнему не был. Но уже не сомневался в том, что творится что-то очень нечистое.

Мужчина у перекрестка, теперь неторопливо двинувшийся дальше со своей картой и коричневой сумкой, несомненно, являлся тем же персонажем, которого он видел на камере наблюдения в Сальтшёбадене, а такое совпадение казалось слишком неправдоподобным и явно должно было что-то означать, поэтому Микаэль на несколько секунд замер на месте и задумался. Затем он повернулся к женщине, называвшей себя Ребеккой Свенссон, и максимально уверенным тоном сказал:

– Ваш друг уходит.

– Мой друг? – с откровенным удивлением переспросила она. – Что вы имеете в виду?

– Вон тот человек, – уточнил Микаэль, показывая на худую спину мужчины, который немного раскачивающейся походкой уходил по Тавастгатан.

– Вы шутите? Я в Стокгольме никого не знаю.

– Что вам от меня надо?

– Я хотела только познакомиться с вами, Микаэль, – ответила она, опустив руку на блузку, словно желая расстегнуть пуговицу.

– Прекратите! – резко возразил он, уже собираясь сказать все, что думает, когда она посмотрела на него так беззащитно и жалобно, что он совершенно сбился и на мгновение подумал, что все-таки ошибся.

– Вы на меня сердитесь? – обиженно спросила женщина.

– Нет, но…

– Что?

– Я вам не доверяю, – произнес он жестче, чем собирался.

– Похоже, вы сегодня несколько не в себе, Микаэль? Лучше встретимся как-нибудь в другой раз, – сказала Ребекка с грустной улыбкой.

Она поцеловала его в щеку, так деликатно и быстро, что он не успел ей

помешать. Потом, кокетливо помахав ему пальцами, двинулась вверх по холму на своих высоких каблуках, с такой изощренной самоуверенностью, будто ничто в мире ее не волновало. На мгновение Блумквист задумался, не следует ли остановить ее и подвергнуть своего рода допросу, но не понимал, как это сможет привести к чему-нибудь конструктивному. Вместо этого он решил пойти следом.

Микаэль понимал, что это безумие, но не видел другого выхода. Дав ей скрыться за вершиной холма, он двинулся за ней. Быстрым шагом дошел до перекрестка, в полной уверенности, что уйти далеко она не могла. Однако наверху Блумквист убедился, что ее и след простыл – и ее, и мужчины. Они словно сквозь землю провалились. Улица была совершенно пуста, если не считать парковавшегося чуть подальше черного «БМВ» да парня с козлиной бородкой и в старомодной дубленке, шедшего ему навстречу по другой стороне улицы.

Куда же они подевались? Тут нет никаких боковых улиц, куда можно ускользнуть, никаких незаметных переулков. Может, они зашли в какой-нибудь подъезд? Микаэль спустился к Торкель-Кнутссонсгатан, всматриваясь направо и налево, но ничего не увидел. Прошел мимо того, что когда-то было «Котелком Самира» – их бывшим излюбленным заведением, а теперь стало ливанским кафе «Таббоули» и, конечно, могло использоваться в качестве убежища. Впрочем, Блумквист не понимал, как она смогла бы успеть дотуда добраться. Он ведь шел за нею по пятам… Где же она, черт возьми? Может, они с мужчиной стоят где-то и наблюдают за ним? Микаэль дважды оборачивался, подозревая, что они могут возникнуть у него за спиной, и еще раз вздрогнул от леденящего ощущения, что кто-то смотрит на него в оптический прицел. Но тревога была ложной – по крайней мере, насколько он мог понять.

Мужчины и женщины нигде видно не было, и когда Микаэль, наконец, сдался и побрел домой, ему казалось, будто он избежал большой опасности. Он не имел представления, насколько это ощущение соответствовало действительности. Но сердце у него колотилось, а в горле пересохло. Обычно Блумквист не очень-то легко пугался. Но сейчас его перепугала почти пустая улица. Этого он не понимал. Микаэль лишь точно знал, с кем ему необходимо поговорить. Надо связаться с Хольгером Пальмгреном, бывшим опекуном Лисбет.

Но сперва ему следовало выполнить свой гражданский долг. Если увиденный им мужчина действительно был тем же человеком, что и на камере наблюдения Франса Бальдера, и имелся хотя бы минимальный шанс его найти, необходимо поставить в известность полицию, поэтому Микаэль

позвонил Яну Бублански. Убедить комиссара оказалось не так-то легко, но прежде всего Микаэлю было не так-то просто убедить самого себя. Однако, несмотря на многочисленные уклонения от истины в последнее время, у него, видимо, сохранился старый кредит доверия. Бублански пообещал выслать наряд.

– Что ему понадобилось в твоих кварталах?

– Не знаю, но подозреваю, что поискать его будет не лишним.

– По-прежнему чертовски неприятно, что Август Бальдер находится неизвестно где, – добавил Бублански с некоторым укором в голосе.

– По-прежнему чертовски неприятно, что у вас произошла утечка, – ответил Микаэль.

– Могу сообщить тебе, что *нашу* утечку мы идентифицировали.

– Неужели? Это же замечательно!

– Боюсь, что не так замечательно. Мы полагаем, что могло иметься несколько утечек, из которых все относительно безобидны, за исключением, возможно, самой последней.

– Тогда вам надо постараться найти ее.

– Мы делаем все, что можем. Но мы начинаем подозревать…

– Что?

– Ничего…

– Ладно, ты не обязан рассказывать.

– Мы живем в безумном мире, Микаэль.

– Правда?

– В мире, где безумное считается нормальным.

– В этом ты, пожалуй, прав. До свидания, комиссар.

– До свидания, Микаэль. Только не делай больше глупостей.

– Я постараюсь, – ответил он.

Микаэль пересек Рингвэген и спустился в метро. Он поехал по красной линии в сторону станции «Норсборг» и вышел в районе Лильехольмен, где уже около года в маленькой современной квартире без порогов жил Хольгер Пальмгрен. Услышав в телефоне голос Блумквиста, он явно испугался. Но как только Микаэль заверил, что с Лисбет всё в порядке – надеясь, что в этом отношении не грешит против истины, – журналист сразу почувствовал, что ему рады гораздо больше.

Вышедший на пенсию адвокат Хольгер Пальмгрен на протяжении многих лет являлся опекуном Лисбет, с тех самых пор, когда она тринадцатилетней девочкой находилась взаперти в психиатрической клинике Святого Стефана в Упсале. К настоящему моменту Хольгер

перенес два или три инсульта, был старым и несчастным человеком и уже какое-то время передвигался лишь с помощью ходунков, а иногда почти не мог передвигаться даже с ними. Левая сторона его лица отвисла, а левая рука почти не двигалась. Но мозг его был ясным, а память – исключительной, если речь шла о давних событиях, и особенно если дело касалось Лисбет Саландер. Никто не знал ее так, как он.

Хольгер Пальмгрен добился успеха там, где все психиатры и психологи совершали ошибки или, возможно, не слишком старались. После проведенного в аду детства, когда девочка утратила доверие ко всем взрослым и представителям властей, Хольгер Пальмгрен нашел к ней подход и заставил разговаривать. Микаэль считал это маленьким чудом. Лисбет являлась кошмаром для всех психотерапевтов. А Хольгеру она рассказывала о своих самых болезненных детских воспоминаниях. В частности, именно поэтому Микаэль сейчас набрал код на дверях дома 96 на площади Лильехольмсторг, поднялся на лифте на пятый этаж и позвонил.

– Старый друг, – приветствовал его в дверях Хольгер. – Как я рад тебя видеть… Но у тебя бледный вид.

– Я просто немного плохо спал.

– Легко понять, если в тебя стреляют… Я читал об этом в газете. Жуткая история.

– Это точно.

– Произошло что-то еще?

– Я сейчас расскажу, – ответил Микаэль, усаживаясь на красивый желтый мягкий диван возле балкона и ожидая, пока Хольгер с огромным трудом опустится в стоящее рядом инвалидное кресло.

Затем журналист начал в общих чертах пересказывать события. Но когда он дошел до своих соображений-подозрений, зародившихся на булыжной мостовой Бельмансгатан, его тотчас прервали.

– Что ты говоришь?

– Я думаю, это была Камилла.

Хольгер буквально оцепенел.

– Та Камилла?

– Именно та.

– Господи, – произнес Хольгер. – И что произошло?

– Она исчезла. Но задним числом возникло ощущение, будто в мозгу у меня все завертелось…

– Могу понять. Я полагал, что Камилла пропала из нашей жизни раз и навсегда.

– Сам-то я почти забыл, что их было двое…

– Еще как двое – две сестры-двойняшки, которые ненавидели друг друга.

– Конечно, я это знал, – продолжал Микаэль. – Но потребовалось напоминание, чтобы я начал задумываться всерьез. Я ведь, как уже говорилось, размышлял над тем, почему Лисбет ввязалась в эту историю. Зачем ей, бывшему суперхакеру, понадобилось интересоваться примитивным вторжением в компьютеры?

– И теперь ты хочешь, чтобы я помог тебе понять…

– Что-то в этом роде.

– Ладно, – начал Хольгер. – Предыстория тебе известна, не так ли? Мать, Агнета Саландер, работала кассиршей в супермаркете «Консум Цинкен» и жила одна с двумя дочерьми на Лундагатан. Возможно, их совместная жизнь могла бы сложиться довольно удачно. Денег в доме частенько не хватало, и Агнета, тогда еще совсем молоденькая, не имела возможности получить образование. Но она была любящей и внимательной. Ей хотелось создать дочкам хорошие условия. Дело было только в том…

– Что иногда их навещал отец.

– Да, иногда появлялся отец, Александр Залаченко, и его посещения почти всегда заканчивались одним и тем же. Он насиловал и избивал Агнету, а дочери сидели в соседней комнате и все слышали. Однажды Лисбет нашла мать на полу без сознания…

– И тогда она отомстила в первый раз.

– Во второй. В первом случае она ударила Залаченко ножом в плечо.

– Верно, но в этот раз она бросила ему в машину пакет от молока, наполненный бензином, и подожгла.

– Именно. Залаченко горел, словно факел, получил тяжелые ожоги, и ему пришлось ампутировать ногу. Саму же Лисбет заперли в детской психиатрической клинике.

– А мать попала в пансионат для тяжелобольных.

– Да, и для Лисбет это стало во всей истории самым тяжелым ударом. Матери было всего двадцать девять лет, и она уже так и не пришла в себя. В течение четырнадцати лет Агнета жила в пансионате с тяжелым повреждением мозга и очень мучилась. Часто она вообще оказывалась неспособна общаться с окружающими. Лисбет навещала ее так часто, как только могла, и я знаю, что она мечтала о том, что мать когда-нибудь поправится, и они опять смогут начать разговаривать и заботиться друг о друге. Но этого так и не случилось. Для Лисбет это стало сущим мраком.

Она наблюдала, как мать чахнет и постепенно умирает.

– Понимаю, это ужасно, но я так толком и не понял роль Камиллы в этой истории.

– Эта роль более сложная, и в каком-то смысле я считаю, что девочку следует простить. Она ведь была всего лишь ребенком и, даже не успев этого осознать, стала пешкой в чужой игре.

– Что же произошло?

– Наверное, можно сказать, что они избрали в битве разные стороны. Будучи двуяйцевыми близнецами, девочки никогда не походили друг на друга ни внешностью, ни поведением. Лисбет родилась первой. Камилла появилась на свет двадцатью минутами позже – и, будучи еще совсем малышкой, уже радовала глаз. Если Лисбет была существом злобным, то Камилла заставляла всех восклицать: «О, какая симпатичная девочка!», – и наверняка не случайность, что Залаченко с самого начала относился к ней более снисходительно. Я говорю – снисходительно, поскольку ни о чем другом в первые годы речь, разумеется, не шла. Агнету он считал просто шлюхой, а ее детей, вполне логично, рассматривал лишь как ублюдков, тварей, которые только путались под ногами. Но тем не менее…

– Да?

– Тем не менее даже Залаченко замечал, что одна из девочек, во всяком случае, по-настоящему красива. Лисбет иногда говорила, что в ее семье имеется генетическая ошибка, и хотя с чисто медицинской точки зрения это высказывание сомнительно, можно, пожалуй, согласиться с тем, что Зала оставил после себя детей с крайностями. С единокровным братом Лисбет, Рональдом, ты ведь сталкивался? Огромный блондин, он страдал конгениальной аналгезией, неспособностью чувствовать боль, и поэтому являлся идеальным наемником и убийцей, а Камилла… ну, в ее случае генетическая ошибка заключалась просто-напросто в том, что она была исключительно, просто до абсурда красива, и с годами все становилось только хуже. Я говорю – хуже, поскольку почти убежден в том, что это было своего рода несчастьем, и, возможно, проявлялось с особой силой из-за того, что ее сестра-близнец всегда выглядела недовольной и сердитой. При виде ее взрослые нередко морщились. А потом они замечали Камиллу, сияли и просто теряли голову. Представляешь, как это на нее влияло?

– Ей, вероятно, приходилось тяжело.

– Я говорю сейчас не о Лисбет; думаю, что никогда не замечал у нее каких-либо проявлений зависти. Будь дело только в красоте, она, наверное, ничего не имела бы против сестры. Нет, я имею в виду Камиллу. Представляешь, какое воздействие на не слишком умеющую сочувствовать

девочку оказывает то, когда ей все время говорят, что она прекрасна и восхитительна?

– Это ударяет ей в голову.

– Это дает ей ощущение власти. Когда она улыбается, мы таем. А если она не улыбается, мы ощущаем себя отвергнутыми и делаем все, что угодно, лишь бы снова увидеть ее сияющей. Камилла рано научилась этим пользоваться. Она достигла высот мастерства, стала мастером манипуляции. У нее были большие выразительные глаза косули.

– Они у нее по-прежнему такие.

– Лисбет рассказывала, как Камилла часами просиживала перед зеркалом, просто тренируя свой взгляд. Глаза были для нее потрясающим оружием. Они могли и очаровывать, и отталкивать – заставлять детей и взрослых чувствовать себя в один день избранными и особенными, а в другой – отвергнутыми и изгнанными. Это был нехороший талант. Как ты можешь догадаться, в школе Камилла сразу сделалась невероятно популярной. Всем хотелось с нею дружить, и она пользовалась этим всеми мыслимыми способами. Она устраивала так, чтобы одноклассники каждый день дарили ей маленькие подарочки: мраморные шарики, конфетки, мелкие деньги, бусинки, брошки; а те, кто ничего не дарил или вообще вел себя не так, как ей хотелось, на следующий день не удостаивались от нее приветствия или даже взгляда, и все, кому однажды доводилось побывать в центре ее внимания, знали, какую боль это причиняло. Одноклассники изо всех сил подлизывались к ней. Они пресмыкались перед нею – все, кроме, разумеется, одного человека.

– Сестры.

– Именно, и поэтому Камилла настраивала одноклассников против Лисбет. Она организовала безумную травлю, в результате чего Лисбет макали головой в унитаз, обзывали выродком, соплей и еще много чем. Они занимались этим, пока не обнаружили, с кем взялись ссориться. Но это уже другая история, и тебе она известна.

– Лисбет не из тех, кто подставляет другую щеку.

– Отнюдь. Но примечательным в этой истории – чисто в психологическом отношении – является то, что Камилла научилась добиваться власти над своим окружением и манипулировать им. Она научилась держать под контролем всех, кроме двух важных для ее жизни людей, Лисбет и отца, и это ее раздражало. Она приложила массу усилий для того, чтобы выиграть эти поединки тоже, а для каждого из них требовалась, естественно, собственная стратегия. Перетянуть на свою сторону Лисбет ей никогда не удавалось, и не думаю, чтобы ее это

особенно интересовало. В ее глазах Лисбет была всего лишь странной, мрачной и упрямой девчонкой. Зато отец…

– Он был просто злодеем.

– Злым он, конечно, был, но в то же время представлял собою само поле силы семьи. Все, собственно говоря, крутилось вокруг него, хоть он и редко бывал у них. Он был отсутствующим отцом, а таковые, даже в нормальных случаях, могут иметь для ребенка чисто мифическое значение. Здесь же дело зашло значительно дальше.

– Что вы имеете в виду?

– Я считаю, что Камилла и Зала вместе представляли собой очень неудачную комбинацию. Думаю, что Камилла, сама до конца не отдавая себе в этом отчета, уже тогда интересовалась одной-единственной вещью: властью. А ее отец… ну, его можно упрекнуть во многом, но только не в недостатке власти. Об этом говорили многие, в особенности те бедняги из Службы безопасности. Они с невероятной решимостью готовились отказать ему и выставить свои требования, однако, сталкиваясь с ним лицом к лицу, превращались в стадо боязливых овец. Залаченко излучал отвратительное могущество, которое, конечно, только усиливалось тем, что до него нельзя было добраться, тем, что не играло никакой роли, сколько раз на него заявляли в социальные службы. Его всегда прикрывало СЭПО, что и убедило Лисбет – естественно, знавшую об этом – в необходимости брать дело в собственные руки. А Камилла видела в этом нечто совсем другое.

– Она сама хотела стать такой же…

– Думаю, да. Отец был для нее идеалом, и ей хотелось тоже иметь аналогичные иммунитет и силу. Но, возможно, больше всего она хотела, чтобы он обратил на нее внимание, рассматривал как достойную дочь.

– Она ведь должна была знать, как жутко он обращается с ее матерью.

– Разумеется, она знала. Но все-таки принимала сторону отца. Можно сказать, принимала сторону силы и власти. Уже в детстве Камилла несколько раз заявляла, что презирает слабых людей.

– Значит, по-вашему, мать она тоже презирала?

– Боюсь, что да. Лисбет однажды рассказала мне кое-что, чего мне никогда не забыть.

– Что же?

– Я этого никогда никому не рассказывал.

– Может, пришло время?

– Да, возможно… Но сперва мне надо принять чего-нибудь крепкого. Как ты смотришь на рюмку хорошего коньяка?

– Идея, пожалуй, неплохая… Сидите, я принесу рюмки и бутылку, – сказал Микаэль и пошел к стоявшему возле двери в кухню шкафчику красного дерева, служившему баром.

Он как раз начал перебирать бутылки, когда зазвонил его айфон – на дисплее высветилось имя Андрея Зандера. Но когда Микаэль ответил, в телефоне никого не оказалось. Вероятно, телефон просто сработал в кармане, подумал он и, налив в некоторой задумчивости две рюмки «Реми Мартен», снова уселся рядом с Хольгером Пальмгреном.

– Рассказывайте, – попросил он.

– Даже не знаю, с чего начать… Насколько я понял, дело происходило хорошим летним днем; Камилла с Лисбет сидели запертыми в детской…

Глава 23

Вечер 23 ноября

Август опять застыл. Продолжать отвечать он не мог. Числа стали слишком большими, и вместо того, чтобы схватиться за фломастер, мальчик сжал кулаки с такой силой, что тыльные стороны ладоней побелели. Он даже бился головой о стол, и Лисбет, конечно, следовало бы попытаться его утешить или, по крайней мере, последить за тем, чтобы он не нанес себе увечий. Но Саландер до конца не осознавала происходящее. Она думала только о своем шифрованном файле, понимая, что таким путем тоже никуда не продвинется. Да и чему тут, собственно, было удивляться? Как могло Августу удасться то, с чем не справились суперкомпьютеры? Надежды были идиотскими с самого начала, а достижения Августа и так достаточно впечатляли. Но Лисбет все равно испытывала разочарование.

Оставив мальчика на кухне, она вышла в темноту и принялась рассматривать дикий, заросший ландшафт. Внизу, под крутым склоном, находились пляж и покрытое снегом поле с заброшенным гумном для танцев. Пригожими летними днями там наверняка толпились люди. Сейчас же все было пустынным. Лодки вытащены на берег, вокруг ни души, в домах по другую сторону залива никаких огней. Снова задул сильный ветер. Лисбет это место нравилось – во всяком случае, в качестве укрытия в конце ноября. Правда, ее едва ли смог бы предупредить звук мотора, если бы кто-нибудь решил их навестить. Единственная возможная парковка располагалась внизу, возле пляжа, и чтобы добраться до дома, требовалось взобраться по деревянной лестнице вдоль склона. Под защитой ночной темноты к ним наверняка можно было подкрасться. Но Лисбет думала, что этой ночью ей удастся поспать. Она в этом нуждалась. Ее по-прежнему мучила рана, и, вероятно, поэтому она так сильно отреагировала на то, во что изначально не верила. Но, вернувшись в дом, Саландер поняла, что дело было не только в этом.

– Обычно Лисбет не волнует погода или какие-нибудь события, происходящие где-то на периферии, – продолжал Хольгер Пальмгрен. – Ее взгляд отсекает несущественное. Но в тот раз она действительно упомянула о том, что на Лундагатан и над соседним парком светило солнце. Она слышала, как смеются дети. Возможно, она хотела сказать, что по другую

сторону окна люди были счастливы. Хотела подчеркнуть контраст. Обычные люди ели мороженое и играли с драконами и мячами. Камилла и Лисбет сидели взаперти у себя в комнате и слушали, как отец насилует и избивает мать. Думаю, это было непосредственно перед тем, как Лисбет всерьез дала Залаченко сдачи. Но за хронологию я не ручаюсь. Случаев насилия было много, и они все имели один и тот же сценарий. Зала заявлялся во второй половине дня или вечером, сильно пьяный, и иногда трепал Камиллу по голове, приговаривая что-нибудь вроде: «Как у такой красивой девочки может быть такая отвратительная сестра?» Затем он запирал дочерей в детской и усаживался на кухне, чтобы еще выпить. Пил он одну водку и часто вначале сидел молча, только причмокивая, как голодный зверь. Потом чуть ли не ласково бормотал что-нибудь, типа: «А как сегодня себя чувствует моя потаскушка?» Но дальше Агнета совершала какую-нибудь ошибку – или, вернее, Залаченко решал, что видит какую-то ошибку, – и сразу следовал первый удар, как правило, пощечина, сопровождаемая словами: «А я-то думал, что моя потаскушка сегодня будет доброй». После этого он волок ее в спальню и вскоре уже пускал в ход кулаки. Лисбет вычисляла это по звукам. Она точно различала, какие именно удары он наносил и куда они попадали. Она знала это столь же отчетливо, как если бы избивали ее саму. За ударами следовали пинки. Зала пинал мать и колотил ее о стену, выкрикивая: «сука», «потаскуха», «шлюха», и от этого возбуждался. Он заводился, глядя на ее страдания. Только когда мать была уже вся в синяках и истекала кровью, он ее насиловал, а кончая, выкрикивал еще худшие мерзости, и потом все ненадолго смолкало. Слышались только сдавленные всхлипывания Агнеты и его собственное тяжелое дыхание. Затем он вставал, выпивал еще, недолго бормотал, ругался и плевал на пол. Иногда он отпирал дверь к Камилле и Лисбет, выпаливая нечто вроде: «Теперь мама опять добрая», – и уходил, хлопая дверью. Таков был обычный вариант. Но в тот день кое-что произошло.

– Что же?

– Комната у девочек была довольно маленькой. Как ни пытались они отдалиться друг от друга, их кровати все равно стояли почти вплотную, и во время избиения и насилия они, как правило, сидели каждая на своем матрасе, напротив друг друга. Разговаривали они редко и чаще всего старались не встречаться взглядами. В тот день Лисбет почти не отрывала глаз от окна, выходившего на Лундагатан, и, наверное, поэтому могла рассказывать о лете и детях на улице. Но в какое-то мгновение она повернулась к сестре и тут увидела…

– Что увидела?

– Правую руку сестры. Рука целеустремленно ударяла по матрасу, что, конечно, совсем необязательно заключало в себе нечто особенное. Это вполне могло быть проявлением какой-то нервозности или навязчивой черты. Поначалу Лисбет так и подумала. Но потом она заметила, что рука бьет в такт доносящимся из спальни ударам, и посмотрела на лицо Камиллы. Глаза сестры горели от возбуждения, и, что самое жуткое, Камилла в этот момент походила на самого Залу. И хотя Лисбет сперва отказывалась в это верить, не было никаких сомнений в том, что ее сестра улыбалась. По ее лицу гуляла насмешливая ухмылка. В эту секунду Лисбет осознала, что Камилла пытается встать на сторону отца и подражать его властному стилю. Она также поддерживает его удары. Болеет за него.

– Это же чистое безумие!

– Но так и было. И знаешь, что сделала Лисбет?

– Нет.

– Сохраняя полное спокойствие, она уселась рядом с Камиллой и почти нежно обхватила ее руку. Подозреваю, что Камилла вообще не поняла, что происходит. Возможно, подумала, что сестра ищет утешения или близости. Случались ведь и более странные вещи. Лисбет закатала рукав ее блузки, и в следующее мгновение…

– Да?

– Вонзила ногти в ее запястье, до самой кости, и процарапала жуткую рану. На кровать хлынула кровь, а Лисбет стащила Камиллу на пол и поклялась убить их с отцом, если побои и насилие не прекратятся. Впоследствии рана выглядела так, будто Камиллу порвал тигр.

– Господи!..

– Можешь теперь представить себе степень ненависти между сестрами. И Агнета, и социальные службы боялись, как бы не произошло чего-нибудь действительно серьезного. Камилле даже на время подыскали приемную семью в другом городе. Но этого, конечно, не хватило бы – рано или поздно они бы обязательно сцепились. Однако, как тебе известно, вышло все-таки иначе. Случилось нечто другое. Агнета получила травму головного мозга, Залаченко загорелся, как факел, а Лисбет изолировали от общества. Если я правильно понял, с тех пор сестры виделись только раз, несколькими годами позже, и тогда дело чуть не кончилось плохо, хотя детали мне неизвестны. На сегодняшний день Камиллу уже давно считают исчезнувшей. Последним следом является приемная семья, у которой она жила в Упсале, их фамилия Дальгрен. Если хочешь, я могу достать тебе их телефон. Правда, с тех пор, как Камилла в восемнадцать или девятнадцать

лет упаковала сумку и покинула страну, никто о ней ничего не слышал; поэтому-то я чуть дух не испустил, когда ты сказал, что встретил ее. Даже Лисбет, с ее способностью отслеживать людей, не сумела ее отыскать.

– Значит, она пыталась?

– О да – в последний раз, насколько мне известно, когда распределялось наследство отца.

– Я этого не знал.

– Лисбет упомянула об этом только мимоходом. Она, естественно, не хотела из этого наследства ни эре. Считала эти деньги кровавыми. Однако сразу поняла, что с наследством что-то не так. Речь в общей сложности шла об имуществе на четыре миллиона крон. Туда входили хутор в Госсеберге, кое-какие ценные бумаги, обветшавшее промышленное помещение в Норртэлье и какой-то участок. Немало, очень даже немало. Но тем не менее…

– Зала должен был иметь гораздо больше.

– Да. Ведь Лисбет, как никто другой, знала, что он контролировал целую преступную империю. В этом контексте четыре миллиона представлялись сущей мелочью.

– Значит, вы полагаете, что она интересовалась, не унаследовала ли Камилла настоящую, основную часть?

– Думаю, именно это она и пыталась узнать. Сама мысль, что деньги отца продолжают причинять вред и после его смерти, мучила ее. Но она долго ничего не могла добиться.

– Должно быть, Камилла ловко поменяла имя и документы.

– Думаю, да.

– Вы полагаете, что она могла взять на себя бизнес отца по торговле людьми?

– Возможно, а может, и нет. Или же занялась чем-нибудь совершенно новым.

– Например?

Хольгер Пальмгрен закрыл глаза и сделал большой глоток коньяка.

– Этого, Микаэль, я, разумеется, не знаю. Но когда ты рассказывал о Франсе Бальдере, у меня, вообще-то, возникла одна мысль. Ты имеешь представление о том, почему Лисбет так хорошо разбирается в компьютерах? Тебе известно, с чего все началось?

– Нет.

– Тогда я тебе расскажу. Меня занимает, не там ли находится ключ к твоей истории…

Вернувшись с террасы и увидев Августа застывшим за кухонным столом в судорожной, неестественной позе, Лисбет сообразила, что мальчик напоминает ей саму себя в детстве. Именно так она чувствовала себя на Лундагатан до тех самых пор, пока однажды не поняла, что вынуждена слишком рано повзрослеть и отомстить отцу. Намного легче ей от этого не стало – ребенок не должен нести такое бремя. Однако это явилось началом настоящей и достойной жизни. Нельзя позволять никакой долбаной твари безнаказанно делать то, что совершил Залаченко или убийца Франса Бальдера. Никому из таких злодеев нельзя давать спуску. Поэтому она подошла к Августу и торжественно, словно важный приказ, произнесла:

– Сейчас ты пойдешь спать. А когда проснешься, ты должен нарисовать рисунок, который прибьет убийцу твоего папы. Уловил?

Мальчик кивнул и поплелся в спальню, а Лисбет открыла ноутбук и принялась искать информацию об артисте Лассе Вестмане и его друзьях.

– Я думаю, сам Залаченко не слишком разбирался в компьютерах, – продолжил Хольгер Пальмгрен. – Он все-таки не из того поколения. Но, возможно, его грязный бизнес настолько разросся, что он был вынужден заносить сведения в базу данных, и ему, вероятно, требовалось держать эту бухгалтерию подальше от своих дружков… Однажды он пришел на Лундагатан с компьютером IBM и поставил его на письменном столе, рядом с окном. К тому времени, думаю, вряд ли кто-нибудь из остальных членов семьи даже видел компьютер. У Агнеты ведь не было возможности совершать экстравагантные покупки, и мне известно, что Залаченко заявил, что сдерет живьем шкуру с любого, кто хотя бы прикоснется к машине. Не знаю, но чисто педагогически этот ход, возможно, оказался удачным. Он усилил соблазн.

– Запретный плод.

– Лисбет тогда было, думаю, лет одиннадцать. Дело происходило до того, как она разодрала Камилле правую руку, и раньше, чем стала бросаться на отца с ножами и детскими бомбами. Это было, можно сказать, непосредственно перед тем, как она стала той Лисбет, какую мы знаем сегодня. В то время она вынашивала мысли о том, как обезвредить Залаченко, к тому же ей остро не хватало стимулов в жизни. О каких-нибудь друзьях даже говорить не приходилось – отчасти, конечно, потому, что Камилла на нее клеветала и следила за тем, чтобы в школе с ней никто не сближался, а отчасти поскольку она действительно сильно отличалась от остальных. Не знаю, понимала ли уже это сама Лисбет. Но ее учителя и

окружение точно не понимали. Однако она была невероятно одаренным ребенком и выделялась именно в силу своего таланта. В школе ей было дико скучно. Все казалось само собой разумеющимся и простым. Ей требовалось лишь мельком заглянуть в учебник, чтобы сразу все понять, и на уроках она в основном предавалась мечтаниям. Думаю, правда, что уже тогда в свое свободное время Лисбет находила интересовавшие ее вещи – например, учебники математики для старших классов и тому подобное. Но, по большому счету, ей было невероятно скучно. Она в основном сидела с комиксами, с альбомом «Марвел комикс», то есть занималась тем, что совершенно не отвечало ее уровню, но, возможно, выполняло другую, терапевтическую функцию.

– Что вы имеете в виду?

– Вообще-то, я не люблю копаться в психологии Лисбет; она возненавидела бы меня, если бы узнала об этом… Но в этих комиксах присутствует множество супергероев, которые воюют против врагов-злодеев, берут дело в свои руки, мстят и восстанавливают справедливость. В каком-то смысле комиксы ей, вероятно, подходили, откуда мне знать… Возможно, эти истории с их слишком очевидными выводами помогали ей прийти к пониманию.

– Вы считаете, что она поняла, что должна вырасти и сама стать супергероиней?

– По-видимому, да, – в собственном маленьком мирке. В то время Лисбет, разумеется, еще не знала, что Залаченко являлся бывшим советским супершпионом и что его тайны создали ему совершенно особое положение в шведском обществе. Она, несомненно, не имела представления о том, что его защищает специальный отдел Службы безопасности. Правда, она, так же как и Камилла, чувствовала, что отец защищен неким иммунитетом. К ним даже как-то раз приходил господин в сером пальто, который намеками дал им понять, что отцу нельзя попадать в неприятности – просто нельзя, и всё. Лисбет рано заподозрила, что заявлять на Залаченко в полицию или в социальные службы бессмысленно. Результатом могло стать лишь то, что к ним заявится новый мужик в сером пальто.

Нет, предыстории Лисбет не знала. Она еще ничего не знала о службах безопасности и действиях по обеспечению прикрытия. Но в глубине души она очень болезненно переживала бессилие семьи. Бессилие, Микаэль, может обернуться сокрушительной силой, и пока Лисбет еще недостаточно повзрослела для того, чтобы что-нибудь предпринять, она нуждалась в убежищах и местах, откуда могла бы черпать силу. Таким местом стал для

нее мир супергероев. Многие из моего поколения, разумеется, презирают такого рода вещи. Но я лучше других знаю, что литература, будь то комиксы или изящные старые романы, может иметь большое значение. И мне известно, что Лисбет особенно прикипела к юной героине по имени Джанет ван Дайн.

– Ван Дайн?

– Именно. Девушка, отцом которой был богатый ученый. Отца, если я правильно помню, убили инопланетяне, и, чтобы суметь отомстить, Джанет ван Дайн разыскивает одного из его коллег и получает у него в лаборатории суперсилу. Обретает крылья, способность уменьшаться и увеличиваться в размере и кое-что еще. Она становится просто-напросто непобедимой, одевается в черное и желтое, как оса, и поэтому называет себя именно Осой, человеком, на которого невозможно сесть ни в прямом, ни в переносном смысле.

– Ха, этого я не знал… Значит, ее ник происходит оттуда?

– Думаю, не только ник. Я же ничего не знал о таких вещах, был замшелым стариком, который по-прежнему называл комиксы «Фантом» «Драгосом»[69]. Но, увидев в первый раз изображение Осы, я содрогнулся. В ней было так много от Лисбет… а в каком-то смысле так и осталось. Думаю, она взяла часть своего стиля от этого персонажа; правда, я не склонен придавать этому излишне большое значение. Оса была всего лишь персонажем комиксов, а Лисбет жила в высшей степени реальном мире. Впрочем, мне известно, что она частенько задумывалась над тем изменением, которое претерпела Джанет ван Дайн, став Осой. Где-то в глубине души она понимала, что вынуждена сама измениться столь же основательно: из ребенка и жертвы превратиться в кого-то, кто сможет противостоять высококлассному шпиону и совершенно беспощадному человеку.

Подобные мысли занимали ее день и ночь, и поэтому в переходный период Оса стала для нее важным образом, вымышленным источником вдохновения. Это обнаружила Камилла. Эта девчонка обладала просто жуткой способностью вынюхивать слабости людей. Она выискивала своими щупальцами чужие болевые точки и наносила удар, и поэтому начала всячески высмеивать Осу, или даже более того. Разузнав, кто является в комиксах врагами Осы, она стала называть себя их именами – Таносом и всеми прочими.

– Вы сказали, Таносом? – вдруг встрепенулся Микаэль.

– По-моему, его звали так. Персонаж-мужчина, злодей, который однажды влюбился в саму смерть, представшую перед ним в облике

женщины, а потом стремился проявить себя достойным ее, или что-то в этом роде. Камилла приняла его сторону, чтобы провоцировать Лисбет. Она даже называла свою компашку «Обществом Пауков», потому что эта группа в каких-то комиксах является смертельными врагами «Братства Осы».

– Правда? – в глубокой задумчивости переспросил Микаэль.

– Да, ребячество, конечно, но отнюдь не невинное. Сестры уже тогда так сильно враждовали, что эти имена приобрели жуткое наполнение. Знаешь, как на войне, когда символы раздуваются и приобретают какой-то смертоносный оттенок.

– Это может по-прежнему иметь значение?

– Ты имеешь в виду имена?

– Думаю, да.

Микаэль толком не знал, что имел в виду. У него лишь возникло смутное ощущение, что он напал на след чего-то важного.

– Не знаю, – продолжал Хольгер Пальмгрен. – Они теперь взрослые люди, хотя нельзя забывать, что как раз в то время в их жизни все решалось и менялось. Задним числом даже мелкие детали могли приобрести роковое значение. Ведь не только Лисбет потеряла мать и попала в психиатрическую лечебницу. Жизнь Камиллы тоже разбилась вдребезги. Она лишилась дома, а отец, которым она так глубоко восхищалась, получил тяжелые ожоги. Залаченко, как ты знаешь, так до конца и не оправился после зажигательной бомбы Лисбет, а саму Камиллу поместили в приемную семью, очень далеко от того мира, где она являлась бесспорным центром. Ей это наверняка тоже причинило жуткую боль, и я ни секунды не сомневаюсь в том, что она с тех пор ненавидит Лисбет всей душой.

– Уверен, что так и есть, – сказал Микаэль.

Пальмгрен отпил еще глоток коньяку.

– Как я сказал, нельзя недооценивать тот период в их жизни. Сестры пребывали в состоянии полномасштабной войны, и, вероятно, обе сознавали, что дело идет к взрыву. Думаю даже, что они к нему готовились.

– Но по-разному.

– О, да. Лисбет очень быстро соображала, и у нее в голове непрерывно возникали новые дьявольские планы и стратегии. Но она действовала в одиночку. Камилла острым умом не отличалась – в традиционном смысле. Она не блистала способностями к учебе и не понимала абстрактных рассуждений. Но она умела манипулировать. Умела, как никто другой, привязывать к себе людей и использовать их, и поэтому, в отличие от Лисбет, никогда не оказывалась в одиночестве. У нее всегда имелись люди,

выполнявшие ее поручения. Если Камилла обнаруживала, что Лисбет хорошо разбирается в чем-нибудь, что может представлять для нее опасность, она никогда не пыталась разобраться в этом сама – по той простой причине, что знала: в конкуренции с сестрой у нее не будет ни малейшего шанса.

– Что же она делала?

– Вместо этого она находила человека, а еще лучше нескольких, понимавших дело, что бы там ни было, и давала сдачи с их помощью. У нее всегда имелись подручные, приятели, готовые ради нее на что угодно… Но извини, я забежал вперед.

– Да, что случилось с компьютером Залаченко?

– Лисбет, как я сказал, не хватало стимулов. Кроме того, она плохо спала. Лежа по ночам без сна, девочка волновалась за мать. После изнасилований у Агнеты бывали тяжелые кровотечения, но к врачу она не шла – вероятно, стыдилась – и временами погружалась в глубокие депрессии. Временами она была не в силах ходить на работу или заботиться о дочерях, и Камилла презирала ее еще больше. Она говорила, что мать – слабачка. А в ее мире, как я сказал, быть слабаком считалось самым худшим. Лисбет, напротив…

– Да?

– Видела человека, которого любила, единственного, кого вообще любила, видела ужасную несправедливость и думала об этом по ночам. Конечно, она была всего лишь ребенком. Но все больше убеждалась в том, что является единственным человеком на свете, способным защитить мать от того, чтобы ее забили до смерти. Она думала об этом и о многом другом и под конец встала, разумеется осторожно, чтобы не разбудить Камиллу. Может, она собиралась взять что-нибудь почитать; может, просто не выдержала своих собственных мыслей… Неважно. Главное, что ее взгляд упал на стоявший на окне компьютер.

В то время она едва знала, как его включают. Но, конечно, вычислила, ощутив в теле дрожь. Компьютер, казалось, шептал ей: «Разгадай мои тайны». Впрочем, естественно, далеко она не продвинулась – поначалу. Требовался пароль, и она раз за разом пыталась нащупать его. Отец называл себя Зала; Лисбет попробовала и это, и Зала666, и похожие комбинации, и всякие разные варианты. Но ничего не получалось, и думаю, так прошло ночи две или три; а если она где и спала, то в школе за партой или дома после уроков.

И вот однажды ночью Лисбет вспомнила фразу, которую отец написал по-немецки на маленькой бумажке на кухне: *Was mich nicht umbringt, macht*

mich stärker[70]. В то время это для нее ничего не значило. Однако она поняла, что для отца фраза важна, и поэтому попробовала использовать ее. Но опять ничего не вышло – там было слишком много букв. Тогда она испробовала фамилию Ницше, автора этой цитаты, – и внезапно попала внутрь. И перед нею открылся совершенно новый, таинственный мир. Впоследствии она будет описывать это как миг, навсегда ее изменивший. Сокрушив возведенную перед ней преграду, она выросла и получила возможность изучать то, что предполагалось держать в тайне. Но тем не менее…

– Да?

– Поначалу она ничего не поняла. Все оказалось по-русски: разные русские словосочетания и кое-какие цифры. Предполагаю, что это были описания доходов Залаченко от торговли людьми. Правда, я и по сей день не знаю, как много Лисбет поняла тогда и что разузнала позднее. Но она достаточно разобралась, чтобы осознать, что Залаченко причиняет вред не только ее матери. Он разрушал жизни других женщин тоже, и это, разумеется, привело ее в ярость, в каком-то смысле сформировало ту Лисбет, которую мы знаем сегодня, – Лисбет, ненавидящую мужчин, которые…

– …ненавидят женщин[71].

– Именно. Однако это сделало ее сильнее, и она поняла, что пути назад больше нет. Она сознавала, что должна остановить отца, и поэтому продолжала исследования на других компьютерах, в частности, в школе. Лисбет прокрадывалась в учительскую и несколько раз даже притворялась, будто остается ночевать у кого-то из друзей, которых не имела, а сама проникала ночью в школу и до рассвета сидела за компьютерами. Она начала учиться хакерству и программированию, и я предполагаю, что получилось так, как бывает, когда другие дети-вундеркинды находят своё. Ее словно околдовали. Она чувствовала, что рождена для этого, и многие, с кем у нее завязалось общение в цифровом мире, начали принимать участие в ее судьбе, точно так же, как старшее поколение всегда бросается на молодые таланты с целью либо поддержать, либо подавить. Лисбет встречала много сопротивления и глупой болтовни; многих возмущало то, что она все делает шиворот-навыворот или попросту новым способом. Однако были и такие, кто восхищался ею, и у нее появились друзья – в частности, этот Чума. Своих первых настоящих друзей она обрела через компьютеры и, главное, впервые в жизни почувствовала себя свободной. В киберпространстве она летела вперед в точности как Оса. Ее там ничто не

связывало.

– А Камилла понимала, какой умной стала ее сестра?

– По крайней мере, догадывалась; точно я не знаю, а строить предположения мне бы не хотелось. Но иногда я представляю себе Камиллу именно как черную сторону Лисбет, как ее тень.

– *The bad twin*[72].

– Нечто подобное. Я не люблю называть людей злыми, особенно молодых женщин. Тем не менее часто думаю о ней именно так. Но мне так и не хватило сил углубиться в это дело – во всяком случае, всерьез, – и если хочешь сам покопаться в нем, рекомендую тебе обратиться к Маргарете Дальгрен, приемной матери Камиллы после катастроф, произошедших на Лундагатан. Маргарета теперь живет в Стокгольме, кажется в Сольне. Она вдова, и жизнь у нее сложилась очень трагично.

– В каком смысле?

– Это, конечно, тоже интересно. Ее муж Челль, работавший компьютерным программистом в компании «Эрикссон», повесился непосредственно перед отъездом Камиллы. Годом позже их девятнадцатилетняя дочь покончила с собой, спрыгнув с финского парома – по крайней мере, к такому выводу пришло следствие. У девушки имелись личные проблемы, она чувствовала себя некрасивой и слишком толстой. Но Маргарета в это так до конца и не поверила и одно время даже пользовалась услугами частного детектива. Она полностью зациклена на Камилле, и, честно говоря, мне никогда не хватало сил ее выносить. Я этого немного стыжусь. Маргарета связалась со мной сразу после того, как ты опубликовал свой материал о Залаченко, а меня тогда только что выписали из реабилитационного центра. Я был совершенно измотан, и морально, и физически, а Маргарета заговаривала меня почти до смерти. Она была просто одержима. Стоило мне только увидеть ее номер на дисплее, как на меня наваливалась усталость, и я потратил довольно много времени, чтобы отделаться от нее. Но сейчас, думая об этом, я все больше понимаю ее. Полагаю, она будет рада поговорить с тобой, Микаэль.

– У вас есть ее данные?

– Я тебе их принесу… Погоди немного. Значит, ты уверен, что Лисбет и мальчик находятся в надежном месте?

– Да, – ответил Микаэль.

«По крайней мере, я на это надеюсь», – подумал он, встал и обнял Хольгера.

На площади Лильехольмсторгет Блумквиста снова обдало штормовым ветром, он поплотнее запахнул пальто и задумался о Камилле и Лисбет, и

почему-то еще об Андрее Зандере. Микаэль решил позвонить ему и узнать, как идут дела с историей об исчезнувшем продавце произведений искусства. Но дозвониться до Андрея не смог.

Глава 24

Вечер 23 ноября

Андрей Зандер позвонил Микаэлю, потому что, естественно, передумал. Конечно, ему хотелось выпить с ним пива. До него даже не доходило, как он мог отказаться. Ведь Блумквист был его кумиром и главной причиной того, что он пошел в журналистику. Но уже позвонив, Андрей засмущался и положил трубку. Может, Микаэль нашел какое-нибудь более приятное занятие? Зандер не принадлежал к любителям беспокоить людей понапрасну, и больше всего ему не хотелось беспокоить Блумквиста.

Он продолжил работу, но, как ни старался, ничего не выходило. Формулировки никак не давались, и примерно через час Андрей решил сделать перерыв и выйти на улицу. Поэтому он прибрал у себя на письменном столе и еще раз проверил, что все до единого слова в шифрованном канале связи стерты. Затем он окликнул Эмиля Грандена, единственного человека, остававшегося в редакции, кроме самого Андрея.

Эмиль Гранден был, в общем-то, вполне нормальным коллегой. Ему стукнуло тридцать восемь лет, он уже имел опыт работы в новостных программах канала ТВ4 и в прошлом году получил Большую журналистскую премию как «Разоблачитель года». Однако Андрею все-таки казалось – хоть он и пытался побороть в себе это ощущение, – что Эмиль держится напыщенно и высокомерно, по крайней мере, по отношению к такому молодому временному сотруднику, как он.

– Пойду пройдусь, – произнес Зандер.

Эмиль посмотрел на него так, будто забыл ему что-то сказать. Потом, немного помедлив, ответил:

– О’кей.

Андрей почувствовал себя в этот момент довольно несчастным, сам толком не понимая, почему. Возможно, в этом было повинно надменное отношение Эмиля, но, скорее всего, это главным образом из-за статьи о продавце произведений искусства. Почему она давалась ему с таким трудом? Наверняка потому, что больше всего ему хотелось помогать Микаэлю с историей Бальдера. Все остальное казалось второстепенным. К тому же Андрей чувствовал себя трусливым идиотом. Почему он не позволил Микаэлю посмотреть то, что уже написал? Никто не умел, как

Блумквист, несколькими исправлениями поднять репортаж на другой уровень… Ну и ладно, черт с нею. Завтра он, Андрей, посмотрит на статью свежим взглядом и тогда даст почитать Микаэлю, какой бы плохой она ни получилась.

Зандер закрыл дверь в редакцию и направился к лифту. В следующее мгновение он вздрогнул. Чуть ниже на лестнице разворачивалась драма. Поначалу ему было трудно разобраться, в чем дело. Но какой-то худощавый человек с запавшими глазами явно приставал к красивой женщине. Андрей застыл в оцепенении. Он всегда испытывал отвращение к насилию. С тех самых пор, как его родителей убили в Сараево, он стал до нелепости легко пуглив и ненавидел драки. Но сейчас Зандер понял: на карту поставлено его уважение к себе. Одно дело – сбежать самому, а совсем другое – бросить в опасности ближнего. Поэтому он побежал вниз с криком: «Прекратите, отпустите ее!», что, похоже, оказалось роковой ошибкой.

Парень с запавшими глазами, выхватив нож, забормотал что-то по-английски, и у Андрея стали подкашиваться ноги. Тем не менее он собрал последние остатки мужества и прошипел в ответ, как в плохом боевике:

– *Get lost! You will only make yourself miserable*[73].

После нескольких секунд борьбы нервов мужчина действительно убрался, поджав хвост, и Андрей с женщиной остались вдвоем. С этого все началось – и тоже как в кино.

Поначалу оба держались неуверенно. Женщина была потрясена и смущена. Она говорила так тихо, что Андрею приходилось склоняться к ней, чтобы разбирать слова, и поэтому прошло некоторое время, прежде чем он понял, что произошло. Женщине явно довелось пережить кошмарный брак, и хотя она развелась и жила теперь с засекреченными личными данными, бывший муж сумел выследить ее и время от времени посылал кого-нибудь из своих подручных ее домогаться.

– Сегодня этот тип напал на меня уже во второй раз, – сказала она.

– Как вы оказались здесь, на лестнице?

– Я попыталась убежать и заскочила сюда, но это не помогло.

– Какой ужас…

– У меня не хватает слов, чтобы выразить вам мою благодарность.

– Ну, что вы, какие пустяки.

– Я так устала от злых мужчин, – произнесла она.

– Я добрый мужчина, – отозвался Зандер, пожалуй, чуть поспешно, и почувствовал себя глупо. Его нисколько не удивило, что женщина не ответила, а лишь смущенно опустила взгляд на каменную лестницу.

Андрей устыдился того, что попытался создать себе рекламу такой дешевой репликой. Но вдруг – как раз когда он подумал, что отвергнут, – женщина подняла голову и одарила его робкой улыбкой.

– Я думаю, что так и есть. Меня зовут Линда.

– А я Андрей.

– Очень приятно, Андрей, и спасибо еще раз.

– Это вам спасибо.

– За что же?

– За то, что вы…

Зандер не закончил фразы. Почувствовал, как у него заколотилось сердце и пересохло во рту. Он перевел взгляд на лестницу.

– Я слушаю, Андрей.

– Хотите, я провожу вас домой?

Об этой фразе он тоже пожалел, испугавшись, что его поймут превратно. Но Линда только улыбнулась – той же восхитительной, неуверенной улыбкой – и сказала, что рядом с ним будет чувствовать себя защищенной.

Они вышли на улицу и направились к Шлюзу. Линда рассказала, как жила более или менее взаперти в большом доме в Юшхольме[74]. Он ответил, что понимает ее – по крайней мере, отчасти, – поскольку написал серию статей об истязании женщин.

– Вы журналист? – спросила она.

– Я работаю в «Миллениуме».

– О, – произнесла Линда. – Правда? Я восхищаюсь этим журналом.

– Он принес кое-какую пользу, – робко начал Андрей.

– Действительно, – подхватила женщина. – Некоторое время назад я прочла замечательную статью о пострадавшем на войне иракце, который работал уборщиком в кафе в центре; но его выгнали, и он оказался совсем без средств. А сегодня этот человек является владельцем целой сети ресторанов. Читая эту статью, я плакала. Она была так красиво написана и вселяла надежду на то, что всегда можно вернуться…

– Ее написал я, – сказал Зандер.

– Вы шутите? – удивилась она. – Статья просто потрясающая.

Андрей не был избалован комплиментами в адрес своих статей, и уж тем более от незнакомых женщин. Как только речь заходила о «Миллениуме», всем хотелось говорить о Микаэле Блумквисте, и Андрей, в общем-то, ничего не имел против. Но втайне он мечтал о том, чтобы его тоже заметили, а сейчас красавица Линда расхваливала его, и даже не специально…

Он так обрадовался и возгордился, что отважился предложить выпить по бокалу вина в ресторане «Папагалло», который они как раз проходили. К его радости, она ответила: «Какая чудесная идея!», поэтому они зашли в ресторан. Сердце у Андрея колотилось, и он изо всех сил избегал смотреть Линде в глаза.

Ее глаза лишали его почвы под ногами, и он едва мог поверить в то, что это правда, когда они уселись за столик неподалеку от бара, и Линда неуверенно протянула руку, а Андрей взял ее, улыбнулся и что-то пробормотал, сам не зная, что говорит. Он знал только, что ему звонил Эмиль Гранден, а он, к собственному удивлению, наплевал на его звонок и отключил у телефона звук. Пусть журнал, в виде исключения, подождет. Ему хотелось лишь смотреть в лицо Линде, тонуть в нем. Она была такой привлекательной, что у него дух захватывало, и при этом казалась такой хрупкой и уязвимой, как раненая птичка…

– Я не понимаю, как кто-нибудь мог хотеть причинить тебе зло, – сказал он, переходя на «ты».

– Тем не менее это происходит регулярно, – ответила она.

Зандер подумал, что, пожалуй, все-таки способен это понять. Такая женщина, как она, наверняка притягивает к себе психопатов. Никто, кроме них, не отважится подойти к ней и куда-нибудь пригласить. Все остальные съеживаются от ощущения собственной неполноценности. Только самоуверенные мерзавцы обладают достаточным мужеством, чтобы запустить в нее когти.

– Как приятно сидеть здесь с *тобой*, – произнес он.

– Как приятно сидеть здесь с тобой, – повторила она, осторожно поглаживая его руку.

Они заказали по бокалу красного вина и принялись болтать наперебой, поэтому Андрей вряд ли обратил внимание на то, что телефон опять звонил, даже два раза, и в результате получилось, что он впервые в жизни проигнорировал звонок Микаэля Блумквиста.

Вскоре после этого Линда встала, взяла его за руку и вывела на улицу. Зандер не спрашивал, куда они идут. Казалось, он готов следовать за ней куда угодно. Она представлялась ему самым восхитительным существом из всех, кого ему доводилось встречать. Периодически Линда улыбалась ему, неуверенно и вместе с тем обворожительно, заставляя каждый булыжник посреди непогоды, каждый вдох и выдох кричать о том, что происходит нечто грандиозное и все переворачивающее. «Ради такой прогулки стоит жить», – думал Андрей, не обращая внимания на холод и город вокруг.

Его опьяняло ее присутствие и мысль о том, что его ожидало.

Впрочем, возможно – он не знал, – как раз в этом что-то вызывало у него подозрительность, хотя поначалу он отвергал ее, списывая на счет своего обычного скепсиса по поводу любых форм счастья. Тем не менее этот вопрос неизбежно всплывал у него в мыслях: «Не слишком ли это хорошо, чтобы быть правдой?»

Он стал по-новому пристально всматриваться в Линду – и заметил в ней уже не только приятные черты. Когда они проходили мимо подъемника Катаринахиссен[75], ему показалось, будто он уловил в ее глазах нечто леденяще холодное, и Зандер с беспокойством посмотрел на охваченную штормом воду.

– Куда мы идем? – спросил он.

– У меня есть одна подруга, – ответила она. – И у нее есть маленькая квартирка на переулке Мортен-Тротсигс, которой я могу воспользоваться. Может, выпьем там еще по бокалу? – продолжила она.

Андрей улыбнулся так, будто никогда не слышал более прекрасной идеи. Но все-таки он испытывал все большую растерянность. Ведь только что он о ней заботился, а сейчас она перехватила инициативу. Зандер быстро взглянул на свой телефон и, увидев, что ему дважды звонил Микаэль Блумквист, захотел сразу ему перезвонить. Что бы ни происходило, предавать журнал нельзя.

– С удовольствием, – сказал он. – Только сперва я должен позвонить по работе. Я занимаюсь одним материалом…

– Нет, Андрей, – на удивление решительно заявила она. – Никому звонить ты не будешь. Этот вечер принадлежит только нам с тобой.

– О’кей, – с некоторым неудовольствием согласился он.

Они вышли на площадь Йернторгет. Несмотря на непогоду, народу на площади оказалось много, и Линда уставилась в землю, словно не хотела, чтобы ее заметили. Сам же Андрей смотрел направо, в сторону Эстерлонггатан и статуи Эверта Тоба[76]. Поэт неколебимо стоял с нотным листом в правой руке и смотрел в небо через темные очки. Не лучше ли предложить встретиться завтра?

– Может… – начал Андрей.

Больше он ничего не успел сказать, потому что Линда притянула его к себе и поцеловала. Она поцеловала его с силой, заставившей забыть мужчину обо всех мыслях, а потом снова ускорила шаг. Держа Андрея за руку, потянула его налево, на Вестерлонггатан, откуда они внезапно свернули направо в темный переулок. Неужели за ними кто-то идет? Нет, нет, шаги и голоса, которые он слышал, доносились издали. Только Линда и

он, разве нет?

Они миновали окно с красными рамами и черными ставнями и вошли в серую дверь, которую женщина, достав из сумочки ключ, открыла с некоторым трудом. Андрей заметил, что руки у нее дрожат, и его это заинтересовало. Неужели она по-прежнему боится бывшего мужа и его пособников?

Они стали подниматься по темной лестнице. Слышалось эхо их шагов, и Зандер почувствовал слабый запах чего-то затхлого. На одной из ступенек третьего этажа лежала игральная карта, дама пик, и ему это не понравилось; правда, он не понял, почему – просто какое-то глупое суеверие. Андрей попытался вытеснить эту мысль и подумать о том, как все-таки здорово, что они встретились. Линда тяжело дышала. Ее правая рука была сжата в кулак. Снаружи, в переулке, смеялся какой-то мужчина. Уж не над ним ли? Глупости! Он просто разволновался. Однако ему казалось, что они идут, идут и никак не придут. Неужели дом действительно такой высокий?…

Нет, они уже пришли. Подруга жила на самом верху, в мансарде. На двери имелась табличка с надписью «Орлов», Линда опять достала связку ключей. Но на этот раз рука ее не дрожала.

Микаэль Блумквист сидел в старомодно обставленной квартире на улице Проствэген, в Сольне, совсем рядом с большим кладбищем. Как и предсказывал Хольгер Пальмгрен, Маргарета Дальгрен, ничуть не колеблясь, сразу пригласила его к себе, и хотя по телефону ее голос звучал чуть маниакально, в жизни она оказалась элегантной худощавой дамой лет шестидесяти. Маргарета была одета в красивый желтый джемпер и черные брюки с заглаженными складками. Возможно, она успела принарядиться специально для него. На ней были туфли на высоком каблуке, и если бы не ее блуждающий взгляд, Микаэль, несмотря ни на что, принял бы ее за благополучную женщину.

– Значит, вы хотите узнать о Камилле? – спросила она.

– Прежде всего, о ее жизни в последние годы, если вам что-нибудь о них известно, – ответил Блумквист.

– Я помню, когда мы ее получили, – начала она так, будто не слушала его. – Мой муж Челль посчитал, что мы сможем одновременно оказать услугу обществу и увеличить нашу маленькую семью. У нас ведь был только один ребенок, бедняжка Муа… Ей тогда было четырнадцать, и она чувствовала себя довольно одинокой. Мы подумали, что ей пойдет на пользу, если мы возьмем приемную дочь ее возраста.

– Вы знали о том, что произошло в семье Саландер?

– Всего мы, разумеется, не знали, но нам было известно, что произошло нечто ужасное и травмирующее, что мать больна, а отец получил тяжелые ожоги. Нас это глубоко потрясло, и мы ожидали встретить убитую горем девочку, которая потребует от нас невероятно много заботы и любви. А знаете, кто приехал?

– Нет?

– Самая восхитительная девочка, какую мы когда-либо видели. И дело не только в том, что она была так красива. Вы бы слышали ее в то время! Она была настолько умной и зрелой и рассказывала такие душераздирающие истории о том, как ее психически больная сестра терроризировала семью… Да, да, я знаю, что это очень далеко от истины, но как мы тогда могли усомниться в ее словах? Ее глаза излучали убежденность, а когда мы сказали: «Какой ужас, бедняжка», – она ответила: «Было нелегко, но я все равно люблю сестру; просто она больна и сейчас проходит лечение». Это звучало так по-взрослому, с сочувствием… Какое-то время казалось, что чуть ли не она заботится о нас, а не мы о ней. Вся семья сияла, словно в наше существование ворвалось нечто роскошное, сделавшее все красивее и крупнее, – и мы расцвели, особенно Муа. Она начала интересоваться своей внешностью и сразу стала более популярной в школе. Тогда я могла бы сделать ради Камиллы все, что угодно, а Челль, мой муж… ну, что сказать? Он стал другим человеком. Он постоянно улыбался и смеялся – в первое время, – начал опять заниматься со мной любовью, простите мою откровенность… Возможно, мне следовало насторожиться уже тогда. Но я думала, что это просто от радости, что все в нашей семье, наконец, встало на свои места. Какое-то время мы были счастливы, в точности как и все, кто сталкивается с Камиллой. Поначалу они счастливы, а потом… им хочется только умереть. Проведя с нею некоторое время, люди не хотят больше жить.

– Неужели дело обстоит так ужасно?

– Да, так ужасно.

– Что же произошло?

– Через какое-то время среди нас распространился яд. Камилла потихоньку завладела в нашей семье властью. Задним числом уже почти невозможно сказать, когда закончился праздник и начался кошмар. Это происходило так незаметно и постепенно, что мы просто внезапно очнулись и поняли, что все разрушено: доверие, надежность, сама основа нашей семьи. Чувство собственного достоинства нашей дочери, которое вначале раздувалось, теперь было сведено к нулю. Муа не спала по ночам,

плакала и говорила, что она уродливая и ужасная, и не заслуживает того, чтобы жить. Только позже мы поняли, что ее сберегательный счет опустел. Я по-прежнему не знаю, что произошло, но уверена, что Камилла шантажировала ее. Шантаж давался ей столь же естественно, как дыхание. Она собирала на людей компромат. Я долго думала, что она ведет дневник. Но оказалось, Камилла записывала и каталогизировала всю гадость об окружавших ее людях, какую ей только удавалось разузнать. А Челль… проклятый мерзавец Челль… знаете, я поверила ему, когда он сказал, что у него возникли проблемы со сном и ему необходимо спать в гостевой комнате, в подвале. Но ему, конечно, просто нужна была возможность принимать Камиллу. Начиная с шестнадцати лет она стала прибегать к нему по ночам и заниматься с ним сумасшедшим сексом. Я говорю – сумасшедшим, потому что заподозрила их, когда меня заинтересовали резаные раны у Челля на груди. Тогда он мне, конечно, ничего не сказал, лишь придумал какое-то глупое и странное объяснение, и мне удалось кое-как придушить свои подозрения. Но знаете, что там происходило? Челль под конец сознался: Камилла связывала его и резала ножом. Он сказал, что ей это доставляло наслаждение. Иногда я почти надеялась, что это правда. Но иногда мне казалось, что в результате Камилла приобретет нечто такое, что будет доставлять мучения и портить жизнь не только ему.

– Его она тоже шантажировала?

– О, да, но тут у меня тоже остались неясности. Камилла унижала его настолько сильно, что он, даже когда все уже пошло прахом, не смог открыть мне всей правды. Челль был в нашей семье стабильной скалой. Если мы сбивались с пути, нам угрожало наводнение или кто-нибудь заболевал, он всегда действовал спокойно и решительно. «Все образуется», – обычно говорил Челль чудесным голосом, который мне по-прежнему слышится. Но после нескольких лет с Камиллой он превратился в развалину. Едва отваживался перейти улицу, сто раз перед этим оглядываясь. На работе утратил всякую мотивацию – просто сидел, повесив голову. Один из его ближайших сотрудников, Матс Хедлунд, позвонил мне и по секрету рассказал, что создана комиссия по расследованию того, каким образом Челль продал тайны компании. Это звучало чистым безумием. Челль был самым порядочным из всех известных мне людей. А если он действительно что-то продал, то куда в таком случае подевались деньги? У нас их было меньше, чем когда-либо. Его счет был совершенно пуст, наш общий счет – почти что тоже.

– Как он умер?

– Он повесился, не объяснив ни слова. Однажды, придя домой с

работы, я обнаружила его висящим под потолком в гостевой комнате в подвале… да, в той самой комнате, где с ним развлекалась Камилла. В то время я была высокооплачиваемым ведущим экономистом, и предполагаю, что у меня могла бы сложиться хорошая карьера. Но после этого для нас с Муа все рухнуло. Не буду вдаваться в подробности. Вы хотели знать, что случилось с Камиллой… Это просто уму непостижимо. Муа начала резать себя и почти прекратила есть. Однажды она спросила меня, считаю ли я ее быдлом. «Господи, душа моя, – возмутилась я. – Как ты можешь такое говорить?» Тогда она ответила, что это сказала Камилла. Что она сказала, будто все до одного, кто когда-либо встречался с Муа, считают ее мерзким быдлом. Я призвала на помощь всех, кого могла: психологов, врачей, умных подруг, использовала препарат «Прозак», – но ничего не помогало. В один прекрасный весенний день, когда вся остальная Швеция праздновала какой-то дурацкий триумф на песенном конкурсе Евровидения, Муа спрыгнула с финского парома – и моя жизнь тоже кончилась, так мне казалось. Я утратила всякий интерес к жизни и долго лечилась в больнице от глубокой депрессии. Но потом… не знаю… паралич и горе в каком-то смысле превратились в злость, и я почувствовала, что должна разобраться. Что же на самом деле произошло с нашей семьей? Что за злая сила к нам просочилась? Я начала собирать материалы про Камиллу; не потому, что хотела снова с ней встретиться, ни в коем случае, но мне хотелось понять ее – наверное, как родителю убитого в конце концов начинает хотеться понять убийцу и разобраться в его мотиве.

– Что вам удалось узнать?

– Поначалу – ничего. Она полностью замела за собою следы. Это напоминало погоню за тенью, за призраком, и я не знаю, сколько десятков тысяч крон потратила на частных детективов и других ненадежных людей, обещавших мне помочь. Я никуда не продвигалась, и это сводило меня с ума. Я сделалась одержимой, почти не спала, и никто из подруг уже не мог меня выносить. Это было жуткое время. Меня считали зациклившейся на бесплодной борьбе, и, возможно, по-прежнему считают – не знаю, что вам сказал Хольгер Пальмгрен. Но…

– Да?

– Опубликовали ваш материал о Залаченко. Естественно, это имя мне ничего не сказало. Но я начала сопоставлять факты. Прочтя о его шведском имени – Карл Аксель Будин – и сотрудничестве с мотоклубом «Свавельшё МК», я вспомнила ужасные вечера в самом конце, когда Камилла уже давно от нас отвернулась. В то время я часто просыпалась от звука мотоциклов и

из окна спальни видела кожаные жилеты с этой отвратительной эмблемой. Меня не слишком удивляло, что она общается с людьми такого сорта. В отношении ее у меня уже не осталось никаких иллюзий. Но мне и в голову не приходило, что речь шла о ее корнях, о бизнесе ее отца, который она надеялась заполучить.

– Неужели?

– О, да. В своем грязном мире она боролась за права женщин – по крайней мере, за свои собственные, – и мне известно, что это имело большое значение для многих девушек клуба, особенно для Кайсы Фальк.

– Кто это?

– Симпатичная, самоуверенная девушка, жившая с одним из их руководителей. Она неоднократно заходила к нам домой в последний год, и помню, что она мне нравилась. У нее были большие голубые глаза, которые слегка косили. За крутым внешним обликом у нее скрывалось человеческое, уязвимое лицо. Прочитав ваш репортаж, я разыскала ее. О Камилле она, конечно, не сказала ни слова. Неприязни Кайса не проявляла, отнюдь, но я обратила внимание на то, что она поменяла стиль. Девушка из мотоклуба стала бизнес-леди. Но она молчала, и я решила, что это еще один тупик.

– А оказалось, что нет?

– Да. Примерно год назад Кайса разыскала меня по собственной инициативе, и к тому времени она еще раз изменилась. В ней не осталось ничего холодного или самоуверенного. Скорее она производила впечатление задерганной и нервной. Вскоре после этого ее нашли убитой, застреленной на стадионе в Бромме. Но тогда, во время нашей встречи, она рассказала, что после смерти Залаченко был спор из-за наследства. Лисбет, сестра-близнец Камиллы, оказалась практически обездоленной, но она явно не захотела даже той малости, которую ей выделили. Реальные активы достались двум оставшимся после Залаченко сыновьям и частично Камилле. Последняя унаследовала часть бизнеса по торговле людьми, который вы описали в репортаже так, что у меня в душе все переворачивалось. Я сомневаюсь в том, что Камиллу волновали эти женщины или что она хоть сколько-нибудь им сочувствовала. Но она тем не менее не захотела иметь ничего общего с этой деятельностью. Она сказала Кайсе, что таким дерьмом занимаются только лузеры. У нее имелось совершенно другое, современное видение того, что должна делать ее организация, и после жестких переговоров она заставила сводных братьев выкупить ее долю. Затем уехала в Москву, взяв с собой капитал и часть сотрудников, которых привязала к себе, – в частности, Кайсу Фальк.

– Вы знаете, во что она собиралась вложиться?

– Кайса так и не получила достаточного доступа к информации, чтобы понять целиком и полностью, но кое-какие подозрения у нас имелись. Я думаю, что это было как-то связано с теми секретами компании «Эрикссон». Сегодня я почти не сомневаюсь в том, что Камилла действительно заставила Челля продать нечто ценное, вероятно, путем шантажа. Я также узнала, что в первые же годы пребывания у нас она познакомилась в школе с несколькими хакерами и попросила их залезть в мой компьютер. По словам Кайсы, она была более или менее одержима хакерством, не в том смысле, что освоила что-нибудь сама, отнюдь. Однако Камилла постоянно говорила о том, сколько можно зарабатывать на уводе денег со счетов, взламывании серверов, краже информации и всяком таком. Поэтому я думаю, что она продолжила заниматься чем-то подобным.

– Похоже, вы правы.

– Да, и происходит это, вероятно, на очень высоком уровне. Камилла никогда не удовольствовалась бы меньшим. По словам Кайсы, в Москве она быстро проникла во влиятельные круги – в частности, стала любовницей депутата Думы, какого-то богатого и могущественного типа, и вместе с ним начала собирать вокруг себя странную компанию из высококлассных инженеров и преступников. Камилла явно с легкостью вила из них веревки и точно знала, где у экономической власти находится болевая точка.

– И где же?

– Дело в том, что Россия представляет собою ненамного больше, чем бензоколонку с флагом. Она экспортирует нефть и природный газ, но ничего путного не производит. Эта страна нуждается в новейших технологиях.

– И Камилла хотела снабдить ее ими?

– По крайней мере, она делала вид, что хотела. Но у нее, конечно, имелся собственный план, и я знаю, что Кайсу невероятно восхищало то, как Камилла умеет привязывать к себе людей и создавать себе политическую защиту. Она наверняка осталась бы навсегда преданной Камилле, если б не испугалась.

– Что же произошло?

– Кайса познакомилась с одним бывшим солдатом элитного подразделения, кажется, с майором, и после этого словно бы утратила почву под ногами. Согласно конфиденциальным сведениям, которыми обладал любовник Камиллы, этот мужчина выполнял по поручению русского правительства кое-какие сомнительные задания – попросту

убийства. Он, в частности, убил известную журналистку – думаю, вы ее знаете – Ирину Азарову. Она критиковала режим в ряде репортажей и книг.

– О, да, настоящая героиня. Жуткая история…

– Именно. У них кое-что пошло не по плану. Ирина Азарова собиралась встретиться с одним противником режима в квартире на тихой улице в пригороде к юго-востоку от Москвы, и, согласно плану, майор должен был застрелить ее, когда она оттуда выйдет. Но никто не знал, что сестра журналистки заболела воспалением легких, и на Ирининном попеченье внезапно оказались две племянницы, восьми и десяти лет; и когда Ирина с девочками вышли из парадного, майор застрелил всех троих. Он стрелял им в лицо и после этого угодил в немилость. Думаю, не потому, что кого-то волновали дети, а поскольку общественное мнение было уже не сдержать и возникла угроза, что операцию раскроют и обернут против правительства. Майор, полагаю, испугался, что его выдадут. У него, кажется, одновременно с этим возникло еще много личных проблем. От него ушла жена, оставив его с малолетней дочкой, и, думаю, даже существовал риск, что его вышвырнут из квартиры. А с точки зрения Камиллы, это был, разумеется, идеальный расклад: беспощадный человек, которого она могла использовать, и при этом находящийся в бедственном положении.

– И она его тоже привязала к себе…

– Да, они встретились. Кайса при этом присутствовала, и самое странное то, что она сразу же прикипела к этому мужчине. Он оказался совсем не таким, как она ожидала, ничуть не похожим на известных ей людей из «Свавельшё МК», которые кого-нибудь убили. Конечно, он был хорошо натренирован и выглядел жестоким. Но она говорила, что он также был воспитанным и вежливым и в каком-то смысле ранимым и чувствительным. Кайса ощущала, что он действительно переживает из-за того, что ему пришлось застрелить тех детей. Естественно, он был убийцей, человеком, специализировавшимся на пытках во время войны в Чечне, но тем не менее у него, по ее словам, имелись моральные барьеры, и поэтому она так расстроилась, когда Камилла запустила в него когти… Да, почти в буквальном смысле слова. Говорят, она провела ногтями по его груди и прошипела, как кошка: «Я хочу, чтобы ты убивал для меня!» Камилла подкрепляла свои слова сексом, эротической властью, с дьявольской ловкостью пробуждая в мужчине садистические наклонности, и чем более жуткие детали о своих убийствах он рассказывал, тем более возбужденной она якобы выглядела, – правда, не знаю, сумела ли я до конца понять… Но именно это, а не что-то другое, до смерти напугало

Кайсу. Не убийца как таковой, а Камилла, то, как она с помощью своей красоты и привлекательности вызывала в нем дикого зверя и заставляла его чуть печальные глаза гореть, как у обезумевшего хищника.

– Вы никогда не сообщали эти сведения полиции?

– Я раз за разом спрашивала об этом Кайсу. Говорила ей, что она кажется напуганной и ей необходима охрана. Она отвечала, что охрана у нее уже есть. Кроме того, запретила мне обращаться в полицию, и я проявила глупость, послушавшись ее. После ее смерти я рассказала следователям все, о чем слышала, но поверили они мне или нет, не знаю; скорее всего, нет. Я ведь могла только понаслышке говорить о безымянном мужчине из другой страны – Камиллу было уже не найти ни в одном регистре, а ее новых личных данных я так и не узнала. Убийство Кайсы по-прежнему не раскрыто.

– Понятно, – произнес Микаэль.

– Правда?

– Думаю, да, – сказал он и уже собирался в знак сочувствия коснуться руки Маргареты Дальгрен, но его прервал зажужжавший в кармане телефон.

Микаэль надеялся, что это Андрей, но оказалось, что звонит некий Стефан Мольде. Прошло несколько секунд, прежде чем Микаэль сообразил, что это человек из Радиотехнического центра Министерства обороны, с которым в свое время общался Линус Брандель.

– В чем состоит ваше дело? – спросил он.

– Я звоню по поводу встречи с одним высокопоставленным чиновником, который направляется в Швецию и хотел бы встретиться с вами в «Гранд-отеле» завтра утром, как можно раньше.

Микаэль жестом извинился перед Маргаретой Дальгрен.

– У меня довольно плотный график, – сказал он, – и для того, чтобы я вообще стал с кем-то встречаться, мне нужно, по крайней мере, знать имя и повод.

– Человека зовут Эдвин Нидхэм, а дело касается личности, использующей ник Оса и подозревающейся в серьезном преступлении.

Микаэль ощутил приступ паники.

– О’кей, – согласился он. – В котором часу?

– В пять часов утра подошло бы идеально.

– Вы шутите!

– Мне вовсе не до шуток. Я бы рекомендовал вам проявить пунктуальность. Мистер Нидхэм примет вас у себя в номере. Мобильный телефон вам придется оставить на ресепшне. Вас обыщут.

– Ясно, – ответил Блумквист с нарастающей неприязнью.

После этого он встал и попрощался с Маргаретой Дальгрен на Проствэген в Сольне.

Часть III
Асимметричные проблемы

24 НОЯБРЯ – 3 ДЕКАБРЯ

Иногда бывает легче сложить, чем разложить.

Сегодня компьютеры могут с легкостью перемножать целые числа с миллионами цифр. Тем не менее невероятно сложно проделать ту же процедуру в обратном порядке. Числа, состоящие всего лишь из ста цифр, уже доставляют большие проблемы.

Трудность факторизации натуральных чисел используется такими шифровальными алгоритмами, как RSA. Натуральные числа стали другом тайн.

Глава 25

Ночь и утро 24 ноября

Лисбет не потребовалось много времени, чтобы найти того Рогера, которого нарисовал Август. На домашней страничке бывших актеров театра, называвшего себя «Театром революции в Васастане», она увидела этого мужчину в молодости. Его звали Рогер Винтер, и о нем говорилось, что он агрессивен и завистлив. В молодости Винтер сыграл пару значительных ролей в кино, но в последнее время оказался в хвосте очереди и был гораздо менее известен, чем его прикованный к инвалидному креслу брат Тобиас – не скрывающий своих убеждений профессор биологии, который, как утверждалось, сейчас полностью прекратил общение с Рогером.

Лисбет записала адрес Винтера, а потом вломилась в суперкомпьютер ННФ. Она извлекла также свою компьютерную программу, где попыталась создать активную систему для поиска эллиптических кривых, которые могли бы справиться с задачей лучше всего, причем, разумеется, с наименьшим числом итераций. Но сколько она ни старалась, ей ни на шаг не удавалось приблизиться к решению – файл АНБ оставался непробиваемым. В конце концов она встала, бросив взгляд в спальню и на Августа. Тут она выругалась. Мальчик не спал, а сидел в кровати и писал что-то на листе бумаги, лежавшем на ночном столике. Подойдя поближе, Лисбет увидела, что это новые факторизации целых чисел. Тогда она немного поворчала, а потом строго сказала монотонным голосом:

– Нет смысла. Таким путем мы все равно ничего не добьемся.

Когда же Август снова начал истерически раскачиваться, она велела ему взять себя в руки и спать. Час был уже очень поздний, поэтому она решила, что ей надо немного отдохнуть, улеглась в соседнюю постель и попыталась расслабиться. Но это оказалось совершенно невозможно. Август извивался и скулил, и под конец Лисбет решила все-таки сказать еще что-нибудь. Лучшее, что пришло ей в голову, было:

– Ты знаешь что-нибудь об эллиптических кривых?

Ответа Саландер, естественно, не получила. Тем не менее она принялась объяснять так просто и наглядно, как только могла.

– Ты улавливаешь? – спросила она.

Август, конечно, не ответил.

– Ну, ладно, – не унималась она. – Возьмем, например, число 3034267. Я знаю, что ты можешь с легкостью найти его факторы. Но их можно также получить при помощи эллиптических кривых. Давай выберем, к примеру, кривую $y^2 = x^3 - x + 4$, и точку P = (1,2) на этой кривой.

Лисбет аккуратно записала уравнение на лежавшем на ночном столике листе. Но Август, казалось, вообще ничего не понимал. Тогда она опять вспомнила тех близнецов-аутистов, о которых читала. Они каким-то загадочным образом умели находить большие целые числа, однако оказывались не в силах составлять даже простейшие уравнения. Возможно, с Августом дело обстояло так же. Возможно, он был больше счетной машиной, нежели математическим талантом… Впрочем, в данный момент это не играло никакой роли – у Лисбет начала болеть рана, и ей требовалось поспать. Требовалось изгнать старых призраков детства, проснувшихся в ней из-за мальчика…

Микаэль Блумквист пришел домой уже за полночь, и хотя он безумно устал и ему предстояло вставать ни свет ни заря, он сразу уселся за компьютер и принялся искать информацию об Эдвине Нидхэме. В мире оказалось довольно много людей с таким именем и фамилией – в частности, успешный регбист, которому после лечения от лейкемии удалось вернуться в спорт. Один Эдвин Нидхэм, похоже, являлся экспертом по очистке воды, а другой ловко умел попадать на общие снимки, причем с глупым видом. Но никто из них не годился на роль человека, расколовшего личность Осы и обвинявшего ее в преступлении.

Зато существовал некий Эдвин Нидхэм, компьютерный инженер, защитивший диссертацию в Массачусетском технологическом институте, а это уже хотя бы нужная отрасль. Однако он тоже, казалось, не подходил. Конечно, сейчас этот Нидхэм был высоким начальником в «Сейфлайне» – ведущей компании по защите компьютеров от вирусов, но хакерами эта компания точно не интересовалась. Однако в интервью, которые давал Эд, как его называли, речь шла исключительно о долях продаж на рынке и новых продуктах. Ни одно слово не поднималось над уровнем обычных штампов, свойственных болтовне торговцев, даже когда ему предоставлялась возможность рассказать о своих хобби – боулинге и ловле рыбы на мушку. Он говорил, что любит природу, любит соревновательный момент… Казалось, самое страшное, на что он способен, это занудить людей до смерти.

Имелась также его фотография, на которой он, голый до пояса, ухмыляясь, вытаскивал крупного лосося, но таких снимков в рыболовном

контексте существует великое множество. Такая же скукота, как и все остальное. И тем не менее постепенно Микаэль начал задумываться над тем, не являются ли скукота и безликость намеренными. Он еще раз перечитал материал, и у него возникло ощущение вымысла, ширмы, и медленно, но верно стало появляться убеждение: это тот самый парень. Тут попахивает разведкой, разве нет? Напоминает АНБ или ЦРУ…

Блумквист снова посмотрел на фотографию с лососем, и ему показалось, будто он видит уже нечто другое – крутого парня, который просто притворяется. В его постановке ног и насмешливой ухмылке на камеру чувствовалось нечто неколебимое, по крайней мере, так посчитал Микаэль. И он опять подумал о Лисбет. Следовало ли ей что-нибудь сказать? Нет причин сейчас волновать ее, особенно раз он сам еще ничего не знает, и журналист решил лучше лечь в постель. Ему требовалось пару часов поспать и иметь более или менее ясную голову, когда он ранним утром встретится с Эдом Нидхэмом. Блумквист в задумчивости почистил зубы, разделся, лег – и только тут осознал, что устал сверх всякой меры. В сон он погрузился мгновенно. Ему снилось, что его тянут вниз и начинают топить в реке, в которой стоял Эд Нидхэм. Потом у него останется смутное воспоминание о том, как он ползал по дну реки с мечущимися, бьющимися лососями…

Но проспал он, вероятно, не слишком долго. Резко проснулся с ощущением того, будто что-то упустил. На ночном столике у него лежал телефон, и Микаэль подумал об Андрее. Он все время подсознательно думал про Андрея…

Линда заперла дверь на два замка, и в этом, разумеется, не было ничего странного. Женщина с ее прошлым, естественно, должна соблюдать меры предосторожности. Тем не менее у Андрея возникло неприятное ощущение. Он убеждал себя в том, что дело в квартире. Она выглядела совсем не так, как он ожидал. Неужели это действительно дом подруги?

Широкая, но не особенно длинная кровать с обоих концов была снабжена сверкающими стальными решетчатыми спинками. Черное покрывало вызывало ассоциацию с носилками или могилой. Украшения на стенах Андрею тоже не понравились – они в основном состояли из обрамленных фотографий мужчин с оружием. Да и вообще, в целом квартира производила какое-то стерильное и холодное впечатление. Возникало ощущение, что здесь едва ли живет добрый человек.

С другой стороны, он сильно нервничает и наверняка все преувеличивает. Возможно, просто пытается найти оправдание, чтобы

сбежать… Человеку всегда хочется сбежать от того, что он любит, – кажется, нечто подобное говорил Оскар Уайльд? Андрей посмотрел на Линду. Он по-прежнему считал, что никогда не видел такой обворожительно красивой женщины, и уже одно это пугало его. Но тут она подошла к нему в своем облегающем синем платье, подчеркивающем ее формы, и спросила, точно прочитав его мысли:

– Тебе хочется уйти домой, Андрей?

– У меня довольно много дел.

– Понимаю, – сказала она и поцеловала его. – Тогда, конечно, иди домой и занимайся своей работой.

– Наверное, так будет лучше, – пробормотал Зандер.

Она прижалась к нему и снова поцеловала его – с такой силой, что Андрей больше не мог сопротивляться. Он поцеловал ее в ответ, обхватил руками, и тут она оттолкнула его – так сильно, что он закачался и упал спиной на кровать. На какую-то долю секунды Зандер испугался. Но Линда улыбалась столь же нежно, как раньше. Тогда он сообразил: это просто игривая агрессивность любви. Кажется, она действительно хочет его? Она хочет заниматься с ним любовью здесь и сейчас…

Андрей позволил ей усесться на нем верхом, расстегнуть ему рубашку и провести ногтями по животу; глаза ее при этом горели ярким огнем, а большая грудь вздымалась под платьем. Рот был открыт; струйка слюны стекала к подбородку, и она что-то ему шептала. Поначалу он не расслышал, что именно. Но это было: «Сейчас, Андрей».

– Сейчас!

– Сейчас, – неуверенно повторил он, чувствуя, как Линда стаскивает с него брюки.

Она оказалась более ловкой, чем он ожидал, более умелой и неистовой в своем вожделении, чем кто-либо из его знакомых.

– Закрой глаза и лежи, не шевелясь, – велела Линда.

Он закрыл глаза, замер и заметил, что она чем-то шуршит, но не понял, чем. Затем послышался щелчок, и он почувствовал что-то металлическое у себя на запястьях, а открыв глаза, увидел, что на них надели наручники. Зандер захотел было воспротивиться, но протестовать он умел плохо, а тут все произошло быстро, молниеносно… Словно обладая большим опытом, Линда пристегнула его руки к спинке кровати, затем связала ему ноги веревкой и крепко стянула.

– Осторожней, – попросил он.

– Ну, конечно.

– Хорошо.

Она посмотрела на него каким-то новым взглядом, не совсем приятным, как ему подумалось. Затем что-то сказала громким голосом. Вероятно, он ослышался.

– Что? – переспросил он.

– Сейчас я буду резать тебя ножом, Андрей, – сказала Линда и заклеила ему рот большим куском скотча.

Микаэль Блумквист попытался уговорить себя, что беспокоиться незачем. Почему с Андреем должно было что-то случиться? Никто – кроме него самого и Эрики – не знал о том, что Зандер знает об укрытии Лисбет и мальчика. Они проявляли крайнюю осторожность с информацией, бóльшую, чем когда-либо. Но все же… почему до парня не дозвониться?

Андрей не из тех, кто пренебрегает телефоном. Напротив, когда Микаэль звонил, он обычно отвечал прямо после первого гудка. А сейчас его было никак не достать – разве не странно? Или же… Блумквист снова попытался убедить себя в том, что Зандер просто работает, забыв обо всем на свете, или, в худшем случае, потерял мобильный телефон. Наверняка не более того. Но, черт побери… После стольких лет откуда ни возьмись возникла Камилла… Явно что-то затевается. Как там сказал комиссар Бублански?… «Мы живем в мире, где безумное считается нормальным…»

Микаэль потянулся за лежащим на ночном столике телефоном и снова позвонил Андрею. Опять не услышав ответа, он решил разбудить нового сотрудника Эмиля Грандена, живущего неподалеку от Андрея. В голосе Эмиля, пожалуй, чувствовалось некоторое замешательство, но он все-таки пообещал сразу сбегать к Зандеру и проверить, дома ли тот. Через двадцать минут Эмиль перезвонил и сказал, что долго колотил в дверь Андрея и что его там совершенно точно нет.

Положив трубку, Микаэль натянул одежду, вышел на улицу и помчался через безлюдный, охваченный бурей район Сёдер в редакцию журнала, на Гётгатан. «Если повезет, – думал он, – Андрей спит там на диване». С Зандером уже случалось так, что он засыпал на работе и не слышал телефона. Можно было надеяться, что все объяснялось именно этим. Тем не менее Микаэль ощущал все большее беспокойство. Отперев дверь и отключив сигнализацию, он вздрогнул, словно ожидал обнаружить разгром. Но сколько он ни ходил по комнатам, никаких следов чего-либо необычного не заметил, и все сведения в его зашифрованной почтовой программе были тщательно стерты – в точности как они договаривались. Все выглядело нормально, но на редакционном диване Андрея не оказалось.

Диван выглядел таким же обшарпанным и пустым, как обычно, и Микаэль несколько минут посидел на нем, погрузившись в размышления. Затем он опять позвонил Грандену.

– Эмиль, – сказал он. – Извини, что терроризирую тебя посреди ночи, но вся эта история сделала меня психопатом.

– Я понимаю.

– И поэтому я не мог не почувствовать в твоем голосе замешательство, когда ты говорил об Андрее. Может, ты мне что-нибудь не рассказал?

– Ничего, кроме того, что ты уже знаешь, – ответил Эмиль.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что тоже разговаривал с «Проверкой компьютеров».

– Что значит «тоже»?

– Ты хочешь сказать, что не…

– Да! – оборвал его Микаэль и услышал, как на другом конце линии тяжело задышали.

Блумквист понял, что произошла какая-то чудовищная ошибка.

– Выкладывай, Эмиль, и побыстрее, – велел он.

– Значит, так…Позвонила очень приятная и профессиональная дама из «Проверки компьютеров», назвавшаяся Линой Робертссон, и сказала, что вы общались с нею и договорились, принимая во внимание обстоятельства, повысить уровень безопасности твоего компьютера. Речь шла о некоторых деликатных личных сведениях.

– И…

– И она, очевидно, дала тебе ошибочные рекомендации, что ее ужасно мучило. Она сказала, что ей стыдно за свою некомпетентность, и она беспокоится, что защиты не хватит, и поэтому хочет как можно скорее связаться с тем, кто устанавливал тебе шифрование.

– И что ты ей сказал?

– Что я ничего об этом не знаю; видел только, как Андрей сидел за твоим компьютером и что-то делал.

– Значит, ты порекомендовал ей связаться с Андреем?

– Я как раз ненадолго выходил в город и сказал ей, что Андрей наверняка сидит в редакции и она может ему позвонить. Вот и всё.

– Проклятье, Эмиль…

– Но она звучала действительно…

– Плевать мне на то, как она звучала! Я надеюсь, ты потом сообщил Андрею об этом разговоре.

– Возможно, не сразу. Я ведь сейчас вкалываю довольно плотно, как и все…

– Но потом ты рассказал?

– Ну, получилось так, что он ушел раньше, чем я успел что-нибудь сказать.

– И ты ему позвонил?

– Конечно, звонил несколько раз. Но…

– Да?

– Он не отвечал.

– О’кей, – сказал Микаэль ледяным голосом.

Он положил трубку и набрал номер Яна Бублански. Ему пришлось сделать это дважды, прежде чем разбуженный комиссар подошел к телефону, и Микаэль, не видя другого выхода, рассказал ему всю историю. Он рассказал все, кроме того, где находятся Лисбет и Август.

Потом он еще проинформировал Эрику.

Лисбет Саландер действительно заснула, пребывая, однако, в состоянии боеготовности. Она спала в одежде, даже не снимая кожаной куртки и сапог. Кроме того, спала Саландер чутко, и ее периодически будили либо буря, либо Август, который скулил и хныкал во сне. Но в большинстве случаев она снова засыпала или, по крайней мере, впадала в полузабытье, и иногда ей снились странные реалистические отрывочные сны. Сейчас ей снилось, как отец бьет мать, и Лисбет даже во сне испытывала прежнюю безудержную злость из детства. Она ощутила ее так явственно, что снова проснулась.

Было без четверти четыре утра; на ночном столике, как и раньше, лежали листы, на которых они с Августом писали цифры. На улице шел снег. Но буря, похоже, немного улеглась, и слышался только завывающий и шумящий в кронах деревьев ветер.

Тем не менее Лисбет чувствовала, что ей как-то не по себе, и поначалу подумала, что ее сон распространился по комнате в виде растрового изображения. Затем она вздрогнула – кровать рядом с нею была пуста. Август исчез. Лисбет молниеносно и беззвучно вскочила, выхватила из стоявшей на полу сумки пистолет и проскользнула в большую комнату, выходящую на террасу.

В следующее мгновение она выдохнула. Август сидел за круглым обеденным столом и чем-то занимался. Осторожно, чтобы не помешать ему, Лисбет склонилась через его плечо и обнаружила, что мальчик занят не новыми факторами целых чисел или изображением каких-то новых издевательств со стороны Лассе Вестмана и Рогера Винтера. Он рисовал отражавшиеся в зеркалах гардероба шахматные клетки, а над ними

угадывалась грозная фигура с вытянутой вперед рукой. Лисбет улыбнулась – наконец-то стали обретать форму черты преступника. Затем она удалилась.

Вернувшись в спальню, Саландер села на кровать, сняла футболку и повязку и осмотрела рану. Та по-прежнему выглядела нехорошо, и Лисбет все еще испытывала слабость и головокружение. Приняв две таблетки антибиотиков, она попыталась еще немного отдохнуть и, вероятно, снова заснула. Потом у нее осталось смутное впечатление, будто она видела во сне Залу и Камиллу. И сразу вслед за этим Лисбет что-то почувствовала, но не поняла, что именно. У нее лишь возникло ощущение чьего-то присутствия. На улице вспорхнула птица. Из большой комнаты слышалось, как Август тяжело и страдальчески дышит. Лисбет как раз собиралась снова встать, когда воздух пронзил леденящий крик.

К моменту, когда Микаэль ранним утром выходил из редакции, чтобы поймать такси и ехать в «Гранд-отель», он по-прежнему еще ничего не слышал от Андрея и вновь пытался убедить себя в том, что излишне бурно отреагировал и что коллега в любую минуту позвонит ему от какой-нибудь девушки или приятеля. Однако беспокойство не отпускало. На Гётгатан, отметив, что снова пошел снег и что кто-то оставил на тротуаре одну дамскую туфлю, Блумквист достал телефон «Самсунг» и позвонил Лисбет через приложения Redphone. Саландер не ответила, и это не прибавило ему спокойствия. Он попытался еще раз, затем послал из приложения Threema текстовое сообщение:

За вами охотится Камилла. Вам следует покинуть убежище!

Затем Блумквист поймал такси, едущее со стороны улицы Хёкенс, и на мгновение удивился тому, что шофер при виде его вздрогнул. Но в ту минуту Микаэль действительно выглядел решительно настроенным и опасным, и ситуация не улучшилась от того, что он не откликнулся на попытки шофера завязать беседу, а просто сидел сзади в темноте, с беспокойными горящими глазами.

Стокгольм был более или менее пуст. Шторм немного стих, но на воде еще виднелись белые барашки. Микаэль смотрел на «Гранд-отель» по другую сторону залива и размышлял над тем, не следует ли ему наплевать на встречу с мистером Нидхэмом и не лучше ли поехать к Лисбет – или, по крайней мере, обеспечить выезд туда наряда полиции… Нет, так поступить, не проинформировав ее, он не может. Если имеется утечка, распространение этих сведений может привести к катастрофическим последствиям. Микаэль снова открыл приложение Threema и написал:

Организовать помощь?

Ответа он, естественно не получил.

Вскоре после этого, расплатившись, Микаэль задумчиво вылез из машины и через вращающуюся дверь вошел в гостиницу. Было двадцать минут пятого утра – он прибыл на сорок минут раньше. Наверное, никогда еще Блумквист не приходил куда-нибудь на сорок минут раньше. Но у него внутри словно все горело, и прежде чем, согласно договоренности, подойти на ресепшн и оставить телефоны, он опять позвонил Эрике и велел ей постараться поймать Лисбет, держать связь с полицией и принимать те решения, которые она сочтет нужным.

– Как только узнаешь что-нибудь новое, позвони в «Грандотель» и спроси мистера Нидхэма.

– А кто это?

– Человек, который хочет со мною встретиться.

– В такое время?

– В такое время, – повторил Микаэль и подошел к рецепции.

Эдвин Нидхэм жил в номере 654, и Блумквист постучал. Дверь открылась, и на пороге возник мужчина, от которого несло потом и яростью. Он походил на персонажа с интернетовского снимка на рыбалке примерно в той же степени, в какой едва проснувшийся диктатор с тяжелым похмельем походит на свою стилизованную статую. В руке Эд Нидхэм держал стакан грога; он был зол и взъерошен и напоминал бульдога.

– Мистер Нидхэм, – произнес Микаэль.

– Эд, – уточнил Нидхэм. – Извини, что побеспокоил тебя в такой безбожный час, но у меня важное дело.

– Похоже на то, – сухо сказал Блумквист.

– Ты имеешь представление, о чем речь?

Журналист помотал головой и уселся в кресло рядом с письменным столом, на котором стояли бутылка джина и тоник «Швепс».

– Нет, да и откуда? – продолжал Эд. – С другой стороны, с такими парнями, как ты, никогда не знаешь наверняка… Я, конечно, проверил тебя. Честно говоря, я ненавижу льстить людям – это оставляет у меня во рту привкус фальши, – но ты довольно выдающийся человек в своей профессии, не так ли?

Микаэль натянуто улыбнулся.

– Буду рад, если ты перейдешь к делу, – сказал он.

– Успокойся, успокойся, я буду предельно четок. Думаю, ты знаешь, где я работаю?

– Я не совсем уверен, – честно ответил Микаэль.

– Во «Дворце головоломок», в SIGINT city[77]. Я работаю во всемирном посмешище.

– АНБ.

– Точно. И ты можешь хотя бы представить себе, какой это дьявольский кретинизм – издеваться над нами, можешь, Микаэль Блумквист?

– Думаю, могу, – сказал тот.

– И понимаешь, где, как я, вообще-то, считаю, твоей подруге самое место?

– Нет.

– Ей самое место в тюрьме. Пожизненно.

Блумквист улыбнулся, надеясь, что улыбка у него получилась спокойная, уверенная. На самом же деле в его голове лихорадочно завертелись мысли, и хотя он понимал, что произойти могло все, что угодно, и ему не следует делать поспешных выводов, он незамедлительно подумал: «Неужели Лисбет хакнула АНБ?» Уже сама эта мысль привела его в страшное волнение. Мало того, что она сидит в укрытии и ее разыскивают убийцы; неужели за нею, кроме того, гоняются все службы безопасности США? Это звучало… ну, как это звучало? Неправдоподобно.

Если что и отличало Лисбет, так это то, что она никогда ничего не делала без анализа последствий. Ни одна из ее задумок не бывала импульсивной и непродуманной, поэтому Блумквист не мог представить себе, чтобы она сотворила что-нибудь такое идиотское, как взлом АНБ, если существовал малейший риск быть обнаруженной. Конечно, иногда она действительно делала опасные вещи. Но риски при этом всегда соответствовали пользе, и Микаэль отказывался верить в то, что она залезла туда только для того, чтобы дать себя перехитрить стоящему перед ним желчному бульдогу.

– Думаю, вы сделали поспешные выводы, – сказал он.

– И не мечтай, парень. Но, подозреваю, ты слышал, что я употребил слово «вообще-то»?

– Слышал.

– Гадкое словечко, правда? Его можно употреблять как угодно. Вообще-то я не пью по утрам – и тем не менее сижу здесь с выпивкой, хе-хе!.. Я клоню к тому, что ты, возможно, сумеешь спасти свою подругу, если пообещаешь мне кое с чем помочь.

– Я слушаю.

– Молодец. Тогда для начала я хочу получить гарантии неразглашения источника информации.

Микаэль посмотрел на него с удивлением? Этого он не ожидал.

– Ты, что, какая-то «подсадная утка»?

– Боже милостивый, нет. Я лояльная старая ищейка.

– Но ты не представляешь официальные интересы АНБ?

– Можно сказать, что в данный момент у меня есть собственный интерес и что я слегка укрепляю свои позиции. Ну, так как же?

– Я гарантирую неразглашение источника.

– Отлично. Я также хочу быть уверенным в том, что сказанное здесь останется между тобой и мной. Это может, конечно, показаться странным: какого черта я рассказываю потрясающую историю журналисту-правдоискателю, а потом прошу его держать язык за зубами?

– Хороший вопрос.

– У меня есть свои причины, и, что самое странное, я думаю, мне даже нет надобности тебя об этом просить. У меня есть основания полагать, что ты захочешь защитить свою подругу, а интересный для тебя материал, совершенно очевидно, находится где-то в другом месте… Впрочем, вполне возможно, что я тебе с ним помогу, если ты готов сотрудничать.

– Посмотрим, – сдержанно ответил Микаэль.

– Ну ладно. Несколько дней назад у нас произошло вторжение во внутреннюю сеть, популярно именуемую NSANet[78]; тебе это понятие, наверное, знакомо?

– В какой-то степени.

– NSANet усовершенствовали после одиннадцатого сентября, чтобы добиться лучшей координации действий наших национальных спецслужб, с одной стороны, и шпионских организаций в англосаксонских странах, так называемых «Пяти глаз», – с другой. Это закрытая система с собственными маршрутизаторами, портами и мостами, полностью изолированными от остального Интернета. Оттуда мы через сателлиты и оптоволоконные кабели управляем нашей радиотехнической разведкой; там у нас также находятся крупные банки данных и, конечно, наши засекреченные анализы и отчеты, независимо от того, обозначаются ли они *Moray*, что есть наименьшая степень секретности, или *Umbra Ultra Top Secret* – то, что не позволено видеть даже президенту. Система управляется из Техаса, что, кстати, полное идиотство. Однако после последних усовершенствований и проверок я все равно рассматриваю ее как свое дитя. Чтоб ты знал, Микаэль, я вкалывал, как проклятый. Работал из последних сил, чтобы

никакой гад больше не смог использовать ее не по назначению или тем более хакнуть ее. Сегодня при малейшей аномалии, при любом жалком нарушении внутри ее у меня срабатывает предупреждение. И не думай, что я один: у нас имеется целый штат независимых специалистов, которые контролируют систему, и теперь в нашей сети невозможно сделать никакой даже самой мелкой ерунды, не оставив после себя следов. По крайней мере, должно быть невозможно. Все регистрируется и анализируется. Тебе не удастся прикоснуться там ни к единой клавише, оставаясь незамеченным. Но тем не менее…

– Удалось.

– Да. И я бы где-то смирился с этим – ведь уязвимости есть всегда. Они существуют для того, чтобы мы находили их и улучшали систему. Уязвимости держат нас в форме, начеку. Но дело не только в самом факте, что она проникла внутрь. Дело в том, как она это сделала. Она взломала наш сервер, создала хитроумный мост и вошла во внутреннюю сеть через одного из наших системных администраторов. Только эта часть операции – уже шедевр. Но на этом был еще далеко не конец. Эта чертовка превратила себя в *ghost user*.

– В кого?

– В пользователя-призрака, в привидение, которое летало внутри системы, а мы ничего не замечали.

– И твои предупреждения не сработали?

– Эта гениальная чертовка ввела шпионский вирус, который, вероятно, отличался от всего нам известного, иначе бы наши системы его сразу идентифицировали, и этот вирус все время повышал ее статус. Получая все большие и большие полномочия, она извлекала самые секретные пароли и коды и уже начала объединять регистры и базы данных. И вдруг – бинго!

– В каком смысле бинго?

– Она нашла то, что искала, и в эту секунду не захотела дальше оставаться призраком. Ей, напротив, захотелось показать нам, что она нашла, и только тут сработали мои предупреждения. Именно тогда, когда она этого захотела.

– И что же она нашла?

– Она нашла нашу двойную мораль, Микаэль, наши махинации; вот почему, в частности, я сейчас здесь, с тобой, а не сижу на своей жирной заднице в Мэриленде и не посылаю за ней морскую пехоту. Она действовала подобно квартирному взломщику, который проник в дом только для того, чтобы показать всем, что там уже имеется краденое; и в тот миг, когда мы это поняли, она стала для нас действительно опасной.

Настолько опасной, что некоторые наши шишки захотели оставить ее на свободе.

– Но не ты.

– Да. Я хотел привязать ее к фонарному столбу и содрать с нее кожу. Но меня вынудили прекратить охоту, и это, Микаэль, меня взбесило. Возможно, я сейчас выгляжу довольно собранным, но вообще-то, как я уже говорил…

– Ты дико зол.

– Именно. И поэтому я позвал тебя сюда в такую рань. Мне хотелось найти твою Осу, пока она не сбежала из страны.

– Зачем ей сбегать?

– Потому что она придумывает одно безумство за другим, разве не так?

– Не знаю.

– Конечно, знаешь.

– А что вообще заставляет тебя думать, что она и есть твой хакер?

– Я как раз собирался тебе это рассказать…

Но он не успел.

Зазвонил гостиничный телефон, и Эд быстро ответил. Парень с ресепшн искал Микаэля Блумквиста. Нидхэм передал трубку и довольно быстро понял, что журналисту сообщили какую-то тревожную информацию, поэтому его не удивило, что швед, пробормотав неотчетливые слова извинения, выбежал из номера. Он не удивился, но смириться с этим тоже не мог, поэтому, схватив с вешалки пальто, выскочил следом.

Блумквист бежал чуть дальше по коридору, словно спринтер, и хотя Эд не знал, что именно случилось, он заподозрил, что дело касается той самой истории, и решил не отставать. Если речь идет об Осе и Бальдере, то он намеревался присутствовать. Но поскольку журналист был не в состоянии дожидаться лифта, а просто помчался вниз по лестнице, то Эду было трудно за ним поспевать, и когда он, тяжело дыша, добрался до вестибюля, Микаэль уже забрал свои телефоны и, поглощенный новым разговором, выбегал через вращающиеся двери на улицу.

– Что случилось? – спросил Эд, когда Блумквист, положив трубку, пытался поймать такси чуть подальше на набережной.

– Проблемы, – ответил Микаэль.

– Я могу тебя туда отвезти.

– Ни черта подобного, ты выпил.

– Но мы можем взять мою машину.

Микаэль на мгновение замедлил шаг и пристально посмотрел на Эда.

– Что тебе надо?

– Я хочу, чтобы мы помогли друг другу.

– Тебе придется ловить твоего хакера самому.

– У меня больше нет полномочий никого ловить.

– О’кей, где стоит твоя машина?

Они побежали к взятой Эдом напрокат машине, которая стояла чуть подальше, возле Национального музея, и Блумквист в двух словах объяснил, что им предстоит ехать в шхеры, к острову Ингарё. Он сказал, что описание дороги получит по пути и не намерен обращать внимание на ограничения скорости.

Глава 26

Утро 24 ноября

Август закричал, и в ту же секунду Лисбет услышала шаги, быстрые шаги вдоль короткой стороны дома. Она схватила пистолет и вскочила на ноги. Чувствовала Лисбет себя отвратительно, но не стала тратить время на то, чтобы в этом разбираться. Она бросилась к дверному проему и увидела, как на террасе появился высокий мужчина. На мгновение ей подумалось, что она имеет преимущество, одну секунду в запасе. Но картина драматическим образом изменилась.

Мужчину не остановили даже стеклянные двери. Он ворвался прямо сквозь них, держа пистолет наготове, и молниеносно и уверенно выстрелил в мальчика. И тогда Лисбет ответила на огонь – или, возможно, выстрелила раньше. Она не знала. Она даже не поняла, в какой момент бросилась к мужчине. Уловила лишь, что схватилась с ним со страшной силой и потом оказалась лежащей поверх него на полу, как раз перед круглым кухонным столом, где только что сидел мальчик.

Ни секунды не колеблясь, Саландер ударила мужчину головой. Ударила с такой силой, что в голове у нее зазвенело. Шатаясь, она поднялась на ноги. Вся комната ходила ходуном. Футболка у нее была в крови. Неужели в нее снова попали? Думать было некогда. Где же Август? Под столом валялись только фломастеры, рисунки, мелки и расчеты целых чисел. Где же он, черт возьми? Затем Лисбет услышала всхлипывания возле холодильника. И действительно, Август сидел там и трясся, прижав колени к груди. Очевидно, он успел броситься на пол.

Лисбет уже собиралась подбежать к нему, когда услышала чуть поодаль новые настораживающие звуки – приглушенные голоса, ломающиеся ветки. К ним направлялись еще люди, и она поняла, что необходимо торопиться. Им нужно выбираться отсюда. Если это сестра, значит, она тащит с собой кучу народа. Так бывало всегда – Лисбет действовала одна, а Камилла собирала целую компанию. Поэтому надо, как в старые времена, быть более ловкой и быстрой. Она, будто в лучах вспышки, увидела перед собой окружающую местность и в следующее мгновение кинулась к Августу.

– Идем! – скомандовала Лисбет.

Мальчик не двинулся с места. Он словно примерз к полу. Тогда Лисбет

быстрым рывком подняла его, и ее лицо исказила гримаса. Каждое движение причиняло боль. Но времени терять было нельзя, и, очевидно, Август все-таки понял это. Он показал, что может бежать сам, после чего Лисбет бросилась к кухонному столу, схватила компьютер и побежала к террасе, мимо лежащего на полу мужчины, который в полубессознательном состоянии приподнялся и попытался поймать Августа за ноги.

Лисбет задумалась, не убить ли его. Но вместо этого со страшной силой ударила его ногой в шею и в живот и отбросила подальше его пистолет. Затем вместе с Августом побежала через террасу к скалам и склону. Внезапно Саландер остановилась, вспомнив про рисунок. Она не видела, насколько успел продвинуться Август. Может, следует вернуться? Нет, они могут оказаться здесь в любой момент. Надо бежать. Но все-таки… рисунок ведь тоже оружие – и главная причина всего этого безумия. Поэтому Лисбет пристроила Августа и компьютер на уступе скалы, который выбрала накануне вечером, а сама снова помчалась наверх и в дом.

Она осмотрела стол и поначалу не нашла рисунка. Повсюду валялись лишь эскизы с проклятым Лассе Вестманом и цифры. Но вот, наконец-то – это он, и над шахматными клетками и зеркалами теперь виднелся бледный персонаж с четким шрамом на лбу, с которым Лисбет уже успела слишком хорошо познакомиться. Это был тот же мужчина, что лежал перед нею на полу и скулил. Тогда Саландер с молниеносной быстротой достала мобильный телефон, сфотографировала рисунок и отправила его полицейским – Яну Бублански и Соне Мудиг. Она даже наспех набросала одну строчку в самом верху листа.

Но в следующее мгновение Лисбет поняла, что совершила ошибку.

Ее начали окружать.

На его телефон «Самсунг» Лисбет написала то же слово, что Эрике: КРИЗИС, – и превратно понять его было едва ли возможно. Особенно когда оно исходило от Лисбет. Как Микаэль ни думал над ним, он мог истолковать его лишь как то, что преступники выследили ее и в худшем случае напали на нее в ту самую минуту, когда она писала, поэтому, едва миновав гавань и выехав на шоссе Вермдёледен, он нажал на газ до отказа.

Блумквист ехал на новенькой серебристой машине «Ауди А8», а рядом с ним сидел Эд Нидхэм. Вид у него был мрачный. Он периодически что-то записывал в своем телефоне. Микаэль точно не знал, почему позволил Эду поехать с ним. Возможно, ему хотелось узнать, *что* у парня есть на Лисбет… Но имелась и другая причина: Эд мог оказаться полезен. Во всяком случае, он едва ли способен ухудшить ситуацию. Кризис уже и так

достиг достаточно больших масштабов. В полицию сигнал тревоги поступил, однако там вряд ли сумеют достаточно быстро собрать группу – особенно потому, что они скептически отнеслись к столь скудной информации. Всеми контактами занималась Эрика, которая знала дорогу. А Микаэлю требовалась помощь, вся помощь, какую он только мог мобилизовать.

Он выехал к мосту Данвиксбрун. Эд Нидхэм что-то сказал – что именно, Микаэль не понял. Его мысли находились в другом месте. Он думал об Андрее – что они сделали с ним? Блумквист явственно увидел, как тот задумчиво и растерянно сидит в редакции, так похожий на молодого Антонио Бандераса… Почему, черт подери, Андрей не пошел с ним пить пиво? Микаэль снова позвонил ему. Попробовал также позвонить Лисбет. Но ему нигде не ответили. И тут он опять услышал голос Эда.

– Хочешь, чтобы я рассказал, что у нас есть? – спросил он.

– Да… пожалуй… давай, – ответил Блумквист.

Однако и на этот раз им не удалось ничего обсудить. У Микаэля зазвонил телефон. Это оказался Ян Бублански.

– Нам с тобою придется потом кое о чем поговорить – думаю, ты понимаешь, о чем, – и вы можете твердо рассчитывать на какого-то рода правовые последствия.

– Я понимаю.

– Но сейчас я звоню, чтобы дать тебе немного информации. Мы знаем, что в четыре двадцать две Лисбет Саландер была жива. Это до или после того, как она подняла тревогу?

– До, непосредственно перед этим.

– О’кей.

– Откуда появилось это время?

– Саландер кое-что прислала нам, кое-что невероятно интересное.

– Что?

– Рисунок. И я должен сказать, Микаэль, что он превзошел все наши ожидания.

– Значит, Лисбет заставила парня рисовать?

– О, да. Я, конечно, не знаю, какого рода технические претензии могут предъявить к этому доказательству или какие возражения против рисунка сумеет выдвинуть умелый адвокат, – но у меня нет сомнений в том, что это убийца. Рисунок выполнен невероятно мастерски, и опять с удивительной математической точностью. Да, там в самом низу даже написано какое-то уравнение, с координатами X и Y. Я совершенно не знаю, имеет ли оно отношение к делу. Но я послал рисунок в Интерпол на проверку

программой для опознания лиц. Если только мужчина присутствует в одной из их баз данных, он погорел.

– В прессу вы его тоже передадите?

– Мы обдумываем этот вариант.

– Когда вы сможете прибыть на место?

– Как только поспеем… погоди-ка!

Микаэль услышал, что на заднем плане звонит другой телефон. С минуту Бублански разговаривал по нему. Вернувшись обратно, он коротко сообщил:

– Мы получили сведения о том, что там стреляют. Боюсь, дело плохо.

Микаэль сделал глубокий вдох.

– Об Андрее ничего нового? – спросил он.

– Мы отследили его телефон до базовой станции в Старом городе, но дальше не продвинулись. С некоторых пор мы вообще не получаем сигналов, как будто мобильник сломался или перестал работать.

Блумквист положил трубку и еще прибавил скорости. В какой-то момент он разогнался до ста восьмидесяти километров в час, поэтому говорил очень мало – лишь кратко рассказал Эду Нидхэму, что происходит. Но в конце концов он не выдержал – ему требовалось занять мысли чем-нибудь другим.

– Ладно, что вы там узнали?

– Про Осу?

– Да.

– Долго не знали ни хрена. Мы были уверены, что так ничего и не добьемся, – продолжил Нидхэм. – Мы сделали все, что было в наших силах, и даже больше. Заглянули под каждый камень и тем не менее ни к чему не пришли. И где-то в глубине души я считал это логичным.

– Как это?

– Хакер, способный на такое вторжение, должен обладать способностью заметать за собою все следы. Я рано понял, что обычным путем мы едва ли чего-нибудь добьемся. Но не сдался и в конце концов наплевал на все наше изучение места преступления. Я перешел прямо к глобальному вопросу: кто способен на такую операцию? Я уже тогда знал, что этот вопрос является нашим главным шансом. Уровень вторжения был настолько высок, что вряд ли многие способны его осуществить. В этом смысле талант хакера обернулся против него. Кроме того, мы проанализировали сам шпионский вирус, и…

Эд Нидхэм опять посмотрел на свой телефон.

– Да?

– Вирус обладал художественными особенностями, а нам это, конечно, было на руку. Мы, можно сказать, имели работу высокого уровня с неким исключительно личным почерком, и нам оставалось только найти создателя. Поэтому мы начали рассылать вопросы коллективам хакеров, и довольно быстро стало вырисовываться одно имя, один идентификатор. Можешь угадать, какой?

– Возможно.

– Оса! Вообще-то, других имен тоже хватало, но Оса становилась для нас все более интересной – ну, еще и в силу самого имени… это долгая история, которой я не буду тебя утомлять. Но имя…

– …происходило из той же мифологии комиксов, которую использует организация, стоящая за убийством Франса Бальдера.

– Верно. Значит, тебе это известно?

– Да. Но я знаю также, что связи бывают иллюзорными, обманчивыми. Если достаточно упорно ищешь, то находишь соответствия между чем угодно.

– Конечно, уж нам ли это не знать? Мы набрасываемся на связи, которые ничего не означают, и упускаем те, в которых действительно что-то содержится… Нет, я на это не слишком полагался. Слово «Оса» ведь могло означать массу разных вещей. Но у меня на тот момент не было почти никаких других зацепок. Кроме того, мне наговорили так много мифической ерунды об этой личности, что я хотел, при всех условиях, расколоть ее. Мы углубились в далекое прошлое, реконструировали старые диалоги на хакерских сайтах, прочли каждое слово, какое смогли, из написанного Осой в Сети, изучили каждую операцию, за которой, мы знали, стоит эта персона, – и довольно быстро, хоть и вкратце, познакомились с Осой. Мы уверились в том, что это женщина, хотя она и выражалась не чисто по-женски, и поняли, что она шведка. Много ранних реплик было написано по-шведски, но это, в общем-то, тоже не слишком много давало. Однако поскольку в организации, которую она изучала, имелась шведская привязка и поскольку Франс Бальдер тоже был шведом, это делало след еще более притягательным. Я связался с людьми из вашего Радиотехнического центра, они начали поиски в своих регистрах, и действительно…

– Что?

– Нашли нечто, приведшее к прорыву. Много лет назад они изучали хакерское дело именно с ником Оса. Это было настолько давно, что Оса тогда еще не особенно хорошо умела шифровать.

– Что же тогда произошло?

– Радиотехнический центр насторожило то, что она пыталась раздобыть сведения о лицах, сбежавших из спецслужб других стран, и этого хватило для того, чтобы запустить в ход охранные системы центра. Они предприняли расследование, которое привело к компьютеру в детской психиатрической клинике в Упсале, принадлежавшему главному врачу по фамилии Телеборьян. По какой-то причине – вероятно, поскольку Телеборьян оказывал шведской службе безопасности некоторые услуги, – его считали выше всяких подозрений. Вместо этого центр сосредоточился на двух санитарах, считавшихся подозрительными, потому что они были… ну, попросту иммигрантами. Мысль непостижимо кретинская и стереотипная, и они ничего не добились.

– Могу себе представить.

– Но сейчас, много позже, я попросил одного парня из Радиотехнического центра переслать мне тот старый материал, и мы подошли к нему совершенно по-другому. Знаешь, для того, чтобы быть хорошим хакером, необязательно быть большим и толстым и бриться по утрам. Я встречал бесподобных мастеров в возрасте двенадцати-тринадцати лет, и поэтому мне представлялось само собой разумеющимся проверить каждого ребенка, лежавшего в то время в клинике. В материале имелся полный список, и я засадил троих своих парней изучать их всех от и до. И знаешь, что мы обнаружили? Среди детей оказалась дочь бывшего шпиона и большого мерзавца Залаченко, которым в то время так интенсивно интересовались наши коллеги из ЦРУ, и тут все внезапно стало чрезвычайно интересным. Как тебе, возможно, известно, существуют точки соприкосновения между группировкой, которую исследовал хакер, и бывшим преступным синдикатом Залаченко.

– Это не обязательно означает, что Оса хакнула вас именно поэтому.

– Конечно, нет. Но мы присмотрелись к этой девочке поближе, и… как бы сказать… У нее волнующее прошлое, не так ли? Правда, очень много информации о ней в официальных источниках таинственным образом оказалось стертой. Однако мы нашли более чем достаточно. Не знаю, возможно, я ошибаюсь, но у меня ощущение, что перед нами какой-то чудовищный случай, глобальная травма. У нас имеется маленькая квартирка в Стокгольме и мать-одиночка, которая работает кассиршей в универсаме и борется за то, чтобы обеспечить себе и дочерям-близнецам хоть сколько-нибудь приличное существование. Казалось бы, мы находимся вдали от большого мира. Но тем не менее…

– …большой мир там присутствует.

– Да, тем не менее, когда их навещает отец, туда врывается ветер

большой политики… Микаэль, ты же ни черта обо мне не знаешь.

– Да.

– Но мне хорошо известно, каково приходится ребенку, когда в непосредственной близости от него творится грубое насилие.

– Значит, тебе это знакомо?

– Да, и еще лучше я знаю, каково ощущается, когда общество ни хрена не делает, чтобы наказать виновных. Это причиняет боль, парень, жуткую боль, и меня ничуть не удивляет, что большинство детей, оказавшихся свидетелями такого, погибает. Вырастая, они сами становятся деструктивными сволочами.

– К сожалению, да.

– Но единицы, Микаэль, становятся сильными, как медведи, поднимаются и дают сдачи. Оса ведь из таких, правда?

Блумквист задумчиво кивнул и еще сильнее надавил на газ.

– Ее заперли в психушку и раз за разом пытались сломить. Но она все время восставала, и знаешь, что я думаю? – продолжал Эд.

– Нет.

– Что она с каждым разом становилась сильнее. Она боролась с этим кошмаром и росла. Честно говоря, я думаю, она стала смертельно опасной и наверняка не забыла ничего из происшедшего. Оно врезалось в нее, впечаталось. Возможно даже, что пережитое в детстве безумие как раз и положило начало всему дальнейшему.

– Не исключено.

– Именно. Далее, у нас есть две сестры, на которых по-разному повлияло нечто жуткое, и они стали злейшими врагами. Но прежде всего: у нас есть наследство огромной криминальной империи.

– Лисбет не имеет в нем доли. Она ненавидит все, что связано с отцом.

– Уж кто-кто, а я-то это знаю, Микаэль. Но что стало с наследством? Разве не его она ищет? Разве не его она хочет уничтожить, в точности как хотела уничтожить его хозяина?

– Чего ты добиваешься? – резко спросил Микаэль.

– Пожалуй, отчасти того же, что Оса. Я хочу расставить все по своим местам.

– И схватить своего хакера?

– Я хочу встретиться с ней, устроить ей головомойку и заткнуть каждую проклятую дыру в своей системе безопасности. Но прежде всего я хочу намылить шею некоторым лицам, не позволившим мне довести работу до конца только потому, что Оса спустила с них штаны, и у меня есть основания полагать, что ты мне в этом поможешь.

– Почему же?

– Потому что ты хороший репортер. А хорошие репортеры не хотят, чтобы грязные тайны оставались тайнами.

– А Оса?

– Ей придется все выложить, выложить больше, чем за всю жизнь, и с этим ты мне тоже поможешь.

– Иначе?

– Иначе я найду способ ее засадить и снова превратить ее жизнь в ад, это я тебе обещаю.

– Но в настоящий момент ты хочешь только поговорить с ней?

– Я больше не позволю ни одному гаду хакнуть мою систему, Микаэль, а для этого мне необходимо досконально понимать, как она действовала. Я хочу, чтобы ты это передал. Я готов позволить твоей подруге гулять на свободе, если она просто сядет со мной и расскажет все про вторжение, шаг за шагом.

– Я передам. Будем надеяться… – начал Микаэль.

– Что она жива, – дополнил Эд, после чего они на страшной скорости повернули налево, к пляжу Ингарё.

Было 04.48. С тех пор, как Лисбет Саландер забила тревогу, прошло двадцать минут.

Так сильно Ян Хольцер ошибался редко.

Он питал романтические иллюзии в отношении того, что можно издали определить, выдержит ли человек ближний бой или большое физическое испытание, и поэтому он, в отличие от Орлова и Богданова, не удивился, когда план с Микаэлем Блумквистом провалился. Сами же они были абсолютно уверены: еще не родился тот мужчина, который может устоять перед Кирой. Но Хольцер, лишь на секунду издали видевший журналиста в Сальтшёбадене, сомневался. Микаэль Блумквист показался ему проблемой. Он выглядел, как мужчина, которого не так-то легко обмануть или сломить, и ничто из увиденного или услышанного Яном с тех пор не заставило его изменить свое мнение.

С молодым журналистом дело обстояло иначе. Он производил впечатление классического образца слабого, чувствительного мужчины. Тем не менее оно оказалось настолько ошибочным, что дальше некуда. Андрей Зандер боролся дольше всех, кого Яну доводилось пытать. Невзирая на страшную боль, он не сдавался. В его глазах светилась какая-то неколебимость, которая, казалось, поддерживалась высшими принципами, и Хольцер даже подумал, что им придется отступиться, что

Андрей Зандер скорее вынесет любое страдание, чем расскажет что-либо, и только когда Кира торжественно пообещала, что Эрике и Микаэлю из «Миллениума» тоже предстоит так мучиться, Андрей, наконец, сломался.

Было уже половина четвертого утра. Это мгновение было из числа тех, про которые Ян думал, что запомнит их навсегда. На окно в потолке падал снег. Лицо молодого человека казалось усохшим, глаза ввалились. Брызгавшая из груди кровь оставила пятна вокруг его рта и на щеках. Долгое время заклеенные скотчем губы потрескались и кровоточили. Он был весь искромсан. Тем не менее было видно, что он красивый молодой человек, и Яну вспомнилась Ольга. Что бы она о нем подумала? Разве этот журналист не как раз такой образованный парень, который борется против несправедливости и заступается за нищих и обездоленных, как ей нравятся? Ян задумался об этом и разном другом в собственной жизни. Потом перекрестился русским крестом, где одна дорога ведет на небо, а другая – в ад, и покосился на Киру.

Она выглядела красивее, чем когда-либо. Глаза у нее горели. Она сидела на табуретке возле кровати в дорогом синем платье, почти не забрызганном кровью, и что-то говорила Андрею по-шведски, что-то, звучавшее очень нежно. Потом взяла его за руку. Он сжал ее руку. Наверное, ему было больше не в чем искать утешения. В переулке завывал ветер. Кира кивнула и улыбнулась Яну. На окно падали новые снежинки.

Потом они все вместе сидели в «Лендровере» по пути к Ингарё. Ян чувствовал себя опустошенным, и развитие событий ему не нравилось. Но он не мог отделаться от мысли, что привела их сюда его собственная ошибка, и поэтому в основном помалкивал, слушая Киру, так удивительно взволнованную и с пылкой ненавистью говорившую о женщине, к которой они направлялись. Ян не считал это хорошим знаком, и будь его воля, он посоветовал бы ей развернуться и покинуть страну. Но он молчал.

За окнами продолжал валить снег, а они мчались все дальше в темноту. Когда Хольцер временами поглядывал на Киру и ее сверкающие ледяные глаза, она его пугала. Он гнал от себя эту мысль, и ему пришло в голову, что, по крайней мере, в одном он должен признать ее правоту: она поразительно быстро до всего догадалась. Не только вычислила, кто бросился вперед на Свеавэген и спас Августа Бальдера, а также заподозрила, кто может знать, куда подевались мальчик с женщиной, и назвала имя ни больше ни меньше как Микаэля Блумквиста. Никто из них не понял логики ее рассуждений. Чего ради шведский журналист с хорошей репутацией будет прятать человека, появившегося ниоткуда и

увезшего ребенка с места преступления? Однако чем дольше они изучали ее теорию, тем больше им казалось, что в ней что-то есть. Оказалось не только то, что женщина – которую звали Лисбет Саландер – была тесно связана с журналистом, но и что в редакции «Миллениума» что-то произошло.

Утром после убийства в Сальтшёбадене Юрий хакнул компьютер Микаэля Блумквиста, чтобы попытаться понять, почему Франс Бальдер вызвал его посреди ночи. Тогда он справился с задачей без особых проблем. Но со вчерашнего утра доступ к почте журналиста оказался перекрыт, а когда такое случалось в последний раз, чтобы Юрий не сумел прочесть мейлы какого-нибудь репортера? Насколько знал Ян, никогда. Микаэль Блумквист вдруг стал намного осторожнее, и произошло это в связи с исчезновением женщины и мальчика со Свеавэген.

Собственно, это еще не являлось гарантией того, что журналисту известно, где находятся Саландер и ребенок. Но чем дальше, тем больше появлялось признаков того, что теория может оказаться верна, а Кире в любом случае явно не требовалось стопроцентных доказательств. Ей хотелось напасть на Блумквиста. За неимением самого Микаэля, она хотела напасть на кого-нибудь другого из журнала, но, главным образом, с близкой к одержимости целеустремленностью рвалась выследить женщину с ребенком.

Уже одно это должно бы было заставить их почуять неладное. Правда, Яну все равно оставалось только испытывать благодарность. Всех нюансов Кириных мотивов он, вероятно, не понимал, но убить ребенка они собирались в первую очередь ради него – и на том спасибо. Кира с таким же успехом могла пожертвовать Хольцером. Однако она предпочла пойти на значительный риск, чтобы сохранить его, и это радовало Яна, действительно радовало, хотя в данный момент, в машине, он ощущал главным образом неприязнь.

Хольцер пытался черпать силы в Ольге. Что бы ни случилось, нельзя допустить, чтобы она, проснувшись, увидела во всех газетах рисунок с изображением отца, и он раз за разом уговаривал себя, что пока им везет и что самое страшное уже позади. Если только Андрей Зандер выдал правильный адрес, задание должно оказаться легким. У них трое вооруженных до зубов мужчин… четверо, если считать Юрия, который, конечно, по обыкновению, в основном занимался компьютером. На их стороне Ян, Юрий, Орлов и Деннис Уилтон – бандит, который раньше принадлежал к «Свавельшё МК», а теперь регулярно оказывал Кире услуги и помогал им с планированием в Швеции. Трое или четверо тренированных

мужчин плюс Кира, а противостояла им только одна-единственная женщина, которая, вероятно, спит, и к тому же должна защитить ребенка. Никаких проблем не предвиделось. Они смогут быстро напасть, закончить работу и покинуть страну. Но Кира все равно не унималась. Она почти с маниакальной настойчивостью повторяла:

– Вы не должны недооценивать Саландер!

Она сказала это столько раз, что даже Юрий, обычно во всем с ней соглашавшийся, начал раздражаться. Конечно, Ян на Свеавэген тоже видел, что эта девица, похоже, тренированная, быстрая и бесстрашная. Но по словам Киры получалось, что она прямо-таки какая-то супервумэн. Даже смешно. Ян никогда не встречал женщины, которая в бою могла бы хоть в чем-то сравниться с ним или даже с Орловым. Тем не менее он пообещал проявлять осторожность. Обещал сначала подняться наверх, произвести рекогносцировку местности и выработать стратегию, план. Им нельзя торопиться, нельзя угодить в какую-нибудь ловушку. Ян раз за разом подтверждал это и, когда они наконец остановились возле маленького залива, рядом с горным склоном и заброшенной лодочной пристанью, незамедлительно взял командование на себя. Он велел остальным приготовиться, укрывшись в машине, пока он сам пойдет вперед, чтобы узнать, где находится дом. Разыскать его явно было не слишком легко.

Ян Хольцер любил раннее утро. Ему нравилась тишина и переходное ощущение в воздухе, и сейчас он шел, чуть согнувшись и прислушиваясь. Его окружала надежная темнота – не было видно ни души, ни единой горящей лампы. Миновав лодочную пристань и обогнув горный склон, он подошел к деревянному забору и шаткой калитке, рядом с елью и разросшимся кустом шиповника. Открыл калитку и двинулся вверх по крутой деревянной лестнице с перилами по правой стороне. Вскоре Хольцер заподозрил, что дом находится наверху.

Дом скрывали сосны и осины, свет в нем не горел, с южной стороны имелась терраса, а за нею – стеклянная дверь, которую легко преодолеть. При первом взгляде никаких особых сложностей Ян не увидел. Им не составит труда ворваться внутрь через стеклянную дверь и обезвредить врага. Никаких проблем быть не должно. Он отметил, что двигается почти беззвучно, и на мгновение задумался, не лучше ли ему завершить работу самому. Пожалуй, это даже его моральный долг. Он один поставил их в такую ситуацию. И разбираться с ней ему тоже следует одному. Работа представлялась ему не сложнее той, что он уже выполнял, – даже наоборот. Здесь явно нет полицейских, как у Бальдера, никаких охранников или даже

признаков сигнализации. Правда, он не взял с собой автомат, но его и не требуется. Автоматы были полным излишеством, плодом разгоряченного воображения Киры. У него есть пистолет «Ремингтон», и этого вполне достаточно.

Внезапно – без обычного тщательного планирования – Хольцер рванул вперед, эффективный, как всегда. Он быстро-быстро начал перемещаться вдоль короткой стороны дома к террасе и стеклянной двери. Но вдруг замер, поначалу не понимая, почему. Это могло быть все, что угодно: какой-то звук, движение, опасность, которую он подсознательно ощутил… Ян быстро поднял взгляд к четырехугольному окну. Увидеть, что там внутри, отсюда он не мог. Тем не менее застыл на месте, с нарастающей неуверенностью. Может, это не тот дом?

Ян решил подойти поближе и заглянуть, на всякий случай, и тут… он оцепенел в темноте. За ним наблюдают. Глаза, уже однажды смотревшие на него, уставились стеклянным взглядом в его сторону из-за круглого стола. Ему следовало действовать – добежать до террасы, молниеносно ворваться внутрь и выстрелить; ему следовало в полной мере ощутить инстинкт киллера. Но Хольцер опять засомневался, не в силах выхватить пистолет. Он словно терялся перед этим взглядом…

Возможно, Ян оставался бы в той же позиции еще несколько секунд, не сделай мальчик такого, на что, казалось, был мало способен. Он издал пронзительный крик, от которого, казалось, задребезжали стекла. Только тут Ян, сбросив оцепенение, помчался на террасу и, ни секунды не размышляя, ворвался в дом прямо сквозь стеклянную дверь и выстрелил. Выстрелил, как ему думалось, с большой точностью. Но он так и не успел увидеть, попал ли.

Похожая на тень фигура метнулась к нему с такой скоростью, что Хольцер даже не успел обернуться или занять выгодную позицию. Он точно помнил, что снова выстрелил и что кто-то выстрелил в ответ. Больше Ян ничего подумать не успел, поскольку в следующее мгновение ударился всем своим весом об пол, а поверх него свалилась молодая женщина с такой яростью в глазах, какую ему никогда видеть не доводилось. Он инстинктивно отреагировал с той же злостью – попытался снова выстрелить. Но женщина действовала, как дикое животное, и вот она уже сидит на нем, поднимает голову… Бац. Ян не успел понять, что произошло. Вероятно, он потерял сознание.

Когда он очнулся, во рту ощущался вкус крови, а под свитером было влажно и липко. Наверное, его ранили. Как раз в этот момент мимо него проходили мальчик и женщина, и он попытался схватить мальчика за ноги.

По крайней мере, ему так подумалось. Но, очевидно, его опять атаковали. Внезапно он ощутил острую нехватку воздуха.

Хольцер уже больше не понимал, что происходит. Знал только, что уничтожен и побежден. И кем? Какой-то девицей… Осознание этого стало частью его боли, когда он, закрыв глаза и тяжело дыша, лежал на полу среди осколков стекла и собственной крови и надеялся, что скоро все кончится. Но тут он вновь что-то уловил – голоса вдали. Когда он открыл глаза, то, к своему изумлению, увидел женщину. Она здесь. Разве она не ушла? Нет, она стояла прямо возле кухонного стола, на тонких мальчишеских ногах, и чем-то занималась. Тогда Ян напрягся изо всех сил, чтобы подняться. Своего пистолета он не нашел, но сумел принять сидячее положение – и тут же уловил, что в окне мелькнул Орлов. Хольцер опять попытался наброситься на нее. Но дальше этого дело не пошло.

Женщина взорвалась – так ему показалось. Она схватила несколько листов бумаги, с бешеной силой рванулась наружу и прямо с террасы плашмя бросилась вниз, в лес. Сразу вслед за этим в темноте затрещали выстрелы, и он пробормотал про себя, словно желая помочь: «Убейте этих сволочей!» На самом же деле помочь Ян уже больше ничем не мог. Ему с трудом удалось подняться на ноги, и он был даже не в силах интересоваться суматохой снаружи. Он лишь стоял, покачиваясь, думая о том, что Орлов с Уилтоном наверняка уложили женщину и ребенка, и, пытаясь радоваться этому, воспринимая это как реабилитацию.

Полностью поглощенный тем, чтобы держаться на ногах, Хольцер вяло покосился на стоявший перед ним стол. Там валялась масса мелков и листов бумаги, и Ян смотрел на них, ничего толком не понимая. Потом словно коготь вонзился ему в сердце. Он увидел самого себя – или, вернее, сперва увидел лишь злого человека, демона с бледным лицом, который поднял руку, чтобы убить. Лишь по прошествии нескольких секунд Хольцер сообразил, что демон – это он сам, и задрожал, охваченный ужасом. Однако оторвать взгляд от рисунка он не мог, рисунок словно гипнотически притягивал его.

Присмотревшись, Ян обнаружил, что там имеется не только какое-то уравнение – в самом низу; наверху небрежным, корявым почерком было написано:

Mailed to police 04.22![79]

Глава 27

Утро 24 ноября

Когда Арам Барзани из шведской оперативной группы в 04.52 утра вошел в дом Габриэллы Гране, он увидел огромного, одетого в черное, мужчину, лежащего на полу возле круглого обеденного стола.

Арам осторожно приблизился. Дом казался пустым, однако рисковать не хотелось. Совсем недавно им сообщили, что здесь, наверху, ведется интенсивная стрельба, а снаружи, с уступов скал доносились возбужденные крики коллег.

– Здесь! – кричали они. – Здесь!

Арам не понимал, к чему это относилось, и на мгновение засомневался: бежать ли ему к ним? Наконец он решил остаться здесь и посмотреть, в каком состоянии находится мужчина на полу. Вокруг него были осколки стекла и кровь. На столе кто-то разорвал в клочки лист бумаги и растер в порошок несколько мелков. Мужчина лежал на спине и слабым движением руки крестился. Теперь он что-то забормотал – очевидно, молитву. Язык напоминал русский, Арам уловил слово «Ольга» и сказал мужчине, что медики уже едут.

– *They were sisters*[80], – ответил мужчина.

Но это было произнесено так растерянно, что Арам не придал его словам значения. Вместо этого он обыскал его одежду, констатировав, что мужчина безоружен и, по всей видимости, ранен в живот. Свитер у него намок от крови, и выглядел мужчина подозрительно бледным. Арам спросил, что случилось. Сперва ответа не последовало. Затем мужчина прошипел еще одно странное предложение по-английски.

– *My soul was captured in a drawing*[81], – произнес он, казалось, начиная терять сознание.

Арам постоял еще несколько минут, чтобы убедиться, что мужчина не сможет создать им проблем. Но услышав, что персонал «Скорой помощи» уже на подходе, он оставил мужчину и вышел на скалы. Ему хотелось узнать, о чем кричали коллеги.

Снег продолжал валить, было скользко и холодно. Из расположенной пониже долины доносились голоса и звук моторов подъезжавших машин. Было по-прежнему темно и плохо видно, повсюду лежали камни и торчали ветки хвойных деревьев. Колоритный ландшафт, да и спуск с горы крутой.

Воевать на такой местности явно нелегко, и Арама охватили недобрые предчувствия. Ему показалось, что стало удивительно тихо, и он не понимал, куда подевались коллеги.

Однако они стояли неподалеку, прямо возле обрыва, за большой, бурно разросшейся осиной. Обнаружив их, Арам вздрогнул. Это было на него не похоже, но он испугался, увидев, что они устремили в землю серьезные взгляды. Что там такое? Неужели мальчик-аутист мертв?

Арам медленно пошел вперед, думая о собственных детях; им уже шесть и девять лет, и они помешаны на футболе. Ничем больше не занимаются и ни о чем другом не говорят. Их зовут Бьёрн и Андерс. Они с Дильван дали сыновьям шведские имена, посчитав, что это поможет им в жизни… Что же это за люди такие, которые отправляются сюда, чтобы убить ребенка? Его охватила внезапная ярость, и он покричал коллегам. В следующее мгновение полицейский вздохнул с облегчением.

На земле лежал не мальчик, а двое мужчин, тоже явно раненных в область живота. Один из них – здоровенный, жестокого вида тип со щербатой кожей и приплюснутым боксерским носом – попытался встать, но его быстро уложили обратно. В лице поверженного читалось унижение. Правая рука у него дрожала от боли – или от злости. Второй мужчина, в кожаной куртке и завязанными хвостом волосами, похоже, чувствовал себя хуже. Он лежал неподвижно, потрясенно уставившись в темное небо.

– Никаких следов ребенка? – спросил Арам.

– Никаких, – ответил его коллега Клас Линд.

– А женщины?

– Тоже.

Арам был не уверен, хороший ли это знак, и задал еще несколько вопросов. Но никто из коллег не имел отчетливого представления о том, что произошло. Точно известно было только то, что метрах в тридцати-сорока ниже по склону обнаружили два автомата марки «Барретт REC7». Оружие посчитали принадлежавшим мужчинам. Но почему автоматы оказались там, оставалось неясным. Щербатый мужчина на этот вопрос выдал какой-то маловразумительный ответ.

В течение следующих пятнадцати минут Арам вместе с коллегами прочесывали местность, но не обнаружили ничего, кроме новых следов битвы. Тем временем прибывало все больше народу: медицинский персонал, инспектор уголовной полиции Соня Мудиг, пара-тройка криминалистов, множество полицейских, а также журналист Микаэль Блумквист и какой-то американец с коротко стриженными волосами и грузным телосложением, который сразу вызвал у всех непонятное

уважение. В 05.25 поступило сообщение, что на берегу, возле парковки, имеется свидетель, ожидающий допроса. Мужчина хотел, чтобы его называли КоГе[82]. На самом деле его звали Карл-Густав Матсон, и он совсем недавно приобрел новый дом на другой стороне залива. По словам Класа Линда, к мужчине следовало относиться с известной долей скептицизма.

– Старик несет небылицы, – сказал он.

Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг уже стояли на берегу и пытались понять, что произошло. Общая картина пока все еще оставалась слишком фрагментарной, и они надеялись, что свидетель КоГе Матсон внесет ясность в развитие событий.

Однако, увидев его идущим вдоль берега, они сильно засомневались в успехе. На голове у КоГе Матсона была ни больше ни меньше как тирольская шляпа. Одет он был в зеленые клетчатые брюки и красную куртку фирмы «Канада гуз» и носил замысловатые усы. По его виду казалось, что он намерен шутить.

– КоГе Матсон? – спросила Соня Мудиг.

– Собственной персоной, – ответил мужчина.

После чего он, без всяких просьб – возможно, понимая, что надо повысить к себе доверие, – сообщил, что владеет книжным издательством «Тру краймс», которое издает правдивые рассказы об известных преступлениях.

– Отлично. Но на этот раз нам нужны правдивые свидетельские показания, а не какая-нибудь реклама готовящейся к изданию книги, – на всякий случай предупредила Мудиг.

На это КоГе Матсон ответил, что, разумеется, все понимает, поскольку «человек серьезный». Далее рассказал, что проснулся до нелепого рано, лежал и слушал «тишину и спокойствие». Но непосредственно перед половиной пятого он услышал нечто такое, что незамедлительно определил как выстрел из пистолета. Тогда он поспешно оделся и вышел на террасу, с которой видны пляж, гора и парковка, где они сейчас стоят.

– И что вы увидели?

– Ничего. Стояла зловещая тишина. Потом воздух взорвался. Послышались такие звуки, будто началась война.

– Вы слышали стрельбу?

– Громыхало с горы на другой стороне залива, и я пораженно уставился туда, и тогда… я сказал, что я орнитолог?

– Нет.

– Понимаете, это натренировало мне зрение. У меня прямо-таки соколиные глаза. Я привык фиксировать детали на дальнем расстоянии, поэтому обратил внимание на маленькую точку на уступе скалы там, наверху, видите его? Уступ как бы вдается в гору, точно карман.

Соня посмотрела вверх по склону и кивнула.

– Поначалу я никак не мог сообразить, что это, – продолжал КоГе Матсон. – Но потом понял, что это ребенок, мальчик, как мне думается. Он сидел там наверху и трясся – по крайней мере, я представлял себе это так, – и вдруг… Господи, я этого никогда не забуду.

– Чего?

– Сверху кто-то выскочил, молодая женщина… она бросилась прямо вперед и приземлилась на горный уступ с такой страшной силой, что чуть не свалилась вниз; а потом они сидели там вместе, она и мальчик, и просто ждали, ждали неизбежного, а затем…

– Да?

– Появились двое мужчин с автоматами в руках, и всё стреляли и стреляли, и, сами понимаете, я бросился на пол – испугался, что в меня попадут. Но я все-таки не мог удержаться от того, чтобы посматривать туда. Знаете, с моей стороны мальчика и женщину было видно прекрасно. Но от мужчин наверху они были скрыты – по крайней мере, пока. Однако я понимал, что это лишь вопрос времени, их наверняка обнаружат, а деваться им некуда. Стоит им покинуть уступ, как мужчины увидят их и убьют. Ситуация казалась безнадежной.

– Тем не менее мы не нашли там ни мальчика, ни женщины, – сказала Соня.

– Именно что! Мужчины подходили все ближе, и под конец на уступе, наверное, даже слышалось их дыхание. Они стояли так близко, что им достаточно было наклониться вперед, чтобы увидеть женщину с ребенком. Но тут…

– Да?

– Вы не поверите! Тот парень из оперативной группы мне явно не поверил…

– Лучше рассказывайте, а достоверность мы обсудим потом.

– Когда мужчины остановились, чтобы прислушаться, или просто заподозрив, что их цель поблизости, в этот самый миг женщина рывком поднялась и застрелила их. Пиф, паф! Затем подскочила и сбросила их оружие с горы. Действовала она безумно круто, как в боевике, а потом побежала, или, вернее, помчалась вместе с мальчиком, перекатываясь и падая, к стоявшей на парковке машине «БМВ». Перед тем, как они залезли

в машину, я заметил, что женщина что-то держала в руке, сумку или компьютер.

– Значит, они уехали на «БМВ»?

– С дикой скоростью. Куда, я не знаю.

– Хорошо.

– Но это еще не конец.

– Что вы имеете в виду?

– Там стояла еще одна машина, думаю, «Лендровер», высокая машина, черная, новой модели.

– Что произошло с ней?

– Я о ней, честно говоря, не думал; а потом, я был полностью занят тем, что звонил в колл-центр. Но когда я как раз собирался положить трубку, увидел, что вон с той деревянной лестницы спускаются два человека, высокий худой мужчина и женщина, и хорошо рассмотреть их я, конечно, не сумел. Они были слишком далеко. Тем не менее две вещи об этой женщине я сказать могу.

– Что именно?

– Она была прямо как королева, и очень злая.

– Как королева – в смысле, красивая?

– Во всяком случае, эффектная, яркая. Это было видно издалека. А еще она была в ярости. Перед тем, как сесть в «Лендровер», она влепила мужчине пощечину, и, что самое странное, парень почти не отреагировал. Он просто кивнул, будто считал, что заслужил. Потом они уехали. За рулем сидел мужчина.

Соня Мудиг все записала и поняла, что должна как можно скорее объявить «БМВ» и «Лендровер» в общегосударственный розыск.

Габриэлла Гране пила капучино на кухне у себя дома, на Виллагатан, и чувствовала себя все-таки довольно собранной. Но, вероятно, она просто пребывала в шоке.

Хелена Крафт вызвала ее для разговора к себе в кабинет к восьми утра. Габриэлла догадывалась, что ее не просто выгонят. Будут еще правовые последствия, и тем самым она практически лишится возможности найти другую работу. Ее карьера закончится в возрасте тридцати трех лет.

Однако это было далеко не самое худшее. Габриэлла знала, что пренебрегла буквой закона и сознательно пошла на риск. Но поступила она так, поскольку думала, что это лучший способ защитить сына Франса Бальдера. А теперь, после яростной стрельбы у нее на даче, никто, похоже,

не знал, где находится мальчик. Возможно, он тяжело ранен или мертв. Душа Габриэллы разрывалась на части от чувства вины – сперва отец, потом сын…

Она встала и посмотрела на часы: четверть восьмого. Габриэлла хотела выйти пораньше, чтобы успеть до встречи с Хеленой немного почистить ящики своего письменного стола. Она решила держаться достойно, не извиняться и не умолять, чтобы ее оставили. Она собиралась быть сильной или, по крайней мере, такой казаться. У нее зазвонил «Блэкфон». Сил отвечать не было. Габриэлла надела сапоги, пальто от «Прада» и экстравагантный красный шарф. Ей подумалось, что погибать тоже надо красиво, поэтому она встала перед висевшим в прихожей зеркалом и принялась подправлять макияж. С юмором висельника Габриэлла сделала пальцами V-образный жест, как Никсон перед своим уходом. Тут «Блэкфон» снова зазвонил, и на этот раз она нехотя ответила. Это оказалась Алона Касалес из АНБ.

– Я уже слышала, – сказала она.

Естественно, слышала.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Алона.

– А как ты думаешь?

– Ты ощущаешь себя самым худшим человеком на свете.

– Приблизительно так.

– Которого больше никогда опять не возьмут на работу.

– В точку, Алона.

– Тогда могу тебе сообщить, что тебе нечего стыдиться. Ты действовала совершенно правильно.

– Ты надо мной издеваешься?

– Не самое подходящее время для шуток, душенька. У вас имелась «подсадная утка».

Габриэлла вдохнула поглубже.

– Кто это?

– Мортен Нильсен.

Габриэлла оцепенела.

– У вас есть доказательства?

– О, да! Через несколько минут я тебе все перешлю.

– Зачем Мортену понадобилось предавать нас?

– Подозреваю, что он не рассматривал это как предательство.

– А как же он это рассматривал?

– Возможно, как сотрудничество с Большим Братом, как долг по отношению к ведущей нации свободных стран, откуда мне знать…

– Значит, он снабжал вас информацией?

– Он скорее следил за тем, чтобы мы могли снабжать себя сами. Поставлял нам сведения о ваших серверах и шифрах, и в нормальной ситуации это было бы не хуже всего остального дерьма, которым мы занимаемся. Мы ведь прослушиваем всё – от сплетен соседей до телефонных разговоров премьер-министра.

– А сейчас утечка пошла дальше?

– Сейчас просочилось – будто мы какая-то воронка. Я знаю, Габриэлла, что ты действовала не совсем по уставу, но с моральной точки зрения ты поступила правильно, я в этом уверена, и обязательно прослежу за тем, чтобы довести это до сведения твоих начальников. Ты понимала, что в вашей организации что-то прогнило, и поэтому не могла действовать внутри ее, но тебе все-таки не хотелось уклоняться от ответственности.

– И тем не менее получилось плохо…

– Иногда получается плохо, как тщательно ты все ни просчитываешь.

– Спасибо за добрые слова, Алона. Но я все равно никогда не прощу себе, если с Августом Бальдером что-нибудь случится.

– Габриэлла, с мальчиком все в порядке. Он сейчас едет на машине в засекреченном направлении, с юной фрёкен Саландер, на случай если кому-нибудь вздумается продолжить за ними погоню.

Габриэлла, казалось, не поняла.

– Что ты имеешь в виду?

– Что он невредим, душенька, и благодаря ему убийца его отца пойман и опознан.

– То есть ты хочешь сказать, что Август Бальдер жив?

– Именно это я и хочу сказать.

– Откуда ты знаешь?

– У меня есть источник… можно сказать, очень удачно стратегически расположенный.

– Алона…

– Да?

– Если то, что ты говоришь, правда, то ты вернула мне жизнь.

Закончив разговор, Габриэлла Гране позвонила Хелене Крафт и настояла на том, чтобы на их встрече присутствовал Мортен Нильсен. Начальница хоть и неохотно, но согласилась.

В половине восьмого утра Эд Нидхэм и Микаэль Блумквист спускались по лестнице от дома Габриэллы Гране к стоявшей на парковке у пляжа машине «Ауди». Все вокруг было покрыто снегом, оба мужчины молчали.

В половине шестого Микаэль получил от Лисбет сообщение – такое же краткое, как и всегда:

Август невредим. Мы ненадолго спрячемся.

Лисбет опять ничего не написала о собственном состоянии. Но известие о мальчике все равно принесло колоссальное успокоение.

После этого Микаэля долго допрашивали Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг, и он подробно рассказал о том, как действовали в последние дни он сам и журнал. К нему отнеслись без излишней благосклонности. Тем не менее у него сложилось впечатление, что они его в какой-то степени поняли.

Теперь, часом позже, Блумквист шел вдоль лодочной пристани и склона. Чуть поодаль скрылась в лесу косуля. Журналист уселся на водительское место и ждал, пока подойдет на несколько метров отставший Эд. У американца явно болела спина.

На выезде к местечку Брюнн они неожиданно попали в пробку. В течение нескольких минут вообще не двигались, и Микаэль подумал про Андрея. Собственно, он и не переставал о нем думать. Андрей по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

– Включи какую-нибудь крикливую радиостанцию, – попросил Эд.

Микаэль настроил частоту 107.1 и сразу же услышал Джеймса Брауна, который вопил о том, как он неутомим в сексе.

– Дай мне свои телефоны, – продолжил Эд.

Получив телефоны, он положил их сзади, возле самых усилителей. Очевидно, Нидхэм собирался рассказать что-то деликатное, и Микаэль, конечно, ничего не имел против. Ему предстояло писать репортаж, и он нуждался во всех фактах, какие только мог добыть. Однако он лучше большинства других знал о том, что, занимаясь журналистскими расследованиями, человек всегда рискует стать орудием для защиты интересов одной из сторон.

Никто не выдает информации, не имея собственного плана. Иногда мотивом является нечто благородное, например, чувство справедливости, желание указать на коррупцию или насилие. Но чаще всего речь идет о борьбе за власть – о том, чтобы потопить противника и усилить собственную позицию. Поэтому репортеру никогда нельзя забывать о вопросе: «Зачем мне это рассказывают?»

Конечно, можно согласиться на роль пешки в чьей-то игре – во всяком случае, в какой-то мере. Любое разоблачение неизбежно кого-то ослабляет, тем самым усиливая влияние других. Каждый поверженный властитель быстро заменяется другим, который совсем не обязательно будет лучше. Но

если журналист становится частью этого, ему или ей надо непременно понимать предпосылки и знать, что победителем из борьбы выйдет не только одно-единственное действующее лицо. Победителями должны также становиться свобода слова и демократия. Даже если сведения выдаются исключительно из корыстных побуждений – из алчности или из жажды власти, – это все равно может приводить к чему-то хорошему: к тому, что какие-то нарушения вытаскиваются на свет и исправляются. Журналист просто должен понимать стоящие за этим механизмы – и в каждой строчке, в каждом вопросе, в каждой проверке фактов биться за собственные нравственные принципы. И хотя Микаэль ощущал известное родство душ с Эдом Нидхэмом и даже симпатизировал его угрюмому шарму, он ни на секунду ему не доверял.

– Выкладывай, – сказал Блумквист.

– Можно сказать так, – начал Эд. – Существует некая разновидность знаний, которая легче других провоцирует действие.

– Та, что дает деньги?

– Именно. Мы знаем, что в экономике почти всегда кто-нибудь норовит воспользоваться инсайдерской информацией. Даже притом что кое-кто попадается, до обнародования предприятием положительных новостей курсы постоянно растут. Кто-нибудь всегда пользуется случаем и покупает.

– Верно.

– В мире спецслужб мы долгое время были от этого благополучно избавлены по той простой причине, что тайны, которыми мы владели, имели другую природу. Взрывоопасное вещество находилось в другом месте. Но после окончания «холодной войны» многое изменилось. Промышленный шпионаж вышел на новые позиции. Вообще шпионаж и наблюдение за людьми и предприятиями вышли на передний план, и сегодня мы неизбежно владеем массой материала, на котором можно разбогатеть, иногда быстро.

– И ты хочешь сказать, что этим пользуются?

– Сама основополагающая идея заключается в том, что это должно использоваться. Мы занимаемся промышленным шпионажем, чтобы помогать собственной промышленности – создавать нашим концернам преимущество, информировать их о сильных и слабых сторонах конкурентов. Промышленный шпионаж является частью патриотического задания. Однако, как и вся разведывательная деятельность, он пребывает в «серой зоне». А когда помощь переходит в нечто откровенно преступное?

– Действительно, когда?

– Вот то-то и оно. Здесь, несомненно, произошла некая нормализация. То, что несколько десятилетий назад считалось преступным или аморальным, сегодня признается комильфо. С помощью адвокатов кражи и жестокости признаются законными, и должен, пожалуй, признаться, что в АНБ действуют ненамного лучше, а возможно, даже…

– Хуже.

– Спокойно, спокойно, дай мне договорить, – продолжил Эд. – Я бы сказал, что определенная мораль у нас все-таки есть. Но мы – большая организация с десятками тысяч сотрудников, и у нас неизбежно встречаются негодяи; есть даже несколько высокопоставленных негодяев, которых я, собственно, и собирался тебе сдать.

– Разумеется, исключительно из благородных побуждений, – уточнил Микаэль с легким сарказмом.

– Ха, ну, возможно, не совсем… Но послушай-ка. Когда у нас несколько высокопоставленных лиц во всех отношениях переходят грань преступного, что, по-твоему, происходит?

– Ничего хорошего.

– Они становятся серьезными конкурентами организованной преступности.

– Государство и мафия всегда состязались на одной арене.

– Конечно, конечно, оба вершат собственное правосудие, продают наркотики, предоставляют людям охрану и даже убивают, как в нашем случае. Но настоящая проблема возникает тогда, когда они начинают сотрудничать в какой-то области.

– И такое произошло?

– К сожалению, да. В «Солифоне», как тебе известно, существует квалифицированный отдел, руководимый Зигмундом Экервальдом, который занимается сбором сведений о том, чем занимаются высокотехнологичные конкуренты.

– Не только.

– Да, еще они воруют и продают то, что воруют, и это, разумеется, очень плохо для «Солифона» и, возможно, даже для всей биржи «Насдак».

– Но и для вас тоже.

– Именно, поскольку оказалось, что наши сомнительные парни – два больших начальника из отдела промышленного шпионажа; их, кстати, зовут Джоаким Баркли и Брайан Эббот. Я потом дам тебе все детали. Эти парни и их подручные пользуются помощью Экервальда и его команды и, в свою очередь, помогают им с масштабной прослушкой. «Солифон» указывает, где находятся главные инновации, а наши проклятые идиоты

добывают чертежи и технические детали.

– А вырученные деньги не всегда попадают в государственную казну…

– Все обстоит еще хуже, приятель. Если ты занимаешься такими делами, будучи государственным служащим, то становишься очень уязвимым, особенно поскольку Экервальд с командой еще помогают злостным преступникам… или, вернее, поначалу они, вероятно, не знали о том, что те злостные преступники.

– Но они были преступниками?

– О, да, и к тому же не идиотами. У них имелись хакеры такого уровня, что я мог бы только мечтать их нанять, а самой их профессией было использование информации. Так что можешь представить, что произошло: когда они поняли, чем занимаются наши парни из АНБ, они обнаружили золотое дно.

– В удобной для шантажа ситуации?

– Представляешь, какое это преимущество! И они, конечно, используют его по максимуму. Наши ребята ведь воровали не только у крупных концернов. Они еще грабили мелкие семейные предприятия и новаторов-одиночек, которые борются за выживание. Было бы очень некрасиво, если б это вышло наружу, поэтому возникает достойная крайнего сожаления ситуация, когда наши парни понимают, что вынуждены помогать не только Экервальду с командой, но и преступникам.

– Ты имеешь в виду «Пауков»?

– Именно. И какое-то время все стороны, наверное, остаются довольны. У них получается большой бизнес, и у всех денег куры не клюют. Но вот в действие вступает маленький гений, некий профессор Бальдер, и начинает разнюхивать с той же компетентностью, какая свойственна ему во всем, за что он берется; поэтому он узнает об их деятельности – по крайней мере, частично. Тут все, ясное дело, страшно пугаются и осознают, что надо что-то делать. Как именно происходило принятие решения, я точно не знаю. Однако, предполагаю, наши парни надеялись, что будет достаточно юридических мер, шумихи и угроз со стороны адвокатов. Но не тут-то было – ведь они повязаны с бандитами. «Пауки» же предпочитают насилие. На какой-то поздней стадии они посвятили наших парней в свои планы, чтобы привязать их к себе еще теснее.

– Господи!

– Именно. Но это всего лишь маленький гнойник на теле нашей организации. Мы проанализировали остальную деятельность, и она…

– Наверняка является чудом высокой морали, – резко сказал Микаэль. – Но мне на это наплевать. Мы здесь говорим о людях, которые не остановятся ни перед чем.

– Насилие обладает собственной логикой. Начатое необходимо завершать. Но знаешь, что в этой истории забавно?

– Не вижу ничего забавного.

– Ну, тогда парадоксально. Я ничего не узнал бы об этом, если б к нам во внутреннюю сеть не внедрился хакер.

– Еще одна причина оставить хакера в покое.

– Я оставлю, пусть она только расскажет, как действовала.

– Почему это так важно?

– Ни один гад больше не сможет взломать мою систему. Я хочу точно знать, как действовала Оса, и принять меры. Потом я оставлю ее в покое.

– Не знаю, насколько можно верить твоим обещаниям… Но меня интересует кое-что другое, – продолжил Микаэль.

– Выкладывай.

– Ты назвал двух парней, Баркли и Эббота, если не ошибаюсь. Ты уверен, что на них все заканчивается? Кто начальник отдела промышленного шпионажа? Наверняка кто-нибудь из ваших шишек, не так ли?

– К сожалению, я не могу назвать его имя. Оно засекречено.

– Значит, мне придется с этим смириться.

– Придется, – неколебимо заявил Эд, и в этот момент Микаэль заметил, что пробка рассосалась.

Глава 28

Вторая половина дня 24 ноября

Профессор Чарльз Эдельман стоял на парковке Каролинского института и размышлял над тем, какого черта он согласился. Он сам толком этого не понимал, да и нельзя сказать, чтобы у него имелось свободное время. Однако он только что согласился заняться делом, из-за которого ему пришлось отменить целый ряд встреч, лекций и конференций.

Тем не менее профессор почему-то пребывал в приподнятом настроении. Он был очарован не только мальчиком, но и молодой женщиной, которая выглядела так, будто приехала прямо после драки в переулке, но при этом управляла новеньким «БМВ» и говорила с непререкаемым авторитетом. Почти не сознавая, что делает, он отвечал на ее вопросы «да, ладно, почему бы и нет?», хотя это явно было неразумно и поспешно, и проявил лишь капельку независимости, отказавшись от всякого вознаграждения. Даже сказал, что сам будет оплачивать дорогу и гостиницу. Вероятно, он испытывал чувство вины. Конечно, его переполняла доброжелательность по отношению к мальчику, но, что еще важнее, у него проснулось научное любопытство. Савант, способный одновременно рисовать с фотографической точностью и факторизовать натуральные числа – это его глубоко восхитило, и, к собственному удивлению, он решил даже плюнуть на Нобелевский банкет. Эта молодая женщина просто лишила его рассудка.

Ханна Бальдер сидела на кухне, на Торсгатан, и курила. Казалось, будто она в последние дни почти только и делала, что сидела здесь и дымила с ощущением кома в желудке. Правда, ей усиленно оказывали поддержку и помощь. Но это не играло особой роли, поскольку ее также необычайно часто били. Лассе Вестман не переносил ее волнения – вероятно, оно лишало его возможности в полной мере терзаться самому. Он постоянно взрывался и кричал: «Неужели ты не можешь даже уследить за собственным сыном?» – и частенько распускал руки или швырял ее через всю квартиру, точно тряпичную куклу. Сейчас он наверняка тоже взбесится – она неосторожным движением пролила кофе на посвященные культуре страницы газеты «Дагенс нюхетер», а Лассе только что ругался по поводу напечатанной там театральной рецензии, сочтя ее слишком доброжелательной по отношению к нескольким коллегам, которых не

любил.

– Что ты, черт побери, наделала? – зашипел он.

– Извини, – поспешно сказала она. – Я сейчас вытру.

По уголкам его рта Ханна видела, что этого недостаточно. Она поняла, что он ударит ее, еще до того, как он сам осознал это, и поэтому настолько хорошо подготовилась к его пощечине, что не произнесла ни слова и даже не шевельнула головой. Просто почувствовала, как на глаза навернулись слезы и заколотилось сердце. Но дело было, собственно, не в ударе. Пощечина просто сыграла роль толчка. Утром ей позвонили и говорили настолько путано, что она почти ничего не поняла: Август найден, но опять исчез, и он, «по всей видимости», цел и невредим… «По всей видимости»… Ханна даже не понимала, стала меньше волноваться после этого известия или больше – тогда она была едва в силах слушать. И вот теперь время шло, а ничего не происходило, и никто, похоже, ничего нового не знал…

Внезапно Ханна встала, не заботясь о том, будут ее бить дальше или нет. Она пошла в гостиную, слыша за собой пыхтение Лассе. На полу по-прежнему лежали листы для рисования, на улице завывала сирена «Скорой помощи». Послышались шаги на лестнице. Кто-то идет сюда?… В дверь позвонили.

– Не открывай. Это опять какой-нибудь проклятый журналист, – прошипел Лассе.

Ханне тоже не хотелось открывать. Мысль о любых встречах вызывала у нее неприязнь. Тем не менее ей подумалось, что игнорировать звонок нельзя. Возможно, полиция хочет еще раз ее допросить, или вдруг они уже узнали что-то еще, хорошее или плохое… Она пошла к двери – и вспомнила Франса.

Ей вспомнилось, как он стоял на площадке лестницы и хотел забрать Августа. Она припомнила его глаза, и отсутствие бороды, и собственное желание вернуться к прежней жизни, до Лассе Вестмана, когда звонили телефоны и поступали предложения и когда страх еще не вонзил в нее свои когти. Затем она открыла дверь, не снимая предохранительной цепочки, и поначалу ничего не увидела – только лифт и рыжевато-коричневые стены. Потом ее словно током ударило, и в первое мгновение она почти отказывалась этому верить. Но перед нею действительно стоял Август! Волосы одним сплошным колтуном, одежда в грязи, на ногах слишком большие кроссовки – и тем не менее… Он смотрел на нее обычным серьезным, непостижимым взглядом. Ханна сорвала предохранительную цепочку и распахнула дверь. В общем-то, она не ожидала, что Август

появится один, но все равно вздрогнула. Рядом с мальчиком, уставившись в пол, стояла крутая молодая женщина в кожаной куртке, с царапинами на лице и землей в волосах. В руке она держала большую дорожную сумку.

– Я здесь для того, чтобы вернуть тебе сына, – сказала незнакомка, не поднимая глаз.

– Господи, – произнесла Ханна. – Господи!

Большего она выдавить из себя не смогла и несколько секунд стояла в дверях в полном оцепенении. Затем у нее затряслись плечи. Она опустилась на колени, совершенно не думая о том, что Август ненавидит объятия. Затем обняла его, бормоча: «Мальчик мой, мальчик мой», – пока у нее не полились слезы. И, самое странное, Август не только не сопротивлялся – он, похоже, даже собирался что-то сказать, как будто в довершение ко всему научился разговаривать. Но не успел. В дверях возник Лассе Вестман.

– Какого черта… так он здесь? – прошипел он с таким видом, будто собирается продолжить драться.

Внезапно Вестман приосанился. В каком-то смысле это было прекрасной демонстрацией актерского мастерства. За одну секунду он начал блистать великосветскими манерами, обычно производившими впечатление на женщин.

– К тому же парня доставили нам прямо к дверям, – продолжил он. – Уж куда роскошней! Он хорошо себя чувствует?

– Он в порядке, – удивительно монотонным голосом ответила стоявшая в дверях женщина и, не спрашивая разрешения, вошла в квартиру со своей большой сумкой и в перепачканных глиной сапогах.

– Конечно, заходите, – кисло произнес мужчина. – Не стесняйтесь.

– Я здесь для того, чтобы помочь тебе собрать вещи, Лассе, – проговорила женщина тем же ледяным голосом.

Однако реплика была настолько странной, что Ханна не усомнилась в том, что ослышалась, и Лассе явно тоже не понял. Он просто разинул рот с глупым выражением лица.

– Что ты говоришь? – переспросил он.

– Ты переезжаешь.

– Ты пытаешься шутить?

– Отнюдь. Ты должен сейчас же убраться из этого дома и никогда больше не приближаться к Августу. Ты видишь его в последний раз.

– Так ты действительно чокнутая!

– Напротив, я на удивление щедра. Я собиралась просто спустить тебя с лестницы и причинить тебе очень большой вред. Но сейчас у меня с

собою сумка. Я решила позволить тебе упаковать немного рубашек и трусов.

– Что ты за уродина такая? – прошипел Лассе изумленно и вместе с тем яростно.

Он двинулся к женщине с угрожающим видом, и Ханна на секунду или две задумалась, не изобьет ли он ее тоже.

Однако что-то заставило его заколебаться. Возможно, глаза женщины или то простое обстоятельство, что она не отреагировала, как другие. Вместо того чтобы с испуганным видом отступить, она просто холодно улыбнулась, достала из внутреннего кармана несколько помятых листов бумаги и протянула их Лассе.

– Если вы с твоим дружком Рогером начнете скучать по Августу, то всегда сможете посмотреть на это и вспомнить, – сказала она.

Лассе явно был обескуражен ее действиями. Растерянно полистав бумаги, он весь скривился, и тогда Ханна не удержалась и тоже взглянула. Это были рисунки, и верхний изображал… Лассе, который с безумно злым видом размахивал кулаками…

Задним числом она едва ли смогла бы объяснить то, что произошло потом. Дело было не только в том, что Ханна поняла, *что* происходило, когда Август оставался один с Лассе и Рогером. Она еще увидела собственную жизнь. Увидела ее более ясно и трезво, чем на протяжении многих лет. Именно с таким, искаженным от ярости лицом Лассе Вестман смотрел на нее сотни раз, причем в последний раз с минуту назад, и она осознала, что такого терпеть не должен никто – ни она, ни Август, – и отпрянула. Во всяком случае, ей показалось, что она отпрянула, поскольку женщина посмотрела на нее с каким-то новым вниманием, и Ханна покосилась в ответ, хотя назвать это более близким контактом было бы преувеличением. Но в одном отношении они, вероятно, друг друга поняли.

– Он должен убраться, не так ли, Ханна? – спросила женщина.

Вопрос был страшно опасным, и она опустила глаза на кроссовки Августа.

– Что это на нем за кроссовки?

– Мои.

– Почему?

– Утром мы очень спешили.

– А что вы делали?

– Прятались.

– Я не понимаю… – начала она, но больше ничего сказать не успела. Лассе яростно дернул ее за руку.

– Не объяснишь ли ты этой психопатке, что единственный, кто должен убраться отсюда, это она?! – заорал он.

– Ну да, – произнесла Ханна.

– Тогда давай!

Но затем… Она толком не могла этого объяснить. Возможно, это было связано с выражением лица Лассе или с ощущением неколебимости в теле и ледяных глазах молодой женщины. Внезапно Ханна услышала, как говорит:

– Убирайся, Лассе! И никогда больше не возвращайся!

Она едва могла поверить, что это правда. Ей казалось, будто в ней говорит кто-то другой.

А дальше все произошло очень быстро. Лассе поднял руку, чтобы ударить ее. Но удара не последовало – от него. Молодая женщина среагировала с молниеносной быстротой и дважды или трижды двинула его в лицо, как тренированный боксер, а потом подсекла его ударом по ногам.

– Какого черта! – только и успел выкрикнуть он, после чего рухнул на пол, а молодая женщина поставила на него ногу.

Потом Ханна будет раз за разом вспоминать то, что в эту минуту сказала Лисбет Саландер. Этими словами ей словно бы вернули какую-то часть ее самой, и она поняла, насколько сильно и долго желала изгнать Лассе Вестмана из своей жизни.

Бублански мечтал о встрече с раввином Гольдманом.

Он мечтал об апельсиновом шоколаде Сони Мудиг, о своей новой кровати и другом времени года. Но его назначили разбираться с этим расследованием, чем ему и предстояло заниматься. В одном отношении он, правда, был доволен. Ему сообщили, что Август Бальдер невредим и направляется домой к матери. Убийца его отца схвачен, благодаря именно мальчику и Лисбет Саландер, хотя еще неизвестно, выживет ли он. Этот тип тяжело ранен и находится в реанимации Дандерюдской больницы. Его зовут Борис Лебедев, но он уже давно живет по документам на имя Яна Хольцера, в Хельсинки. Он являлся майором и бывшим солдатом элитного подразделения Советской армии и раньше уже фигурировал в нескольких расследованиях убийств, но поймать его не удавалось. Официально Лебедев-Хольцер числился предпринимателем в охранной сфере и обладал двойным гражданством – финским и русским; по всей видимости, кто-то подправил его данные в компьютерном регистре.

Двух других мужчин, обнаруженных возле дома на Ингарё, тоже

идентифицировали по отпечаткам пальцев; это оказались Деннис Уилтон, бывший бандит из «Свавельшё МК», неоднократно сидевший за разбой и жестокое избиение, и Владимир Орлов – русский, осужденный в Германии за злостное сутенерство, чьи две жены умерли при злосчастных и подозрительных обстоятельствах. Никто из мужчин пока не сказал ни слова о случившемся, да и вообще ни о чем, и Бублански не питал особых надежд на то, что они заговорят позже. Подобные парни обычно бывают не слишком разговорчивы на полицейских допросах. С другой стороны, это входит в правила игры.

Действительно же не нравилось Яну ощущение, что мужчины являются только пехотинцами, а над ними имеется командование, и, очевидно, со связями в высших слоях общества, как в России, так и в США. Бублански ничего не имел против того, что один журналист знает о его деле больше его. В этом отношении он был неамбициозен. Ему хотелось только продвинуться в расследовании, и он с благодарностью принимал информацию, от кого бы она ни исходила. Однако глубокое проникновение в дело Микаэля Блумквиста напоминало ему об их собственных промахах, об утечке информации и опасности, которой они подвергли мальчика. Это всегда будет продолжать его бесить, и, возможно, именно поэтому Бублу так раздражало то, что руководитель СЭПО Хелена Крафт настоятельно хотела с ним связаться, да и не только Хелена Крафт. Этого же хотели айтишники из Государственной уголовной полиции, главный прокурор Рихард Экстрём и некий профессор из Института машинного интеллекта, из Стэнфорда, по имени Стивен Уорбертон, который, по словам Аманды Флуд, хотел поговорить о «значительной опасности».

Яна Бублански раздражало это – и тысяча других вещей. А тут еще к нему в кабинет постучали… Вошла Соня Мудиг, усталая и совершенно не накрашенная. В ее лице появилось что-то новое и обнаженное.

– Всех троих задержанных оперируют, – сообщила она. – Снова допрашивать их можно будет только через некоторое время.

– Ты имеешь в виду, пытаться допрашивать?

– Да, пожалуй. Но мне вообще-то удалось коротко переговорить с Лебедевым. Перед операцией он ненадолго пришел в сознание.

– И что он сказал?

– Что хочет поговорить со священником.

– Почему все психи и убийцы теперь так религиозны?

– Ты хочешь сказать, в то время как все разумные старые комиссары сомневаются в своем Боге?

– Ну ладно!..

– Но Лебедев, похоже, пребывает в отчаянии, а это, я считаю, добрый знак, – продолжила Соня. – Когда я показала ему рисунок, он лишь печально от него отмахнулся.

– Значит, он не пытался утверждать, что рисунок является вымыслом?

– Он просто закрыл глаза и начал говорить про священника.

– Ты поняла, чего хочет этот американский профессор, который все время названивает?

– Что… нет… Он настаивает на том, чтобы ему дали поговорить с тобой. Я думаю, речь идет об исследованиях Бальдера.

– А этот молодой журналист, Зандер?

– Я как раз хотела о нем поговорить. По-моему, дело плохо.

– Что нам известно?

– Что он засиделся на работе и поздно вечером скрылся в сторону подъемника Катаринахиссен с красивой женщиной, светло-рыжей или темно-русой, в дорогой эксклюзивной одежде.

– Этого я еще не слышал.

– Их видел один парень, пекарь из Скансена[83] по имени Кен Эклунд, который живет в одном доме с редакцией «Миллениума». Ему показалось, что они выглядели влюбленными – по крайней мере Зандер.

– Ты считаешь, что это могла быть какая-то наживка?

– Вполне возможно.

– А это не могла быть та же женщина, которую видели на Ингарё?

– Мы это проверяем. Но меня беспокоит то, что они, похоже, направлялись в Старый город.

– Понимаю.

– Не только потому, что мы засекли сигналы мобильного телефона Зандера в Старом городе. Орлов, эта тварь, которая плюет в меня, когда я пытаюсь его допрашивать, имеет квартиру в переулке Мортен-Тротсигс.

– Наши люди там уже побывали?

– Еще нет, но направляются туда. Мы об этом только что узнали. Квартира была записана на одну из его фирм.

– Тогда будем надеяться, что не найдем там чего-нибудь неприятного.

– Будем надеяться…

Лассе Вестман лежал на полу в прихожей на Торсгатан, не понимая, почему он так испугался. Ведь это всего лишь панк с пирсингом, девица, едва доходящая ему до груди. Казалось бы, ему ничего не стоило вышвырнуть ее, как мелкую крысу. Тем не менее он чувствовал себя парализованным и думал, что это вряд ли связано с тем, как девица умеет

драться, и еще меньше с ее ногой у него на животе. Дело было в чем-то другом, в чем-то более непонятном у нее во взгляде или во всем ее облике. Несколько минут он просто неподвижно лежал, как дурак, и слушал.

– Мне только что напомнили о том, – говорила она, – что в моей семье существует какой-то ужасный порок. Мы, похоже, способны на что угодно. На самые непостижимые жестокости. Возможно, это какая-то форма генетического нарушения. Лично у меня это проявляется по отношению к мужчинам, которые причиняют боль детям и женщинам, – я становлюсь просто смертельно опасной; и когда я увидела рисунок Августа с изображением тебя и Рогера, у меня возникло желание разобраться с тобой по-крупному. Об этом я могла бы говорить долго. Но сейчас я считаю, что Августу уже довелось пережить достаточно, поэтому существует маленькая возможность, что вы с другом отделаетесь немного полегче.

– Я… – начал Лассе.

– Молчи, – велела она. – Это не переговоры и не беседа. Я просто объявляю условия, и всё. С юридической точки зрения никаких проблем нет. У Франса хватило ума записать квартиру на Августа. В остальном условия таковы: ты собираешь вещи ровно за четыре минуты и убираешься отсюда. Если ты или Рогер вернетесь сюда или каким-то образом свяжетесь с Августом, я наврежу вам так сильно, что вы будете неспособны заниматься чем-нибудь приятным всю оставшуюся жизнь. Тем временем я подготовлю заявление в полицию о побоях, которым вы подвергали Августа – и тут у нас имеются не только рисунки, как ты знаешь. Существуют свидетельские показания психологов и специалистов. Я также предварительно свяжусь с вечерней прессой и расскажу, что обладаю материалом, который подтверждает и усугубляет представление, сложившееся о тебе в связи с избиением Ренаты Капусински. Что ты там сделал, Лассе? Кажется, ты откусил ей щеку и бил ее ногами по голове?

– Значит, ты собираешься обратиться в прессу?

– Я собираюсь обратиться в прессу. Я причиню тебе и твоему другу весь мыслимый вред. Но, возможно – я говорю, возможно, – вам удастся избежать самого страшного унижения, если вы больше никогда не появитесь поблизости от Ханны и Августа и никогда больше не причините вреда женщине. На вас мне, собственно говоря, наплевать. Я хочу только, чтобы Август и мы все больше никогда вас не видели. Поэтому ты исчезнешь, и если будешь вести себя прилежно, как робкий маленький боязливый монах, возможно, этого хватит. Я в этом сомневаюсь – частотность рецидивов избиения женщин велика, ты ведь знаешь, и по сути своей ты говнюк и подонок, – но если тебе немного повезет, то,

возможно… Ты понял?

– Я понял, – ответил Лассе, ненавидя себя за свои слова.

Но он не видел иной возможности, как согласиться и подчиниться, поэтому встал, пошел в спальню и быстро упаковал немного одежды. Затем взял пальто и свой телефон и вышел в дверь, не имея представления, куда ему идти.

Лассе чувствовал себя более жалким, чем за всю прежнюю жизнь. А на улице шел отвратительный дождь со снегом, налетевший на него сбоку.

Лисбет услышала, как хлопнула входная дверь в квартиру и стих звук спускавшихся по каменной лестнице шагов. Она посмотрела на Августа. Тот стоял неподвижно, вытянув руки по швам, и пристально смотрел на нее, что ее озадачило. Если только что она держала все под контролем, то сейчас вдруг почувствовала неуверенность. Да и что, скажите на милость, происходит с Ханной Бальдер? Она, казалось, вот-вот разрыдается. А Август… он в довершение всего начал качать головой и что-то неслышно бормотать, на этот раз не натуральные числа, а что-то совершенно другое. Лисбет больше всего хотелось удалиться, но она осталась. Ее задача еще не была выполнена до конца, поэтому Саландер достала из кармана два авиабилета, ваучер на гостиницу и толстую пачку купюр, крон и евро.

– Я хочу только от всей души… – начала Ханна.

– Молчи, – прервала ее Лисбет. – Вот авиабилеты до Мюнхена. Ваш самолет улетает сегодня вечером в четверть восьмого, поэтому надо спешить. Вам предоставят транспорт прямо до «Замка Эльмау» – это шикарный отель неподалеку от Гармиш-Партенкирхена. Вы будете жить в большом номере на самом верху, под фамилией Мюллер, и для начала останетесь там на три месяца. Я связалась с профессором Чарльзом Эдельманом и объяснила ему важность полной секретности. Он будет регулярно навещать вас и следить за тем, чтобы Август получал лечение и помощь. Эдельман организует также подходящее квалифицированное школьное обучение.

– Ты шутишь?

– Я сказала, молчи. Это чрезвычайно серьезно. Конечно, у полиции есть рисунок Августа, и убийца схвачен. Но его работодатели на свободе, и невозможно предугадать, что они планируют. Вы должны немедленно покинуть квартиру. У меня есть другие дела, но я организовала вам шофера, который довезет вас до аэропорта. У него, возможно, странноватый вид, но он вполне нормальный. Вы можете называть его Чума. Поняли?

– Да, но…

– Вообще никаких «но». Лучше послушай: во время вашего пребывания там вам нельзя будет пользоваться кредитками или звонить с твоего телефона, Ханна. Я организовала тебе зашифрованный телефон «Блэкфон», на случай если вам понадобится поднять тревогу. Мой номер там уже забит. В гостинице все оплачиваю я. Вы получите сто тысяч крон на непредвиденные расходы. Вопросы есть?

– Это безумие…

– Нет.

– Но откуда у тебя такие деньги?

– У меня есть средства.

– Как же мы…

Ханна осеклась. Вид у нее был совершенно растерянный, и казалось, она не знает, что ей думать. Внезапно женщина начала плакать.

– Как же мы сможем отблагодарить? – выдавила она.

– Отблагодарить?

Лисбет повторила слово так, будто оно было ей совершенно непонятно, и когда Ханна подошла к ней с распростертыми руками, она отступила назад и, устремив взгляд в пол прихожей, сказала:

– Соберись! Ты должна взять себя в руки и завязать с той чертовней, которой ты пользуешься, с таблетками или что там у тебя. Можешь отблагодарить меня таким образом.

– Конечно, обязательно…

– И если кому-нибудь придет в голову, что Августу надо в какой-нибудь интернат или другое учреждение, ты должна отбиваться, жестко и беспощадно. Ты должна бить в их самое слабое место. Ты должна быть как воин.

– Как воин?

– Именно. Никому нельзя…

Лисбет осеклась, сообразив, что это не самые удачные прощальные слова. Потом решила, что сойдет, развернулась и направилась к входной двери. Много шагов она сделать не успела. Август снова начал бормотать, и теперь было слышно, что он говорит.

– Не уходи, не уходи… – бормотал он.

На это у Лисбет тоже не нашлось ответа. Она только коротко сказала: «Ты справишься», и затем добавила, словно разговаривая сама с собой: «Спасибо за то, что закричал утром». На мгновение воцарилась тишина, и у Лисбет мелькнула мысль, не следует ли ей сказать еще что-нибудь. Но она махнула рукой, развернулась и вышла в дверь.

– Я не могу описать, что это для меня значит! – крикнула ей вслед Ханна.

Но Лисбет не услышала ни слова. Она уже бежала вниз по лестнице, направляясь к стоявшей на Торсгатан машине. Когда Саландер выехала на мост Вестербрун, ей через приложение Redphone позвонил Микаэль Блумквист и рассказал, что АНБ вышло на ее след.

– Передай им, что я тоже вышла на их след, – буркнула в ответ Лисбет.

Затем она поехала к Рогеру Винтеру и напугала его до полусмерти. После этого отправилась домой и снова засела за свой шифрованный файл АНБ. Но опять ни на шаг не приблизилась к решению.

Нидхэм и Блумквист целый день напряженно работали в номере «Гранд-отеля». Эд предложил потрясающую историю, и Микаэль теперь мог написать эксклюзивный материал, в котором он, Эрика и «Миллениум» так нуждались. Это было замечательно. Тем не менее его не покидало неприятное ощущение, причем не только из-за того, что никто по-прежнему ничего не знал про Андрея. Эд явно что-то недоговаривал. Почему он вообще появился и почему прилагает столько энергии, чтобы помочь маленькому шведскому журналу, вдали от всех центров власти США?

Конечно, такой расклад можно было рассматривать как обмен услугами. Микаэль пообещал не раскрывать хакерского вторжения и, по крайней мере, наполовину согласился попытаться убедить Лисбет поговорить с Эдом. Но в качестве объяснения это казалось недостаточным, и поэтому Микаэль уделял столько же времени тому, чтобы слушать Эда, сколько чтению между строк.

Нидхэм вел себя так, будто основательно рисковал. Занавески были задернуты, телефоны лежали на безопасном расстоянии. В комнате присутствовало ощущение паранойи. На гостиничной кровати лежали секретные документы, которые Микаэлю позволялось читать, но не цитировать или копировать, и Эд периодически прерывал свой рассказ, чтобы обсудить технические аспекты неприкосновенности источника. Казалось, он с маниакальной тщательностью следит за тем, чтобы утечку информации нельзя было связать с ним. Иногда он нервно прислушивался к шагам в коридоре и пару раз смотрел в щель между занавесками, чтобы убедиться в том, что никто не следит за ними снаружи. Тем не менее Микаэль не мог отделаться от подозрения, что это в основном театр. Ему все больше казалось, что на самом деле Эд полностью контролирует ситуацию, точно знает, чем занимается, и даже не слишком боится

прослушки. Блумквисту пришло в голову, что его действия, вероятно, санкционированы свыше, и, возможно, его самого наделили в этой игре ролью, которую он пока не понимает.

Поэтому интересным представлялось не только то, что Эд говорил, но и то, о чем он умалчивал и чего он, кажется, хочет добиться при помощи этой публикации. Совершенно очевидно здесь присутствовала определенная доля злости. «Несколько проклятых идиотов» из отдела «Надзора за стратегическими технологиями» помешали Эду прищучить вторгшегося в его систему хакера только потому, что не хотели собственного разоблачения, и это, как он сказал, его взбесило. Здесь у Микаэля не было причин ему не доверять или тем более сомневаться в том, что Эд искренне хочет уничтожить этих людей, «раздавить их сапогом, стереть в порошок».

В то же время в его рассказе, похоже, присутствовало нечто иное, дававшееся ему не столь легко. Иногда казалось, будто Эд борется с какой-то внутренней цензурой, и Микаэль периодически прерывал работу и спускался на ресепшн – для того, чтобы позвонить Эрике и Лисбет. Бергер всегда отвечала с первого гудка, и хотя они оба проявляли большой энтузиазм по поводу материала, в их разговорах ощущался тяжелый и мрачный подтекст – поскольку про Андрея никто по-прежнему ничего не знал.

Лисбет вообще не отвечала. Блумквисту удалось дозвониться до нее только в 17.20; звучала она сосредоточенно и высокомерно и сообщила, что мальчик находится в безопасности у матери.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– О’кей.

– Невредима?

– В целом да.

Микаэль набрал побольше воздуха.

– Лисбет, ты вторглась во внутреннюю сеть АНБ?

– Ты разговаривал с Эдом-Кастетом?

– Этого я комментировать не могу.

Он не мог давать комментариев даже Лисбет. Неприкосновенность источника была для него свята.

– Значит, Эд все же не так глуп, – сказала она так, будто он ответил нечто совершенно другое.

– Значит, ты вторглась?

– Возможно.

Микаэль почувствовал, что ему хочется выругать ее и спросить, чем

она, черт возьми, занимается. Однако он проявил максимальную выдержку и сказал только:

– Они готовы оставить тебя в покое, если ты встретишься с ними и подробно расскажешь, как действовала.

– Передай им, что я тоже вышла на их след.

– Что ты имеешь в виду?

– Что у меня есть больше, чем они думают.

– О’кей, – задумчиво произнес Микаэль. – Но ты могла бы встретиться с…

– С Эдом?

«Какого черта, – подумал Микаэль. – Эд ведь сам хотел выдать себя ей».

– С Эдом, – повторил он.

– Высокомерный мерзавец.

– Довольно высокомерный. Но ты могла бы встретиться с ним, если мы обеспечим гарантии того, что тебя не схватят?

– Таких гарантий не существует.

– А ты согласишься, если я свяжусь со своей сестрой Анникой и попрошу ее быть твоим представителем?

– У меня есть другие дела, – ответила Лисбет так, будто не хотела больше об этом разговаривать.

Тогда он не удержался и сказал:

– История, которой мы занимаемся…

– Что с ней?

– Я не уверен, полностью ли я ее понимаю.

– В чем проблема? – спросила Лисбет.

– Для начала я не понимаю, почему Камилла вдруг появилась тут после стольких лет.

– Думаю, она дождалась своего часа.

– Что ты имеешь в виду?

– Что она, наверное, всегда знала, что вернется обратно, чтобы отомстить за то, что я сделала ей и Зале. Но ей хотелось дождаться, пока она станет сильной на всех уровнях. Для Камиллы нет ничего важнее, чем быть сильной, и сейчас она вдруг увидела возможность, случай убить одним ударом двух зайцев – по крайней мере, мне так кажется. Можешь спросить у нее, когда в следующий раз будешь пить с ней вино.

– Ты разговаривала с Хольгером?

– Я была занята.

– Но у нее все-таки не получилось. Ты, слава богу, уцелела, –

продолжил Микаэль.

– Я уцелела.

– А тебя не беспокоит, что она в любой момент может вернуться?

– Мне это приходило в голову.

– Ладно. А тебе известно, что мы с Камиллой всего лишь немного прогулялись по Хурнсгатан?

Лисбет не ответила на вопрос.

– Я знаю тебя, Микаэль, – лишь сказала она. – А теперь ты встретился еще и с Эдом… Подозреваю, что от него мне тоже придется защищаться.

Блумквист усмехнулся про себя.

– Да, – ответил он. – Ты, пожалуй, права. Излишне полагаться на него мы не будем. Я даже боюсь оказаться для него полезным идиотом.

– Не самая подходящая для тебя роль, Микаэль.

– Да, и поэтому я бы с удовольствием узнал, что ты обнаружила во время вторжения.

– Массу раздражающего дерьма.

– Об отношениях Экервальда и «Пауков» с АНБ?

– Это и еще немного.

– И ты собиралась мне об этом рассказать?

– Если бы ты хорошо себя вел, пожалуй, – сказала Лисбет насмешливым тоном, который не мог не порадовать Микаэля.

Затем он фыркнул, поскольку в эту секунду точно понял, чем занимается Эд Нидхэм.

Он понял это настолько отчетливо, что ему было трудно не подавать виду, когда, вернувшись в гостиничный номер, он продолжал работать с американцем до десяти часов вечера.

Глава 29

Утро 25 ноября

Ничего неприятного в квартире Владимира Орлова на переулке Мортен-Тротсигс они не обнаружили. Квартира оказалась прибранной и чистой, кровать – застеленной, простыни – свежими. Корзина для белья в ванной была пуста. Тем не менее имелись признаки того, что не все было спокойно. Соседи сообщили, что утром туда приходили грузчики, а при более пристальном обследовании на полу и на стене, над короткой стороной кровати, обнаружились пятна крови. Ее сравнили со следами слюны в квартире Андрея, и оказалась, что эта кровь принадлежит молодому журналисту.

Однако задержанные – те двое, что еще могли общаться, – притворялись, будто ничего не знают о пятнах или о Зандере, поэтому Бублански со своей группой сосредоточился на добывании дополнительной информации о женщине, которую видели с Андреем. К тому времени СМИ напечатали множество столбцов не только о драме на Ингарё, но и об исчезновении Зандера. Обе вечерние газеты, а также «Свенска моргонпостен» и «Метро» опубликовали большие фотографии журналиста. Никто из репортеров еще не понимал общей картины. Но уже встречались рассуждения о том, что Андрея, возможно, убили, а такое обычно обостряет у людей память или, по крайней мере, заставляет их вспоминать то, что показалось им подозрительным. Сейчас же эффект был скорее обратным.

Расценивавшиеся как достоверные свидетельские показания были на удивление неопределенными, и все, кто высказывался – за исключением Микаэля Блумквиста и пекаря из Скансена, – считали себя обязанными подчеркнуть, что не верят в то, что женщина могла совершить преступление. У всех, сталкивавшихся с этой особой, сложилось о ней исключительно хорошее впечатление. Один бармен – пожилой мужчина по имени Сёрен Карлсен, – обслуживавший женщину и Андрея Зандера в ресторане «Папагалло» на Гётгатан, даже долго хвастался своим знанием людей и с уверенностью утверждал, что эта женщина «не способна никого обидеть».

«Она – уникальное чудо».

Если верить свидетелям, она представляла собой всевозможные

разновидности чуда, и, насколько понял Бублански, составить ее фоторобот будет крайне сложно. Все видевшие эту женщину характеризовали ее по-разному, будто вместо того, чтобы описывать ее, проецировали на нее свои мечты о женщине. Это граничило с нелепостью, а фотографий с каких-нибудь камер наружного наблюдения у них пока не было. Микаэль Блумквист говорил, что женщина совершенно точно является Камиллой Саландер, сестрой-близнецом Лисбет, и оказалось, что когда-то такая личность действительно имелась. Однако ни в одном регистре уже много лет никаких ее следов не значилось, как будто она перестала существовать. Если Камилла Саландер продолжала жить, то под другим именем, и Яну Бублански это не нравилось, особенно после того, как выяснилось, что после ее отъезда из Швеции в ее приемной семье произошло два нераскрытых смертельных случая, а проводившиеся полицейские расследования оказались некачественными и полными вопросов, так и оставшихся без ответа.

Бублански прочел материалы, краснея за коллег, которые из какого-то уважения к семейной трагедии даже не разобрались до конца с той очевидной странностью, что и отец, и дочь непосредственно перед смертью первого обнулили свои банковские счета, или с тем, что отец за неделю до того, как его нашли повесившимся, начинал писать письмо, первая фраза которого звучала так:

«Камилла, почему тебе так важно разрушить мою жизнь?»

Человека, который, похоже, околдовал всех свидетелей, окружала настораживающая темнота.

Было восемь часов утра. Бублански сидел у себя в кабинете, в здании полиции, опять погрузившись в старые расследования, в надежде, что они смогут пролить свет на развитие событий. Он прекрасно понимал, что существует сотня других вещей, до которых у него еще не дошли руки, и поэтому раздраженно и с ощущением вины вздрогнул, когда узнал, что к нему пришел посетитель.

Женщина, которую уже допросила Соня Мудиг, настаивала на встрече с ним, и, услышав об этом, Ян подумал, что сейчас едва ли особенно восприимчив – возможно, потому, что не ожидает ничего иного, кроме новых проблем и осложнений. Появившаяся в дверях женщина была невысокой, но с королевской осанкой и темными пристальными глазами, смотревшими на его с некоторой грустью. Она была, вероятно, лет на десять моложе его, одета в строгое серое пальто и напоминавшее сари красное платье.

– Меня зовут Фарах Шариф, – представилась она. – Я профессор компьютерных наук и была близким другом Франса Бальдера.

– Да, конечно, – внезапно смутившись, произнес Бублански. – Садитесь, пожалуйста. Прошу прощения за беспорядок.

– Я видела гораздо худшее.

– Вот как, действительно… Вы случайно не иудейка?

Вопрос был идиотским. Фарах Шариф, естественно, не может быть иудейкой, да и какая, собственно, разница? Но у него это просто вырвалось. Страшно неловко.

– Что… нет… я иранка – и мусульманка, если меня еще можно таковой считать. Я приехала сюда в семьдесят девятом году.

– Понятно. Я говорю глупости. Чем обязан такой чести?

– Во время разговора с вашей коллегой Соней Мудиг я повела себя слишком наивно.

– Почему вы так считаете?

– Потому что сейчас я располагаю большей информацией. Я имела долгий разговор с профессором Стивеном Уорбертоном…

– Да, да. Он мне тоже звонил. Но тут такой хаос… У меня не было времени ему перезвонить.

– Стивен является профессором кибернетики в Стэнфорде и ведущим исследователем технологической сингулярности. Сейчас он работает в Институте машинного интеллекта, в институте, который трудится во имя того, чтобы искусственный интеллект помогал нам, а не напротив.

– Звучит хорошо, – отозвался Бублански, которому каждый раз, когда речь заходила об этой теме, становилось не по себе.

– Стивен живет немного в собственном мире. Он только вчера узнал о том, что произошло с Франсом, и поэтому не позвонил раньше. Но он рассказал, что разговаривал с Франсом в понедельник.

– В связи с чем?

– С его исследованиями. Знаете, с тех самых пор, как Франс уехал в США, он стал очень скрытным. Даже я, его близкий друг, ничего не знала о том, чем он занимается, хотя довольно самонадеянно полагала, что все-таки немного понимаю. Но теперь оказалось, что я ошибалась.

– В каком смысле?

– Постараюсь не вдаваться в технические подробности, но похоже, что Франс не только развил дальше свою старую AI-программу, но и нашел новые алгоритмы и новый топологический материал для квантовых компьютеров.

– Это, к сожалению, не мой технический уровень.

– Квантовые компьютеры – это компьютеры, базирующиеся на квантовой механике. Пока это еще довольно ново. «Гугл» и АНБ вложили огромные суммы в машину, которая уже в определенных областях более чем в тридцать пять тысяч раз быстрее любого обычного компьютера. «Солифон», где Франс работал, тоже разрабатывает аналогичный проект, но, по иронии судьбы – особенно если эти сведения верны, – продвинулся не так далеко.

– О’кей, – неуверенно вставил Бублански.

– Главное преимущество квантовых компьютеров заключается в том, что основополагающие единицы – квантовые биты, кубиты – являются суперпозицией базовых состояний.

– Что?

– Они могут не только принимать положения «единица» или «ноль», как традиционные компьютеры, но быть также единицей и нулем одновременно. Проблема заключается в том, что для того, чтобы такие машины прилично работали, требуются особые методы расчетов и глубокие знания физики, прежде всего того, что мы называем квантовой декогеренцией, а здесь мы пока продвинулись не особенно далеко. Квантовые компьютеры пока слишком специализированны и неповоротливы. Но Франс – как бы мне это получше объяснить? – судя по всему, нашел методы, позволяющие сделать их более умными, подвижными и самообучающимися, и здесь он явно сотрудничал с рядом экспериментаторов, то есть с людьми, которые могли тестировать и проверять его результаты. То, что он создал, было грандиозным… по крайней мере, могло быть. Тем не менее он ощущал не только гордость и, конечно, поэтому позвонил Стивену Уорбертону. У него было очень тяжело на душе.

– Почему?

– Если говорить о долгосрочной перспективе, то, думаю, потому, что он подозревал: его создание может стать опасным для мира. Но непосредственно в тот момент – потому что он знал кое-что об АНБ.

– Что именно?

– Про один уровень я не имею представления. Это касалось проникновения в самую грязную часть их промышленного шпионажа. Но про другой знаю очень хорошо. Сегодня известно, что эта организация усиленно работает над развитием именно квантовых компьютеров. Для АНБ это было бы прямо манной небесной. С помощью эффективной квантовой машины в перспективе стало бы возможным взламывать любые шифры, любые цифровые охранные системы. В такой ситуации никто не

смог бы защититься от бдительного ока АНБ.

– Как отвратительно, – сказал Бублански с многозначительностью, удивившей его самого.

– Но на самом деле существует еще худший сценарий. В случае если такая вещь попадет в руки жестоких преступников, – продолжила Фарах Шариф.

– Я понимаю, куда вы клоните.

– И поэтому меня, разумеется, интересует, что вам удалось конфисковать у схваченных вами мужчин.

– Боюсь, что ничего подобного, – ответил Бублански. – Но этих парней едва ли можно назвать уникумами в умственном отношении. Сомневаюсь, чтобы они сумели справиться даже с курсами математики средней школы.

– Значит, настоящему компьютерному гению удалось скрыться?

– К сожалению, да. Он и подозреваемая женщина бесследно исчезли. Вероятно, у них есть документы на несколько имен.

– Тревожно…

Бублански кивнул и посмотрел в темные глаза Фарах, глядевшие на него умоляюще, и, возможно, именно поэтому его не охватил новый приступ отчаяния, а посетила обнадеживающая мысль.

– Я не знаю, что это означает… – начал он.

– Что?

– Наши компьютерщики исследовали компьютеры Бальдера. Это было непросто, учитывая его постоянную заботу о безопасности. Но все-таки у них получилось. Можно сказать, что нам немного повезло, и мы быстро установили, что один компьютер, судя по всему, похитили.

– Я так и предполагала, – сказала она. – Черт побери!

– Успокойтесь, успокойтесь, я еще не договорил. Мы также поняли, что несколько машин было соединено между собой и что они, в свою очередь, периодически подключались к суперкомпьютеру в Токио.

– Звучит правдоподобно.

– Именно. Поэтому мы смогли увидеть, что большой файл – или, во всяком случае, некий большой объект – был совсем недавно уничтожен. Восстановить его нам не удалось, но мы констатировали, что это имело место.

– Вы хотите сказать, что Франс уничтожил собственную научную работу?

– Я, в общем-то, не делаю никаких выводов. Но когда я услышал ваш рассказ, такая мысль пришла мне в голову.

– А файл не мог уничтожить преступник?

– Вы имеете в виду, что преступник мог сперва скопировать его, а потом стереть из компьютеров Бальдера?

– Да.

– В это мне крайне трудно поверить. Убийца забегал в дом очень ненадолго, он ни за что не успел бы провернуть такое; да ему и не хватило бы знаний.

– Ладно… это все-таки звучит обнадеживающе, – с сомнением в голосе произнесла Фарах Шариф. – Вот только…

– Да?

– Для меня это не вписывается в характер Франса. Неужели он действительно был человеком, способным уничтожить главное дело своей жизни? Это ведь все равно… я не знаю… как если бы он отрубил себе руку, или хуже того, как если бы он убил друга, уничтожил потенциальную жизнь…

– Иногда человек вынужден приносить большую жертву, – задумчиво сказал Бублански. – Уничтожать то, что любил, чем жил…

– Или же где-то существует копия.

– Или же где-то существует копия, – повторил Ян, внезапно протянув вперед руку.

Фарах Шариф явно не поняла. Она просто смотрела на руку, словно ожидая, что он ей что-то даст. Но Бублански решил не сдаваться.

– Знаете, что говорит мой раввин?

– Нет.

– Что человека отличают противоречия. Мы одновременно стремимся домой – и уехать подальше. Я не был знаком с Франсом Бальдером, и, возможно, он посчитал бы, что я просто старый дурак. Но одно я, во всяком случае, знаю: мы способны одновременно любить свою работу и бояться ее – в точности как Франс Бальдер, похоже, любил сына и бежал от него. Жить, профессор Шариф, означает не вписываться целиком и полностью в какие-то рамки, а разрываться во многие стороны. Я вот думаю: не находился ли ваш друг на какой-то переломной стадии? Может, он действительно уничтожил дело жизни. Может, он под конец проявил себя во всей своей противоречивости – и стал истинным человеком, в лучшем смысле этого слова…

– Вы так думаете?

– Я не знаю. Но ведь он изменился, не так ли? Суд постановил, что Бальдер не способен заботиться о сыне. Тем не менее он занялся именно этим, и даже добился того, что мальчик расцвел и начал рисовать.

– Вы правы, комиссар.

– Называйте меня Яном.
– О’кей.
– Знаете, народ иногда называет меня Бубла.
– Это потому, что вы так приятно бубните?
– Ха, нет, не думаю. Но одно я знаю совершенно точно.
– Что же?
– Что вы…

Дальше он не продвинулся, но этого и не требовалось. Фарах Шариф одарила его улыбкой, которая в силу своей простоты заставила Бублански снова начать верить в жизнь и в Бога.

В восемь часов утра Лисбет Саландер поднялась со своей большой кровати на Фискаргатан. Она опять не выспалась, и не только потому, что без всякого результата боролась с шифрованным файлом АНБ. Саландер еще прислушивалась к шагам на лестнице и периодически проверяла сигнализацию и камеры наблюдения на лестничной клетке. Ей так же, как всем остальным, не было известно, покинула ли сестра страну.

После позора на Ингарё нельзя было исключить того, что Камилла готовит новую атаку, еще большей силы, или же что в квартиру ворвутся люди из АНБ. В этом отношении Лисбет не питала никаких иллюзий. Но сейчас, утром, она, отбросив эти мысли, решительным шагом пошла в ванную, разделась до пояса и проверила рану.

Ей показалось, что рана выглядит лучше, хотя это, конечно, соответствовало действительности лишь отчасти. Тем не менее она в безумном порыве решила отправиться в боксерский клуб на Хурнсгатан и потренироваться.

Зло надо изгонять злом.

После тренировки Лисбет в полном изнеможении сидела в раздевалке, будучи почти не в силах думать. Зажужжал мобильный телефон, но она не обратила на него внимания. Вошла в душ и встала под струи горячей воды, и только тут мысли стали постепенно проясняться. В ее сознании опять всплыл рисунок Августа. Правда, на этот раз Саландер занимало не само изображение убийцы, а написанное в самом низу листа.

Законченную работу Лисбет видела в доме на Ингарё лишь несколько мгновений и была тогда полностью сосредоточена на отправке рисунка Бублански и Мудиг; а если бы даже и задумалась над ним, то, как и все остальные, восхитилась бы точностью изображения деталей. Но теперь, когда она с помощью своего фотографического взгляда восстанавливала

рисунок в памяти, ее гораздо больше интересовало написанное под изображением уравнение. В состоянии глубокой концентрации Лисбет вышла из душа. Однако она почти не слышала собственных мыслей, поскольку около раздевалки бушевал Обинце.

– Заткнись! – крикнула она ему. – Я думаю!

Но это не особенно помогло. Тренер разошелся не на шутку, и любой другой человек, кроме Лисбет, его, вероятно, понял бы. Обинце удивило то, насколько устало и посредственно она била по мешку с песком, а вскоре, когда она начала опускать голову и кривиться от боли, он заволновался и под конец, совершив неожиданный маневр, подскочил к ней, задрал ей рукав футболки, обнаружил рану и совершенно обезумел. Судя по всему, он все еще не пришел в себя.

– Знаешь, ты идиотка! Сумасшедшая! – кричал тренер.

Лисбет была не в силах отвечать. Силы полностью оставили ее, увиденное на рисунке постепенно стиралось из мыслей, и она в полном изнеможении опустилась на скамейку в раздевалке. Рядом с ней сидела Джамиля Ачебе, крутая девушка, с которой она обычно боксировала и занималась любовью – как правило, именно в таком порядке, – поскольку, когда они бились особенно отчаянно, это часто ощущалось как некая дикая прелюдия. Несколько раз они вели себя в душе не совсем прилично. Ни одну из них правила этикета особенно не волновали.

– Вообще-то я согласна с этим крикуном. У тебя не все в порядке с головой, – сказала Джамиля.

– Возможно, – ответила Лисбет.

– Твоя рана выглядит отвратительно.

– Она заживает.

– Но тебе незачем боксировать.

– Явно.

– Пойдем ко мне домой?

Лисбет не ответила. Ее телефон снова зажужжал, она достала его из черной сумки и посмотрела, что там. Ей пришли три сообщения с тем же содержанием, с засекреченного номера. Прочитав их, она сжала кулаки и приобрела такой яростный вид, что Джамиля почувствовала, что лучше заняться любовью с Лисбет Саландер в какой-нибудь другой день.

Микаэль проснулся уже в шесть часов утра, с парочкой отличных формулировок в голове, и по пути на работу статья сама собой вырастала у него в мыслях. В редакции он работал с полной отдачей, едва замечая происходящее вокруг; правда, иногда он отключался от статьи и вспоминал

об Андрее.

Хотя он по-прежнему надеялся на лучшее, но подозревал, что Андрею пришлось пожертвовать ради материала жизнью, и старался в каждом предложении воздать коллеге должное. С одной стороны, репортаж задумывался как история убийства Франса Бальдера и рассказ об Августе Бальдере – восьмилетнем мальчике-аутисте, который видел убийство отца и, невзирая на отставание в развитии, нашел способ нанести ответный удар. Но Микаэлю хотелось, чтобы на другом уровне это была поучительная история о новом мире слежки и шпионажа, где стерты границы между легальным и преступным, и писалось ему действительно легко. Часто слова просто лились сами собой. Но это не означало полное отсутствие проблем.

Благодаря давнему контакту в полиции Блумквист раздобыл материалы расследования нераскрытого убийства Кайсы Фальк из Броммы, молодой женщины, когда-то являвшейся подругой одного из главных персонажей в «Свавельшё МК». Хотя преступника не нашли и никто из допрошенных в ходе расследования особой разговорчивостью не отличался, Микаэль все же смог заключить, что мотоклуб раздирали сильнейшие разногласия и что среди членов компании распространилась какая-то новая неуверенность, подспудная боязнь, вызванная тем, что один из свидетелей назвал «Леди Зала».

Несмотря на значительные усилия, полицейские так и не сумели понять, что подразумевается под этим именем. Но у Микаэля не было никаких сомнений в том, что «Леди Зала» – это Камилла и что она стоит за целым рядом других преступлений, как в Швеции, так и за границей. Однако добыть доказательства было трудно, и это его раздражало. Пока что она фигурировала в статье под кодовым именем Танос.

Впрочем, самая большая проблема заключалась не в Камилле и даже не в ее неясных связях с русской Думой. Больше всего Микаэля волновало сознание того, что Эд Нидхэм ни за что не поехал бы в Швецию и не сдал в высшей степени секретную информацию, если б не хотел скрыть нечто более крупное. Глупостью Эд не отличался и понимал, что Микаэль тоже не дурак. Поэтому его рассказ не был приукрашен ни в одном пункте. Напротив, Эд изображал АНБ в довольно жутких красках. И тем не менее… Присмотревшись к его сведениям поближе, Микаэль увидел, что он все-таки описывал шпионскую организацию, которая хорошо функционировала и вела себя вполне достойно, если не считать гнойника из закоренелых преступников в отделе «Надзора за стратегическими технологиями» – по случайному стечению обстоятельств того самого

отдела, который помешал Эду прищучить хакера.

Американец явно хотел серьезно навредить нескольким отдельным сотрудникам, но скорее не потопить всю организацию, а смягчить ей удар при уже неизбежном крахе, поэтому Микаэля не слишком удивило или даже разозлило, когда у него за спиной возникла Эрика и с озабоченным выражением лица протянула ему телеграмму Телеграфного агентства.

– Наш материал лопнул? – спросила она.

Переведенная телеграмма агентства Ассошиэйтед пресс начиналась так:

> Два высоких начальника АНБ, Джоаким Баркли и Брайан Эббот, задержаны по подозрению в тяжких экономических преступлениях и незамедлительно уволены в ожидании суда.
>
> «Для нашей организации это позорное пятно, и мы не пожалели сил, чтобы разобраться с проблемами и привлечь виновных к ответственности. Тот, кто работает для АНБ, должен обладать высокими моральными принципами, и мы обещаем во время судебного процесса проявить максимальную прозрачность, какую только позволяют интересы нашей национальной безопасности», – говорит руководитель АНБ адмирал Чарльз О’Коннор агентству Ассошиэйтед пресс.

Помимо длинной цитаты из речи адмирала О’Коннора, телеграмма была не особенно содержательной; в ней не упоминалось об убийстве Бальдера или о чем-либо, связанном с развитием событий в Стокгольме. Но Микаэль, естественно, все равно понял, что имела в виду Эрика. Теперь, когда новость вышла наружу, на эту историю набросятся «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс» и вся свора крупных американских журналистов, и невозможно предсказать, что они откопают.

– Плохо дело, – сдержанно сказал Блумквист. – Но этого следовало ожидать.

– Неужели?

– Это часть той же стратегии, из-за которой они обратились ко мне. Это *damage control*[84]. Они хотят вернуть инициативу себе.

– Что ты хочешь сказать?

– У них имелась причина выдать эту информацию мне. Я сразу понял, что это неспроста. Зачем Эд так настаивал на встрече со мной здесь, в Стокгольме, да еще в пять часов утра?

Эрика, как обычно, под строжайшим секретом получила информацию

об источниках и сведениях Микаэля.

– Значит, ты считаешь, что его действия были санкционированы свыше?

– Я подозревал это с первой же минуты. Однако поначалу не понимал, чем он занимается. Просто чувствовал: что-то нечисто. Но потом я поговорил с Лисбет.

– И тогда ты понял?

– Я сообразил, что Эд точно знает, *что именно* она выкопала во время своего хакерского вторжения и что у него есть все основания опасаться того, что я узнаю все до единого слова. Он изо всех сил старался смягчить вред.

– Тем не менее он рассказал тебе не самую радужную историю.

– Он понимал, что я не удовольствуюсь чем-нибудь слишком приукрашенным. Думаю, он выдал мне ровно столько, чтобы я удовлетворился, получил эксклюзивный материал и не копал дальше.

– Ну, тут он, пожалуй, промахнулся.

– Можно, по крайней мере, надеяться на это. Но я не представляю, как мне двигаться дальше. АНБ – это тайна за семью печатями.

– Даже для такой старой ищейки, как Блумквист?

– Даже для него.

Глава 30

25 ноября

В телефоне было написано: «*В следующий раз, сестрица, в следующий раз!*» Сообщение послали трижды, но был ли это результат технической ошибки или же глупой нарочитости, определить Лисбет не могла. Это не имело значения.

Сообщение явно было от Камиллы, но не содержало ничего такого, чего бы Лисбет не понимала сама. События на Ингарё только усилили и углубили их прежнюю взаимную ненависть – куда уж яснее? Значит, «следующий раз» наверняка состоится. Нет ни малейшего шанса, что Камилла отступится, раз уж ей удалось настолько приблизиться.

Поэтому сжать кулаки в боксерском клубе Лисбет заставило не содержание сообщения. Причиной были мысли, которые оно породило, и воспоминание о том, что она видела на горном склоне, когда они с Августом, под снегом, сидели на корточках на узком уступе, а по ним велся автоматный огонь. Август был без куртки и босиком и ужасно трясся, и Лисбет с каждой секундой все больше ощущала, насколько безнадежно слабая у них позиция.

При ней был ребенок и жалкий пистолет вместо настоящего оружия, а гадов наверху было несколько, и у них имелись автоматы, поэтому ей требовалось взять их внезапностью. Иначе их с Августом забьют, как ягнят. Она прислушивалась к шагам мужчин и направлению очередей, а под конец – даже к их дыханию и шуршанию одежды.

Но странное дело: увидев в конце концов шанс, Саландер все-таки засомневалась и упустила важные мгновения, пока отламывала на уступе веточку. Только после этого она быстро вскочила на ноги и внезапно оказалась прямо перед мужчинами, и тут уже колебаться было нельзя. Ей требовалось воспользоваться миллисекундой неожиданности, поэтому она сразу выстрелила – раз, два, три раза. По опыту Лисбет знала, что подобные мгновения врезаются в память с особой яркостью, как будто напрягаются не только тело и мускулы, но и наблюдательность.

Каждая деталь высветилась со странной резкостью, и Лисбет увидела перед собой все мельчайшие изменения ландшафта, словно в объективе фотоаппарата с оптическим увеличением. Она отметила изумление и испуг в глазах мужчин, мельчайшие детали их лиц и одежды и, конечно, оружие,

которым они размахивали и стреляли наобум – и только что промазали.

Однако самое сильное впечатление на нее произвело не это, а силуэт чуть повыше на горе, который она уловила лишь уголком глаза. Сам по себе он никакой угрозы не представлял, но подействовал на нее сильнее, чем мужчины, которых она подстрелила. Силуэт принадлежал сестре. Хотя они не виделись много лет, Лисбет узнала бы ее хоть на расстоянии километра. Возникло ощущение, будто ее присутствие отравило сам воздух, и потом Лисбет размышляла над тем, не могла ли она застрелить и ее тоже.

Сестра стояла немного далековато. С ее стороны было, разумеется, неосторожностью выходить на склон. Но она, вероятно, не смогла устоять перед искушением посмотреть на казнь сестры, и Лисбет помнила, как ее палец ложился на спусковой крючок, а сама она чувствовала, как в груди закипает старая священная злость. Однако она помедлила полсекунды, а большего и не требовалось. Камилла бросилась за камень, а с террасы появилась худощавая фигура и начала стрелять, и тогда Лисбет спрыгнула обратно на уступ и помчалась – или чуть ли не покатилась кувырком – вместе с Августом к машине.

Теперь, когда Лисбет по пути из боксерского клуба обо всем этом вспоминала, тело у нее напряглось, словно перед новой битвой, и ей пришло в голову, что, возможно, следует не идти домой, а попросту на какое-то время покинуть страну. Однако кое-что другое тянуло ее к компьютеру и письменному столу – то, что она видела перед собой, стоя в ду́ше, до того, как прочла сообщение Камиллы, и что, невзирая на воспоминания об Ингарё, все больше и больше занимало ее мысли.

Это было уравнение, эллиптическая кривая, которую Август написал на том же листе, где нарисовал убийцу. Уравнение уже при первом взгляде показалось Лисбет блестящим, а теперь, когда она снова сконцентрировалась на нем, оно заставило ее ускорить шаг и более или менее забыть Камиллу. Выглядело уравнение так:

$$N = 3034267$$
$$E: y^2 = x^3 - x - 20; P = (3,2)$$

С математической точки зрения, ничего уникального или выдающегося в нем не было. Да это ее и не удивило. Зато ее потрясло то, что Август исходил из числа, которое она тогда на Ингарё выбрала наобум, и потом, подумав, написал эллиптическую кривую, существенно превосходившую ту, что Лисбет сама вывела на ночном столике, когда мальчик не хотел засыпать. Тогда она не добилась ответа – или хотя бы минимального

отклика – и легла спать в убеждении, что Август, подобно близнецам-аутистам, о которых она читала, ничего не понимает в математических абстракциях, а скорее является своего рода счетной машиной, приспособленной для факторизации натуральных чисел.

Но, черт возьми… она ошиблась. Позднее, когда Август сидел посреди ночи и рисовал, он явно не только все понял, но и превзошел ее, улучшив ее собственную идею. Поэтому Саландер вошла в квартиру и, даже не сняв сапог и кожаной куртки, запустила в компьютере шифрованный файл АНБ и собственную программу с эллиптическими кривыми.

После этого она позвонила Ханне Бальдер.

Ханна почти не спала, поскольку прекратила принимать таблетки. Однако гостиница и окружение придавали ей бодрости. Потрясающий горный пейзаж напоминал ей о том, в какой изоляции она жила, и ей казалось, что она потихоньку начинает успокаиваться, и даже укоренившийся в ней страх чуть-чуть отпускает. С другой стороны, возможно, она просто принимала желаемое за действительное и к тому же, несомненно, испытывала растерянность от такой восхитительной обстановки.

Когда-то Ханна вплывала в такого типа залы с естественным достоинством: «Посмотрите на меня, вот она я». Теперь же она робела и трепетала, и ей с трудом удавалось заставить себя что-нибудь проглотить, хотя завтрак был роскошным. Август сидел рядом с нею, маниакально писал цепочки цифр и тоже ничего не ел – правда, по крайней мере, пил в безумных количествах свежевыжатый апельсиновый сок.

У Ханны зазвонил новый зашифрованный телефон, и сначала она испугалась. Но решила, что это, конечно, женщина, отправившая их сюда. Ни у кого другого, насколько она знала, этого номера не было, и наверняка женщина хочет только узнать, что они добрались благополучно. Поэтому Ханна начала с подробного описания, как у них все прекрасно и чудесно. Но, к ее изумлению, ее резко прервали:

– Где вы?

– Мы завтракаем.

– Вам придется закончить завтрак и подняться в номер. Нам с Августом надо поработать.

– Поработать?

– Я перешлю несколько уравнений и хочу, чтобы он на них посмотрел. Ясно?

– Я не понимаю.

– Только покажи их Августу, а потом позвони мне и расскажи, что он

написал.

– О’кей, – растерянно произнесла Ханна.

Затем она, схватив два круассана и булочку с корицей, направилась вместе с Августом к лифтам.

Собственно говоря, мальчик помог Лисбет только вначале. Но этого хватило. Она отчетливее увидела собственные ошибки и смогла внести в программу новые улучшения, после чего, полностью сконцентрировавшись, работала час за часом, пока небо на улице не потемнело и снова не повалил снег. И вдруг – это было одно из тех мгновений, которые она запомнит навсегда, – с файлом перед нею произошло нечто удивительное. Он распался и изменил форму. Лисбет словно пронзило током, и она вскинула в воздух кулак.

Саландер нашла персональные ключи и расшифровала документ, и в течение нескольких минут это настолько переполняло ее, что она была не в силах читать. Затем принялась изучать содержание, с каждой секундой приходя во все большее изумление. Неужели такое возможно? Перед нею оказался материал, по своей взрывоопасности выходивший за рамки ее самых смелых представлений, и то, что его все-таки записали и запротоколировали, могло объясняться только слепой верой в алгоритм RSA. Перед ней черным по белому предстало все их грязное белье. Конечно, текст был труден для понимания и полон внутреннего жаргона, странных сокращений и таинственных отсылок. Но, будучи в теме, Лисбет все равно разбиралась в написанном.

Она успела прочесть примерно четыре пятых, когда раздался звонок в дверь. Саландер просто отмахнулась от него. Наверняка звонит почтальон, которому не удалось просунуть в щель для почты какую-нибудь книгу или какую-нибудь другую ерунду. Но тут ей опять вспомнилось сообщение Камиллы. Она проверила по компьютеру, что показывает камера на лестнице, – и оцепенела.

Там была не Камилла, а вторая угроза, о которой она, увлекшись всем остальным, почти полностью забыла. За дверью стоял Эд Чертов Кастет, умудрившийся каким-то образом ее выследить. На свои фотографии в Сети он ничуть не походил, но это был, несомненно, он, с мрачным и решительным видом. Мозг Лисбет лихорадочно заработал. Что делать? Она не придумала ничего лучше, как отправить файл АНБ Микаэлю, воспользовавшись их шифрованным каналом связи.

Затем выключила компьютер и поднялась, чтобы открыть дверь.

Что произошло с Бублански? Соня Мудиг не понимала. Мученическое выражение лица, которое она наблюдала в последние недели, словно ветром сдуло. Он улыбался и что-то напевал про себя. Конечно, поводы для радости имелись. Убийца пойман. Август Бальдер выжил, несмотря на два покушения, а сами они разобрались в целом ряде мотивов и хитросплетений научно-исследовательской компании «Солифон».

Но вместе с тем оставалось еще много вопросов, а тот Бублански, какого она знала, понапрасну не ликовал. Обычно он даже в минуты триумфа скорее был склонен предаваться сомнениям, поэтому Мудиг не понимала, что на него нашло. Бублански разгуливал по коридорам с сияющим видом. Даже сейчас, когда он сидел у себя в кабинете и изучал проведенный полицией Сан-Франциско ничего не говорящий допрос Зигмунда Экервальда, у него на губах играла улыбка.

– Соня, дорогая коллега, это ты!

Она решила оставить преувеличенный энтузиазм приветствия без комментариев и сразу перешла к делу.

– Ян Хольцер умер.

– Надо же…

– Тем самым у нас исчезла последняя надежда что-нибудь узнать о «Пауках», – продолжила Соня.

– А ты думала, что он собирался открыться?

– Во всяком случае, это было не исключено.

– Почему ты так говоришь?

– Он совершенно сломался, когда появилась его дочь.

– Я не знал… Что произошло?

– Дочь зовут Ольга, – пояснила Соня. – Узнав, что отец ранен, она сразу приехала из Хельсинки. Но когда я ее допросила и она поняла, что Хольцер пытался убить ребенка, то совершенно обезумела.

– В каком смысле?

– Она побежала к нему и что-то ужасно агрессивно прокричала по-русски.

– Ты поняла, о чем шла речь?

– Похоже, о том, что ему придется умирать одному и что она его ненавидит.

– Серьезно…

– Да, и потом она заявила, что сделает все, что в ее силах, чтобы помочь нам с расследованием.

– А Хольцер, как он отреагировал?

– Вот это я и имела в виду. В какой-то момент я думала, что он

расколется. Он был совершенно уничтожен, в глазах его стояли слезы. Возможно, я не слишком верю в католическую идею о том, что в преддверии смерти определяется наша моральная ценность. Но это выглядело почти трогательным. Человек, совершивший столько зла, был полностью убит.

– Мой раввин… – начал Бублански.

– Нет, Ян, не заводись сейчас со своим раввином. Дай мне продолжить. Хольцер начал говорить о том, каким ужасным человеком он был, и тогда я сказала, что ему, как христианину, следовало бы исповедаться, рассказать, на кого он работал. И в эту секунду, клянусь, он был близок к этому. Он засомневался, стал водить взглядом из стороны в сторону. Но вместо того, чтобы сознаться, заговорил о Сталине.

– О Сталине?

– О том, что Сталин не довольствовался виновными, а принимался еще и за детей, внуков и за весь род. Думаю, Хольцер хотел сказать, что его руководитель тоже таков.

– Значит, он беспокоился за дочь?

– Явно, сколь бы сильно она его ни ненавидела. Тогда я попыталась объяснить, что мы можем организовать девушке защиту, как свидетелю. Но тут Хольцер начал становиться все менее контактным. Он впал в бессознательное состояние и апатию. А через час с лишним умер.

– Что-нибудь еще?

– Только что у нас пропал суперсмышленый подозреваемый и по-прежнему нет никаких следов Андрея Зандера.

– Знаю, знаю.

– И что все, обладающие возможностями молчать, молчат, как камни.

– Я это замечаю. Даром нам ничего не дается.

– Одну вещь мы, во всяком случае, получили, – продолжила Соня. – Помнишь мужчину, которого Аманда Флуд опознала на рисунке Августа Бальдера со светофором?

– Бывшего артиста?

– Именно, его зовут Рогер Винтер. Аманда допрашивала его, только чтобы узнать, имеет ли он какое-то отношение к мальчику или Бальдеру, и думаю, ничего особенного она услышать не ожидала. Но Рогер Винтер, похоже, пребывал в совершенно растрепанных чувствах и еще прежде, чем Аманда начала его прижимать, выложил весь набор своих грехов.

– Неужели?

– Да, и истории эти оказались отнюдь не безобидными. Знаешь, Лассе Вестман и Рогер старые друзья, еще с молодых лет в Театре революции.

Обычно они встречались по вечерам дома на Торсгатан, когда Ханны не было дома, трепались и пили. Август часто сидел в соседней комнате, занимаясь пазлами, и никого из мужчин особенно не волновал. Но в один из таких дней мама подарила мальчику толстый учебник математики, явно значительно превосходивший его уровень. Тем не менее Август с маниакальной настойчивостью перелистывал его, издавая разные звуки, словно от возбуждения. Лассе рассердился, вырвал у мальчика книгу и швырнул ее в мешок с мусором. Мальчик явно совершенно обезумел. С ним случился какой-то припадок, и тогда Лассе раза три или четыре ударил его ногой.

– Плохо.

– Однако это было только начало. После этого, по словам Рогера, Август стал вести себя очень подозрительно. Он начал таращиться на них жутким взглядом, и в один из дней Рогер обнаружил, что его джинсовая куртка разрезана на мелкие кусочки, а в другой день кто-то вылил все имевшееся в холодильнике пиво и разбил бутылки с водкой…

Соня остановилась.

– Что?

– Наступило что-то вроде позиционной войны, и я подозреваю, что Рогер с Лассе по пьянке начали приписывать мальчику все возможные странности и даже бояться его. Психологически их трудно понять. Возможно, они стали всерьез ненавидеть Августа и иногда вместе избивали его. Рогер сказал, что чувствовал себя от этого отвратительно и никогда потом не обсуждал это с Лассе. Ему не хотелось бить, но он не мог удержаться. По его словам, он будто бы вернулся в детство.

– И что он этим хотел сказать?

– Разобраться в этом непросто. Но, очевидно, у Рогера Винтера имелся младший брат-инвалид, который на протяжении всего его детства считался умным и талантливым. В то время как Рогер постоянно всех разочаровывал, брата хвалили, выделяли и всячески ценили, и я подозреваю, что это породило определенную озлобленность. Возможно, Рогер подсознательно мстил заодно и брату. Не знаю, или…

– Да?

– Он выдал очень странную формулировку. Сказал, что ему казалось, будто он пытался отбиться от позора.

– Псих!

– Да, но все равно самое странное то, что он вдруг во всем сознался. Аманда сказала, что Рогер казался безумно напуганным. Он хромал при ходьбе, и у него было два синяка. Создавалось впечатление, что он чуть ли

не хочет, чтобы его посадили.

– Странно…

– Да уж. Но меня еще больше удивляет другое обстоятельство, – продолжила Соня Мудиг.

– Какое?

– То, что мой шеф, задумчивый зануда, вдруг сияет, как солнце.

У Бублански сделался смущенный вид.

– Значит, заметно?

– Заметно.

– Ну… дело просто в том, что одна женщина согласилась со мной поужинать, – пробормотал комиссар.

– Неужели ты влюбился?

– Я же сказал, только поужинать, – покраснев, объяснил Бублански.

Эду это не нравилось. Но он знал правила игры. Это немного напоминало возвращение обратно в Дорчестер. Что угодно, только не сгибаться. Можно наносить сильные удары или психологически подавлять противника, молча и жестко борясь за власть, – и ему подумалось, почему бы и нет?

Если Лисбет Саландер хочет изображать крутую, он будет отвечать тем же, поэтому он уставился на нее, как боксер-тяжеловес на ринге. Однако это ему мало что дало.

Она уставилась в ответ стальным холодным взглядом, не произнося ни слова. Это напоминало дуэль, молчаливую, неподвижную дуэль, и Эду в конце концов она надоела. Все это казалось ему нелепым. Девица ведь разоблачена и уничтожена. Он раскрыл ее тайное имя и выследил ее, и ей надо радоваться тому, что он не заявился с тридцатью морскими пехотинцами и не схватил ее.

– Думаешь, что ты крутая, да? – сказал он.

– Я не люблю незваных гостей.

– А я не люблю людей, которые вторгаются в мою систему, так что мы квиты. Может, ты хочешь узнать, как я тебя нашел?

– Меня это не волнует.

– Я нашел тебя через твою компанию в Гибралтаре. Неужели так умно было называть ее «Уосп Энтерпрайзис»?

– Очевидно, нет.

– Для умной девчонки ты совершила необычайно много ошибок.

– Для умного мальчишки ты устроился работать в довольно гнилое место.

– Возможно, в довольно гнилое. Но мы необходимы. Нас окружает отвратительный мир.

– Особенно с такими парнями, как Джонни Ингрэм.

Этого Эд не ожидал. Действительно не ожидал. Однако не подал виду – это он тоже хорошо умел.

– Ты забавная, – сказал Эд.

– Забавнее некуда. Заказывать убийства и сотрудничать с негодяями из русской Думы, чтобы загребать огромные деньги и спасать собственную шкуру, – это действительно комично, правда? – проговорила Саландер.

Тут Нидхэм не смог сохранять далее непроницаемый вид даже в малейшей степени и на мгновение оказался почти не в силах думать. Откуда, черт возьми, она это взяла? У него потемнело в глазах. Но потом он сообразил – и пульс сразу немного замедлился, – что девчонка наверняка блефует, и если он хоть на секунду поверил ей, то лишь потому, что сам в худшие моменты представлял себе, будто Джонни Ингрэм виновен в чем-то подобном. Однако, навкалывавшись до потери сознания, Эд лучше всех знал, что никаких доказательств в этом направлении не существует.

– Не пытайся впаривать мне глупости, – сказал он. – Я владею тем же материалом, что ты, плюс еще кое-каким.

– Я в этом не так уверена, Эд, если только ты тоже не заполучил персональные ключи к RSA-алгоритму Ингрэма.

Эд Нидхэм посмотрел на нее, и его охватило ощущение нереальности. Ведь не могла же она разгадать шифр? Это невозможно. Даже он, со всеми имевшимися в его распоряжении ресурсами и экспертами, понял, что не стоит даже пытаться.

Но она утверждает… он отказывался верить. Наверное, это произошло каким-то иным путем. Может, у нее на самом деле имеется источник в ближайшем окружении Ингрэма? Нет, это столь же невероятно. Подумать дальше он не успел.

– Ситуация такова, Эд, – заговорила Оса новым, авторитарным тоном. – Ты сказал Микаэлю Блумквисту, что собираешься оставить меня в покое, если я расскажу, каким образом провела вторжение. Вполне возможно, что ты говоришь правду. Также возможно, что ты блефуешь или что тебя вообще не спросят, если ситуация изменится. Тебя могут выгнать с работы. Я не вижу никаких оснований доверять тебе или тем, на кого ты работаешь.

Эд набрал побольше воздуха и попытался нанести ответный удар.

– Я уважаю твою позицию, – ответил он. – Но, как это ни покажется тебе странным, я всегда держу слово. Не потому, что я особо приличный

человек – напротив, я мстительный псих, в точности как ты, детка. Но я бы не выжил, если б в серьезных ситуациях предавал людей – хочешь верь, хочешь нет. Однако в чем тебе не следует сомневаться, так это в том, что я превращу твою жизнь в ад, если ты не расколешься. При такой ситуации ты пожалеешь о том, что вообще родилась, можешь мне поверить.

– Хорошо, – сказала она. – Ты крутой парень. Но ты еще и гордый тип, согласен? Тебе хочется любой ценой добиться того, чтобы моя хакерская работа не вышла наружу. Но по этому поводу должна тебе, к сожалению, сообщить, что я довольно-таки подготовилась. Каждое слово об этом будет опубликовано еще до того, как ты просто успеешь схватить меня за руку, и хотя мне это на самом деле претит, я тебя унижу. Попробуй представить себе злорадство в Сети.

– Ты несешь ерунду!

– Я бы не выжила, если б несла ерунду, – продолжала она. – Я ненавижу общество наблюдения за всеми. С меня уже хватит Старшего Брата и его властей. Но я все-таки готова сделать для тебя одну вещь, Эд. Если ты будешь держать язык за зубами, я намерена снабдить тебя информацией, которая усилит твою позицию и поможет тебе очистить Форт-Мид от негодяев. О своей хакерской атаке я тебе ни черта не скажу – для меня это вопрос принципа. Но я могу дать тебе шанс отомстить тому паразиту, который помешал тебе меня схватить.

Эд просто неотрывно смотрел на стоящую перед ним странную женщину. А потом сделал то, что еще долго будет его удивлять.

Он захохотал.

Глава 31

2 и 3 декабря

Уве Левин проснулся в хорошем настроении в отеле «Замок Хэринге» после долгой конференции, посвященной оцифровыванию СМИ и завершившейся грандиозным банкетом, где шампанское и другие алкогольные напитки лились рекой. Правда, один мрачный неудачник, представитель профсоюза из норвежской газеты «Квельсбладет», выпалил, что банкеты «Сернер» «становятся дороже и шикарнее по мере того, как вы выгоняете все больше народа», и устроил маленькую сцену, приведшую к тому, что на шитый на заказ пиджак Уве попало красное вино.

Впрочем, Левин готов был с этим смириться, особенно потому, что сразу после полуночи увлек к себе в номер Натали Фосс. Натали была ревизором двадцати семи лет и чертовски сексуальной особой, и, невзирая на опьянение, Уве сумел овладеть ею как ночью, так и утром. Сейчас было уже девять часов, и мобильный телефон звякал и шумел, а Уве ощущал похмелье – свыше допустимого, учитывая все то, что ему предстояло сделать. С другой стороны, в этой дисциплине он боец. Его поговоркой было: «*Work hard, play hard*»[85]. И еще Натали, Господи!.. Скольким пятидесятилетним удается уложить в койку такую девушку? Не многим. Но сейчас надо вставать…

С ощущением головокружения и дурноты он, пошатываясь, пошел в туалет. После этого Уве занялся проверкой своего портфеля акций. По утрам, при похмелье, это обычно помогало ему начать день, поэтому он взял мобильный телефон, с помощью своего индивидуального идентификационного номера зашел в интернет-банк – и сначала ничего не понял. Наверное, произошла какая-то ошибка, техническая неполадка…

Его портфель обвалился, и, с дрожью просмотрев свои активы, Уве увидел нечто крайне странное. Его солидная доля в «Солифоне» словно бы улетучилась. Ничего не понимая, он в полной растерянности стал заходить на биржевые сайты и всюду обнаружил один и тот же текст:

> АНБ и «Солифон» заказали убийство профессора Франса Бальдера
>
> Разоблачение журнала «Миллениум» потрясло мир

Что именно он делал дальше, в его памяти не сохранилось. Вероятно, кричал, ругался и колотил кулаками по столу. Ему смутно помнилось, что Натали проснулась и поинтересовалась, что происходит. Совершенно точно Уве знал лишь, что долго стоял, согнувшись, над унитазом, и его рвало так, будто он был бездонным.

Письменный стол Габриэллы Гране в СЭПО был тщательно вычищен. Возвращаться сюда она больше не собиралась. Но сейчас все-таки ненадолго задержалась и, откинувшись на спинку стула, принялась читать «Миллениум». Первая страница выглядела не так, как она ожидала от журнала, представлявшего сенсацию столетия. Страница, в принципе, была красивой, черной и волнующей. Но фотографии на ней отсутствовали, а в самом верху было написано:

Памяти Андрея Зандера

А пониже:

> Убийство Франса Бальдера и рассказ о том, как русская мафия объединилась с АНБ и крупной американской компьютерной компанией

Вторая страница состояла из крупной фотографии Андрея, и хотя Габриэлла с ним никогда не встречалась, фотография ее глубоко тронула. Андрей выглядел красивым и немного хрупким. Улыбка казалась растерянной, нерешительной. В его облике целеустремленность сочеталась с неуверенностью. В тексте рядом, подписанном Эрикой Бергер, говорилось, что родителей Андрея убило бомбой в Сараево. Говорилось, что он очень любил журнал «Миллениум», барда Леонарда Коэна и роман Антонио Табукки «Утверждает Перейра». Он мечтал о большой любви и большой сенсации. Его любимыми фильмами были «Очи черные» Никиты Михалкова и «Реальная любовь» Ричарда Кёртиса. И хотя Андрей ненавидел людей, обижающих других, ему было трудно говорить о ком-нибудь плохо. Его репортаж о бездомных в Стокгольме Эрика считала классикой журналистики. Ее строки гласили:

> Когда я пишу это, у меня дрожат руки. Вчера нашего друга и коллегу Андрея Зандера нашли мертвым на грузовом судне в гавани Хаммарбю. Его пытали. Он очень сильно страдал. Эта

> боль останется в моем сердце на всю жизнь. Но я испытываю также и гордость.
>
> Я горжусь тем, что мне повезло работать с ним. Я никогда не встречала такого преданного своему делу журналиста и такого истинно доброго человека. Андрей прожил двадцать шесть лет. Он очень любил жизнь и журналистику. Он хотел разоблачать несправедливость и помогать обездоленным и отвергнутым. Его убили потому, что он хотел защитить маленького мальчика по имени Август Бальдер, и когда мы в этом номере разоблачаем один из крупнейших скандалов современности, мы каждым предложением чтим память Андрея. Микаэль Блумквист пишет в своем длинном репортаже: «Андрей верил в любовь. Он верил в лучший мир и в более справедливое общество. Он был лучшим из нас!»

Репортаж, растянувшийся в журнале более чем на тридцать страниц, представлялся Габриэлле Гране лучшим образцом публицистики из всего, что ей доводилось читать. И хотя она забыла о времени и пространстве и периодически у нее на глаза наворачивались слезы, она все-таки улыбнулась, дойдя до слов:

> Блистательный аналитик СЭПО Габриэлла Гране продемонстрировала исключительное гражданское мужество

Первоначальная история была достаточно проста. Группа, руководимая коммандером Джонни Ингрэмом – занимавшим следующую должность после начальника АНБ Чарльза О’Коннора и имевшим тесные контакты с Белым домом и Конгрессом, – начала использовать в собственных интересах известные АНБ секреты предприятий, и помогала ей в этом компания внешних аналитиков из научного отдела Y концерна «Солифон». Если бы история на этом заканчивалась, то это был бы скандал, который в каком-то смысле можно понять. Но когда в драму вступила криминальная группировка «Пауков», развитие событий приобрело зловещий характер. Микаэль Блумквист сумел доказательно изложить, каким образом Джонни Ингрэм начал сотрудничество с печально известным депутатом русской Думы Иваном Грибановым и таинственным руководителем «Пауков» Таносом и как они вместе воровали у высокотехнологичных предприятий идеи и новые технологии на астрономические суммы и продавали их дальше. Тем не менее всерьез

партнеры рухнули в моральную пропасть, когда на их след вышел профессор Франс Бальдер, и было решено, что его необходимо убрать с дороги, – и это, разумеется, самое непостижимое во всей истории. Один из самых высоких начальников АНБ знал о том, что выдающегося шведского ученого собираются убить, – и не пошевелил пальцем для того, чтобы этому воспрепятствовать.

Вместе с тем больше всего – и здесь Микаэль Блумквист проявил свое величие – Габриэллу захватило описание не политического грязного белья, а человеческой драмы и досадного понимания того, что мы живем в новом, безумном мире, где следят за всем, за большим и малым, и где то, что может принести доход, постоянно используется.

Закончив чтение, Габриэлла заметила, что кто-то стоит в дверях. Это была Хелена Крафт, одетая столь же эффектно, как и всегда.

– Здравствуй, – сказала она.

Габриэлла не могла не вспомнить о том, как подозревала Хелену в выдаче информации о расследовании. Но это были лишь надуманные страхи. То, что она ошибочно приняла за стыд виновного, оказалось проявлением чувства вины за то, что расследование велось непрофессионально – во всяком случае, так сказала Хелена во время их долгого разговора после того, как Мортен Нильсен во всем сознался и был арестован.

– Здравствуйте, – ответила Габриэлла.

– Не могу выразить, как я огорчена, что ты уходишь, – продолжила Хелена.

– Всему свое время.

– Ты уже имеешь представление, что будешь делать?

– Я переезжаю в Нью-Йорк. Хочу заняться правами человека – а меня, как вы знаете, уже давно приглашали в ООН.

– Для нас это очень грустно, Габриэлла. Но ты этого достойна.

– Значит, мое предательство забыто?

– Не всеми, можешь быть уверена. Но я рассматриваю это только как признак твоей хорошей натуры.

– Спасибо, Хелена.

– Ты собираешься перед уходом сделать у нас еще что-нибудь толковое?

– Не сегодня. Я пойду в пресс-клуб на встречу, посвященную памяти Андрея Зандера.

– Замечательно. Я должна доложить правительству обо всей этой неразберихе. Но вечером обязательно выпью бокал за юного Зандера, а

также за тебя, Габриэлла.

Алона Касалес сидела на расстоянии и наблюдала панику с тайной усмешкой. Прежде всего она рассматривала адмирала Чарльза О’Коннора, ступавшего по полу так, будто он вовсе не руководитель самой могущественной разведывательной организации мира, а пристыженный школьник. С другой стороны, сегодня все начальники АНБ выглядели пристыженными и жалкими – все, кроме, разумеется, Эда.

Вообще-то, Эд тоже не казался радостным. Он размахивал руками, потный и желчный. Однако он вовсю козырял своим обычным авторитетом, и было заметно, что его побаивается даже О’Коннор. Собственно говоря, неудивительно. Эд вернулся из Стокгольма с поистине взрывным материалом, устроил страшный разнос и потребовал разборок и улучшений на всех уровнях, и руководитель АНБ, естественно, не был ему слишком благодарен. Вероятно, ему больше всего хотелось сразу отправить Эда в Сибирь.

Тем не менее О’Коннор ничего не мог поделать. Приблизившись к Эду, он весь съежился, а тот – довольно типично – даже не удосуживался поднять глаз. Нидхэм игнорировал руководителя АНБ так же, как обычно игнорировал всех бедолаг, на которых у него не было времени, и никто бы не взялся утверждать, что для О’Коннора ситуация улучшилась, когда разговор все-таки начался.

Эд, похоже, в основном фыркал, и хотя Алона не слышала ни слова, она довольно хорошо понимала, что говорилось, или, вернее, что не говорилось. У них с Эдом состоялось несколько долгих бесед, и она знала, что он категорически отказывается сообщать, откуда взял информацию, и вообще не намерен отступаться ни по одному пункту, – и она чувствовала, что ей это нравится.

Эд продолжал играть по-крупному, и Алона торжественно поклялась сражаться за добропорядочность в агентстве и оказывать Нидхэму любую доступную ей поддержку, если у него возникнут проблемы. Она также поклялась позвонить Габриэлле Гране и предпринять последнюю попытку пригласить ее в ресторан, если Габриэлла действительно едет сюда.

На самом деле Эд игнорировал руководителя АНБ не сознательно. Но он не прервал того, чем занимался, – не перестал поносить двух своих подручных, – только потому, что перед ним стоит адмирал, и только минуту спустя обернулся и произнес нечто довольно любезное – не из-за того, что хотел загладить или компенсировать пренебрежение, а поскольку действительно так считал.

– Ты хорошо справился с пресс-конференцией.

– Неужели? – ответил адмирал. – Но это был кошмар.

– Тогда радуйся тому, что я дал тебе время подготовиться.

– Радоваться! Ты в своем уме? Ты видел в Интернете газеты? Там опубликованы все существующие фотографии, где я снят вместе с Ингрэмом. Я чувствую себя по уши в грязи.

– Тогда в дальнейшем, черт подери, лучше следи за своими приближенными.

– Как ты смеешь со мной так разговаривать?

– Я буду разговаривать, как мне вздумается. В нашей фирме кризис, а я отвечаю за безопасность, и у меня нет времени, чтобы рассыпаться в любезностях, да мне за это и не платят.

– Попридержи язык… – начал руководитель АНБ.

Однако он осекся, когда медведеподобная фигура внезапно поднялась – то ли Эд хотел размять спину, то ли продемонстрировать свою значимость.

– Я посылал тебя в Стокгольм, чтобы ты в этом разобрался, – продолжил адмирал. – Но когда ты вернулся, все превратилось в сущий ад. В полную катастрофу.

– Катастрофа произошла раньше, – прошипел Эд. – Ты знаешь это не хуже меня. И если бы я не поехал в Стокгольм и не вкалывал там до потери сознания, у нас не было бы времени выстроить разумную стратегию, – и, честно говоря, возможно, именно поэтому тебе все-таки удалось сохранить должность.

– Ты хочешь сказать, что я еще должен быть тебе благодарен?

– Конечно! Ты успел выгнать своих говнюков до публикации.

– Но как это дерьмо попало в шведский журнал?

– Я уже тысячу раз объяснял.

– Ты говорил о своем хакере. Но я слышал только догадки и разную болтовню.

Эд пообещал Осе не впутывать ее в этот цирк – и собирался сдержать обещание.

– В таком случае болтовню чертовски квалифицированную, – ответил он. – Хакер, кто бы он там, черт возьми, ни был, вероятно, взломал файлы Ингрэма и сдал их «Миллениуму». Я согласен, что это плохо; но знаешь, что самое ужасное?

– Нет.

– Самое ужасное, что у нас был шанс схватить хакера, отрезать ему яйца и пресечь утечку информации. Но потом нам приказали прекратить

исследование, и никто не может сказать, что ты меня особенно поддержал.

– Я послал тебя в Стокгольм.

– Но моих парней ты отправил отдыхать, и вся наша охота резко оборвалась. А теперь следы заметены. Конечно, мы можем снова начать поиски. Но будет ли нам в данной ситуации польза, если станет ясно, что какой-то маленький сраный хакер обставил нас по всем статьям?

– Пожалуй, нет… Но я намерен крепко ударить по «Миллениуму» и этому репортеру Блумстрёму, можешь не сомневаться.

– Он вообще-то Блумквист, Микаэль Блумквист, – и, конечно, давай. Я лишь пожелаю тебе удачи. Уровень твоей популярность наверняка взлетит, если ты сейчас вторгнешься на шведскую почву и схватишь главного героя журналистского корпуса, – сказал Эд.

Руководитель АНБ, пробормотав нечто неразборчивое, удалился прочь.

Нидхэм так же хорошо, как любой другой, знал, что адмирал не схватит никакого шведского журналиста. Чарльз О’Коннор боролся за собственное политическое выживание и не мог позволить себе никаких рискованных выпадов. Эд решил лучше пойти и поболтать с Алоной. Он устал надрываться. Ему требовалось сделать что-нибудь безответственное, и он решил предложить ей пройтись по кабакам.

– Давай пойдем и выпьем за все это дерьмо, – предложил он с улыбкой.

Ханна Бальдер стояла на пригорке неподалеку от отеля «Замок Эльмау». Слегка подтолкнув Августа в спину, она смотрела, как он мчится вниз по склону на старомодных деревянных саночках, которые ей одолжили в гостинице. Когда сын остановился внизу, возле коричневого сарая, она стала спускаться к нему, в ботинках со шнуровкой. Хотя выглядывало солнце, шел небольшой снег. Было почти безветренно. Вдали устремлялись в небо вершины Альп, а перед нею открывались необъятные просторы.

Никогда в жизни Ханна не жила так роскошно, да и Август успешно восстанавливался – не в последнюю очередь благодаря усилиям Чарльза Эдельмана. Однако это не облегчало ее ситуацию. Чувствовала она себя отвратительно. Даже сейчас, на пригорке, женщина дважды останавливалась и хваталась за грудь. Отвыкание от таблеток – а все они принадлежали к классу бензодиазепинов – проходило тяжелее, чем она могла себе представить, и по ночам Ханна лежала, свернувшись точно креветка, и видела свою жизнь в самом беспощадном свете. Иногда она

вставала, колотила кулаком по стене и плакала, тысячу и один раз проклиная Лассе Вестмана и саму себя.

Но тем не менее бывали моменты, когда она чувствовала себя на удивление очищенной и ощущала короткие приступы чего-то, в какой-то мере напоминавшего счастье. Случались мгновения, когда Август, сидя за своими уравнениями и сериями цифр, иногда отвечал на ее вопросы, правда, односложно и странно, – и ей казалось, что что-то действительно начинает меняться.

До конца она сына, конечно, не понимала. Он по-прежнему представлял для нее загадку. Иногда говорил цифрами, большими числами, возведенными в такую же большую степень, и, похоже, предполагал, что она его поймет. Впрочем, что-то, несомненно, произошло… Ей никогда не забыть, как Август в первый день сидел за письменным столом у них в номере и с легкостью писал длинные витиеватые уравнения, которые она фотографировала и отсылала женщине в Стокгольм. Поздно вечером в тот день на телефон Ханны пришло сообщение:

Передай Августу, что мы разгадали код!

Ханна никогда не видела сына таким счастливым и гордым, как тогда, и хотя она так и не поняла, о чем шла речь, и не сказала об этом происшествии ни слова даже Чарльзу Эдельману, для нее оно имело большое значение. Она тоже начала испытывать гордость, безмерную гордость.

Ханна также прониклась глубоким интересом к синдрому саванта, и, пока Эдельман находился в гостинице, они, когда Август засыпал, часто сидели до поздней ночи, разговаривая о способностях сына и обо всем прочем.

Правда, мысль о том, чтобы улечься с Чарльзом в постель, представлялась ей не слишком удачной. С другой стороны, особенно плохой она Ханне тоже не представлялась. Эдельман напоминал ей Франса, и она думала, что они все вместе начинают воспринимать себя маленькой семьей; она, Чарльз, Август, чуть строгая, но все равно милая учительница Шарлот Гребер и датский математик Йенс Нюруп, который, посетив их, констатировал, что мальчик почему-то зациклен на эллиптических кривых и факторизации натуральных чисел.

Пребывание здесь в каком-то смысле становилось для нее познавательным путешествием в странный мир сына, и когда Ханна под легким снегопадом спустилась с пригорка, а Август встал с саночек,

женщина впервые за целую вечность почувствовала: она станет хорошей матерью и наведет порядок в своей жизни.

Микаэль не понимал, почему ощущает в теле такую тяжесть. Казалось, будто он передвигается в толще воде. При этом вокруг бушевало дикое волнение, в каком-то смысле головокружение от победы. Почти каждая газета и радиостанция, каждый сайт и телевизионный канал рвались взять у него интервью. Он ни на что не соглашался, да этого и не требовалось. Когда раньше «Миллениум» публиковал сенсационную новость, случалось, что они с Эрикой бывали не уверены, подхватят ли эту новость другие медийные компании, и им приходилось мыслить стратегически – выступать на нужных форумах и иногда немного делиться своим материалом. Сейчас ни в чем подобном нужды не было. Новость пробивала себе дорогу сама, а когда руководитель АНБ Чарльз О’Коннор и министр торговли США Стелла Паркер на совместной пресс-конференции долго просили прощения за все происшедшее, исчезли последние сомнения в том, что история эта преувеличена или выдумана, и в настоящий момент в передовицах всего мира горячо обсуждались последствия разоблачения.

Но, несмотря на бум и неумолкающие телефоны, Эрика решила наскоро устроить в редакции праздник – этакий прием. Она считала, что они все заслужили того, чтобы ненадолго сбежать от всей этой шумихи и выпить по бокалу-другому. Первый тираж в пятьдесят тысяч экземпляров был распродан еще накануне, а число посетителей домашней страницы, имевшей также английскую версию, уже достигло нескольких миллионов. Непрерывно поступали предложения заключить договор на книгу, количество подписчиков росло с каждой минутой, а рекламодатели стояли в очереди.

Кроме того, доля холдинга «Сернер Медиа» была выкуплена. Невзирая на невероятную загруженность работой, Эрика сумела несколькими днями раньше завершить сделку. Далось это, однако, нелегко. Представители «Сернер» чувствовали ее отчаяние и максимально использовали его, и какое-то время они с Микаэлем думали, что ничего не выйдет. Только в последний момент, когда поступила солидная сумма от таинственной компании из Гибралтара, вызвавшая у Блумквиста улыбку, им все-таки удалось выкупить долю норвежцев. Принимая во внимание тогдашнюю ситуацию, цена была, конечно, неприлично высокой. Но сутками позже – когда журнал опубликовал эксклюзивную информацию и торговая марка «Миллениума» взлетела – ее можно было рассматривать как мелкие расходы. Поэтому теперь они снова оказались свободны и независимы, хотя

едва ли еще успели это прочувствовать.

Даже на вечере памяти Андрея в Пресс-клубе от них не отставали журналисты и фотографы, и хотя все они, без исключения, стремились поздравить «миллениумцев», Микаэль чувствовал себя подавленным и загнанным в угол и поэтому отвечал вовсе не столь приветливо, как ему хотелось бы; он продолжал плохо спать и страдать от головных болей.

На следующий день вечером мебель в редакции переставили. На сдвинутых письменных столах появилось шампанское, вино, пиво и еда из японского ресторана. Начал собираться народ: прежде всего, конечно, постоянные и временные сотрудники, а также друзья журнала, и среди них Хольгер Пальмгрен, которого Микаэль встретил прямо внизу, чтобы помочь ему зайти в лифт, а потом выйти. Блумквист несколько раз крепко обнял старика.

– Наша девочка справилась, – сказал Хольгер со слезами на глазах.

– Ей это свойственно, – с улыбкой ответил Микаэль.

Он усадил Пальмгрена на почетное место – на редакционном диване, и распорядился, чтобы ему доливали в бокал, как только тот чуть-чуть опустеет.

Приятно было видеть его здесь. Приятно было видеть всех старых и новых друзей – например, Габриэллу Гране и комиссара Бублански. Последнего, возможно, и не следовало приглашать, принимая во внимание их профессиональные отношения и положение «Миллениума» как независимого наблюдателя за действиями полиции. Но Микаэль настоял на том, чтобы его позвали, и Бублански, к всеобщему удивлению, весь праздник простоял, разговаривая с профессором Фарах Шариф.

Блумквист чокнулся с ними и со всеми остальными. Он был одет в джинсы и свой лучший пиджак и, против обыкновения, довольно много пил. Правда, это не особенно помогало. Микаэль не мог отделаться от ощущения пустоты и тяжести, что, естественно, было связано с Зандером. Андрей присутствовал в его мыслях каждую секунду. Сцена, когда тот сидел в редакции и чуть было не согласился пойти выпить с ним пива, врезалась в его сознание как будничное и в то же время решающее мгновение жизни. Воспоминания об Андрее всплывали непрерывно, и Микаэль с трудом концентрировался на разговорах.

Его утомляли все хвалебные и лестные слова – всерьез тронуло его только сообщение от Перниллы: «*Папа, ты, конечно, пишешь по-настоящему*», – и время от времени он посматривал на дверь. Лисбет, разумеется, пригласили, и она, естественно, стала бы почетным гостем, если б пришла. Но она не появлялась, и удивляться этому, конечно, не

приходилось. Однако Микаэлю хотелось хотя бы поблагодарить ее за великодушную помощь в конфликте с «Сернер». С другой стороны, как он мог от нее чего-то требовать?

Ее сенсационные документы об Ингрэме, «Солифоне» и Грибанове дали ему возможность распутать всю историю и даже вынудили Эда-Кастета и самого Николаса Гранта из «Солифона» добавить ему еще деталей. Но Лисбет он с тех пор слышал один-единственный раз, когда, насколько это удавалось, расспрашивал ее через приложение Redphone о событиях в доме на Ингарё.

Все это было неделю назад, и Микаэль не имел представления о том, понравился ли ей его репортаж. Возможно, она рассердилась за то, что он слишком драматизировал ситуацию – а что ему еще оставалось делать при ее немногословных ответах? Или же она разозлилась за то, что он не назвал Камиллу по имени, а говорил исключительно о шведско-русском персонаже, именуя его Таносом или Алкемой; или же она вообще разочарована тем, что он не наехал на них жестче и не поддал им еще больше. Определить это было нелегко. Ситуация еще усугублялась тем, что главный прокурор Рикард Экстрём, похоже, действительно взвешивал возможность привлечь Лисбет к судебной ответственности за незаконное лишение свободы другого человека и самоуправство. Но как есть, так есть, и под конец Микаэль плюнул на все и, даже не попрощавшись, покинул праздник и вышел на Гётгатан.

Погода, разумеется, стояла чудовищная, и, за неимением лучшего, Блумквист стал просматривать в телефоне новые смс-сообщения. Количество их просто не поддавалось обозрению. Тут были поздравления, вопросы интервьюеров и парочка непристойных предложений. Но, естественно, ничего от Лисбет. Микаэль немного побурчал по этому поводу, затем отключил телефон и пошел домой тяжелым шагом – на удивление тяжелым для человека, только что представившего сенсацию столетия.

Лисбет сидела на красном диване в квартире на Фискаргатан, устремив пустой взгляд в сторону Старого города и залива Риддарфьерден. Охоту за сестрой и криминальным наследием отца она начала чуть более года назад и, безусловно, во многих отношениях преуспела.

Она выследила Камиллу и нанесла серьезный удар по «Паукам». Их связи с «Солифоном» и АНБ разорваны. У депутата Думы Ивана Грибанова серьезные неприятности в России, Камиллин киллер мертв, а ее главный подручный Юрий Богданов и несколько других компьютерных инженеров

объявлены в розыск и вынуждены уйти в подполье. Но тем не менее Камилла жива – вероятно, она сбежала из страны и имеет возможность зондировать почву и выстраивать новые планы… Еще ничего не кончено. Лисбет только подранила дичь, а этого недостаточно.

Она мрачно перевела взгляд на стоявший перед ней журнальный столик. На нем лежали пачка сигарет и непрочитанный номер «Миллениума». Лисбет взяла журнал – и снова опустила. Потом опять взяла его и прочла длинный репортаж Микаэля. Дойдя до последнего предложения, она некоторое время рассматривала его свежую фотографию под статьей. Затем резко встала, пошла в ванную, накрасилась, затем натянула облегающую черную футболку и кожаную куртку – и вышла на улицу, в декабрьский вечер.

Саландер мерзла, поскольку была до идиотизма легко одета. Но ее это не слишком заботило. Она быстрым шагом направилась в сторону площади Мариаторгет, свернула налево, на Сведенборгсгатан, зашла в ресторан «Зюд», уселась в баре и принялась пить виски вперемешку с пивом. Поскольку часть посетителей составляли журналисты и люди, имевшие отношение к культуре, было неудивительно, что многие ее узнавали, и она вполне предсказуемо стала предметом споров и наблюдений. Гитарист Юхан Норберг, который в своих хрониках в журнале «Ви» прославился тем, что обращал внимание на мелкие, но существенные детали, подумал, что Лисбет пила так, будто не наслаждалась, а скорее рассматривала данный процесс как работу, которую хотела поскорее завершить.

В ее действиях присутствовала какая-то невероятная целеустремленность, и никто, похоже, не решался к ней подойти. Женщина по имени Регина Рихтер – специалист по когнитивно-поведенческой терапии, сидевшая за столиком в глубине зала, – даже задалась вопросом, замечает ли Саландер вообще хоть одно лицо в ресторане. Во всяком случае, Регина не могла припомнить, чтобы Лисбет хотя бы взглянула в зал или проявила к чему-нибудь малейший интерес. Бармен Стеффе Мильд подумал, что Лисбет готовится к какой-нибудь боевой операции – к нанесению удара.

В 21.15 она расплатилась наличными и вышла, не произнеся ни слова и никому не кивнув. Мужчина средних лет в бейсболке, по имени Кент Хёк, который был не совсем трезв и не слишком надежен, если верить его бывшим женам и почти всем друзьям, видел, как она пересекала Мариаторгет с таким видом, будто «направлялась на дуэль».

Несмотря на холод, Микаэль Блумквист шел домой медленно,

погруженный в мрачные мысли. Впрочем, он улыбнулся, увидев перед «Бишопс Армс» старых завсегдатаев.

– Значит, твои дела все-таки еще не идут под гору! – завопил Арне или как там его звали.

– Пожалуй, еще не совсем, – ответил Микаэль, на секунду задумавшись, не завершить ли ему вечер пивом в пабе и не потрепаться ли немного с Амиром.

Но он чувствовал себя слишком несчастным. Ему хотелось побыть одному, поэтому Блумквист пошел дальше к своему подъезду. Когда он поднимался по лестнице, его охватило какое-то неприятное ощущение – вероятно, вследствие всего пережитого. Он попробовал отмахнуться от него. Однако тревожное чувство не уходило, особенно когда он понял, что на верхнем этаже перегорела лампочка.

Наверху было совершенно темно. Блумквист замедлил шаг и вдруг что-то уловил – движение, как ему подумалось. В следующее мгновение что-то блеснуло – слабая полоска света, как от телефона, – и неотчетливо, точно призрак, на площадке лестницы проступила худенькая фигура с мрачным, сверкающим взглядом.

– Кто здесь? – с испугом спросил Микаэль.

Но тут он увидел: это была Лисбет.

Сперва Блумквист просиял и распахнул объятия, но сразу же понял, что поспешил с этим. Лисбет выглядела озлобленной. Глаза у нее были накрашены черным, а тело казалось напрягшимся, точно перед нападением.

– Ты сердита? – спросил он.

– Довольно-таки.

– Почему, друг мой?

Лисбет со сверкающим взором и бледным лицом шагнула вперед, и Микаэль на мгновение подумал про ее рану.

– Потому что я прихожу в гости, а никого даже нет дома, – сказала она.

Тогда Блумквист подошел к ней ближе и спросил:

– Прямо-таки скандал, не так ли?

– Я считаю, да.

– А если я сейчас приглашу тебя войти?

– Тогда я, вероятно, буду вынуждена согласиться.

– Тогда мне остается сказать: добро пожаловать, – сказал Микаэль, и впервые за долгое время его лицо расплылось в широкой улыбке.

Снаружи на ночном небе упала звезда…

Благодарности автора

Я выражаю глубокую благодарность своему агенту Магдалене Хедлунд, отцу и брату Стига Ларссона – Юакиму и Эрланду Ларссонам, моим издателям Эве Йедин и Сусанне Романус, редактору Ингемару Карлссону, а также Линде Альтров Берг и Катерине Мёрк из «Норстедтс Эдженси».

Спасибо также Дэвиду Джейкоби, специалисту по безопасности из «Лаборатории Касперского», Андреасу Стрёмбергссону, профессору математики Упсальского университета, Фредрику Лаурину, руководителю расследований программы «Экот», Микаэлю Лагстрёму, VP services в компании «Outpost 24», писателям Даниэлю Голдбергу и Линусу Ларссону, а также Менахему Харари.

И, разумеется, моей Анне.

---

notes

Примечания

1

Сальтшёбаден – пригородный район Стокгольма с частными домами. (*Здесь и далее прим. пер.*)

2

Сёдер – один из центральных районов Стокгольма.

3

От Шлюза ходит электричка в Сальтшёбаден.

4

Гей Телиз (р. 1932) – американский писатель и журналист, известный своими репортажами в журнале «Эсквайр». Его репортаж «Фрэнк Синатра простудился» был признан лучшей публикацией журнала.

5

Норман Мейлер (1923–2007) – американский писатель, журналист, кинорежиссер; Трумен Капоте (1924–1984) – американский писатель; Том Вулф (р. 1931) – американский журналист и писатель, пионер направления «новая журналистика» в литературе.

6

Решают деньги, а не дешевая болтовня (слова известной песни, *англ*.).

7

Бископс Арнё – известная в Швеции народная школа со специализацией «писательское мастерство». Такие учебные заведения позволяют получить образование уровня гимназии или пройти какую-то специализацию.

8

Шведская сеть кофеен, работающая в странах Балтийского региона.

9

«Экот» – новостная редакция Шведского радио.

10

Ладно (*англ.*).

11

Густав Фрёдинг (1860–1911) – шведский поэт. Фраза из стихотворения «Скальд Веннербум» приведена в переводе В. Потаповой.

12

AI – сокращенное наименование искусственного интеллекта.

13

СЭПО – Служба государственной безопасности Швеции.

14

Коллективный разум (*англ.*).

15

Remote Administration Tool – средство удаленного администрирования, именуемое на сетевом жаргоне «крысой» (*англ.*).

16

Так по-шведски звучит имя героини книги А. Линдгрен «Пеппи Длинныйчулок».

17

Пеппи Длинныйчулок жила на вилле под названием Виллекулла.

18

«Шведские демократы» – правоконсервативная политическая партия, выступающая за ограничение иммиграции в Швецию неевропейского населения.

19

Экерё – остров, расположенный неподалеку от Стокгольма.

20

«Трахальщики» (*англ.*).

21

RSA – криптографический алгоритм с открытым ключом, основывающийся на вычислительной сложности задачи факторизации больших целых чисел.

22

Специальный аккаунт, владелец которого имеет право на проведение всех без исключения операций.

23

«Человек дождя» – знаменитый американский фильм, главный герой которого страдает аутизмом (савантизмом).

24

Юшхольм – район Стокгольма, где проживает состоятельная публика.

25

Процесс завершен! (*англ.*)

26

Zero day (*англ.*) – уязвимость нулевого дня (вредоносные программы, против которых еще не разработаны защитные механизмы).

27

Куотербек – ключевой игрок в составе нападающих команды по американскому футболу.

28

«Песочница» – в компьютерной безопасности специально выделенная среда для безопасного исполнения компьютерных программ.

29

Гордон Гекко – персонаж фильмов «Уолл-Стрит» и «Уолл-Стрит-2» в исполнении М. Дугласа.

30

Норвежская телекоммуникационная компания.

31

Совершенно секретно, не подлежит передаче иностранным союзникам (*англ.*).

32

«Резюме» – шведский журнал, посвященный медийным и маркетинговым коммуникациям; «Дагенс медиа» – шведская газета и интернет-сайт, посвященные рекламному бизнесу и СМИ.

33

Предайте огласке (*англ.*).

34

Шведский государственный медицинский университет, один из крупнейших в Европе, находится в пригороде Стокгольма.

35

«Голдман Сакс» (Goldman Sachs) – один из крупнейших в мире коммерческих банков.

36

Сёдертелье – пригород Стокгольма.

37

«Любовный треугольник» (*фр.*).

38

Марка итальянского красного сухого вина.

39

Культовая песня группы «Роллинг стоунз».

40

Имеется в виду поединок за звание чемпиона мира между Мохаммедом Али и Джорджем Форманом, состоявшийся 30 октября 1974 г.

41

Али, убей его! (*язык лингала*)

42

Не мели чушь (*англ.*).

43

Зингер Исаак Башевис (1904–1991) – американский еврейский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1978 г.

44

Намек на роман Джеймса Бэмфорда «Дворец головоломок: отчет про АНБ, самое засекреченное американское агентство».

45

«Коммуникация ближнего поля», «ближняя бесконтактная связь» (*англ.*) – технология беспроводной высокочастотной связи малого радиуса действия, которая дает возможность обмена данными между устройствами, находящимися на расстоянии около 10 см.

46

Эстермальм – район Стокгольма, где живут состоятельные люди.

47

Сильный искусственный интеллект (*англ.*).

48

Искусственный суперинтеллект (*англ.*).

49

Вернор Стеффан Виндж (р. 1944) – американский писатель-фантаст.

50

Рэймонд Курцвейл (р. 1948) – известный американский изобретатель и футуролог.

51

Полеты на Луну (*англ.*).

52

Стуреплан – площадь в Стокгольме, вокруг которой расположены дорогие магазины и рестораны.

53

Грета Гарбо (1905–1990) – знаменитая шведская и американская актриса.

54

Дорогой ресторан в центре Стокгольма.

55

Катринехольм – небольшой городок, расположенный к югу от Стокгольма.

56

Веллингбю – далеко не самый престижный район в пригороде Стокгольма.

57

Не болтай чепуху (*англ.*).

58

Прости, детка. Твой ферзь бит! (*англ.*)

59

Гарри Гудини (1874–1926) – американский иллюзионист и гипнотизер, прославившийся, в частности, сложными трюками с побегами и освобождениями.

60

«Движение чаепития» (*англ.* Tea Party movement) – консервативно-либертарианское политическое движение в США, возникшее в 2009 г. как серия протестов, скоординированных на местном и национальном уровне, вызванных, в частности, актом 2008 г. о чрезвычайной экономической стабилизации и рядом реформ в области медицинского страхования.

61

«Сюрианска» – шведский профессиональный футбольный клуб из Сёдертелье.

62

Авичи – сценическое имя шведского диджея и музыкального продюсера Тима Берлинга (р. 1989).

63

Имеется в виду знаменитый ямайский спринтер Усэйн Болт, многократный чемпион мира и Олимпийских игр, действующий обладатель мировых рекордов на дистанциях 100 и 200 м.

64

Хук (от *англ.* hook – крючок) – часть песни или композиции, которая особенно запоминается и нравится слушателю.

65

В русском переводе «Осы».

66

Белые англосаксонские протестанты (*англ.*).

67

Разновидность кроссовок, спортивной или полуспортивной обуви.

68

Фраза «можно забрать парня из гетто, но нельзя забрать гетто у парня» принадлежит известному футболисту Златану Ибрагимовичу и цитируется в книге Д. Лагеркранца «Я – Златан Ибрагимович».

69

В шведских ежедневных газетах эти комиксы одно время публиковались под названием «Драгос».

70

То, что не убивает меня, делает меня сильнее (*нем.*).

71

Шведское название первого тома трилогии С. Ларссона – «Мужчины, которые ненавидят женщин».

72

Двойник (*англ.* букв. злой близнец). Точнее он называется evil twin, а в России более распространен немецкий термин «доппельгангер» (Doppelgänger); в литературе эпохи романтизма это двойник человека, появляющийся как темная сторона его личности или как антитеза ангелу-хранителю.

73

Убирайтесь! Вам же хуже будет (*англ.*).

74

Юшхольм – район Стокгольма с частными домами.

75

Катаринахиссен – подъемник со смотровой площадкой, расположенный в центре Стокгольма, рядом со Шлюзом.

76

Эверт Тоб (1890–1976) – популярный шведский поэт, композитор, бард.

77

Центр Радиоэлектронной разведки (*англ.*).

78

Сеть АНБ (*англ.*).

79

Отправлено по электронной почте в полицию 04.22! (*англ.*)

80

Они были сестрами (*англ.*).

81

Моя душа взята в плен рисунком (*искаж. англ.*).

82

В Швеции обладатели двойных имен нередко предпочитают, чтобы их называли только первыми буквами этих имен.

83

Скансен – музей под открытым небом в Стокгольме.

84

Антикризисные меры (*англ.*).

85

«Трудись до упора, играй жестко» (*англ.*); песня американского рэпера Уиз Халифы.